www.koob.ru

Маслоу Абрахам Гарольд.
Дальние пределы человеческой психики
/ Перев. с англ. А. М. Татлы-
баевой. Научи, ред., вступ. статья и коммент. Н. Н. Акулиной. -СПб.: Евразия,
1999.-432с.

Abraham Harold Maslow

THE FARTHER
REACHES OF
HUMAN
NATURE

PENGUIN BOOKS
1971

Абрахам Гарольд Маслоу

ДАЛЬНИЕ
ПРЕДЕЛЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ПСИХИКИ

^"РАЗ"!"!

Санкт-Петербург
1999

За помогць в осуществлении издания данной книги
издательство <Евразия> благодарит

Кипрушкина
Вадима Альбертовича

Маслоу Абрахам Гарольд.

Дальние пределы человеческой психики / Перев. с англ. А. М. Татлы-
баевой. Научи, ред., вступ. статья и коммент. Н. Н. Акулиной. -СПб.: Евразия,
1999.-432с.

ISBN 5-8071-0018-2

Данная книга представляет собой второе, исправленное издание итогово-
го труда А.Г. Маслоу, посвященного созданной им теории самоактуализации. В
основании данной теории лежит различие между низшими (несовершенными) и
высшими (растущими) потребностями.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей
и теорией психологии, науками о человеке.

ISBN 5-8071-0018-2

с Татлыбаева А. М., перевод с англ., 1997
с Лосев П. П., оформление, 1999
с Издательство <Евразия>, 1999

На путях вочеловечивания человека

Часть I. ЗДОРОВЬЕ И ПАТОЛОГИЯ

1.0 гуманистической биологии

2. Неврозы как ошибка личностного развития

3. О самоактуализации и о том, что выходит
за ее пределы

Часть П. КРЕАТИВНОСТЬ

4. Креативность и готовность к ней

5. Холистичный подход к творчеству

6. Эмоциональные преграды креативности

7. Потребность в креативных людях

Часть Ш. ЦЕННОСТИ

8. Слияние действительного и ценностного

9. Заметки по психологии Бытия

10. Документы симпозиума по проблеме
человеческих ценностей

Часть IV. ОБРАЗОВАНИЕ

11. Познающий и познаваемое

12. Обучение и высшие переживания

13. Цель и значение гуманистического образования

Часть V. ОБЩЕСТВО

14. Синергизм в обществе и в человеке 211

15. Вопросы для нормативного социального психолога 224

16. Синанон и Евпсихея 238

17. О евпсихичном управлении 249
18.0 низших жало бах, высших жалобах и мета-жалобах 251

Часть VI. ВЫСШЕЕ ПОСТИЖЕНИЕ

19. Заметки о наивном познании 263

20. Дальнейшие заметки о познании 271

Часть VII. ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ И
ПСИХОЛОГИЯ БЫТИЯ

21. Различные значения трансценденции 281

22. Теория Зет 292

Часть VIII. МЕТАМОТИВАЦИЯ

23. Теория метамотивации: биологические корни

высших ценностей 313

www.koob.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А: Комментарии к работе <Religions,

Values, and Peak-Experiences> 357

Приложение В: Некоторые аналогии между

сексуально-доминантным поведением низших

приматов и фантазиями пациентов

при психотерапии (А. Г. Маслоу,

Х. Рэнд, С, Ньюмен) 365

Приложение С: Подростковая и юношеская
делинквентность в двух разных культурах
(А. Г. Маслоу, Р. Диас-Гуэро) 383

Приложение D: Критерии для отнесения потребностей

в разряд инстинктоподобных 393

Приложение Е: Абрахам Г. Маслоу:

Библиография 405

Примечания 416
Библиография 424

На путях
вочеловечивания
человека

Абрахам Гарольд Маслоу родился в 1908 г. в Нью-Йорке, США. Годичный курс аспирантуры в городском колледже Нью-Йорка и Корнельском университете стимулировал интерес Маслоу к психологии. В 1928 г. он перевелся в Висконсинский университет, где специализировался по психологии. Оказавшие на Маслоу наибольшее влияние преподаватели были бихевиористы: Кларк Халл, Норман Камерон, Уильям Шелдон и Гарри Харлоу. Его диссертационное исследование по доминантноеТ и сексуальности у приматов было сделано под руководством Харлоу.

После двухгодичной работы ассистентом у Торндайка в Колумбийском колледже Маслоу занял место преподавателя в Бруклинском колледже и оставил его только в 1951 г.

За годы, проведенные в Колумбийском и Бруклинском колледжах, Маслоу общался с большим количеством ученых, преимущественно связанных с Колумбийским университетом и Новой Школой Социальных Исследований. Он познакомился с Фроммом, Коффкой, Вертхаймером, Хорни, с Салливаном, Бенедикт, Хоркхеймером, Кардинером, Адлером, Гольдштейном, Анш-

бахером и попал под влияние их идей.

В конце 30-х гг. Маслоу проводил антропологические исследования в индейской резервации и написал раздел межкультурной психологии в книгу Росса Стагнера <Психология личности>. В середине 40-х гг. Маслоу контактировал с Альфредом Кинси, известным сексологом, который проводил медицинские исследования в Висконсине и планировал изучить сексуальное поведение женщин в Бруклинском колледже. Но потенциальное сотрудничество двух ученых было расстроено. Однако открытый Маслоу способ исследования был использован Кинси позже.

Наиболее важный вклад в психологическую мысль Маслоу внес двумя своими статьями, опубликованными в 1943 к, -<Динамика лично стнойоргани-

зации> и <Теория человеческой мотивации>. Данная тема была им детально разработана в книге <Мотивация и личность> (1954).

Абрахам Гарольд Маслоу - гениальный мыслитель, занимающийся вопросами абнормальной психологии, человеческой мотивации и личности, известный как основатель гуманистической психологии, как создатель теории самоактуализации.

Его теория, сфокусированная на различии между низшими (несовершенными) и высшими (растущими) потребностями не случайна. В то время в мировой психологии господствовало два крупных течения: бихевиоризм, который критиковался за механистичность подхода к психологии человека по аналогии с психологией животных, за рассмотрение человеческого поведения как полностью зависимого от внешних стимулов, и психоанализ, который считался наилучшей системой анализа для психопатологии и возможной при этом психотерапии, но недостаточной для объяснения человеческого мышления и поведения в целом, так как, по мнению Маслоу, <человеческая природа далеко не так плоха, как о ней думают>.

Не менее значительное влияние на мышление Маслоу оказали труды гештальт-психологов Макса Вертхаймера и Курта Гольдштейна, которому он посвятил свою книгу <К психологии бытия>. В предисловии Маслоу писал:

<Если выразить в одной фразе, что значит для меня гуманистическая психология, то я бы сказал, что это - интеграция Гольдштейна (и гештальт-психологии) с Фрейдом (и различными психодинамическими психологиями), под эгидой научного духа моих учителей в Висконсинском университете>.

Именно Курту Гольдштейну Маслоу обязан своей теорией, у него он и позаимствовал сам термин. Курт Гольдштейн впервые ввел в науку понятие самоактуализации, но, будучи нейрофизиологом, понимал под этим определенное напряжение, <которое сделает возможной дальнейшую упорядоченную деятельность> организма. Гольдштейн утверждает, что нормальный организм может временно отложить еду, сон, секс и так далее, если другие мотивы вызывают это. Для Гольдштейна, как и для Маслоу, самоакгуализация не означает конца проблемам, напротив, рост часто может принести определенную долю страдания. Гольдштейн писал, что способности организма определяют его потребности, например, наличие мышц требует движения и т. п.

Самоактуализацию Маслоу свободно определяет как <полное использование талантов, способностей, возможностей и тому подобное>, как процесс самореализации человеческих потенций. <Я представляю себе самоактуализировавшегося человека не как обычного человека, которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничто не отнято. Средний человек - это некое человеческое существо, с заглушенными и подавленными способностями и талантами>.

Поначалу исследования Маслоу относительно самоактуализации были вызваны его желанием более полно понять двух его наиболее вдохновляю-

щих учителей -Рут Бенедикт, которая первоначально использовала термин <синергизм> для обозначения степени межличностной кооперации и гармонии в обществе, и Макса Вертхаймера, работа которого о

продуктивном мышлении была близка собственным исследованиям Маслоу о познании и творчестве. Хотя это были очень не похожие друг на друга люди, и занимались они исследованиями в разных областях, Маслоу чувствовал, что им присущ некоторый уровень личного свершения как в профессиональной, так и в личной жизни, который он редко наблюдал у других. Маслоу видел в них не только блестящих ученых, но и глубоко совершенных, творческих людей. Он стал заносить результаты своих наблюдений в тетрадь, чтобы понять, что же делает их столь особенными. Это было его первым шагом в исследовании проблемы самоакгуализации, которое впоследствии длилось всю оставшуюся жизнь.

<Дальние пределы человеческой психики> - одна из лучших работ

Абрахама Маслоу, его итоговый труд, книга о психическом здоровье, творчестве, ценностях, образовании, обществе, трансценденции и метамотивации.

Для того, чтобы исследовать пределы человеческих возможностей, необходимо изучать лучших из индивидуумов; по мнению Маслоу, так, <чтобы узнать, сколь быстро люди могут бегать, нужно исследовать лучших атлетов и бегунов, и было бы бессмысленным делать "среднюю выборку" из

населения города>.

Абрахам Гарольд Маслоу был психологом-теоретиком. Он не проводил крупных и тщательных экспериментальных исследований, по его словам, ему на это просто не хватало времени. Он больше проводил <пилотажные исследования>, но не для публикаций, а для подтверждения собственной гипотезы.

Для своего первого исследования Маслоу выбирал людей, не имеющих

существенных личностных проблем, не подверженных неврозу и, главное, наилучшим образом использовавших свои таланты и способности. Его выборка состояла из восемнадцати человек, девять из которых были современниками Абрахама Маслоу, и девять - историческими личностями: Абрахам Линкольн, Альберт Эйнштейн, Элеонора Рузвельт, Джейн Адаме, Олдос Хаксли, Барух Спиноза и др.

По словам Маслоу, самоактуализировавшиеся люди, которых он изучал, не были совершенны и не лишены были возможности совершать крупные ошибки. Кроме того, им были свойственны многие проблемы обычных средних людей: тревожность, чувство вины, внутренние конфликты и т. д. Самоактуализация, по Маслоу, это не отсутствие проблем, а <движение от преходящих и нереальных проблем к проблемам реальным>.

Книга Маслоу <Дальние пределы человеческой психики> - кульминация его размышлений о самоактуализации. В ней Маслоу описывает пути, которыми индивидуум может самоактуализироваться:

На путях вочеловечивтия человека

- самоактуализация - это <переживание полное, живое, беззаветное, с полной концентрацией и полным впитыванием>;

- принятие ответственности за свои действия;

-актуализироваться-значит существовать реально, физически, а не только потенциально;

- актуализироваться - развить способности <лучшего жизненного выбора>,

выбора в пище, музыке, профессии, браке;

- самоактуализация - это не <вещь>, это длительный процесс, подобный буддийскому пути просветления;

-самоактуализация-испытание <пик-переживаний>. <Пик-переживания> - это переходные моменты самоактуализации, вершина наших переживаний, которые возникают при сильном чувстве любви, исключительной красоты, произведений искусства... <"Пик-переживания" - это обобщение лучших моментов человеческой жизни>.

В результате изучения самоактуализации Маслоу выявил, что некоторые из самоактуализирующихся индивидуумов стремились испытать много <пик-переживаний>, в то время как другие испытывали их крайне редко или же вообще не испытывали. Он разделил людей самоактуализирующихся на психически здоровых, продуктивных с незначительным опытом <пик-переживаний> и вообще без такового, и на людей, для которых опыт <пик-переживаний> являлся важным и центральным.

В главе <Трансценденция и психология Бытия> Маслоу описывает свыше двадцати способов опыта трансценденции. Это Трансценденция времени, культуры, прошлого, внутреннего Эго, базовых потребностей, любви, чужого мнения, собственной слабости, собственной воли, дихотомии, мистического опыта, Трансценденция порока и др. Маслоу утверждает, что трансцендирующие личности склонны отождествлять себя со своими способностями, профессией. Например, <я - врач>, <я - математик>.

Многие люди, которым доступны мистические переживания, не являются психически здоровыми и не отличаются продуктивностью, что Маслоу считал существенными свойствами самоактуализации, далее отмечая, что он встречал столь же много трансцендирующих людей среди бизнесменов, учителей, политиков, как и среди тех, кто считается ближе к этому - музыкантов, поэтов, священников и т. д.

До Маслоу существовало множество самых различных по природе теорий мотивации. Однако они не отличались необходимой законченностью. Маслоу внес определенную ясность в данную проблему. Он предпринял попытку иерархизации мотивов. Согласно его иерархии, основу составляют физиологические потребности (пища, сон и т. д.). Далее идут уровни более высоких потребностей: потребность в безопасности, любви и уважении. Высший уровень занимают метапотребности - потребность в совершенстве, справедливости, красоте, правде. По мере удовлетворения низших потребно-

стей сразу же появляются другие - высшие потребности, и начинают доминировать в организме. Когда и они удовлетворяются, выходят на сцену новые потребности, еще более высокого уровня, и так далее. В основе метамотивации лежат потребности и ценности роста. Именно такая мотивация, по Маслоу, присуща в большей степени самоактуализирующимся личностям, у которых, по его мнению, удовлетворены более низкие мотивы. Каждому уровню метамотивации соответствуют определенные уровни жалоб. Жалобы, касающиеся отсутствия техники безопасности, произвола начальства, ненормированности рабочего дня и т. п. - это жалобы уровня фундаментальных потребностей. Уровни высших жалоб лежат в сферах признания и самоуважения: на этих"уровнях важны проблемы гордости, автономности, самоуважения, уважения со стороны окружающих, актуальны чувства собственной значимости, поощрения, похвалы, доверия от окружающих. Жалобы высшего уровня касаются того, что наносит ущерб самооценке человека.

Мета-жалобы касаются фрустрации мета-потребностей. К ним относятся потребность в совершенстве, справедливости, красоте, правде и т. д. <Когда к вам врываются представительницы женского комитета и возбужденно жалуются на то, что розы в парке недостаточно ухожены, это само по себе замечательно, потому что указывает на высоту уровня жизни жалующихся>.

В книге <Дальние пределы человеческой психики> Маслоу вводит новое понятие - <психически здоровые индивидуумы>, которое следует понимать как <люди зрелые, с высокой степенью самоактуализации>, и развивает теорию психически здорового общества, общества, которое благоприятствует наиболее полному развитию и реализации человеческих возможностей. Маслоу полагал, что общество должно состоять из психически здоровых, <дочеловеченных>, самоактуализированных индивидуумов. Однако, их не может создать даже идеальное общество. По словам Маслоу, <учитель или культура не создают человека. Скорее они дают возможность, благоприятствуют, побуждают стать реальным и актуальным>.

Маслоу описывает психически здоровое общество в противоположность авторитарному управлению бизнесом, где авторитарный менеджер считает, что рабочие и руководство имеют совершенно противоположные, несовместимые цели: рабочие хотят заработать как можно больше с минимальными усилиями, и поэтому за ними надо хорошо смотреть. Демократическое управление предполагает, что рабочие хотят быть творческими и продуктивными, что они нуждаются в поддержке и одобрении; люди же подозрительные, враждебно настроенные, может быть, будут лучше работать в авторитарной системе и непродуктивно использовать свободу. Теория психически здорового общества применима лишь к тем, кто может принять на себя ответственность и пользоваться самоуправлением. Поэтому психически здоровое общество должно состоять из самоактуализированных людей.

12

На путях вочеловечивания человека

В главе <Синергия> (термин впервые был использован Рут Бенедикт и обозначает объединенное действие) Маслоу пишет о синергии в индивидуумах, когда успех других является основой полного удовлетворения для индивидуума, а помощь предлагается свободно и как должное. Таким образом, отождествление себя с другими способствует высокой индивидуальной синергии.

Синергия может существовать внутри индивидуума. В перспективе человек должен делать то, что ему надо делать, потому что он желает делать это.

В своем труде <Дальние пределы человеческой психики> Маслоу затрагивает проблемы образования. Он справедливо считает, что обучение танцам, искусству или другим физическим средствам выражения - важный момент традиционного образования: физически и чувственно ориентированные учебные предметы требуют активного участия обучающихся. По Маслоу, любовь, уважение, чувство безопасности, - фундаментальные потребности, одинаково важные для всех, <но, к сожалению, в большинстве учебников по психологии даже не упоминается слово "любовь">.

Маслоу вводит новое понятие <плато-переживание>, <плато-познание>. Ключевым является <плато-переживание>. Этот тип сознания имеет нечто общее с <пик-переживанием>, но это другой тип переживания. Здесь автор воспользовался образом <высокого плато>. По Маслоу, <плато-переживание> означает <жить на постоянно высоком уровне в смысле просветления или пробуждения, или дзэн, в легкости чудесного...

это значит принимать остроту и точность красоты вещей, но не делать из этого большого шума...> Но в основе <плато-переживаний>, <пик-переживаний> лежат, по мнению Маслоу, только позитивные эмоции. Автор не рассматривает <пик-переживаний> и <плато-переживаний>, например, под воздействием страха.

Теория самоактуализации Маслоу - это теория роста, последовательного удовлетворения высших потребностей. Индивидуум не может начать путь к самоактуализации, если не удовлетворены его низшие потребности: в безопасности, любви, уважении.

Самоактуализация предполагает развитие способностей до максимально возможного, самоактуализирующихся личностей привлекают трудные, запутанные проблемы, которые требуют максимума творческих усилий. Защитные механизмы Абрахам Маслоу рассматривает как препятствия личностному росту, и сам добавляет еще два типа защит: десакрализацию и <комплекс Ионы>.

Волевой компонент Маслоу конкретно не рассматривает; согласно Маслоу, <самоактуализация означает работу - сделать хорошо то, что человек хочет сделать. Стать второсортным врачом - не путь для самоактуализации. Человек хочет быть первоклассным, или настолько хорошим врачом, насколько это для него возможно>. Маслоу считает, что

На путях вочеловечившия человека

13

психически здоровый индивидуум свободен от внутренних конфликтов, а воля нужна для того, чтобы развить свои способности и таланты.

Абрахам Маслоу по праву считается лучшим специалистом в области человеческой потенциальности. Его заслуга колоссальна, он основал новое "ап^ение в современной психологии, предметом изучения которого яв^тсТ^остныйч^ловеквеговысшихпроявлениях.^

-^изация личности, ее высшие ценности и смыслы, -б-^^^^^^ свобода, ответственность, автономия, психическое здоровье, трансценден

ция и т. п.

АкулинаН.Н.

Часть I

Здоровье и патология

1

О гуманистической биологии*

Мои занятия психологией заставляли меня размышлять о многом, и некоторые из этих размышлений не вписывались в рамки традиционной психологии - по крайней мере в рамки той психологии, которой когда-то обучался я.

Заинтересовавшись проблемами психологии в тридцатых годах, очень скоро я обнаружил, что их невозможно решить, подчиняясь структуре психологической науки, сложившейся к тому времени (бихевиористской, позитивистской, <научной>, безоценочной, механоморфической психологии). И тогда, вполне естественно, у меня возникли сомнения в правильности самой структуры, и сомнения эти подтолкнули меня начать поиск иных подходов к решению стоящих перед психологией проблем. Со временем результаты моих исследований сложились в философскую

концепцию, которая вмещает в себя не только психологию, но и науку как таковую, а также религию, производство, управление, а отныне и биологию. По существу, я бы назвал ее мировоззрением (Weltanschauung).

Сегодняшняя психология не едина, она расколота на множество течений. Если попытаться хоть как-то упорядочить текущее положение психологической науки, то можно сказать, что существуют по меньшей мере три психологии и, соответственно, три разобщенных группы ученых. Первая из них - это бихевиористы1, объективисты, позитивисты, механицисты. Вторая

* Это выдержки из заметок, написанных мною в марте-апреле 1968 года по просьбе директора Salk Institute of Biological Studies, в надежде, что они помогут отказаться от безопеночной концепции биологии и принять на вооружение гуманистическую философию биологии. В этих заметках я оставил в стороне вопросы явно пограничного в биологии и посвятил себя тому, что, по моему мнению, до этого не рассматривалось, или не было замечено, или было неверно истолковано - с моей, психологической, точки зрения.

включает в себя дружную поросль, взращенную на психоанализе2 Фрейда. Третья группа - это психологи гуманистического направления3, или, как ее еще называют, <Третья сила>, объединившая в себе ученых, которые не смогли принять взгляды первых двух групп. Именно об этом, третьем направлении в психологии, я собираюсь говорить. Я истолковываю эту третью психологию как науку, впитавшую в себя достижения двух других психологии, и потому буду пользоваться такими терминами, как <эпи-бихевиоризм> и <эпифрейдизм> (<эпи> значит <после>). Эти термины помогут нам избежать поверхностных противопоставлений, таких, как <фрейдизм-антифрейдизм>. Я - фрейдист, и я же бихевиорист, и я же гуманист, и если уж на то пошло, то вся моя деятельность направлена на развитие четвертой психологии - психологии трансцендентного.

Здесь я говорю только от себя лично. Даже среди психологов гуманистического направления есть такие, которые скорее склонны записать бихевиористов и психоаналитиков в стан своих противников, чем допустить, что те имеют равное с ними право занимать свою веточку на цветущем дереве науки. Мне думается, подобного рода психологи впадают в антинаучный, а может даже и иррациональный экстаз по поводу роли <переживания>. И поскольку я, в свою очередь, рассматриваю <переживание> лишь как начальный этап познания (этап необходимый, но недостаточный) и поскольку я считаю, что нашей конечной целью должно стать распространение знания гораздо более общего и всеобъемлющего, чем нынешняя психология, -то мне лучше говорить только от своего имени.

Это мой выбор и моя миссия - размышлять свободно, выстраивать теории, играть с догадками и предположениями - словом, пытаться проникнуть в будущее. Это скорее пионерская деятельность, работа первопроходца - выдвинуть смелую гипотезу и отправиться на поиск новых, еще неизведанных земель, нежели разработка, посев и уход, ирригационные и мелиорационные мероприятия кропотливого труда экспериментаторов. Разумеется, последние составляют хребет науки, но мне все же кажется, что было бы ошибкой считать, будто задача ученых состоит только в скрупулезной работе с фактами.

Первопроходец, творец, исследователь, как правило, действует в одиночку. Терзаемый страхами и сомнениями, склонный к самооправданиям, он тем не менее бросает вызов людскому невежеству, гордыне, порой даже паранойе4. Он обязан быть отважным, должен не бояться выглядеть

смешным, должен не бояться ошибок и постоянно помнить о том, что он и есть, как говорил Полани (126), в своем роде игрок, который при полном отсут. ствии фактов рискует выдвигать самые смелые предположения, а потом в течение нескольких лет пытается найти им подтверждения. Если он не безумец, то он не может до конца верить собственным предположениям и должен прекрасно отдавать себе отчет в том, что он ставит на то, в чем не уверен. Вот так же и я представляю здесь свои догадки и предположения.

О гуманистической биологии

19

Я полагаю, нам не избежать обсуждения вопроса об оценочной биологии, даже если тем самым мы поставим под сомнение всю историю и философию западной науки. Я убежден, что безоценочная, нейтральная модель науки, унаследованная биологией из физики, химии и астрономии, где она была не только желательна, но и необходима, чтобы не позволять церкви вмешиваться в научные изыскания - эта модель совершенно непригодна для научного познания живого. И еще более очевидно, что эта безоценочная философия науки не годится для изучения такого сложного биологического вида, каким является человек. Здесь такие понятия, как ценности5, стремления, цели, намерения приобретают первостепенное значение: только оперируя ими, можно приблизиться к постижению законов жизнедеятельности человека, а следовательно и к решению классических задач науки - предсказанию и управлению.

Мне хорошо известно о тех жарких дебатах, которые ведутся в рамках эволюционной теории и в которых муссируются такие слова, как направления, цели, телеология, витализм. Дебаты эти, на мой взгляд, запутанны и непродуктивны. Я хочу перенести обсуждение этих проблем в сферу психологии, где их можно представить более выпукло и где можно найти более прямые пути к их решению.

В рамках эволюционной теории все еще возможны споры об автогенезе в эволюции, о том, не вызваны ли движение и направление развития исключительно стечением обстоятельств, чистой случайностью. Мне же подобные рассуждения представляются чрезмерной роскошью, они просто невозможны, когда мы имеем дело с живыми людьми. Ведь никто не возьмется утверждать, что тот или иной человек стал хорошим врачом случайно - никто не воспримет подобное заявление всерьез. Именно поэтому я отметаю всякие рассуждения о механическом детерминизме6 и не считаю нужным выдвигать какие-либо аргументы в пользу своего решения.

Хорошие люди и статистика <лучших>

Я осмеливаюсь заявить, что для изучения возможностей человеческой природы нужно отобрать из популяции ее самые здоровые, самые лучшие экземпляры, такие, которые превосходили бы остальных по многим показателям. Приведу несколько наглядных доводов в пользу этого утверждения.

В своих исследованиях я сталкивался с тем, что люди с высокой степенью само актуализации7 - самые здоровые в психологическом смысле люди - имеют очень высокие показатели развитости когнитивных и перцептивных способностей8. Их <превосходство> над остальными людьми может обнаруживаться даже на сенсорном уровне; меня ничуть не удивило бы, если, к примеру, какой-нибудь эксперимент обнаружил бы у них способность различать тончайшие оттенки цвета. Один, когда-то начатый мною и не завершенный эксперимент может послужить моделью для подобного рода проб с

20

<биологическим материалом>. Мой замысел состоял в том, чтобы протестировать всех первокурсников Брандэйского университета, используя лучшие методики того времени, а именно, -психиатрическое интервью9, проективные тесты, тесты достижений10, - и разбить их на несколько групп. В первую из них вошли бы два процента самых здоровых в психологическом смысле студентов, во вторую -два процента средне-здоровых, и, наконец, в третью - два процента наименее здоровых представителей популяции. Эти три группы затем мы планировали досконально исследовать при помощи батареи тестов, выявляющих сенсорные, перцептивные и когнитивные характеристики человека, чтобы проверить базировавшееся на клинических наблюдениях предположение о том, что люди с более высокими показателями психологического здоровья более точно и верно отражают реальность. Я не сомневался в том, что это предположение подтвердится. Затем мы предполагали наблюдать за этими людьми, и не только на протяжении четырех лет их обучения в университете, когда мы могли бы сопоставлять полученные данные с их успеваемостью и достижениями в различных сферах университетской жизни. Я надеялся, что нам удастся начать лонгитюдное исследование". Идея заключалась в том, чтобы, наблюдая за этими людьми на протяжении всей их жизни, получить неопровержимые доказательства нашей гипотезы о человеческом здоровье. Некоторые оценочные критерии были очевидны, такие, как, например, долголетие, устойчивость к психосоматическим заболеваниям, инфекциям и т. п. Но мы также надеялись, что в ходе исследования выя-' вятся другие характеристики, о которых мы и не предполагали. По сути то исследование должно было повторить калифорнийское исследование Льюиса Термана, который около сорока лет назад отобрал детей с высокими показателями IQ12 и затем наблюдал за ними на протяжении нескольких десятилетий, чем продолжает заниматься и сейчас. Его открытие состояло в том, что люди, в детстве отобранные в экспериментальную группу13 только по признаку интеллекта, теперь уже взрослые, превосходят своих сверстников из контрольной группы по всем проверенным им параметрам. Из этого Льюис делает следующий вывод: все лучшее в человеке, все те качества, которые только можно пожелать ему, положительно коррелируют14 друг с другом.

Значение такого рода исследований состоит прежде всего в том, что они кардинально меняют наш взгаяд на статистику и особенно на тот ее раздел, который ведает подбором материала для эксперимента. Мне хочется без обиняков назвать ее <статистикой лучших>.

Если задаться вопросом, каковы возможности человека как биологического вида15, то вопрос этот следует отнести скорее к небольшой избранной группе людей, нежели ко всей популяции в целом. На мой взгляд, главная причина провала теорий гедонистического и этического толка заключена в том, что философы смешивали патологическое стремление к наслаждению со здоровым и даже не обозначили грань между нормой и патологией, между биологически здоровым и нездоровым индивидуумами.

О гуманистической биологии

21

Для того, чтобы узнать, насколько высоким может быть человек, совершенно очевидно, что нужно отобрать самых высоких людей и изучить их. Для того, чтобы узнать, как быстро может бегать человек, не нужно выводить среднюю арифметическую скорость всего человечества в целом, - нужно просто взять олимпийских чемпионов по бегу и посмотреть, насколько хорошо это делают они. Если же мы хотим познать возможности духовного и личностного роста человека, его морального развития, то и здесь, я уверен, мы узнаем больше, изучая самых праведных, самых добропорядочных представителей людского рода.

В целом, я полагаю, будет справедливо сказать, что история человечества - это череда свидетельств того, как общество ни во что не ставит отдельного человека. Высочайшие порывы человеческой души практически всегда недооценивались. И даже когда <хорошие люди> - святые, мудрецы, великие деятели эпохи - обращали на себя внимание философов и ученых, то последние редко удерживались от искушения объяснить их духовное превосходство присутствием божественного начала.

Гуманистическая биология и хорошее общество

Сейчас уже очевидно, что полная актуализация возможностей человека - имея в виду общество в целом - может иметь место только при некоторых <благоприятных условиях>. Или, если говорить еще более прямо, чтобы человек был хорошим, ему нужны хорошие условия жизни и хорошее окружение. С другой стороны, я полагаю, нормативная философия биологии должна принять на вооружение теорию хорошего общества, основой которой могло бы стать следующее определение: <Хорошее общество - это общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию и раскрытию человеческих возможностей>. Наверное, подобная терминология поначалу шокирует классических биологов, склонных лишь описывать среду обитания человека и научившихся избегать таких слов, как <хорошее> и <плохое>. Но если они хорошенько задумаются, то обнаружат, что подобный образ мыслей и терминология далеко не новы для классической биологии. К примеру, биологи уже давно используют термин <возможности>, когда говорят о генах, актуализация которых зависит от того, насколько <благоприятны> условия, сложившиеся в плазме эмбриона, в цитоплазме, в организме в целом, а также от географических условий, которые окружают этот организм.

Обобщая результаты экспериментов над лабораторными крысами, обезьянами и человеческими существами (11), можно утверждать, что стимулирующее воздействие среды в ранней жизни индивидуума оказывает совершенно специфическое влияние на развитие коры головного мозга, к которой обычно и обращена стимуляция. Бихевиористы, изучавшие поведение приматов в Лаборатории Харлоу, пришли к схожему выводу. Животные, на ран-

них стадиях жизни изолированные от себе подобных, утрачивают генетически заложенные в них возможности, и однажды эти потери становятся невосполнимыми. Еще один пример. Ученые лаборатории Джексона в Бар-Харборе выявили, что одичавших собак, привыкших к жизни в своре, уже не удается вновь приручить.

И наконец, - у многих из индийских детей, как недавно стало известно, обнаружены необратимые изменения мозга вследствие недостатка белков в их рационе. Если согласиться с очевидным предположением о том, что причины этого кроются в определенном политико-экономическом устройстве общества Индии, в особенностях ее культурного и исторического развития, то становится невозможным отрицать, что человеку, как представителю биологического вида, хотя бы для воспроизводства полноценных, здоровых особей необходимо хорошее общество.

Возможно ли, чтобы философия биологии развивалась в социальной изоляции, была политически нейтральной, не утопичной, не евпсихичной, чтобы она не занималась проповедью реформаторских и революционных идей? Разумеется, я далек от мысли, что задача биологии - социальное переустройство общества. Я полагаю, что это дело личного вкуса, и вполне допускаю, что некоторые биологи, озабоченные тем, что их знания остаются невостребованными, желая претворить свои открытия в жизнь, пойдут в политику. Но я сейчас говорю не об этом. Я предлагаю биологам

изучать человека, как и любой другой вид, не только описывая и констатируя факты, но и оценивая их. И когда они примут такой подход, они поймут, что основная задача биологии человека - это выведение полноценной, здоровой породы человека и что выполнение этой задачи немыслимо без изучения всех тех условий, которые благоприятствуют или наоборот мешают всестороннему раскрытию человеческих возможностей. А для этого, очевидно, биологам придется покинуть свои лаборатории и с головой окунуться в общественную жизнь.

Хорошие люди как пример для всех

Многочисленные исследования, проведенные мною в тридцатые годы, позволяют мне утверждать, что самые здоровые в психологическом смысле люди (как и самые творческие, самые сильные, самые умные, самые праведные) должны быть использованы в качестве биологического материала для исследования, или, говоря метафорически, их можно и нужно использовать как пионеров-первопроходцев, призванных поведать нам, показать нам и провести нас, менее любознательных, менее чувствительных, менее смелых, на еще непознанные, неосвоенные территории. В качестве иллюстрации приведу такой пример. Несложно найти людей, особо чувствительных к восприятию цвета и формы, и положиться на их суждения относительно окраски, выделки, формы мебели, тканей и прочих вещей. Даже не вторгаясь в про-

цесс восприятия16 этих людей, просто внимательно наблюдая за ним, в скором времени я смогу с уверенностью предсказать, какие именно оттенки и формы им понравятся, а какие нет. Через месяц-другой я обнаружу, что мне нравятся те же вещи, что и им, - как если бы они, эти люди, поселились во мне и я при этом стал более чувствительным или, если угодно, более уверенным и решительным в оценках. То есть, я могу использовать их как своего рода экспертов, точно так же, как коллекционер, покупающий что-то для своей коллекции, обращается за консультацией к искусствоведу. (Эта мысль подтверждается исследованиями Чайлда (22), который установил, что хорошие живописцы имеют схожие вкусы независимо от художественных пристрастий и культурной среды, их взрастившей.) Я также предполагаю, что такие люди в меньшей степени, чем остальные, подвержены различного рода пристрастиям и что их вкусы и оценки меньше зависят от внешних влияний, моды, чем вкусы и оценки большинства.

Таким образом, основываясь на вышеприведенном примере, я прихожу к выводу, что, выделив качества, отличающие наиболее психологически здоровых индивидуумов17 от остальных, я пойму, каким должен быть человек. Здесь уместно вспомнить слова Аристотеля: <Если хороший человек говорит, что это хорошо, то это действительно <хорошо>.

Это эмпирически установленный факт, что люди с высокой степенью самоактуализации гораздо реже основной массы людей сомневаются в себе, меньше размышляют о том, правильно или неправильно они поступают. Их нисколько не смущает, что девяносто пять процентов человечества поступает иначе. И должен заметить, что эти люди, - во всяком случае те из них, которых изучал я, - обнаружили тенденцию к одинаковой оценке фактов, того, что хорошо и что плохо, как если бы они ощущали некую высшую реальность, лежащую за пределами человеческого сознания, а не основывали свои оценки на житейском опыте, который, как известно, зачастую страдает однобокостью и предвзятостью. Словом, я использовал их, чтобы они продуцировали ценности, или, лучше сказать, они помогли мне приблизиться к пониманию того, что более всего важно для человека. Говоря другими словами, я сделал следующее допущение: то, что ценно для этих людей, в конце концов станет ценно и для меня; я соглашусь с

ними, приму их ценности как экстраперсональные, универсальные, как нечто такое, что рано или поздно подтвердит жизнь.

Моя теория метамотивации'8 (глава 23) основана именно на этом. Я отбирал этих выдающихся людей, обладающих не только способностью воспринимать факты, но и умеющих выявить самое важное, вычленить ценное, для того, чтобы эти ценности использовать в качестве примера для подражания и образца для всего вида.

Я понимаю, что говорю сейчас почти провокационные вещи, но я делаю это умышленно. При желании я мог бы подать свою мысль гораздо более невинным образом, например, просто задавая вопросы вроде: <Да-

24

Здоровье и патология

вайте отберем самых здоровых в психологическом смысле людей, - интересно, что они любят? Что ими движет? К чему они стремятся, за что борются? Что они ценят?> Но я хочу, чтобы меня поняли правильно, и потому намеренно ставлю перед биологами вопросы о норме и ценностях (как и перед психологами и перед представителями общественных наук).

Возможно, будет полезно взглянуть на проблему под другим углом. Если согласиться с расхожим утверждением, что человек - это животное, способное выбирать и принимать решения, тогда тема выбора и принятия решения неизбежно должна присутствовать во всякой попытке описания человека. Но хороший выбор и правильное решение напрямую зависят от качеств конкретного человека, от его мудрости, от его решительности. И тогда придется отвечать на следующие вопросы: Какие люди делают хороший выбор? Откуда берутся такие люди? Как они растут? Как учатся делать это? Что мешает сделать хороший выбор? Что помогает этому?

Разумеется, это просто иной способ подачи старого философского вопроса: <Что есть мудрость? Кто есть мудрец?>, а за ним и древних аксиологических вопросов: <Что хорошо? Что желанно? Чего должно желать?>

Я повторяю: человечество достигло такой точки биологического развития, когда оно ответственно за свою эволюцию. Мы стали самоэволюционерами. А эволюция предполагает отбор, выбор и принятие решений, а следовательно - раздачу оценок.

Связь между сознанием и телом

Мне представляется, что мы вот-вот сделаем скачок к приведению в качественно новое соотношение субъективных показателей нашей жизни и внешних, объективных показателей среды. И в связи с этим я ожидаю мощного прорыва в изучении нервной системы человека.

Следующие два примера могут служить подтверждением тому, что будущие исследования в этом направлении не за горами. Во-первых, исследование Олдса (122), теперь уже широко известное, который посредством имплантации электродов в септальную зону ринэнцефалона обнаружил, что данная зона является по существу <центром удовольствия>. Когда лабораторная крыса обнаруживала, что может стимулировать свой мозг, она повторяла ауто стимуляцию снова и снова все то время, пока электроды были вживлены в этот самый центр удовольствия. Нет нужды говорить о том, что когда животному предоставлялась возможность стимулировать также обнаруженные центры неудовольствия и боли, оно отказывалось делать это. Стимуляция центра удовольствия была, по-видимому, так <значима> (или вернее, <желанна>, <приятна>, <выгодна>, <полезна>) для животного, что оно даже отказывалось от всех других источников радости, таких как пища, секс, - от любых. Теперь у

нас достаточно данных, полученных на людях, и они позволяют предположить, что и у человека можно - в

известном смысле этого слова - вызывать подобные переживания удовольствия.

Если связать эти данные с другими, например, с теми, которые получил в своих экспериментах Камийя (58), то перед нами открываются интересные возможности. Камийя, снимая электроэнцефалограммы у своих испытуемых, извещал их, когда частота их альфа-волн достигала определенного уровня. Таким образом испытуемый, имея возможность соотносить внешнее событие, или сигнал о нем, с субъективным ощущением своего состояния, мог произвольно управлять своей ЭЭГ. В сущности, Камийя показал, что человек может приводить частоту альфа-волн своего мозга к определенному желаемому уровню.

Но самая важная и захватывающая часть этого исследования состоит в том, что Камийя обнаружил, и обнаружил совершенно случайно, что приведение частоты альфа-волн к некоторому определенному уровню вызывает у испытуемого состояние безмятежного покоя, медитативноеТ и даже ощущение счастья. Дальнейшее изучение людей, практикующих восточные техники созерцания и медитации, показало, что они спонтанно выдают такие же <безмятежные> ЭЭГ, каким обучал своих испытуемых Камийя. Из этого неопровержимо следует, что людей можно обучать счастью и душевному равновесию. Революционные последствия этого открытия очевидны и многочисленны - не только для улучшения человеческой породы, но также для биологической и психологической науки. Одно это открытие таит в себе столько возможностей, что ученым хватило бы работы на все следующее столетие. Проблема взаимоотношения тела и сознания, проблема связи между ними, до сих пор казавшаяся неразрешимой, теперь становится вполне операбельной.

Подобные данные позволяют иначе взглянуть на проблему оценочной биологии. Сегодня без всяких оговорок можно говорить, что здоровый организм ясно и четко сообщает нам о том, что он считает для себя важным, что он склонен выбрать или какое положение дел считает желанным для себя. Неужели все еще выглядит слишком смелым, если я назову это <ценностями>? Биологическими ценностями? Инстинктоподобными ценностями? Если мы пишем: <Лабораторная крыса, имея возможность нажимать на две кнопки, вызывающие стимуляцию ее мозга, практически в ста процентах случаев нажимает на ту, которая вызывает стимуляцию центра удовольствия>, -то неужели это описание принципиально отличается от того, как если бы мы сказали: <Для крысы важна аутостимуляция центра удовольствия, крыса ценит эту возможность>?

Должен заметить, что для меня не важно, употребляю я слово <ценности> или нет. Можно прекрасно изложить все, что я излагаю, вообще не пользуясь этим термином. Наверное, в целях научной стратегии, или по крайней мере для того, чтобы быть понятым широкой научной общественностью, мне следовало бы быть более дипломатичным и избегать этого слова. Но я действительно считаю это несущественным. Важно, чтобы мы всерьез от-

неслись к этим новым разработкам, помогающим понять психологию и биологию выбора, предпочтений, удовольствий и тому подобных вещей.

Я также должен подчеркнуть, что нам предстоит столкнуться с дилеммой логической кругообразности, которая неизбежно возникает при разработке

подобного рода теорий и исследований. Она наиболее очевидна, когда речь идет о человеческом материале, хотя я предполагаю, что ее не избежать и при изучении других животных. Она содержится уже в самом заявлении о том, что хорошие люди или здоровые животные выбирают или предпочитают то-то и то-то. Куда нам деться от факта, что садисты, извращенцы, мазохисты, гомосексуалисты, невротики, психотики, суицидалы предпочитают и выбирают нечто совершенно другое, чем это делают <хорошие люди>? А может быть, здесь будет уместно провести параллель между этим фактом и тем, что выбор животного с повышенным содержанием адреналина в крови отличается от выбора так называемой <нормальной> особи? Должен сразу уточнить, что вовсе не считаю эту проблему неразрешимой - ее не нужно избегать, с ней можно и должно работать. Совсем несложно отобрать <здоровых> людей при помощи психиатрических и психологических тестов vi затем сделать вывод, что испытуемые, которые показывают такие-то и такието результаты, скажем, в тесте Роршаха19 или в интеллектуальных тестах, будут наиболее эффективны по сравнению с другими в выборе пищи. Критерий отбора в данном случае будет совершенно отличен от поведенческого критерия. Я считаю возможным, и даже весьма вероятным, что мы сейчас как никогда близки к тому, чтобы посредством экспериментов с аутонейро стимуляцией доказать, что так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон (161) ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции. Киркендел (61) также показал, что для человека субъективно более значим секс как проявление любви, нежели секс в чистом виде.

Я работаю с рядом предположений, порожденных тем гуманистическим подходом, о котором упоминал выше. Эти предположения показывают возможность радикальных последствий для философии и биологии человека. Можно определенно сказать, что они заставляют нас еще большее внимание уделить саморегуляции организма, его самоуправлению и самоосуществлению. Организм имеет гораздо более сильную тягу к здоровью, росту и биологическому успеху, нежели мы могли предполагать сто лет назад. В це-

лом эта тенденция выражает стремление организма к автономности и независимости, она анти-авторитарна по своей сути. В связи с этим я хочу обратиться к даосизму. Его основополагающие принципы уже усвоены современной экологией и этологией, где исследователи научились не вмешиваться в изучаемые ими явления и процессы, и я считаю, что подобной же позиции обязательно следует держаться, когда мы имеем дело с человеком, и особенно с маленьким человеком. Такая позиция означает доверие к заложенной в каждом ребенке тяге к духовному росту и самоактуализации, здесь делается акцент на спонтанности и самостоятельности организма, отрицается предсказуемость результата и внешний контроль. Приведу основной тезис из моей <The Psychology of Science> (81).

<В свете этих данных можем ли мы всерьез продолжать считать, что цели науки - это предсказание и управление? Ведь практически каждый из нас скорее скажет совершенно противоположное - по крайней мере, в

отношении человека. Разве мы хотим, чтобы окружающие предсказывали наши поступки? Разве хотим, чтобы нас контролировали и нами управляли? Я не стану заходить слишком далеко и вновь поднимать старый классический вопрос о свободе воли. Но я скажу, что встающие здесь и требующие рассмотрения вопросы действительно касаются того, что любой человек скорее желает чувствовать себя свободным, чем подневольным, имеющим право выбора, нежели лишенным такого права, и т. д. В любом случае, я могу с уверенностью заявить, что любой нормальный человек не любит быть под контролем. Он предпочитает и чувствовать себя свободным, и быть свободным>.

Есть еще одно, очень общее, <атмосферное>, последствие данного способа мышления, а именно - оно поможет изменить образ ученого, изменить не только в его собственных глазах, но и в представлении всего населения. Есть, например, данные (115) отом, что ученицы старших классов представляют себе ученых какнеких монстров, которых следует остерегаться. Так, например, они считают, что ученые не могут быть хорошими мужьями. По моему мнению, причины этого невозможно объяснить только лишь последствиями голливудского фильма <Ученый безумец> - ведь в фильме нашел отражение, хотя и в гротескном, пугающем виде, но реально существующий тип ученого. Дело в том, что классическая концепция науки предполагает, что человек создан властвовать, контролировать, управлять, что человек науки манипулирует другими, менее сведущими людьми, животными, предметами и явлениями. Он изучает их, они подчинены его воле. Картина становится еще более мрачной при рассмотрении <человека-врача>. На полусознательном и бессознательном уровнях врач воспринимается людьми как хозяин, руководитель, как человек, который может у них что-то вырезать, причинить им боль и т. п. Он несомненно начальник, авторитет, эксперт, он говорит людям, что они должны делать и чего не должны. И сейчас, как мне кажется,

такого же рода образ, но еще более неприятный, складывается в отношении психологов: студенты колледжа, например, считают психологов манипуляторами, лжецами, притворщиками, которые исподтишка стремятся установить контроль над людьми.

Не пора ли нам, ученым, действительно посмотреть на человека как на существо, обладающее <врожденной мудростью>? Только если мы поверим в автономность человека, в его способность к самоуправлению и выбору, мы, ученые, не говоря уже о врачах, учителях и родителях, сможем стать более даоистичными. Это - единственное слово, на мой взгляд, способное вобрать в себя все те качества, которыми должен обладать ученый-гуманист. Быть даоистичным - значит познавать человека, но не поучать его. Это - невмешательство, отказ от управления. Даоистичная позиция - это прежде всего наблюдение, не манипуляции и не управление, она скорее пассивнорецептивна, нежели активно-наступательна. Чтобы было совсем понятно, скажу так: если вы хотите познать селезня, то познавайте селезня, а не рассказывайте ему о кулинарии. То же самое можно сказать и о детях. Чтобы <задать> им <урок>, нужно понять, что станет <уроком> для них, а для этого нужно побудить ребенка рассказать об этом.

В сущности именно такого способа поведения придерживается в своей работе хороший психотерапевт. Он не навязывает свою волю пациенту, он направляет все свои усилия на то, чтобы помочь ему, пациенту, с трудом выражающему свои чувства, плохо осознающему себя, обнаружить то, что происходит в нем. Психотерапевт помогает ему понять, чего хочет он, пациент, к чему он стремится, что он считает хорошим и полезным для себя. В такой позиции нет и намека на диктат, на миссионерство, на наставничество. Эта позиция основывается на тех же самых предпосылках,

о которых я упоминал выше и которыми, к сожалению, пользуются крайне редко, - это, например, вера в то, что большинство людей изначально, биологически тянутся к здоровью, а не к болезни, или допущение, что субъективного ощущения человеком своего благополучия вполне достаточно, чтобы понять, что <хорошо> для этого конкретного человека. Такая позиция предполагает нашу веру в то, что свободная воля человека гораздо важнее, чем его предсказуемость, что мы верим во внутренние силы сложного организма, каковым является человек, верим в то, что каждый человек стремится к полной актуализации своих возможностей, а вовсе не к болезни, страданиям или смерти. В тех же случаях, когда мы, психотерапевты, сталкиваемся со стремлением к смерти, с мазохистскими желаниями20, с саморазрушительными формами поведения, с желанием боли, мы знаем, что имеем дело не с человеком, а с его <болезнью>, - в том смысле, что сам человек, если он когда-либо бывал в другом, <здоровом> состоянии, сделал бы верный выбор, он гораздо охотнее предпочел бы ощущать здоровье, нежели испытывать боль. Некоторые из нас даже склонны смотреть на мазохизм, суицидальное поведение, всевозможные формы самобичевания и самонаказания как на глупые, неэффек-

тивные, неуклюжие попытки организма двигаться все в том же направлении - к здоровью.

Нечто весьма похожее характерно и для новой модели даоистичного

учителя, даоистичного родителя, даоистичного друга, даоистичного любовника и, наконец, даоистичного ученого.

Даоистичное и классическое понимание объективности'

Классическая концепция объективности берет начало от самых ранних попыток научного познания объектов и явлений неживого мира. Наблюдатель мог счесть себя объективным в том случае, если ему удавалось отрешиться от собственных желаний, страхов и надежд, равно как и исключив предполагаемое воздействие промысла божьего. Это, конечно же, был огромный шаг вперед, именно благодаря ему и состоялась современная наука. Однако мы не должны забывать, что подобный взгляд на объективность возможен лишь в том случае, если мы имеем дело с явлениями неживого мира. Здесь подобного рода объективность и беспристрастность срабатывают прекрасно. Они вполне срабатывают и тогда, когда мы имеем дело с низшими организмами, от которых мы достаточно отчуждены, чтобы продолжать оставаться беспристрастными наблюдателями. Ведь нам на самом деле все равно, как и куда движется амеба или чем питается гидра. Но чем выше мы поднимаемся по филогенетической лестнице, тем труднее нам сохранять эту отстраненность. Всем, кто имел дело с кошками и собаками, не говоря уж об обезьянах, известно, как легко впасть в антропоморфизм, начать приписывать животным человеческие желания, страхи, надежды. И сейчас, когда мы всерьез приступили к изучению человека, мы должны рассматривать как само собой разумеющееся то обстоятельство, что нам уже не удастся оставаться холодными, спокойными, отстраненными наблюдателями. Мы имеем такое количество психологических данных, подтверждающих этот тезис, что просто немыслимо продолжать отстаивать прежнюю концепцию объективности.

Любой социальный ученый, обладающий хоть каким-то опытом, знает, что прежде чем браться за изучение какого-либо общества или субкультурной группы, он должен осознать и подвергнуть тщательнейшему анализу собственные предубеждения и представления о предмете будущего изучения. Осознать свои предубеждения - это достаточно надежный способ избежать предвзятости.

Но есть и другой путь к объективности, который побуждает нас, наблюдателей, к большей проницательности, к большей точности восприятия реальности, лежащей вне нас. Моя убежденность происходит из очевидного

Более полно эта тема освещена в моей работе <The Psychology of Science:

A Reconnaissance> (81).

факта, что восприятие любящего человека, например, влюбленного или родителя, позволяет любящему так тонко чувствовать объект своей любви, так полно познать его, как никогда не сможет тот, кто не любит. Нечто похожее применимо к этологическим исследованиям. Я изучал поведение обезьян, и эта моя работа более <правдива>, <точна> и в определенном смысле более объективна, чем она была бы, если бы я не любил этих животных. Но я был очарован ими. Я полюбил моих обезьян так, как никогда не смог бы полюбить крыс. И я уверен, что работа Лоренца, Тинбергена, Гудделла и Шелера вышла столь хорошей, поучительной, свежей и правдивой именно потому, что эти исследователи любили изучаемых ими животных. Любовь такого рода сопряжена с большим интересом к объекту, и благодаря этому интересу становится возможным терпеливое наблюдение за объектом. Мать, очарованная своим младенцем, завороженно исследует сантиметр за сантиметром его крохотное тельце, и она несомненно знает о своем малыше - знает в самом буквальном смысле - гораздо больше, чем кто-либо, не интересующийся этим конкретным ребенком. Нечто похожее происходит между влюбленными. Они так очарованы друг другом, что готовы часами рассматривать, слушать, познавать друг друга. С нелюбимым человеком такое вряд ли возможно - слишком быстро одолеет скука.

Но <любящее знание>, если мне позволено будет так назвать его, имеет и другие преимущества. Человек, знающий, что он любим, раскрывается, распахивается навстречу другому, он сбрасывает с себя все защитные маски, он позволяет себе обнажиться, не обязательно только физически, но также психологически и духовно. Другими словами, вместо того, чтобы прятаться, он разрешает себе стать понятным. В повседневных межличностных отношениях мы в некоторой степени непроницаемы друг для друга. В любовных отношениях мы становимся гораздо более прозрачными.

И последнее. Возможно, самое главное преимущество такого вида познания, состоит в том, что, когда мы любим, или очарованы, или заинтересованы кем-то, мы меньше обычного склонны к властвованию, к управлению, к изменению, к улучшению объекта своей любви. По моим наблюдениям, если мы любим человека, мы принимаем его таким, каков он есть. А если вспомнить об идеальных примерах любви - о романтической любви или о любви, которую питают бабушки и дедушки к своим внукам - то в таких случаях любимый человек воспринимается как само совершенство, так что всякая мысль о его изменении, хотя бы даже и улучшении, кажется невозможной и даже кощунственной.

Другими словами, мы довольны тем, что имеем. Мы не выдвигаем никаких требований. Мы не хотим, чтобы объект нашей любви изменился. Мы можем позволить себе быть пассивными и рецептивными по отношению к нему, мы можем лучше увидеть его сущность, и потому наше знание о нем более истинно, более верно, нежели оно было бы, будь оно окрашено нашими желаниями, надеждами или опасениями. Принимая человека как самостийную сущность, таким, какой он есть, мы не будем вмешиваться, не

будем выдвигать абстрактных требований, не будем манипулировать. И насколько прочно нам удастся удержаться в этой спокойной, взвешенной позиции любящего приятия, настолько близко мы приблизимся к объективности.

Я подчеркиваю - это лишь способ, специфический путь познания определенных истин, которые лучше всего познаются именно так. Я не утверждаю, что это единственно верный путь или что абсолютно все истины достижимы таким способом. Мы прекрасно знаем, что в определенных ситуациях любовь, заинтересованность, очарованность, обожание могут помешать объективному взгляду на иные истины, касающиеся объекта этих чувств. Я хочу сказать лишь о том, что во всем арсенале научных методов этот метод любящего познания, или <даоистичной объективности>, дает конкретные преимущества при решении конкретных задач в конкретных ситуациях. Если мы осознаем, что наряду с особого рода проницательностью любовь может породить и особого рода слепоту, то можно считать, что мы достаточно предостережены и вооружены, чтобы считать себя объективными.

Я готов пойти еще дальше и предостеречь относительно <любви к проблеме>. С одной стороны очевидно, что нужно увлекаться тем, что связано с шизофренией21, или по меньшей мере сильно интересоваться ею, чтобы браться за ее изучение. С другой стороны, мы знаем о том, что человек, целиком поглощенный проблемой шизофрении, часто склонен переоценивать ее значение и не замечать других проблем.

Проблема больших проблем.

Я позаимствовал это название из замечательной книги Элвина Вейнберга <Reflections on Big Science> (152), книги, в которой подразумеваются многие из тех вопросов, которые хочу затронуть я. Его терминология позволяет мне в более драматичной форме заявить основной тезис моего меморандума. Я предлагаю организовать атаку по типу Манхэттенского проекта на те проблемы, которые я действительно считаю Большими Проблемами* нашего времени, и мое предложение обращено не только к психологам, но ко всем людям, обладающим хоть каким-то чутьем на то, что <важно> для истории (к классическим научным критериям я добавляю критерий <важности> исследования).

Первая и главная большая проблема заключена в важности и необходимости появления хорошего человека. Человечество должно стать лучше, иначе оно окажется стертым с лица земли или, если обойдется без катаклизмов планетарного масштаба, будет вынуждено жить под постоянной угрозой исчезновения. Главное условие, своего рода sine qua поп, состоит в четком определении того, что есть хороший человек, и я много раз повторял об этом

* Я написал эти слова с большой буквы, как их писал Вейнберг.

в своих работах. Пока, к сожалению, я не могу сказать, что в нашем распоряжении достаточно эмпирических данных на этот счет, что их хотя бы столько же, сколько было в распоряжении людей, работавших над Манхэттенским проектом. Но я твердо уверен, что эта грандиозная программа вполне выполнима, я уже могу определить сотню, две сотни, две тысячи частных и второстепенных проблем, для решения которых необходимо участие огромного количества людей. Проблему создания хорошего человека можно с уверенностью назвать проблемой самоэволюции человека. Нам необходим такой человек, который был бы ответствен за

себя и свое развитие, досконально знал самого себя, умел осознавать себя и свои поступки, стремился к полной актуализации своего потенциала и т. д. Во всяком случае, совершенно очевидно, что никакие социальные реформы, никакие, даже самые замечательные, конституции, планы и законы не будут работать до тех пор, пока люди не станут достаточно здоровыми, сильными, развитыми, пока они не познают самих себя и не выберут разумный, здоровый способ существования.

Столь же важной и насущной, как и вышеназванная, является проблема создания хорошего общества22. Хорошее общество и хороший человек не могут существовать одно без другого. Они необходимы друг другу. Я отбрасываю в сторону вопрос о том, что первично в данном случае - общество или человек. Ясно, что они развиваются одновременно и в тандеме. Невозможно улучшить одно, оставив другое без изменений. Говоря <хорошее общество>, я имею в виду совокупность представителей одного биологического вида. В последнее время появляются утверждения (83, см. также главу 14), что решить эту проблему возможно при помощи исключительно социальных, не психологических, мер. В этот вопрос необходимо сразу внести ясность. Исходя из предпосылки, что человек как таковой не подлежит переделке, и занявшись исключительно социальными преобразованиями, мы не можем быть полностью убеждены, на добрые или на злые дела подтолкнут наши действия этого самого человека. Не следует преувеличивать значение всевозможного рода социальных и благотворительных программ, сами по себе они не могут улучшить общее психическое здоровье общества, хотя моральные качества человека в некоторой степени зависят и от социальных институтов, в которые он включен.

Ключевая идея социального синергизма23 состоит в том, что общество с примитивной культурой, равно как и общество с высокоразвитой индустрией, зиждется на общей социальной тенденции, на тенденции преодоления дихотомии между эгоизмом и бескорыстием у каждого отдельного члена общества. Так, есть социальные меры, которые неизбежно настраивают людей друг против друга, но есть и такие, при которых человек, желающий блага себе, неизбежно действует во благо окружающим. С другой стороны, человек, движимый альтруистическими побуждениями и помогающий людям, неизбежно получает какие-то преимущества для себя. Примером такого синергизма могут служить экономические инструменты вроде нашего подо-

ходного налога, который удачливость отдельного человека распределяет к пользе всего общества. Подобного нельзя сказать о налоге с продаж, который отнимает у бедных людей гораздо больше, чем у богатых, и вместо <распределяющего> эффекта вызывает концентрирующий, или, по меткому выражению Рут Бенедикт, эффект <воронки>.

Я заявляю со всей серьезностью и ответственностью, что эти две большие проблемы можно считать главными проблемами нашего времени. Технологический прогресс с его достижениями, о которых пишет в своей книге Вейнберг, которые стали общим местом в рассуждениях на подобные темы, должен рассматриваться лишь как средство решения этих проблем, но не как самоцель. До тех пор, пока технологические и биологические новации не окажутся в руках хорошего человека, они будут либо бесполезными, либо опасными. Я подразумеваю здесь наработки по таким, казалось бы бесспорно гуманным проблемам, как борьба с болезнями, увеличение продолжительности жизни, устранение боли и страданий в целом. Я спрашиваю: кому нужно, чтобы злодей жил дольше? Или стал могущественнее? Здесь уместно вспомнить об атомном оружии, о спешке в его разработке, вызванной стремлением опередить нацистов. Атомная энергия в руках Гитлера, несомненно, обернулась бы гибельными последствиями для всего мира. Она и сейчас представляет великую опасность. Но абсолютно то же самое относится к любому

технологическому изобретению. В качестве критерия всегда можно спросить себя: было бы это хорошо для Гитлера?

Неизбежный побочный продукт нынешнего технологического прогресса - страх дать новое оружие в руки злодея, поскольку он сможет использовать новшество в своих целях и стать более опасным, чем когда-либо за всю историю человечества. Нельзя исключать возможности того, что власть захватит абсолютно безнравственный, жестокий человек. Тогда, поддерживаемый жестоким обществом, обладающий огромной силой, он будет непобедим. Я думаю, что, если бы Гитлер выиграл войну, подобного рода протесты были бы сейчас невозможны - его Третий Рейх действительно мог просуществовать сотни и тысячи лет. И потому я призываю всех биологов, всех людей доброй воли посвятить свое время и свой талант решению этих двух больших проблем.

Вышеприведенные соображения в большой степени подтверждают верность моего тезиса о том, что классическая философия науки как моральнонейтральной, безоценочной системы знаний не только неверна, но и чрезвычайно опасна. Она не просто аморальна, она антиморальна. Она ведет нас навстречу огромной опасности. И потому я вновь подчеркну, что науку делают люди, люди, подверженные слабостям и обуреваемые страстями, как это блестяще продемонстрировал в своей работе Полани (126). Наука должна стать этическим кодексом. Как утверждал Броновски (16), достаточно признать абсолютную ценность истины, достаточно начать служить ей, и все придет само собой. В качестве третьего достаточного условия добавлю, что достаточно начать искать ценности и обнаруживать их в самой природе

человека. Я бы даже сказал, что наука уже приступила к этому - по крайней мере в той степени, в какой подобное утверждение, не подтвержденное убедительными доказательствами, может звучать хоть сколько-нибудь правдоподобно. Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении методики познания вполне позволяют установить, что хорошо для человека, что полезно для него, а значит выявить резервы человеческой природы - как с целью их сохранения, так и ради их увеличения, для того, чтобы сделать человека более здоровым и мудрым, более эффективным и счастливым, более способным к самоопределению.

Данные, полученные при помощи этих исследований, помогают определить стратегические направления будущих биологических исследований. Первое основывается на том факте, что между психическим и физическим здоровьем человека существует синергическая взаимосвязь. Большинство психиатров, а также многие из психологов и биологов сейчас вынуждены признать, что практически все болезни, а может статься, все без исключения, можно отнести к разряду психосоматических или организмических. То есть, если серьезно и глубоко заняться изучением <соматического> заболевания, то неизбежно всплывут его интрапсихические, интраперсональные и социальные детерминанты. Я ни в коем случае не предлагаю этерифицировать туберкулез или переломы. Но известно, что и в развитии туберкулеза немалую роль играют социальные факторы, что одной из причин его является бедность. Что касается переломов, то доктор Данбер (30) однажды решила использовать группу больных с переломами как контрольную, предположив, что здесь психологические факторы не играют абсолютно никакой роли, и к своему изумлению обнаружила и в этой группе следы психологического влияния. Теперь мы можем говорить о существовании особого типа людей, склад личности которых увеличивает риск получения травмы, равно как и о существовании особого рода обстоятельств, увеличивающих риск, я имею в виду так называемые <группы риска>. Если посмотреть на проблему под этим углом зрения, даже перелом кости должно считать психосоматическим

или, вернее сказать, <социосоматическим> заболеванием. Я говорю все это к тому, что сегодня биологи, врачи и медики-исследователи, желающие облегчить человеческие страдания и боль, стремящиеся победить болезни, должны быть более холистичны в подходе к любому заболеванию, они обязаны учитывать психологические и социальные факторы, вызывающие его. В частности, даже борьба с раком может быть эффективна только при полномасштабном наступлении на эту болезнь, включающем в себя наряду с многими другими и так называемые <психосоматические факторы>. Тому мы получаем сегодня многочисленные подтверждения.

Другими словами, все говорит за то (пусть пока это скорее научное предвидение, а не данные специальных исследований), что работа над созданием нового, здорового человека, работа над расширением его резервов, например, при помощи психиатрической терапии, может повысить сопротивляемость болезням и. как следствие, увеличить продолжительность его жизни.

О гуманистической биологии

35

Всем известно, что недостатки в питании приводят к заболеванию, которое традиционно называют <авитаминозом>. Но точно так же подобного рода депривации в сфере высших потребностей, метапатологии (см. главу 23), как я их называю, вызывают у человека болезни духовного, или философского, или экзистенциального плана. И это тоже своего рода авитаминоз.

Подведем краткий итог. Невозможность удовлетворить базовые психологические потребности, такие как потребность в безопасности, любви, уважении, самоуважении, идентичности и самоактуализации, приводит к болезням и разного рода расстройствам, которые принято называть неврозами и психозами. Однако даже люди, в полной мере удовлетворяющие свои базовые психологические потребности, люди, которых с полным основанием можно отнести к разряду самоактуализирующихся личностей, которыми движет стремление к истине, добру, красоте, справедливости, порядку, законности и прочим высоким ценностям, эти люди также могут испытывать депривацию на метамотивационном уровне. Неудовлетворение этих высших, метамотивационных, потребностей24, или утрата человеком ценностных ориентиров, приводит к расстройствам, которые я называю общей и частичной метапатологией. Я утверждаю, что эти заболевания продолжаюттот же ряд проявлений недостаточности, что и цинга, пеллагра, любовный голод и другие. Поясню. Человеку пришлось столкнуться с неизвестной болезнью, и человек стал искать причину этой болезни - именно таким образом была обнаружена потребность организма, например, в витаминах, минералах и аминокислотах. Значит, потребностью было сочтено то, недостаток чего привел к болезни. Продолжая эту мысль, я утверждаю, что описанные мною базовые потребности и метапотребности являются в прямом смысле биологическими потребностями и что их депривация приводит к разного рода заболеваниям. Именно поэтому я и употребляю придуманный мною термин <инстинктоподобный>: намой взгляд, факты убедительно доказывают, что эти потребности относятся к фундаментальным структурам человеческого организма, что под ними существует некое генетическое основание, пусть даже и очень слабое. И я абсолютно убежден, что рано или поздно мы обнаружим биохимические, неврологические, эндокринные субстраты и органы в человеческом организме, которые объяснят нам на биологическом уровне происхождение этих потребностей и этих заболеваний (см. Приложение D).

О предсказаниях будущего

За последние несколько лет на нас обрушился поток конференций, симпозиумов, книг, не говоря уже о газетных и журнальных статьях, на

тему того, каким будет наш мир в 2000 году и в следующем столетии. Я просмотрел эту <беллетристику>, если можно назвать ее так, и был скорее встревожен ею, нежели нашел в ней что-либо поучительное для себя. Почти в девяноста пяти случаях из ста авторы посвящают свое перо описанию технологического рая

(или ада), ожидающего нас в XXI веке, и ни один из них не затрагивает вопросов добра и зла, пользы и вреда. Временами весь этот ажиотаж и наплыв статей, толкующих о новых машинах, об искусственных органах, о новых типах автомобилей, поездов, самолетов, и наконец, о еще больших, еще лучших холодильниках и стиральных машинах, потрясает меня своей аморальностью. Временами он пугает меня, особенно когда кто-нибудь походя упомянет о возрастающей угрозе массового уничтожения или даже о возможности полного исчезновения человека как биологического вида.

Очень симптоматично, что в подобного рода конференциях и симпозиумах обычно принимают участие ученые, чьи работы никак не связаны с изучением человека. Уже одно это обстоятельство само по себе может служить объяснением определенного рода слепоты, серьезной недооценки реальных проблем, стоящих перед человечеством. Среди участников обсуждения огромное множество физиков, химиков, геологов, а среди биологов явно преобладают представители молекулярной биологии, науки, грешащей не столько описательностью, но, напротив, редуцирующей отношение к живому до биологической мелочности. Характерно, что и психологи, и социологи, которые все же изредка выступают по этим проблемам, тоже являются представителями прикладных разделов своих наук, и, поскольку приглашают их на роль <экспертов> в дискуссии, то их выступления обычно также нейтральны и безоценочны.

Словом, совершенно ясно, что вопрос <прогресса> в данном случае понимается лишь как вопрос прогресса инструментов и никак не соотносится с проблемой цели, с той очевидной истиной, что умные и сильные инструменты в руках глупых или жестоких людей приведут к еще большей глупости или еще большей жестокости и что в таком случае технологический <прогресс> не столько полезен, сколько опасен.

Я могу выразить свое беспокойство иначе, я могу подчеркнуть, что во всех прогнозах и рассуждениях о 2000-м годе звучат понятия только материального плана, такие как <индустриализация>, <модернизация>, <рост благосостояния>, <общество изобилия>, и пресловутый прогресс тоже касается лишь материальной стороны жизни человечества, например, рассуждения об использовании морских богатств для увеличения производства пищевых ресурсов или о том, как эффективнее обустроить города, чтобы справиться со стремительным ростом населения, и т. д.

Подобные футурологические прогнозы настолько поверхностны, что в большинстве случаев мне не удалось обнаружить в них ничего более, чем беспомощные экстраполяции в будущее, линейное продолжение кривых на графиках развития. К примеру, в одном из них говорится, что при существующих темпах роста численность населения к 2000-му году будет намного превышать сегодняшние показатели, в другом - что при существующих темпах урбанизации к 2000-му году будет столько-то и столько-то городов. Как будто мы не в состоянии планировать наше будущее, как будто мы не

можем изменить тенденции, которые вьвывают у нас беспокойство. Я,

например, считаю, что при планировании будущего следует подумать о мерах по сокращению численности населения. Я не вижу никаких причин, по крайней мере биологических, по которым человечество, если оно возьмется, не смогло бы справиться с этой задачей. То же самое можно сказать и в отношении структуры городов, или в отношении количества выпускаемых автомобилей, или в отношении воздушных перевозок. Я полагаю, что подобные прогнозы, учитывающие только сложившуюся ситуацию и сложившиеся тенденции, сами по себе являются побочным продуктом нашей безоценочной, чисто описательной концепции науки.

2

Неврозы как ошибка личностного развития

Я предпочел бы обсудить лишь несколько аспектов этой темы, но отнюдь не для того, чтобы быть более доходчивым, а отчасти потому, что в настоящее время работаю именно над ними, отчасти потому, что считаю их особенно важными, но главным образом потому, что на них обычно не обращают внимания.

Традиционно, с медицинской точки зрения, невроз25 рассматривается как поддающееся описанию патологическое состояние или как болезнь. Но подобный подход явно страдает однобокостью, и потому мы предлагаем взглянуть на невроз диалектически, увидеть в нем своеобразное движение человека вперед, к здоровью, к раскрытию и реализации своего человеческого потенциала, движение неуклюжее, слабое и робкое, порожденное не мужеством, но страхом, - словом, мы предлагаем увидеть не только текущее состояние больного, но и заглянуть в его будущее.

Имеющиеся данные (пока в основном это клинические данные, но мы видим, как к проблеме подключаются и иные исследователи) уже позволяют нам утверждать, что практически в каждом человеке и уж наверняка в каждом новорожденном ребенке заложено активное стремление к здоровью, заложена тяга к развитию, к актуализации человеческого потенциала. Но, постулировав подобный тезис, мы должны тут же с грустью оговориться, что лишь очень немногие люди реализуют свой потенциал. Лишь небольшая часть населения достигает точки самоидентичности, или <самости>, точки полной самоактуализации - даже в нашем обществе, которое является одним из самых благополучных на земле. Вот он, величайший парадокс. В нас от роду заложен импульс к воплощению своей <человечности>. Но почему нам так редко удается реализовать его? Что мешает нам?

Я только что изложил новый подход к феномену человека - я признал его огромные потенции и одновременно выразил глубокое разочарование тем, насколько редко и насколько неполно они реализуются. Этот подход про-

тивоположен ныне принятому, подходу <де факто>, когда выявляемые константы тут же, априори рассматриваются в качестве нормы, как это, например, делал Кинси и как сейчас делают в своих опросах телевизионные журналисты. Такой описательный, безоценочный подход к человеку, когда за норму выдают среднее арифметическое, подталкивает нас к выводу, что эта <нормальность> - лучшее, чего мы можем ждать от человека, и потому должны довольствоваться ею. Но я склонен считать такого рода <норму> скорее болезнью, или уродством, или задержкой человеческого развития, которые встречаются сплошь и рядом и которых мы не замечаем. В связи с этим мне вспоминается старый учебник по психопатологии, которым я пользовался на последних курсах университета - книга сама по себе ужасная, но с замечательным фронтисписом. По нижнему его краю был пущен ряд младенцев - череда восхитительно-розовых, сладких, невинных младенцев. А у верхнего края

была размещена картинка, изображавшая пассажиров метро - с серыми, угрюмыми, кислыми физиономиями. Подпись внизу была чрезвычайно проста: <Что случилось?> Вот и я о том же.

Сразу оговорюсь: то, над чем я работаю сейчас и чем собираюсь поделиться с вами, касается стратегии и тактики научного исследования, это скорее подготовка к исследованию, попытка изложить клинические данные и данные моих собственных наблюдений таким образом, чтобы их можно было рассмотреть под научным углом зрения, то есть перепроверить и уточнить их, найти им подтверждения или опровергнуть их, убедиться в правильности или ошибочности интуитивных догадок и так далее и тому подобное. Для этой цели, а также для тех, кто интересуется философскими проблемами, я хотел бы вкратце остановиться на некоторых теоретических вопросах, важных для понимания следующих разделов. Это извечная философская проблема взаимоотношения факта и его значения, того, что есть, и того, что должно быть, проблема описания и оценки, - ужасная проблема, вставшая перед философами сразу с рождением этой науки и до сих пор не решенная ими. Я хотел бы поделиться своими размышлениями по этому поводу, размышлениями, которые помогли мне обойти эту философскую загвоздку - сделать выбор из двух путей в пользу третьего.

Двойственные понятия

Основной прием, о котором я собираюсь вести речь и который позаимствован мною частично у гештальт-психологов26, частично у клиницистов и психотерапевтов, опирается на допущение сократовского толка, допущение о том, что факты сами указывают нам, как с ними обходиться, или, другими словами, что в глубине самого факта заложены некоторые векторные характеристики. Исследователь не домохозяйка, а факты не блины, которые он складывает в стопку, где они будут тихо и смирно лежать до ужина; правильнее будет представить его путешественником, а всплывающие

перед его взором явления - верстовыми столбами, отмеряющими дистанцию его пути и указывающими ему направление движения. Факты <зовут>, они влекут исследователя, они, как сказал Кёлер (62), <требовательны> по своей природе. У меня часто возникает ощущение, что человек осознает, что он должен делать или как он должен поступать, только когда он окажется в гуще процесса, только когда он что-то начнет понимать о нем: получив этот необходимый минимум знаний, он наконец может сформулировать проблему, сделать моральный выбор, решить, так или иначе ему поступить. Общеизвестен психотерапевтический принцип: чем больше люди узнают о себе, чем больше они осознают себя, тем проще им принимать решения.

Я предполагаю, что существуют такие явления и такие понятия, которые по своей сути являются одновременно и оценочными, и описательными. Я называю их <двойственными понятиями>, имея в виду сплав в объеме понятия как определения явления, так и его оценки, и поэтому все, что я буду излагать дальше, следует понимать как попытку разрешить старое философское противоречие между <существующим> и <желанным>.

Что касается меня, то я занял позицию - и думаю, что смогу убедить в ее уместности всех своих читателей - откровенно нормативную, с самого начала задавая вопросы типа: что есть норма? Что такое хорошо? Что полезно для человека? Мой старый учитель, профессор философии, который до сих пор по-отечески расположен ко мне и трогательно проявляет свои чувства и к которому я до сих пор отношусь с большим почтением, время

от времени присылает мне обеспокоенные письма. В них он мягко журит меня за то, что я так лихо, по-кавалерийски, обращаюсь с извечными проблемами философии. Он пишет: <Неужели вы не понимаете, что вы делаете? Человечество билось над этой проблемой две с лишним тысячи лет, а вы вот так просто решили не замечать ее. Вы с беспечностью мальчишки мчитесь на коньках по этому хрупкому льду>. Я помню, как, пытаясь объясниться, однажды писал ему, что именно таким образом и должен поступать исследователь, что это стратегия - со всевозможной быстротой проскальзывать мимо философских проблем. Еще я писал, помнится, что для решения стратегической задачи распространения знания в отношении вечных философских проблем следует занимать строгую позицию <непреклонной наивности>. Именно этой позиции я и придерживаюсь сейчас. Я считаю это проявлением эвристичности мышления27 исследователя, и потому нисколько не стесняюсь рассуждать о том, что такое хорошо и что такое плохо, и даже выступать при этом в качестве третейского судьи. В одной из своих работ я писал о хороших и плохих картинах и не затруднился дать следующую сноску: <Плохими картинами я называю те, которые мне не нравятся>. Я считаю, что категоричность в оценках - не такая уж плохая стратегия. При изучении здоровых людей, самоактуализирующихся людей можно заметить постепенную, но неуклонную замену отчетливо нормативных, откровенно личных оценок на

все более объективные понятия описательного характера, что в конце концов привело, например, к возможности появления стандартизованного теста28 на самоактуализацию (137). Самоактуализацию сейчас можно определить инструментально, так же, как давно уже определяют интеллект, то есть самоактуализация стала объектом испытания. Она хорошо коррелирует с различного рода объективными переменными, и исследователи продолжают накапливать данные о новых и новых взаимосвязях. Поэтому я ощущаю эвристическую оправданность моей позиции <непреклонной наивности> в начале исследования. Слишком многое из того, что я предвидел интуитивно, находит себе подтверждение в исследованиях, цифрах, таблицах и диаграм-

мах.

Я предлагаю обратить пристальное внимание на такое понятие как <человечность>, на понятие, пока в большей степени описательное (по сравнению с понятием <самоактуализация>), однако содержащее в себе достаточный элемент нормативности. Я надеюсь, что таким образом мы продвинемся от интуитивного, эвристического взгляда в сторону большей определенности, большей надежности, большей объективности, что в научно-теоретическом плане может оказаться чрезвычайно полезным. Формулу нашего движения в этом направлении и сам способ мышления подсказали мне около пятнадцати лет назад аксиологические труды Роберта Гартмана (43), который определил <добро> как меру исполнения чем-либо (или кемлибо) своего предназначения, как степень воплощения заложенной в нем идеи. Это привело меня к мысли, что для исследовательских целей концепция человечности может быть представлена как явление, поддающееся количественному определению. К примеру, можно представить человечность как реестр качеств, а именно: принять утверждение, что человек должен характеризоваться способностью к абстрагированию29, умением выражать свои мысли, способностью любить, иметь определенные ценности, уметь переступать через свое <я> (то есть не быть эгоистичным) и прочее, прочее, прочее. При желании можно составить полный перечень обязательных человеческих качеств. Сама мысль о подобной затее может заставить нас содрогнуться, но она может оказаться и полезной, особенно если исследователь будет исходить из

предпосылки, что понятие <человечность>, будучи одновременно и описательным, и количественным, должно сохранить также и нормативную составляющую, что с его помощью можно будет определить, что этот конкретный человек более человечен по сравнению с другим. <Человечность> - одно из тех <двойственных> понятий, о которых я говорил выше: оно действительно и дескриптивно, и объективно, потому что не несет в себе следа моих пристрастий и вкусов, моей индивидуальности, моих неврозов, - мои неосознанные стремления, страхи, опасения и надежды зна-

чительно легче остаются за рамками исследования <человечности>, нежели в случае с <психологическим здоровьем>.

Стоит только взяться за определение таких понятий как <психологиче ское здоровье> или <психологическая норма>, и очень скоро вы обнаружите, как велико искушение привнести в них свое понимание ценностей или заняться самоописанием, или описанием того, каким вы желали бы видеть себя, или того, каким, по вашему мнению, должен быть человек. Вам придется постоянно бороться с этим искушением, и вы поймете, что в данном вопросе сохранить объективность возможно, но очень и очень трудно, И даже потом, преодолев трудности, вы не сможете отбросить сомнения. Вдруг вы отобрали не тех людей для эксперимента или пользовались неверными критериями отбора? В конце концов, ошибки неизбежны, если отбор осуществляется на основе собственных суждений и диагнозов, а не на объективных данных.

Несомненно, использование двойственных понятий дает нам большие преимущества, чем использование чисто нормативных понятий, и при этом мы избегаем самой страшной ловушки, в которую попадает ученый, рассматривающий науку как исключительно безоценочную, ненормативную, а следовательно, над-человеческую систему знаний. Двойственные подходы и двойственные понятия позволяют нам сдвинуть процесс научного познания с чисто феноменологических, эмпирических позиций в направлении большей надежности, большей валидности30, большей точности, большей уверенности, большей согласованности с иными путями познания и в сторону большего согласия с ними.

К двойственным однозначно следует отнести такие понятия, как зрелый, развитый, недоразвитый, слабый, цветущий, искусный, неумелый, и другие им подобные. В языке есть много других слов, в которых менее очевидно это смешение дескриптивного и нормативного начал. И может так случиться, что со временем мы привыкнем воспринимать эти двойственные понятия как эталонные, нормальные, естественные и основные. И тогда понятия только описательного характера или только оценочные покажутся нам производными от них и неуклюжими. Мне кажется, что это необходимый элемент нового гуманистического мировоззрения, стремительно обретающего ныне зримые формы*.

Прежде всего, и я уже писал об этом (95), эти понятия слишком над- и внепсихичны, они не учитывают важности самосознания31, интрапсихических или личностных способностей человека, таких, например, как способность наслаждаться музыкой, способность к медитации и созерцанию, способность получать наслаждение от запахов, способность чувствовать соб-

* В связи с этим мне кажется более полезным ввести в научный обиход понятие <вочеловеченность>, вместо таких понятий как <социальная компетентность>, <эффективность> и им подобных.

ственные желания и т. д. Однако умение жить в гармонии с собой не

менее ценно, чем коммуникативные навыки32 и социальная компетентность.

Но самое главное - с точки зрения элегантности научной теории и изящества исследовательской стратегии - отвергаемые мною понятия менее объективны и не в такой степени поддаются измерению, нежели перечень качеств, составляющих суть человечности.

Необходимо добавить, что я не рассматриваю ни одну из предлагаемых мною моделей познания как замену медицинской модели. Я не вижу необходимости противопоставлять их. Болезни ослабляют и унижают человека, и потому в наших исследованиях мы постоянно будем обращаться к проблеме болезни в связи с проблемой человечности. Но если при лечении опухолей, инфекционных заболеваний, язв и подобных болезней медицина незаменима, то в тех случаях, когда мы имеем дело с невротическими, характерологическими и духовными расстройствами, ее методы оказываются явно недостаточными.

Недочеловечностъ

Использование понятия <вочеловеченность> вместо понятия психологического здоровья неизбежно приводит нас к необходимости заменить затертое, лишившееся всякого смысла понятие <невроз> на понятие <недочеловечность>. В этом словесном конструкте основной упор делается на явление утраты или недостаточной актуализации человеком своих способностей и возможностей, что, вполне очевидно, подлежит и доступно измерению. Это явление легче поддается стороннему наблюдению, наблюдению за поведенческими проявлениями, и потому его гораздо легче исследовать, нежели, к примеру, тревогу, компульсивность или репрессию. Оно позволяет поставить в один ряд традиционные психиатрические заболевания, травмы, задержку и отставание развития, вызванные нищетой, непомерной эксплуатацией, порабощением и прочими уродливыми социальными явлениями, а также относительно новые расстройства ценносте- и целеполагания, экзистенциальные нарушения, встречающиеся у представителей экономически привилегированной части общества. Оно хорошо применимо при объяснении таких социально-личностных пороков, как наркомания, психопатия, авторитаризм, преступность и многих других, которые с большой натяжкой можно назвать <болезнями> в медицинском смысле этого слова, в отличие, например, от опухоли мозга.

Столь радикальное отступление от медицинской модели понимания болезни назрело давно. Понимаемое буквально, понятие <невроз> обозначает болезнь нервов - и мы сегодня вполне можем обойтись без этого реликтового понятия. Кроме того, ярлык <психологическое заболевание> помещает невроз в то же дискурсивное пространство, в котором размещены язвы, органические поражения, инфекционные заболевания, переломы и

опухоли. Но сегодня уже не вызывает сомнений, что на неврозы следует смотреть как на расстройства духа, что, говоря о неврозах, следует обязательно иметь в виду такие вещи, как утрата человеком смысла существования, сомнения по поводу целей жизни, горе и злость по поводу неразделенной любви, переосмысление человеком своего жизненного пути, потерю мужества и надежд, неприятие самого себя, осознание того, что жизнь прожита напрасно, неспособность радоваться и любить и т. д.

Это - ощущение неполноты вочеловеченности, чувство ущерба, невозможности исполнения своего - человеческого - предназначения. Это - признание того, что нечто в душе осталось непознанным и неиспользованным. Лечебная гимнастика и профилактическая терапия, конечно, способны в некоторой степени повлиять на патогенез подобных

нарушений, но роль этих методов несравнима с той огромной ролью, которую играют здесь социальные, экономические, политические, религиозные, образовательные, философские, аксиологические и семейные факторы.

Субъективная биология

Есть и другие серьезные преимущества, которые может дать нам эта психологическая, философская, образовательная и духовная модель познания. Одно из них, на мой взгляд весьма немаловажное, состоит в том, что такая модель познания побуждает нас к надлежащему концептуальному рассмотрению биологических и конституциональных оснований, без которых не обойтись при обсуждении проблем личности, ее самоидентичности и развития, проблем сущностной терапии, вочеловеченности или недочеловечности, проблем саморасширения и любых подобных этим. Короче говоря, я считаю, что человек, стремящийся к вочеловеченности, неизбежно должен пройти через осознание своей самости. Это очень важно - понять, что ты представляешь из себя - биологически, конституционально, характерологически - как представитель данного вида, осознать свои возможности, желания, потребности, а также свои склонности и свое предназначение.

Говоря без обиняков, первым совершенно необходимым аспектом этого самопознания является осознание своей биологии, осознание того, что я называю <инстинктоподобным> (см. Приложение D), то есть осознание своего животного начала. Именно это пытается делать психоанализ. Он старается помочь человеку осознать свои животные потребности, побуждения, предпочтения, тревоги. То же самое имеет в виду и Хорни, говоря о реальном <Я> и <псевдо-Я>. Не является ли это попыткой дискриминировать то, чем в действительности является человек? А что в действительности есть человек, как не собственное тело, собственная конституция, собственное функционирование, собственная принадлежность к виду? (Мне доставляет истинное наслаждение, qua theorist, представить, какое прелестное согласие могло бы

Неврозы как ошиока личностного развития

возникнуть между Фрейдом, Гольдштейном, Шелдоном, Хорни, Кеттеллом, франклом, Мэем, Роджерсом и Мюрреем. Возможно, даже Скиннер присоединился бы к этой разношерстной компании, поскольку я подозреваю, что его перечень <внутренних побуждений> человека был бы очень похож на <иерархию инстинктоподобных базовых потребностей и метапотребностей>,

которую предлагаю я!)

Я верю, что можно провести эту грань и на самых высших уровнях личностного развития, там, где человек трансцендирует свою индивидуальность (85). Я считаю, что выдвинул веские аргументы в пользу принятия возможной инстинктоподобной природы высших ценностей, тех, которые мы называем духовными или философскими. Даже эта, персонально обнаруженная аксиология, по моему мнению, может быть подведена под категорию <феноменология инстинктоподобной природы человека>, или <субъективная биология>, или <эмпирическая биология>.

Размещение в едином, количественно измеримом, пространстве человечности всех заболеваний, которыми заняты психиатры и терапевты, всех нарушений, которые дают пищу для раздумий экзистенциалистам, философам, религиозным мыслителям и социальным реформаторам, дает нам огромные теоретические и научные преимущества. Мало того, мы можем разместить в этом же континууме разнообразные виды здоровья, о которых мы уже знаем, в полной палитре их проявлений, как в пределах границ здоровья, так и за пределами оного - я разумею здесь проявления самотрансценденции33, мистического слияния с абсолютом и прочие

проявления высочайших возможностей человеческой натуры, которые нам раскроет будущее.

Внутренние сигналы

Использование такого подхода сразу же дало мне одно несомненное преимущество: я обратил внимание на явление, которое сначала назвал <внутренним голосом>, но впоследствии принял термин более общего порядка, - <внутренние сигналы>. До этого я не вполне осознавал, что большинство неврозов, как впрочем и многие другие нарушения, вызываются затуханием внутренних сигналов или их полным исчезновением у человека (как в случае жестокой обсессии34, например). Человек или не улавливает их, или они становятся для него непонятными. Как крайнюю степень проявления подобной бесчувственности можно представить себе человека без эмпирического опыта, эмпирически пустого человека, человека-зомби. И в этом случае восстановление внутреннего <Я> непременно должно включать в себя восстановление чувствительности к этим сигналам и способности понимать их. Человек должен знать, что он любит и что он не любит, кто ему нравится и кто не нравится, что приносит ему радость, а что вызывает у него неудовольствие, когда ему принимать пищу, когда отправляться ко сну, когда мочиться, когда

отдыхать.

здоровье и патология

Эмпирически пустой человек, лишенный внутренних подсказок, человек с безголосым <Я>, вынужден искать указаний на стороне. Так, например, он ест не тогда, когда чувствует аппетит (он не чувствует его), а когда ему велят часы. В своем поведении он руководствуется часами, правилами, календарем, расписаниями, записной книжкой, а также намеками и подсказками своего окружения.

Мне кажется, что на этом примере можно отчетливее понять, что я имел в виду, когда предлагал интерпретировать невроз как ошибку лично стного роста, как кризис вочеловеченности. Это утрата того, чем мог стать человек, или, вернее, чем он должен был стать по своему биологическому предназначению, - если, конечно, у него не было объективных помех для роста и развития. Это оскудение его человеческих и личностных возможностей, сужение его вселенной и его способности к осознанию ее. Это арест заложенных в человеке возможностей. В качестве примера можно привести пианиста, который не может играть перед многочисленной аудиторией, или человека, страдающего навязчивым страхом высоты или скоплений народа. Человек, который не в состоянии обучаться, или не может спать, или отказывается от многих видов пищи, несомненно, так же ограничен в возможности полноценного познания мира, как и незрячий. Когнитивные потери35, утрата способности испытывать радость, наслаждение, экстаз', потеря компетентности, невозможность расслабиться, ослабление воли, боязнь ответственности - все это препятствия на пути к вочеловеченности, или недочеловечность.

Я обрисовал некоторые преимущества, которые дает нам замена понятий <психологическое здоровье> и <болезнь> на более прагматические, доступные и поддающиеся количественному измерению понятия <вочеловеченность> и <недочеловечность>, которые более логичны и понятны в рамках биологической и филосо4)ской наук. Но прежде чем пойти дальше, я хочу заметить, что недочеловечность может быть как обратимой, так и необратимой. Так, например, параноик вселяет в нас гораздо меньше оптимизма, чем, скажем, милый, очаровательный истерик36. И конечно же, этот ущерб не статичен, он динамичен в духе фрейдизма. В своем первоначальном варианте фрейдизм говорил о внутренней диалектике между импульсом и защитой от этого импульса. Точно так же и ущерб человечности приводит к определенным последствиям и вызывает к жизни определенные процессы. Очень редко все

ограничивается только ущербом вочеловеченности. У большинства людей подобного рода утрата способностей не только пробуждает всевозможные защитные механизмы, хорошо описанные Фрейдом и другими представителями психоанализа, такие как репрессия, отрицание, конфликт и др., - но она порождает и стремление противостоять, о чем я писал уже очень давно (110).

* Колин Уилсон в работе <Introduction to the New Existentialism> (159) показал, как сказывается на жизни человека потеря способности к высшим переживаниям.

Неврозы как ошиока личностными ризиити>

Конфликт сам по себе, несомненно, является проявлением некоторого здоровья. Думаю, с этим согласится всякий, кто хоть раз в своей жизни видел действительно равнодушного, апатичного, утерявшего надежду человека, человека, который перестал надеяться, бороться, пере стал реагировать. С этой точки зрения невроз не может не обнадеживать. Внутренний конфликт обозначает, что человек, испытывающий страх, не верящий в себя, человек со сниженной самооценкой и т. д., тем не менее тянется к человеческому наследию и к тем понятным радостям жизни, на которые каждый из людей имеет право просто в силу своей принадлежности к человеческому роду. Можно повторить, что конфликт в данном случае - это неуверенное, неуклюжее стремление к самоактуализации, к вочеловеченности.

Конечно, ущерб может быть восполнен. Очень часто мы видим, как простое удовлетворение доселе неудовлетворяемых потребностей может решить проблему, особенно у детей. Вполне очевидно, что для того, чтобы <вылечить> ребенка, которого мало любили, его следует первым делом окружить вниманием и заботой. У меня нет статистических данных, но, основываясь на своем клиническом и житейском опыте, я могу смело заявить, что такая тактика срабатывает в девяти из десяти случаев. Таким же образом человеку, терзающемуся от чувства собственной никчемности, уважение станет лучшим лекарством. Все это приводит нас к очевидному выводу: поскольку медицинские понятия <здоровья> и <болезни> совершенно затерлись и обветшали, то и традиционные представления о лечении и уходе, осуществяемыми властными докторами, должны быть отброшены и заменены другими.

Комплекс Ионы

Я хочу рассмотреть одну из многих причин того, что Энджиел (4) назвал уклонением от роста и развития. Каждый из нас имеет тягу к улучшению самого себя, стремление к актуализации своих возможностей, к самоактуализации, или тенденцию к вочеловечиванию, или к осуществлению своей человечности, - называйте это как хотите. Но если так, то что сдерживает

нас? Что мешает нам?

Я хотел бы остановиться на одном из защитных механизмов37, препятствующих личностному росту, на который до сих пор почти не обращали внимания и который я называю здесь <комплексом Ионы>*.

В черновиках я называл этот механизм <боязнью собственного величия>, <уклонением от своего предназначения>, <бегством от своих талантов>. Со всей возможной прямотой и остротой я хотел бы подчеркнуть не фрейдистское происхождение этого термина, подчеркнуть, что в данном слу-

* Название предложено моим другом, профессором франком Мануэлем, с которым я обсуждал эту проблему.

www.koob.ru

чае человек сдерживает как худшие, так и лучшие свои позывы, хотя и поразному. Практически каждый из нас мог бы добиться в своей жизни большего, чем достиг. В каждом из нас есть нереализованные или нераскрытые возможности. Ясно, что многие из нас уклоняются от пути, предначертанного нам природой. Мы пытаемся избежать ответственности, которую возлагает на нас (или вернее, предлагает нам) наше устройство, наша судьба, а иногда и случай, точно так же, как Иона тщетно пытался избежать своей миссии.

Мы боимся своих лучших способностей (как и своих низших побуждений). Мы боимся быть такими, какими представляем себя в краткие, прекрасные минуты прозрения, в самые совершенные моменты своей жизни, собрав все свое мужество в кулак. Мы восхищаемся собой и даже испытываем благоговейный трепет перед божественными возможностями, которые обнаруживаем в себе в эти прекраснейшие мгновения жизни. Но мы одновременно трепещем от ужаса перед ними и чураемся их.

Мне было нетрудно продемонстрировать это своим студентам, просто спросив их: <Кто из вас, сидящих в этой аудитории, желает или надеется написать великий роман, или стать сенатором, или губернатором, или президентом? Есть ли кто-нибудь, кто хотел бы стать генеральным секретарем Организации Объединенных Наций? Или великим композитором? Кто из вас мечтал стать безукоризненным до святости, как Швейцер, к примеру? Есть ли ктонибудь, кто надеется внести заметный вклад в историю человечества?> После такого вопроса все они, как правило, смущенно хихикали, пожимали плечами и краснели. И тогда я задавал следующий, вполне логичный, вопрос: <Если не вы, то кто?> Точно так же, как я понуждал своих студентов соизмерить себя с высочайшими вершинами человеческих устремлений, я мог бы спросить сейчас у вас: <Что за великую книгу пишет каждый из вас втайне от остальных?> Я не сомневаюсь, что на этот вопрос многие покраснеют и возмущенно фыркнут. Но разве он неправомочен? Кто, если не психологи, должен писать книги по психологии? Я могу спросить: <Разве вы не хотите стать психологами?> - <Хотим>. - <Раз так, значит, вы собираетесь быть пассивными, безголосыми психологами. Но какой в этом смысл? Это не самый лучший путь к самоактуализации. Нет, вы должны стремиться стать первоклассными психологами, в самом лучшем значении этого слова, лучше, чем вы можете себе представить. Если же вы намеренно стремитесь стать меньшим, чем можете стать, тогда я должен предупредить вас, что вы будете глубоко несчастны всю свою жизнь. Вы не реализуете ваши таланты, ваши способности>.

Мы испытываем и стремление, и страх не только по отношению к своим собственным высшим возможностям, но мы также отягощены постоянной, универсальной - и, возможно, даже закономерной - амбивалентностью по отношению к высшим возможностям других людей и возможностям человеческой природы в целом. Разумеется, мы восхищаемся и преклоняемся перед честными, благородными, духовно чистыми, святыми людьми. Но возьмется ли кто-нибудь, кто заглядывал в глубины человеческой души, отрицать, что наше отношение к благородному и святому человеку двойственное, а порой даже враждебное? А если человек красив? Или велик? Или ге-

ний? Не нужно быть психотерапевтом, чтобы понять происхождение этого феномена - поэтому назовем его <встречной оценкой>. История дает нам множество тому подтверждений, я бы даже сказал, что во всей истории

человечества нельзя найти ни одного исключения. Мы, конечно, любим великих людей, мы восхищаемся ими, воплотившими в себе все самое лучшее, что может быть в человеке, - добро, справедливость, красоту, совершенство, успех, - но при этом испытываем неловкое чувство, тревогу, беспокойство, а возможно даже ревность и зависть. Эти люди как будто напоминают нам о нашей собственной малости, нашей неуклюжести, неловкости. Они лишают нас самоуверенности, самообладания, самоуважения. (Ницше по-прежнему остается лучшим учителем в этом вопросе.)

Здесь-то и спрятан ключ к разгадке. По моему мнению, великие люди уже самим фактом своего существования и теми качествами, которыми они прославились, вольно или невольно принижают нас. Даже если мы не осознаем этого, не понимаем, почему при встрече с таким человеком или при одном упоминании о нем мы чувствуем себя глупыми, или безобразными, или низкими, мы тем не менее отвечаем проекцией, а именно, реагируем так, словно этот человек действительно желает унизить нас, как если бы мы были мишенью для его добродетелей (54). Наша враждебность по отношению к нему вполне объяснима. И мне представляется, что только осмысление и понимание способны победить эту враждебность. То есть, если вы найдете в себе силы осознать и проанализировать вашу собственную встречную оценку самого себя, понять истоки вашего бессознательного страха и ненависти к настоящим, благородным, красивым людям, тогда вы, наверное, сможете побороть свою неприязнь к ним. Я могу продолжить эту мысль и предположить, что, если вы научитесь любить высочайшие возможности другого человека, то вы не будете бояться обнаружить их в себе.

Отсюда же проистекает страх перед высшим началом, классическое описание которого дал Рудольф Отто (125). Если сопоставить наше соображение с мыслями Элиаде (31) о сакрализации и десакрализации, то становится ясна и универсальная причина этого страха. Это - боязнь прямой конфронтации с богом или богоподобным. В некоторых религиях неизбежным следствием подобной конфронтации считается смерть. В верованиях многих народов с примитивной культурой присутствуют местность или предметы, на которые наложено табу, поскольку они в силу своей сакральности могут быть опасными для человека. В последней главе моей <Psychology of Science> (81) я приводил и другие примеры, преимущественно научные и медицинские, связанные с десакрализацией и ресакрализацией, и пытался объяснить психодинамику этих процессов. В основе ее, как правило, лежит страх, благоговейный ужас перед высшим и лучшим. (Я хочу подчеркнуть, что это страх необходимый, оправданный, здоровый, естественный, в отличие от фобии32 или страха <быть излеченным>.)

Дело в том, что этот душевный трепет не надо воспринимать исключительно в черных красках, от него не нужно прятаться или бежать. Это чувство может оказаться и полезным, оно может принести человеку даже радость, даря ему мгновения наивысшего восторга и экстаза39. Познание причин соб-

ственных страхов, возможность заглянуть в себя или <проработка> по Фрейду являются лучшим ответом им. Это лучший путь из всех известных мне, позволяющий человеку в конечном итоге согласиться со своими высшими возможностями, взрастить заложенные в нем зерна величия и добродетелей, мудрости и талантов, которые он до поры скрывал в себе или старался не замечать.

Много пользы мне принесли попытки понять, почему экстаз бывает, как правило, кратким и мимолетным (88). Ответ более чем очевиден. Мы

просто не в силах вынести большего! Экстаз потрясает и отнимает много сил. Мы часто слышим от человека в такие мгновения: <Это слишком!>, или:

<Я не вынесу этого>, или: <Я сейчас умру>. И я, сторонний наблюдатель, не мог не чувствовать - да, он действительно может умереть. Невозможно долго находиться в состоянии исступленного, бредового счастья. Наш организм слишком слаб для собственного величия, так же как не приспособлен он, например, для часового оргазма.

Слово <экстаз> кажется мне теперь гораздо более подходящим, чем поначалу. Высшее переживание должно быть экстатичным и кратким, и на смену ему должно прийти спокойное, созерцательное состояние счастья и радость внутреннего постижения высших ценностей. Экстаз не может быть вечным, но познание Бытия - может (82,85).

Разве это не помогает нам понять комплекс Ионы? Ведь это и был именно такой страх перед всепоглощающим, лишающим рассудка, спокойствия и, быть может даже, жизни, страх перед экстазом причастности к высшему началу. Экстаз в конце концов действительно может не уместиться внутри нас. Страх поддаться ему, страх, который напоминает нам об аналогичных страхах при фригидности, может быть, на мой взгляд, понят лучше через знакомство с литературой по психодинамике и глубинной психологии, а также психофизиологии и психосоматике эмоций.

Но это не единственный психологический механизм, с которым я столкнулся, пытаясь найти причины, препятствующие самоактуализации. Уклонение от роста может быть вызвано в том числе и еще одной разновидностью страха. Об этом явлении, которое я называю <страхом перед паранойей>, известно давно и рассказано гораздо более универсальным образом. Легенды о Прометее и Фаусте можно найти практически в любой культуре*. Греки, например, называли это страхом величия. Мы привыкли называть это <гордыней> и сочли одним из грехов - судя по всему, взаимоотношения человека со своей высокой самооценкой от века были проблематичными. Человек, который говорит себе: <Да, я буду великим философом, я перепишу Платона и сделаю это лучше него>, неизбежно испытывает ужас от грандиозности своих притязаний и грядущего величия. В минуту слабости он говорит себе:

<Кто? Я?>, и замысел кажется ему неосуществимым, и он страшится его как безумной фантазии. Он сравнивает себя, такого слабого, неуверенного, не-

Блестящая книга Шелдона (135) не слишком часто упоминается в трудах по этому вопросу, но возможно только потому, что она появилась раньше времени (1936).

совершенного человека, с блистательным, сияющим, совершенным образом Платона и, разумеется, начинает стыдиться своей претенциозности и гордыни. (В чем он не отдает себе отчет, так это в том, что Платон, скорее всего, чувствовал то же самое, однако шел вперед, отметая сомнения.)

Для некоторых людей подобное уклонение от роста и развития, намеренное занижение уровня притязаний, страх взяться за то, на что они способны, психологическое членовредительство, псевдоидиотизм, лукавое самоуничижение - все это способы защититься от приступов высокомерия, нахальства, греховной гордыни. Они не могут соблюсти изящный баланс между смирением и смелостью, необходимый в любом творчестве. Для того, чтобы изобретать или творить, вы должны обладать <творческим

нахальством>, об этом прекрасно известно каждому изобретателю. Разумеется, если изобретатель богат только творческим нахальством и не способен к смиренному анализу, то это не кто иной как параноик. В любом случае стоит осознавать не только свои божественные возможности, но и объективные ограничения человеческой природы. Вы должны уметь смеяться над собой так же, как и над претензиями других людей. Если вы способны искренне позабавиться над тем, что червяк пытается стать богом (162), тогда вы можете смело и нахально идти вперед, не боясь впасть в паранойю и не страшась злобных взглядов завистников. Это хороший способ проверить себя.

Могу предложить вам еще одну подобную технику, которую лучше всего, на мой взгляд, применял Олдос Хаксли, поистине великий человек, именно в том смысле, о каком я сейчас говорю. Он умел поверить в свой талант, развить и проявить его в полной мере. Это удавалось ему потому, что он беспрестанно поражался этому миру, не уставал находить в нем интересное и новое для себя, как юноша удивлялся тому, что окружает его, и часто повторял: <Как странно! Как замечательно! Как удивительно!> Он умел смотреть на мир широко открытыми глазами, принимать его с неиссякаемой невинностью, трепетом и восторгом, умел осознать свою мизерность и незначительность по сравнению с этим миром и в то же время спокойно и безбоязненно брался за решение великих задач, которые смело ставил перед собой.

И наконец, я отсылаю вас к моей статье (87), которая важна здесь не только в связи с ее содержанием, но еще потому, что она скорее всего окажется первой в серии статей по этой проблеме. Ее название <Потребность в знании и боязнь знания> хорошо иллюстрирует то, что я хочу сказать о каждой из внутренних, или первичных, ценностей, которые я назвал ценностями Бытия. Я хочу сказать, что эти первичные ценности, которые, по моему мнению, являются одновременно и высшими потребностями, или метапотребностями, как я называю их в главе 23, наряду с базовыми потребностями подчиняются основной схеме фрейдизма относительно импульса и защиты от этого импульса. Совершенно очевидно, что каждый из нас нуждается в правде и любви и стремится найти их. Но так же легко согласиться с мыслью, что правда нас страшит. Зачастую постижение прав-

ды автоматически влечет за собой необходимость принять на себя ответственность за те или иные поступки, а это может вызвать у нас тревогу. Отсюда следует очевидный способ избежать ответственности и связанной с ней тревоги - избегать правды.

Я уверен, что мы обнаружим такую же диалектику для каждой из ценностей Бытия; можно себе представить серию статей с заголовками типа <Зов к прекрасному и смущение от прекрасного>, или <Любовь и раздражение>, или <Стремление к идеалу и разрушение его>. Разумеется, этот механизм встречной оценки гораздо сильнее развит у невротиков40, но мне кажется, что всем полезно будет понять, что мы смотрим на окружающий нас мир через призму мелочных придирок к нему. И я считаю, что лучший способ побороть эти чувства, такие как зависть, ревность, предвзятость и раздражительность, - это преобразовать их в смиренный восторг, благодарность, признательность, обожание и даже преклонение, осознать и проработать их (см. Приложение В). Это верный путь к чувству собственной малости, слабости и никчемности и к согласию с ними, все дальше от тягостной необходимости защищать в борьбе свою надуманную значительность (49).

На мой взгляд, очевидно, что понимание этих основных экзистенциальных проблем поможет нам принять ценности Бытия не только в других, но и в

www.koob.ru

себе, и, следовательно, избавит нас от комплекса Ионы.

3

О самоактуализации и о том, что выходит за ее пределы

Идеи, вынесенные мною для обсуждения в этой главе, достаточно сыры, они еще в работе и далеки от того, чтобы быть прописанными жирным шрифтом формулировок. Я делился своими мыслями и рассуждениями о самоактуализации со студентами, с коллегами и обнаружил, что понятие самоактуализации все больше напоминает мне тест Роршаха. Зачастую, выслушав мнение того или иного человека, я понимал, что беседа принесла мне больше в смысле понимания этого человека, но отнюдь не в смысле объяснения искомого понятия. Я сейчас хочу рассмотреть лишь отдельные аспекты природы самоактуализации, мне интересна она не сама по себе, как некая абстракция, но в смысле того, как она проявляется в отдельных конкретных ситуациях. Что мы можем сказать о самоактуализации этого конкретного человека в этот конкретный момент? Как сильна она во вторник в четыре часа пополудни?

С чего я начал изучать самоактуализацию. У меня никогда и в мыслях не было заняться исследованием самоактуализации, и первый мой интерес к этой проблеме не носил исследовательского характера. Началось все с того, что я, тогда еще молодой интеллектуал, захотел понять двух своих учителей, которых любил до обожания, которыми восхищался, которые на самом деле были чудесными людьми. Это было своего рода интеллектуальное посвящение. Мне было недостаточно просто обожать их, мне хотелось понять, почему эти два человека так не похожи на других в этом суетном мире. Эти двое были Рут Бенедикт и Макс Вертхаймер. Когда я, молодой доктор философии, приехал с запада в Нью-Йорк, именно они стали моими учителями, и, еще раз повторюсь, они были замечательными людьми. То, что я узнавал о психологии, ничуть не помогало мне понять их. Как будто они были не совсем люди, а чем-то большим. Мое исследование началось как преднаучная деятельность. Я описывал Макса Вертхаймера и Рут Бендикт в своем дневнике. По ходу того, как я пытался понять их, размышлять о них и писать о них, в один чудесный день меня вдруг озарило, что у моих испытуемых есть много об-

щего. С этого дня я мог размышлять об определенном типе человека, а не о двух несравненных людях. Это открытие доставило мне огромную радость. Я искал их черты в других людях и находил их, -я находил их в одном человеке за другим.

С точки зрения стандартов классического лабораторного исследования, я разумею здесь точное и управляемое исследование, мой эксперимент не заслуживал этого гордого звания. Мои выводы явились результатом моего пристрастного отбора определенного типа людей. Очевидно, что для полноценного исследования необходимы были и другие типы людей и беспристрастные арбитры. А пока это выглядело так, что некий человек встретил десяток-другой людей, которые понравились ему, которые восхитили его своими качествами, которых он счел замечательными, затем попытался понять их и обнаружил, что в них есть нечто общее, укладывающееся в один синдром, в модель, которая применима к этому десятку человек. Понятно, что то были люди только западной культуры, люди, отобранные на основании пристрастий и предубеждений данной культуры. И все же мое описание, а это была моя первая публикация по этому вопросу, впервые предлагало экспериментально полученное определение самоактуализации, пусть не до конца достоверное.

После той моей публикации появилось шесть, или восемь, или даже десять

других исследователей, которые, следуя своим подходам и своим пристрастиям, подтвердили полученные мною данные. Данные, полученные Карлом Роджерсом (128) и его студентами, подтверждают существование выявленного мною синдрома в целом. Бугенталь (20, с. 266-267) подтвердил мои выводы с точки зрения психотерапии. Эксперименты с ЛСД41 (116), исследования эффектов терапии, результаты, полученные при помощи новых тестов, - несмотря на разницу методов подкрепляют мои выводы и мою уверенность в необходимости подобного рода исследований. Лично я испытываю большое удовлетворение от этого. Мне трудно представить себе исследование, которое смогло бы кардинально изменить предложенную мною модель самоактуализированной личности, хотя предполагаю, что некоторые поправки, скорее косметического свойства, неизбежны. По прошествии времени я и сам вынужден был несколько скорректировать эту модель. Но, согласитесь, уверенность в собственной правоте - это еще не научный факт. Если вы, проверяя данные исследований, полученные мною на обезьянах или собаках, усомнитесь в моей компетентности или, например, назовете меня лжецом, то мне нетрудно будет найти доводы, чтобы возразить вам. Но у вас есть гораздо больше оснований усомниться в данных моих исследований, касающихся самоактуализации, поскольку вы должны учитывать, что за человек отбирал группу для своего эксперимента, а отбор в данном случае зачастую предопределяет

выводы. Выводы подобных исследований всегда лежат в области преднаучного, но аргументы, подкрепляющие их, должны быть приведены в форму, подлежащую перепроверке. Только в этом случае их можно счесть научными.

Люди, отобранные мною для исследования, были пожилыми людьми, прожившими большую часть своей жизни, и внешне успешными. Мы пока не знаем, применимы ли наши выводы к молодым людям, не знаем, что означает самоакгуализация в рамках-других культур. Сейчас проводятся исследования самоактуализации в Китае и Индии. Мы не знаем, каковы будут результаты этих исследований, но одно для меня несомненно: если вы отберете для тщательного изучения хороших, здоровых людей, людей умных, сильных, творческих и добродетельных, - то есть таких, каких отобрал я, - вы начнете иначе смотреть на человечество. У вас обязательно возникнет научный интерес к тому, каких высот может достичь человек и чем он может стать в конце концов?

Моя убежденность распространяется и дальше - как говорится, <чутье подсказывает мне>. Но здесь у меня еще меньше объективных данных, чем в описанном мною выше случае. Трудно очертить границы самоакгулизации, но еще сложнее ответить на вопросы: что дальше? Что следует за самоактуализацией? Или, если хотите: что нужно человеку после аутентичности? Чтобы ответить на эти вопросы, уже недостаточно просто быть честным перед собой. Что можем поведать мы о людях, пришедших к самоакгуализапии?

Ценности Бытия. Самоактуализированные люди, все до одного, увлечены чем-то, что не относится непосредственно к насущным запросам их естества, чем-то внешним по отношению к ним. Они самозабвенно преданы какому-то делу, они работают над чем-то, что очень дорого им, - они поглощены неким призванием или посвятили себя служению, в старом, религиозном смысле этого слова. Они трудятся по призванию судьбы и настолько любят свое дело, что мучительного выбора <дело или потеха> для них не существует. Один из них посвящает всю свою жизнь служению закону, другой - борьбе за справедливость, третий - красоте или истине. И все они, так или иначе, посвящают себя поиску того, что я назвал (89) ценностями Бытия, -поиску главных, вечных, лежащих в

основании всего ценностей, которые не могут быть подчинены никаким другим, более важным. Их около четырнадцати, этих высших ценностей, ценностей Бытия, в их числе истина, красота и добродетель древних, среди них простота, ясность и еще несколько. Подробнее я говорю о них в главе 9, а полностью их перечень приведен в приложении к моей книге <Religions, Values, and Peak-Experiences> (85). Это то, что я хотел сказать о ценностях Бытия.

Метапотребности и мета-патология. Существование ценностей Бытия придает структуре самоактуализации известную сложность. Эти ценнос-

ти в данном случае выступают в роли потребностей и соответственно ведут себя. Я назвал такие потребности метапотребностями. Депривация метапотребностей вызывает определенные виды патологий, большинство из которых до сих пор не были адекватно описаны, и я называю эти патологии метапатологиями. Из их числа, к примеру, угнетение духа, происходящее оттого, что человек вынужден жить в окружении неискренних людей и не в состоянии никому поверить. По моему мнению, если мы уже приняли необходимость существования специальных врачей, воспитателей и психотерапевтов для решения проблем, вызываемых неудовлетворением низших потребностей, то в скором времени мы осознаем необходимость и метасоветников, людей, которые могли бы помочь людям решить проблемы и справиться с болезнями, вызванными неудовлетворенными метапотребностями. В некотором - понятном - смысле и в некоторой - известной - степени красота необходима человеку так же, как пища голодному желудку или отдых усталому телу. Я осмелюсь заявить даже, что ценности Бытия более важны для большинства людей, чем любые другие, что именно они и определяют смысл человеческой жизни, несмотря на то, что многие люди не решаются признаться себе в этом. Пожалуй, первой задачей метасоветников и станет помощь людям в осознании этих потребностей, точно так же, как классический психоаналитик помогает пациенту осознать свои инстинктоподобные базовые потребности. Возможно, когда-нибудь появятся и особые разновидности метасоветников, специализирующиеся на философских или религиозных аспектах метапотребностей.

Среди нас есть люди, которые уже сейчас пытаются помочь своим подопечным приблизиться к самоактуализации. Обычно люди, обращающиеся за такой помощью, с головой погружены в проблему ценностного самоопределения. Среди них зачастую встречаются совсем молодые люди, в сущности чудесные ребята, хотя и кажутся на первый взгляд наглыми детьми. Но я стараюсь видеть в них (подчас вопреки их вызывающему поведению) истинных идеалистов, в классическом смысле этого слова. Я предполагаю, что они взыскуют общечеловеческих ценностей и очень хотели бы посвятить себя чему-нибудь достойному, найти для себя такое дело, которое могли бы полюбить и которому могли бы отдаться целиком. Эти молодые люди пребывают в состоянии постоянного выбора между движением вперед и назад, между самоактуализацией и регрессией. Что мог бы посоветовать таким людям метасоветник? Каким образом можно достичь самоактуализации?

#Пути к самоактуализации

Что происходит с человеком, стремящимся к самоакгуализации? Может, он скрежещет зубами? Или, наоборот, погружается в благостную саморефлексию42 и наливается святостью? Что означает движение к самоактуализации

О самоактуализации и о том, что выходит за ее пределы

в смысле внешних проявлений, на поведенческом уровне? Я опишу восемь приемов, способных помочь человеку приблизиться к самоактуализации.

Во-первых, самоактуализация - это переживание, переживание всепоглощающее, яркое, самозабвенное, с полной концентрацией и абсолютной погруженностью в него. Это переживание, в котором нет и тени юношеской робости, только в моменты таких переживаний человек воистину становится человеком. Это мгновения самоакгуализации, мгновения, когда человек проявляет свое <Я>. В жизни каждого человека случаются такие моменты. И наша задача - помогать своим клиентам испытывать их как можно чаще. Мы в состоянии подтолкнуть их к полной поглощенности чем-то, и это заставит их забыть о привычных позах, о всех защитных масках, поможет не вспоминать о робости и смущении - словом, <сорваться с цепи>. Мы обнаружим, каким приятным может быть это состояние для людей. На лице <крутого> молодца, только что напускавшего на себя вид циничного равнодушия, мы заметим бесхитростное про стодушие, даже некую детскость - лицо его озарится невинностью и внутренним светом, он будет поглощен этим моментом и переживанием его. Ключевое слово здесь - <самозабвенность>. Как часто нашей молодежи недостает ее, она слишком поглощена собой, слишком осознает себя.

Во-вторых, можно представить себе жизнь как бесконечную череду выборов, которые мы должны совершать один за другим. И в каждом случае это выбор между движением вперед и регрессом. Можно выбрать путь в сторону большей защищенности, в направлении полной безопасности, и тягловой силой в этом путешествии будет страх, но можно устремиться к росту и расцвету личности. Если сегодня вы все свои выборы сделали в пользу развития, это значит, что сегодня вы сделали несколько шагов в сторону самоактуализации. Самоактуализация -это процесс, он предполагает, что каждый раз, делая выбор, мы выбираем, что достойнее остаться честным, а не лгать, что честнее не красть, чем красть, или, обобщая, - каждый из вставших перед нами выборов мы совершаем в пользу личностного роста. Это и есть движение к самоактуализации.

В-третьих, уже в самом понятии <самоактуализация> заключается утверждение, что есть некая <самость>, подлежащая актуализации. И в самом деле, человек не tabula rasa, не бесформенная каменная глыба, не ком глины или пластилина. В человеке всегда что-то заключено, в любой момент он уже состоялся, по крайней мере в своей <хрящевой> структуре. По крайней мере как биологический индивидуум, со своим темпераментом, биохимическими реакциями и т. д., а следовательно, в нем уже есть некая <самость>. То, что я называл <способностью чувствовать внутренние сигналы>, позволяет постичь ее. Современный человек (особенно это относится к детям, к молодежи) привык прислушиваться не к своим внутренним сигналам, а к голосам других в себе - к голосу матери, отца, к голосу общества, к голосам старших, к голосу власти или традиций.

Здоровье и патология

В качестве простейшего первого шага к самоактуализации я иногда предлагаю своим студентам сделать следующее. Я советую, например, когда им предлагают бокал вина и затем спрашивают, как понравилось, не торопиться с ответом. При этом ни в коем случае не смотреть на наклейку на бутылке, чтобы ничто не подталкивало их на мысль, должно или нет это вино нравиться. Нужно закрыть глаза, если это удобно, и <послушать тишину>. Только тогда, когда они погрузятся в себя,

отключат голоса внешнего мира, они смогут почувствовать истинный вкус вина и обратиться за мнением к <верховному арбитру>, который есть внутри каждого. И уже после этого, но только после этого, они могут вернуться оттуда к спрашивающему и ответить: <мне нравится> или <мне не нравится>. Заявление, сделанное таким образом, отличается от обычного попугайничанья, которому мы все привержены. Я и сам недавно на одной из вечеринок поймал себя на том, что, повертев в руках бутылку, стал нахваливать хозяйку за то, что она выбрала очень хороший скотч. Но тут же остановил себя: <Что я говорю? Я же почти ничего не знаю о скотче. Я повторяю то, о чем твердят в рекламных роликах. Я даже представления не имею, хорош этот скотч или плох>. Однако это не только мой грех, все мы поступаем подобным образом. Отказаться бездумно поступать так, как принято большинством, это широкий шаг к постижению себя. Как это понравится твоему желудку? Придется ли это по вкусу твоему языку? Любишь ли ты на самом деле этот салат-латук?

В-четвертых, если у вас есть выбор, будьте лучше честными, чем нет. Я вполне прикрылся этой оговоркой <если у вас есть выбор>, так что нет нужды обвинять меня в неделикатности. Очень часто, даже имея выбор, мы предпочитаем слукавить. Пациенты психологов и психотерапевтов редко бывают искренни. Они предпочитают продолжать привычные игры и что-то изображать из себя. Их не так-то просто заставить быть искренними перед собой. Попробуйте честно спросить с себя ответ за свои поступки и за свой выбор, и вы обязательно почувствуете ответственность перед собой. А это уже само по себе - огромный шаг на пути к самоактуализации. Вопрос ответственности пока мало изучен. В наших учебниках ничего не говорится о результатах исследований ответственности, может быть потому, что это явление невозможно изучить на крысах. Однако для психотерапевта эта проблема почти осязаема. Лишь посредством психотерапии можно увидеть, почувствовать и постичь, что являет собой ответственность. И честно принять ее на себя. Это величайший поступок. Каждый раз, принимая на себя ответственность, человек самоактуализируется.

В-пятых, до этого мы говорили о самозабвенном переживании, о выборе в пользу развития, о необходимости слушать внутренние сигналы и о пользе честности и ответственности. Все это помогает нам приблизиться к самоактуализации и помогает нам вернее принимать решения. Человек, ко-

торый, делая выбор, каждый раз выполняет все эти малые условия, вскоре обнаружит, что он тем самым обогащает возможности своего главного выбора и приближается к тому, что ему предписано его судьбой. Он поймет, каково его предназначение, кого ему держаться, а кого сторониться, какова его миссия. Невозможно быть мудрым в главном, не умея прислушиваться к себе, к своему Я, в каждый конкретный момент жизни, не решаясь твердо сказать себе: <Я не люблю то-то и то-то>.

Искусство, на мой взгляд, сейчас узурпировано малочисленной элитой, которая взяла на себя смелость формировать вкусы и мнения большинства, но лично я к этим вкусам и к утверждениям этих людей отношусь с большим подозрением. Это суждения adhominem, они, вероятно, возможны в устах людей, которые присвоили себе право решать: <Вам должно нравиться то, что нравится мне, если же этого не происходит, значит, вы ничего не понимаете>. Мы же, со своей стороны, должны учить людей следовать их собственным вкусам и предпочтениям. Большинство людей привыкли не делать этого. К примеру, когда вы будете в художественной галерее, остановитесь перед какой-нибудь странной картиной и прислушайтесь к тому, что говорят вокруг. Могу поспорить, что вы вряд ли услышите: <Какая странная картина>. Недавно в Брандэйском университете давали хореографическое представление - это было

причудливое, фантасмагорическое зрелище, с электронной музыкой, развевающимися лентами и танцорами, откалывавшими сюрреалистические и дадаистские штуки. Когда представление закончилось и включили свет, люди сидели с ошеломленными лицами и явно не знали, как отреагировать на увиденное. Обычно в таких ситуациях люди заговаривают о чем-нибудь постороннем или, в лучшем случае, принимаются обсуждать какие-то частности, вместо того, чтобы сказать: <Мне нужно подумать об этом>. В данном случае сказать то, что у вас на уме, обозначало бы осмелиться отличиться от окружающих, <высунуться>, прослыть выскочкой, нонконформистом. Если психотерапевт не может научить своего клиента, неважно, молодого или пожилого, не бояться <высунуться>, то он должен отказаться от своей работы. Говоря другими словами - когда вы чувствуете приближение страха, всегда решайтесь быть мужественным.

В-шестых, самоактуализация - это не только конечная станция нашего путешествия, но и само путешествие, и движущая сила его. Это ежеминутная актуализация всех наших чувствуемых и даже лишь предощущаемых возможностей. Например, вы обязательно станете более смышлеными, когда узнаете, на что способен ваш интеллект. Самоакгуализация непременно задействует интеллектуальные способности43 человека. Вам не обязательно совершать героические поступки, но нужно быть готовым к ежедневному и кропотливому труду выявления и вскрытия собственных возможностей. Когда пианист мучает гаммы и тянет пальцы в сложных ак-

кордах - он самоактуализируется. Самоактуализация - это работа над тем, к чему вы стремитесь. Решение стать рядовым врачом - не лучший выбор для самоактуализирующейся личности. Обязательно нужно стремиться стать самым лучшим врачом, нужно хотеть в наибольшей степени раскрыть свои возможности.

В-седьмых, высшие переживания (85,89) -лишь мимолетный момент самоактуализации. Это миг удачи, который нельзя купить, который невозможно организовать, которого не стоит ждать. Человек, по словам Льюиса, должен быть <настигнут радостью>. Но человек может стремиться стать таким, чтобы как можно чаще переживать эти мгновения высшего торжества. Освобождаясь от иллюзий, отказываясь от ложных идей, постигая свои возможности и свою ограниченность, он лучше поймет самого себя.

В жизни каждого человека обязательно были мгновения высших откровений, но не каждому было дано прочувствовать их. Бывает так, что люди просто не обращают внимания на эти мимолетные мистические праздники души. Вот еще задача для метасоветников - помогать людям почувствовать мгновения истинного откровения (124), если уж они случаются. Однако каким образом душа сможет заглянуть в чужую душу и говорить с нею? Ведь у предметов духовного мира нет очертаний и нет доски, на которой можно было бы нарисовать их для большей ясности. Нам необходимо выработать новый способ коммуникации. Я предлагаю свой вариант. Он описан в другом приложении к моей книге <Religions, Values, and PeakExperiences> под названием <Рапсодическая коммуникация>. Я полагаю, такой вид коммуникации относится скорее к разряду педагогических способов общения, скорее приспособлен для того, чтобы советовать, помогать взрослым людям выявить и развить таланты, нежели к той педагогике, где строгий учитель указует на что-то, начертанное на доске. Если мне нравится музыка Бетховена, если я слышу в его квартете что-то такое, чего не слышите вы, как мне научить вас моему умению? Для вас это просто набор звуков. Я слышу красоту и гармонию, а вас они не трогают, вы слышите только звуки. Как мне обучить вас слышать красоту? Это гораздо более серьезная проблема педагогики, чем

обучение алфавиту или арифметическим правилам, или рассмотрение внутреннего устройства препарированной лягушки. Для предметов внешнего мира у учителя есть доска, на которой он изобразит понятные очертания, и есть указка, которой он направит на предмет внимание ученика. Такая, внешняя, предметная педагогика проста, внутренняя гораздо сложнее, но столь же необходима для духовного наставничества. Это метапедагогика.

В-восьмых. Осознав, кто вы такой и что из себя представляете, что вы любите и чего не любите, что хорошо для вас и что плохо, к чему вам нужно стремиться и в чем ваше призвание, - одним словом, вскрыв свою сущ-

ность, - вы обнажите и собственную психопатологию. Вы поймете свои защитные механизмы и соберете все свое мужество, чтобы отказаться от них. Это болезненный процесс, потому что эти механизмы помогают нам не замечать того, что нам неприятно. Но ради результата стоит стерпеть боль. Если психоанализ чему-то и научил нас, так это тому, что репрессия - не лучший путь решения проблемы.

Десакрализация. Позвольте мне порассуждать об одном из таких защитных механизмов, о котором совсем не упоминается в учебниках психологии, притом, что мне часто приходилось обнаруживать результаты его работы у многих молодых людей. Это механизм двсакрализации. Такие молодые люди разуверились в общечеловеческих ценностях и морали. Они чувствуют себя обманутыми, им кажется, что их жизнь и жизнь их окружения течет по другим законам. Родители многих из них подвержены дурным пристрастиям и не заслуживают сыновнего уважения, они сами утеряли все ориентиры в этой жизни, зачастую они просто боятся своих детей, никогда не наказывают их и не предостерегают от недостойного поведения. Вполне естественно, что подростки в ответ на такой стиль воспитания начинают презирать родителей - и зачастую имеют на то веские основания. Они умеют обобщать и делают это решительно и категорически: почувствовав однажды лицемерие, исходящее от родителей, они не хотят слушать никого из старших, особенно если старшие говорят с ними тем же языком, что и их родители. Ведь они слышали, как их родители рассуждали о подвигах, о доблести, о славе, и в то же время видели, что сами они ни во что не ставят эти понятия.

Они привыкли скептически соизмерять человека с его словами и не хотят видеть, чем он мог бы стать, не хотят знать о его символическом предназначении, не могут оценить его бесконечных возможностей. Так, к примеру, был обесценен секс. Секс для нашей молодежи - не более чем отправление естественной потребности, и они привыкли отправлять его столь буднично, относиться к нему столь приземленно, что секс почти утратил свою поэтическую компоненту, а это значит, что он утерял практически все. Самоактуализация предполагает отказ от этого защитного механизма и восстановление морально-ценностной насыщенности человеческого существования или обучение ресакрализации*.

Ресакрализация. Ресакрализация означает желание и готовность посмотреть на человека <глазами вечности>, если воспользоваться выражением Спинозы, или иначе - воспринять человека так, как это делали сред-

* Я вынужден изъясняться при помощи таких непростых слов, потому что наш язык годится только для очень хороших людей. В нем нет мало-мальски незатертых слов для обозначения добродетели. Даже такие прекрасные слова как <любовь> опорочены их неловким употреблением.

невековые христиане, воспринять его как нечто целое и неделимое, наделенное и святостью, и бессмертием, и символическим предназначением. Это означает, к примеру, уметь видеть в конкретной, живой женщине Женщину с большой буквы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Или другой пример. Представим себе, что некто обучается медицине и препарирует человеческий мозг. Несомненно, если этот студент-медик не наделен унитивным восприятием, не испытывает должного трепета, если он исследует мозг только как анатомический объект, его исследование будет ущербным, а его душа - обделена. С другой стороны, человек, готовый к ресакрализации, увидит эту часть организма в свете его священного предназначения, оценит его символическое величие, постигнет мозг и свои действия над ним как логическую формулу, услышит поэзию, звучащую в стенах анатомического театра.

Обычно ресакрализация предполагает использование выспренных, напыщенных слов, выражений и умозаключений; <слишком старомодно> (<навязло в ушах, бабушкины сказки> и т. д.), могут сказать подростки. Но несмотря на это, для метасоветника, особенно имеющего дело со взрослыми людьми, перед которыми встают философские вопросы взаимоотношений с богом и с собственной жизнью, это самый полезный способ помочь человеку в достижении самоактуализации. Пусть молодежь считает это старомодным, пусть логики и позитивисты клеймят нас за <пустопорожние> разговоры -для человека, обратившегося к нам за помощью, эти разговоры полны глубокого смысла и очень важны, и лучше нам найти ответы на его вопросы, иначе мы, мы сами, не исполним своего предназначения.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что самоактуализация - не миг, когда нас озаряет высшее блаженство. Не стоит ожидать, что во вторник в четыре часа пополудни зазвучат фанфары и вы войдете в сонм богоподобных. Самоактуализация - это напряженный процесс постепенного роста, кропотливый труд накопления маленьких достижений. Часто наши клиенты ждут, что их осенит некое божественное вдохновение и они смогут сказать сами себе: <Во вторник в три часа двадцать три минуты я самоактуализировался!> Люди, которых я считаю самоактуализирующимися, люди, которые смогли соответствовать всем критериям этого понятия, шли к этому шаг за шагом: они прислушивались к своему внутреннему голосу, они были ответственны и честны перед собой и другими, они много работали. Они познали свою сущность, поняли, кто они есть и что из себя представляют, и не только в высоком смысле своего жизненного предназначения, но и в более простом и житейском: они поняли, что их ноги болят, когда они носят ту или иную обувь, они поняли, любят они или не любят баклажаны, сколько пива им можно выпить, чтобы продолжать держаться достойно. Все это составляет живого человека. Они познали свою собственную биологию, то, что дано им от природы, то, что невозможно или очень трудно изменить.

О самоактуализации и о том, что выходит за ее пределы

Так видится мне путь человека к самоактуализации. Продолжая рассуждения на эту тему, уместно будет задать вопрос: каким должен быть советник человека на этом пути? Как наставить человека и указать ему верную дорогу?

Поиск модели. Я буду пользоваться словами <терапия>, <психотерапия> и <пациент>. На самом деле мне неприятны и эти слова, и та модель медицины, которая стоит за ними. Эта модель предполагает, что человек,

обратившийся к психотерапевту, нездоров, она заведомо диагностирует некую болезнь или расстройство и обрекает человека на некое лечение. Я же считаю, что психотерапевт должен не лечить человека, но помочь ему раскрыть возможности его собственной природы.

Даже слово <помощь> в данном случае не очень уместно. Оно заставляет воспринимать психотерапевта как некого мудреца, с высоты своего превосходства поучающего простых смертных, не ведающих, что они творят, и нуждающихся в наставлении. Психотерапевта нельзя сравнить и с учителем, в традиционном понимании этого слова, потому что наши учителя, если в чем и преуспели, так это в сфере <предметного обучения> (смотри об этом в главе 12), в то время как процесс личностного роста является сущностным познанием.

Экзистенциальные терапевты тоже поднимали вопрос модели научения, и я рекомендовал бы работу Бугенталя <The Search for Authenticity>. Бугенталь предлагает использовать термин <онтогогика>, подчеркивая тем самым свой тезис, что терапевт должен помогать людям достигнуть наибольшего возможного для них личностного роста. Возможно, этот термин лучше передает смысл метатерапии, чем предложенный как-то мною термин <психогогика>, который я позаимствовал у одного немецкого автора и который буквально означает <обучение души>. Но какие бы термины мы ни использовали в рассуждениях об этих предметах, мне кажется, нам не удастся избежать столкновения с понятием, давно предложенным Альфредом Адлером. В данном случае я имею в виду его размышления о <старшем брате>. Старший брат - это человек с любящим сердцем, который берет на себя ответственность за другого человека (других людей), как за своих меньших братьев. Понятно, что старший брат умнее, потому что он старше, но по сути он такой же, потому что он брат. Он находится в той же реальности. Умный, любящий старший брат желает направить младшего на лучший путь, хочет, чтобы тот стал лучше, но не посягает на желания и устремления младшего. Как это непохоже на традиционную модель <умный учитель-глупый ученик>!

Такого рода наставничество не имеет ничего общего ни с поведенческим тренингом, ни с армейским <Делай как я!>, ни с традиционной педагогикой, диктующей ребенку, как следует вести себя и как не следует. В ней нет

ничего от пропаганды. Это именно то, что можно назвать даоистическим раскрытием сущности человека и только затем - помощь. Даосизм по сути своей предполагает невмешательство, уважение к чужой индивидуальности. Даосизм - это не философия попустительства, невнимательного отношения, отказа от помощи. Даосистом мы можем, например, назвать терапевта, который - оставаясь хорошим терапевтом и хорошим человеком - никогда не посягнет на то, чтобы поставить себя выше пациента, внушать ему какието идеи или пытаться слепить из пациента свое подобие.

Хороший терапевт должен помочь своему клиенту увидеть себя, пробиться сквозь защитные механизмы к его <самости>, он должен помочь клиенту познать себя. В идеале он должен быть идейно бесстрастным. Пациенту нет никакого дела до его профессиональных установок, до учебников, по которым он учился, до семинаров, которые он посещал, до его взглядов и убеждений - пациент не должен чувствовать всего этого. Если терапевт с уважением относится ко внутреннему миру своего пациента, к его возможностям, к тому, что составляет саму сущность его <младшего брата>, он укажет ему путь к лучшей жизни, лежащий через более полное использование имеющихся у пациента ресурсов, в направлении более полного исполнения его предназначения. Люди, которых мы с такой легкостью называем <больными> - это люди, которые еще не успели или не

смогли стать самими собой, люди, нагромоздившие неуклюжие баррикады невротических защитных механизмов и забывшие, по какую сторону находится их союзник - их собственное человеческое начало. Не все ли равно цветущей розе, кто ухаживает за ней - итальянец, француз или швед? Так же и для младшего брата совсем не важно, каким образом его старший брат постиг то, что ему дано. Главное, что он берется помочь ему, и с этой точки зрения не имеет никакого значения, швед он или католик, мусульманин или фрейдист.

Эти положения носят общий характер, они включают в себя основные положения фрейдизма и других психодинамических теорий, подразумевают их и ничуть не противоречат им. Разве утверждение о том, что неосознанные аспекты <Я> подавлены и что обнаружение истинного <Я> требует раскрытия неосознанных мотивов подавления и самих этих аспектов, звучит не пофрейдистски? В этом утверждении подразумевается, что правда целительна. И необходимые условия для этого - научиться вскрывать подавленное, научиться познавать себя, слышать свой внутренний голос, обнаружить побеждающую силу своей природы, достичь знания, просветления и причастности к истине.

Так и Лоуренс Куби (64) совсем недавно в своей книге <The Forgotten Man in Education> выдвинул мысль о том, что конечная цель образования и педагогики - это помощь человеку стать самим собой, стать человеком, помощь в наиболее полном раскрытии его возможностей.

О самоактуализации и о том, что выходит за ее пределы

OJ

Если же говорить не о детях, а о взрослых, то нужно признать, что здесь нам тем более есть с чем работать. Они уже вступили на этот путь - они уже обнаружили в себе какие-то возможности, таланты, призвания. И если мы примем на вооружение предложенную мною модель психотерапии, то перед нами встанет благородная задача помочь им стать более совершенными и более самовоплощенными, привести их к более полной самоактуализации, к большему пониманию того, что они есть и чем могут стать.

Часть II

Креативность

4

Креативность и готовность к ней

Мне кажется, что концепция креативности44 и концепция здоровой, самоактуализирующейся личности, вочеловеченного человека становятся все ближе и ближе друг другу, и однажды может так случиться, что они сольются в одно целое.

Другой вывод, к которому я постепенно склоняюсь, хотя и не располагаю достаточно убедительными подтверждениями, состоит в том, что обучение творчеству, или, вернее, обучение через творчество может быть чрезвычайно полезно не столько для подготовки людей к творческим профессиям или к производству продуктов искусства, сколько для создания хорошего человека. Если вспомнить тот круг целей образования, который я очертил, если мы действительно хотим, чтобы наши дети стали более человечными, чтобы они актуализировали все, заложенное в них, то станет понятно, что единственным способом обучения, который хоть как-то пытается приблизиться к достижению этих целей, является обучение через творчество. В данном случае я рассуждаю об обучении через творчество не потому, что оно добилось каких-то достижений, а потому, что оно, при правильной постановке вопроса, может стать

альтернативой всем другим видам обучения. То есть вместо того, чтобы продолжать относиться к нему как к элитарному изыску, как к неуместной роскоши, как происходит это сейчас, мы можем обратиться к нему со всей серьезностью, доработать его и добиться таких результатов, о которых сегодня можно только догадываться. Я думаю, однажды мы сможем начать учить наших детей даже счету, даже чтению и письму, учитывая творческую компоненту личности ребенка. Я сейчас собираюсь говорить об образовании в целом. Именно поэтому меня интересует обучение через творчество - мне представляется, что в нем заложены большие возможности.

Креативность

Другая причина моего интереса к творческому обучению, к креативности, к психологическому здоровью и т. д. состоит в том, что, по моему глубокому убеждению, темп движения истории в последнее время значительно ускорился. Мне кажется, мы переживаем сейчас совершенно особый исторический момент, непохожий ни на что, что было до сих пор. Сама жизнь ускорилась как никогда. Вспомните, к примеру, об огромном ускорении, которого добилась за последние годы наука, техника и технологический прогресс. Мне очевидно, что это требует изменения отношения к человеку и к миру, его окружающему. Говоря прямо, назрела необходимость в ином типе человека. Я чувствую, что настала пора гораздо более серьезно, чем двадцать лет назад, отнестись к гераклитовскому, или бергсоновскому, или уайтхэдовскому взгляду, воспринимающему мир как поток, как движение, как процесс, но никак не в виде набора предметов, существующих вне времени. Если меня не обманывают мои чувства, а это сегодня гораздо более очевидно, чем в 1900-м или даже 1930-м годах, - если это так, тогда настала пора человека, способного жить в постоянно изменяющемся, постоянно движущемся мире. Мне хочется обратиться с вопросом ко всей системе образования: зачем нужно рассказывать о фактах? Факты так быстро устаревают! Зачем обучать техническим наукам? Техника движется вперед семимильными шагами! Даже серьезные колледжи, которые готовят инженеров-техников, ломают голову над этой проблемой. Массачусетский технологический институт, например, с недавних пор перестал преподавать технические дисциплины по-старому, только как научение ряду технических навыков и умений, потому что практически весь опыт, десятилетиями накапливаемый профессорами инженерных наук, теперь совершенно устарел. Согласитесь, что сегодня бессмысленно учить делать кабриолеты. Некоторые преподаватели этого института, насколько мне известно, отказались излагать по старинке своим студентам накопленные ими знания и умения, а вместо этого направили свои усилия на то, чтобы воспитать новый тип инженера, в сущности новый тип человека, который не чувствовал бы себя потерянным в быстро меняющемся мире, человека, которого изменения воодушевляли бы, человека, способного к импровизации, уверенного, мужественного, сильного человека, который мог бы с честью и с радостью встретить неожиданную, новую для него, ситуацию.

Сегодня меняется все: меняется международное право, меняются взгляды на политическое устройство мира, меняется вся международная обстановка. Представители разных государств, встречаясь в ООН, общаются друг с другом на разных языках, на языках разных эпох. Один начинает дискуссию в терминах международного права девятнадцатого века, другой оппонирует ему с совершенно иных позиций, с позиций другого времени. Все изменяется.

Я хочу вернуться к названию этой главы и пояснить, что я хотел сказать. Мы должны стремиться стать другими - людьми, которым ни к чему делать

мир статичным и стабильным, замораживать его, людьми, которые не видят необходимости делать то, что делали их отцы и деды, людьми, которые с уверенностью смотрят в неведомый завтрашний день, людьми, настолько уверенными в своих силах, чтобы с воодушевлением смотреть в лицо грядущим переменам и жить, импровизируя и приспосабливаясь к ним. Это и есть новый тип человека. Гераклитовский тип, если хотите. Общество, взрастившее таких людей, сможет выжить; общество, которое не сможет вырастить такого человека, обречено.

Вы могли заметить, что в рассуждениях о креативности я делаю упор на импровизацию и вдохновение и остерегаюсь рассматривать креативность с точки зрения практической выгоды, с точки зрения продуктивности в виде творимых художественных произведений. По правде говоря, мне претит это. Почему? Как уже известно из психологических исследований процесса творчества и творческих людей, креативность делится на первичную и вторичную. Первичная креативность, или этап вдохновенного творчества, обязательно должна быть отделена от вторичной - от процесса детализации творческого продукта и придания ему конкретной предметной формы. Эта вторая стадия включает в себя не только и не столько творчество, сколько тяжелую рутинную работу, успех ее в значительной степени зависит от самодисциплины художника, который порою тратит всю жизнь на то, чтобы освоить конкретные орудия творчества, проникнуть в сущность материала, развить инструментальные умения и навыки, прежде чем наконец становится готов в полной мере выразить то, что он видит или чувствует. Я уверен, что многие из вас знают, что значит проснуться среди ночи, взбудораженным некой идеей, вдохновением, мыслью, например, о романе, пьесе или стихотворении, рвущемся из самого сердца - и знают, насколько редко этот творческий экстаз заканчивается чем-нибудь путным. Такое озарение не стоит и ломаного гроша. Между вдохновенным замыслом и романом, таким, к примеру, как <Война и мир> Толстого, лежит титанический труд, огромная самодисциплина, изнуряющие дни, месяцы и годы приобретения опыта, множество набросков и черновиков, отчаяние перед чистым листом бумаги, многократное переписывание набело неудачных фрагментов и т. д. Вторичная креативность, на которой зиждется реальный художественный продукт - великие картины, великие романы, мосты, изобретения и т. п. - направила бы нас к изучению совершенно иных человеческих добродетелей, таких как упорство, терпение, трудолюбие и выносливость, поскольку именно они лежатв основании этого этапа творчества. Мне кажется разумным остаться ближе к поднятой нами проблематике и сосредоточить внимание на начальной стадии творчества - на мгновениях озарения и вдохновения, не беспокоясь о том, что по большей части они ни к чему не приводят. Отчасти поэтому инспирационную фазу процесса творчества лучше начать изучать на примере детского творчества. Высокая изобретательно сть и креативность у детей бесспорна,

и детей очень мало беспокоит проблема продуктивности творческого процесса. Представьте себе ребенка, который, глядя на свои пальцы, постигает десятичную систему исчисления. Разве это не момент постижения истины, не мгновение высшего озарения, не процесс творчества; разве можно отмахнуться от величия этого события, исходя из некого априорного определения, утверждающего, что творчество должно быть социально полезным или что оно должно быть облечено в высокохудожественные образы, или в невиданные доселе новаторские формы?

По этой же причине я решил не рассматривать здесь научное творчество, а воспользоваться другими примерами. Большинство нынешних исследований креативности использовали в качестве испытуемых деятелей науки, маститых и признанных ученых - нобелевских лауреатов, великих изобретателей и т. п. Беда этих исследователей заключалась в том, что, стоило им всерьез заняться проблемой творчества ученых, как тут же они сталкивались с печальным фактом, что группа ученых по оценкам креативности отличалась от среднестатистической не так значительно, как можно было ожидать. Не становились исключением и те из ученых, которые действительно открыли или создали что-то новое, внесли большой вклад в науку. Этот парадокс понять нетрудно. Он происходит не из природы творчества, но скорее из сущности современной науки. Если бы я мог позволить себе быть несколько вольнее в рассуждениях, я попробовал бы определить науку как общественный институт, дающий возможность нетворческим людям творить. Не подумайте, что я решил выместить на ученой братии горечь от бесцельности научного прогресса. Напротив, меня восторгает возможность, предоставляемая любому, порой самому заурядному человеку, служить великому делу, творить, невзирая на то, что величие дела зачастую несоизмеримо с масштабом творца. Наука в наше время стала ремеслом, общественно-полезным, имеющим упорядоченную структуру ремеслом, которым в состоянии овладеть даже человек заурядных способностей, принося при этом пользу в деле распространения знания. Я заявляю об этом, понимая остроту и драматичность моих слов. Становясь участником научного процесса, ученый принимает ход истории науки и вливается в него, он опирается на плечи многочисленных предшественников, принимает правила этой игры и становится членом дружной команды с тем, чтобы его собственные несовершенства стали незаметны и незначительны. Пройдя этот путь, он заслужит уважения и почитания как участник уважаемого и почтенного дела. Если потом он совершит какое-то открытие, я уже буду понимать это так, что открытие явилось продуктом всего общественного института, к которому он принадлежит, результатом совместной работы многих и многих людей. Если он не сделает этого открытия, кто-то другой обязательно сделает это за него. Исходя из вышесказанного, мне представляется, что ученые, несмотря на все их творческие достижения, - не лучший материал для изучения процесса творчества.

Креативность и готовность к ней

73

Кроме этого, я считаю, что мы не сможем понять креативность до конца, не учитывая еще одного сложившегося на настоящий момент предубеждения. Я имею в виду тот факт, что практически все используемые нами определения креативности - слова мужского рода или с маскулинным душком, что они - продукт мужского или маскулинного восприятия. Мы оставили женскую креативность за рамками проблемы при помощи нехитрого семантического приема. Мне пришло это в голову совсем недавно (при изучении проблемы экстаза), и с тех пор я с любопытством смотрю на женщин и на женскую креативность, мне видится здесь обширное поле для исследователя, потому что данный род креативности меньше нацелен на результат, на достижение, больше концентрируется на процессе как таковом, откровеннее тянется получить от творчества именно удовлетворение, менее склонен видеть в нем способ достижения успеха или признания.

Такова подоплека проблемы, о которой я буду вести речь.

II

Вопрос, который сейчас занимает мое внимание, заключается в том, что, по моим наблюдениям, творческий человек в минуты вдохновения, в инспирационную фазу творчества, забывает о прошлом и будущем и живет только настоящим. Он с головой уходит в то, что он делает, он

поглощен, он захвачен моментом творчества, он весь <здесь и сейчас>. Замечательные слова об этом состоянии я нашел в <Пряхе> Сильвии Астон-Вернер. Учительница с восторгом относится к новому способу обучения детей чтению и так выражает свои чувства: <Я растворилась в настоящем>.

Если человек не <растворится в настоящем>, он не сможет творить, это sine qua поп для творчества. А с другой стороны эта способность забыть о времени, о себе, оторваться от мира, общества и истории побуждает зарождение творческого процесса, служит обязательной предпосылкой, инициирующей акт творчества, о каком бы виде творчества мы ни вели речь.

Я все больше и больше склоняюсь к мысли, что описанный выше феномен являет собой разновидность пресловутого мистического переживания, пригашенный, житейский, будничный вариант Философии Безвременья по Хаксли. В разные времена и в разных культурах он принимал различные оттенки, но сущность его всегда оставалась неизменной.

Мы узнаем его, когда услышим о потере <самости> или Эго, ылда прочитаем о выходе за пределы своего <Я> или о самотрансценденции. Теми или иными словами, но обязательно речь зайдет о сплавлении человека с окружающей его и захватывающей реальностью (с делом, поглощающим его, если говорить немного конкретнее), о том, как на месте двух сущностей возникает некая третья, интегрирующая полностью или частично <Я> и <не-Я>. Обычно

звучат такие слова, как <прозрение>, <познание прежде неведомых истин>, <откровение> или <обнажение>. Наконец, почти всегда это состояние описывается как блаженное, экстатическое, экзальтированное, счастливое.

Неудивительно, что подобные переживания зачастую объясняли сверхчеловеческими, сверхъестественными причинами: они так велики, настолько грандиозны по сравнению с человеческим, что их естественно отнести к разряду нечеловеческого. <Откровения> такого рода часто служат основанием, и иногда единственным основанием для различных <богооткровенных> религий.

Однако настала пора даже столь выдающимся переживаниям оказаться включенными в сферу человеческого опыта и познания. Мои исследования высших переживаний (88,89), какя их называю, и исследования Марганиты Ласки того, что она называет экстазом (66), выполненные совершенно независимо друг от друга, показывают, что эти переживания имеют естественную природу, легко поддаются исследованию и, что особенно важно, могут помочь нам понять креативность в едином комплексе с иными аспектами функционирования человека в те моменты его жизни, когда он полностью реализует себя, когда он становится зрелым, развитым, здоровым - словом, когда он становится <вочеловеченным>.

Одной из примечательных характеристик высшего переживания является именно эта полная поглощенность делом, эта погруженность в настоящее, эта оторванность от времени и места. Сейчас я готов высказать предположение, что очень многое из того, что нам удалось узнать при изучении высших переживаний, может быть использовано для более полного понимания вдохновенного состояния погруженности в <здесь и сейчас>, то есть для более полного понимания сущности креативности.

Для этого не обязательно ограничивать себя рамками только выдающихся, только предельных по напряжению переживаний, ведь вполне очевидно, что

практически каждый из нас, если хорошенько покопается в памяти, сможет описать мгновения подобного экстаза. Пусть этот экстаз проявит себя как увлеченность, как концентрация, как поглощенность чем угодно, достаточно любопытным, чтобы полностью приковать к себе внимание человека. Я имею в виду не только великие симфонии или классические трагедии - наше внимание может захватить интрига кинофильма, детектив или работа. Полезно начать именно с таких универсальных и хорошо знакомых видов опыта, понятных любому человеку, это поможет прочувствовать, понять интуитивно и эмпатийно высшее переживание, пусть для начала в умеренной, щадящей дозе. Кроме этого преимущества, такой подход поможет избежать излишней эффектности, высокопарности, метафоричности, невольно сопровождающих обсуждение проблематики высших переживаний.

Креативность и готовность к ней

Итак, что происходит с человеком в такие моменты? Отказ от прошлого. Для того, чтобы лучше вникнуть в суть любого дела, необходимо полностью отдаться ему, не замечать ничего, кроме него и его сущности, уловить его внутренние связи и движущие силы, найти (а не придумать) способ его исполнения в его внутренней структуре. Таким же образом я советую наслаждаться живописью или вести разговор со своим

пациентом.

Но есть и другой подход к делу - тащить за собой свой опыт, привычки,

знания, пытаться обнаружить, чем текущая ситуация похожа на ситуацию в прошлом, классифицировать ее и затем использовать уже готовое решение, которое срабатывало в прошлом в подобной ситуации. Это напоминает мне работу регистратора, и поэтому я назвал ее <рубрификацией> (95), и она неплохо срабатывает в тех случаях, когда настоящее действительно сродни

прошлому.

Но совершенно очевидно, что эта тактика не окажется успешной, если

сегодняшняя ситуация отлична от той, что была в прошлом. В этом случае регистраторский подход потерпит крах. Регистратор, глядя на произведение живописи, лихорадочно роется в картотеках своей памяти, в реестре своих познаний, связанных с историей искусства, - он должен знать, как положено реагировать на картину, подобную увиденной им. Разумеется, на то, чтобы рассмотреть картину, у него просто не остается времени. Ему обязательно нужно знать, кто автор этого произведения, или его название, или течение, к которому принадлежал художник, - что-нибудь, что помогло бы ему произвести учет. Он восхитится картиной только в том случае, если он вспомнит, что такие картины должны вызывать восхищение, и она не понравится ему, если не найдет себе места в его классификации.

Для такого человека прошлое инертно, он носит его в себе как ком непереваренной пищи в желудке. Прошлое мешает ему стать самим собой.

Хочу остановиться на этой теме. Опыт прошлого может быть задействован только тогда и только в той степени, когда и в какой степени он заново обретен человеком, только в том случае, если этот опыт вновь пережит и переосмыслен. Он не может и не должен быть чем-то посторонним для человека, он не имеет права на самостоятельное существование где-то в закромах активного опыта. Опыт должен быть усвоен человеком (а при этом он не может сохраниться как нечто инородное и существующее само по себе), так же как съеденный мною вчера бифштекс сегодня уже

становится частью моего тела и перестает быть бифштексом. Усвоенное прошлое это уже не просто прошлое. Оно приобретает черты <внеисторичности>, как называл это Левин.

Отказ от будущего. Зачастую мы тратим время, настоящее время, только на то, чтобы дождаться будущего, или подготовиться к будущему. Вспомнить подобные моменты несложно. Например, вы ведете беседу, вы

внимательно смотрите в лицо своему собеседнику, а сами между тем уже давно перестали слушать его - вы думаете, что ответить ему, мысленно репетируете свой ответ, подбираете подходящие слова. Или представьте, насколько иначе вы почувствовали бы себя, если бы вдруг узнали, что через пять минут вам нужно будет прилюдно прокомментировать мои слова или оппонировать мне, - удалось бы вам остаться такими же приятными, внимательными слушателями?

Когда мы полностью поглощены тем, что слушаем нечто интересное или вглядываемся в некое произведение искусства, мы отказываемся от такого рода <подготовки к будущему>. Мы не воспринимаем настоящее только как этап на пути к будущему (разумеется, мы вовсе не отказываемся от будущего как такового). Нет нужды приводить доказательства тому, что такого рода забвение будущего является необходимой предпосылкой для полной погруженности в настоящее. Не менее очевидно, что человек может забыть о будущем, только если будущее не страшит его.

В данном случае я имею в виду только одну грань будущего. Здесь не идет речь о той его половинке, что находится внутри нас, что стала частью нас(89,с. 14-15).

Наивность. Я рассматриваю здесь наивность восприятия и поступков, которыми почти всегда отличаются высококреативные личности. В отношении таких людей общим местом стали высказывания вроде <он чувствует сердцем>, <он простодушен, бесхитростен>, <он ведет себя как ребенок>, <он чудаковат>, <он равнодушен к моде, закону и требованиям света>. Такой человек и в самом деле не представляет, что от него требуется, чтобы его сочли нормальным и приятным, чтобы его можно было принять в приличном доме, а сам готов понять и принять все, что происходит вокруг, без удивления, потрясения, возмущения или протеста.

Дети, как и мудрые старики, особенно предрасположены к восприятию мира в таком нетребовательном стиле. Но похоже - а все идет к тому, если мы примем самоощущение <здесь и сейчас> как стиль существования - что все мы можем стать такими же наивными.

Отказ от самоконтроля. Увлеченные интересующим нас делом, мы можем позволить себе отвлечься от всего, что непосредственно не связано с ним. Особенно важно в данном аспекте то, что нам при этом уже не приходится постоянно помнить о других людях, о наших с ними взаимных обязательствах, о долге как таковом, мы можем отбросить страхи, отложить на потом надежды и т. д. Мы становимся свободнее, обретаем независимость от других людей, а это означает, что мы становимся самими собой, воплощаемся в наше <реальное Я> (по Хорни), обретаем аутентичность, возвращаемся к своей истинной сущности.

Креативность и готовность к ней

Основная причина, по которой человек уходит от своего <Я>, кроется в невротической зависимости человека от окружающих его людей. Истоки ее лежат в детстве, иррационально вмешиваясь в жизнь взрослого человека и заставляя его поступать и реагировать на ситуацию так же, как это

сделал бы ребенок. (Ребенку пристало вести себя по-детски. Ведь он действительно во многом зависит от окружающих его людей. Но однажды ребенок должен перерасти свою зависимость. Право, неловко смотреть на взрослого человека, который ведет себя так, словно боится, как посмотрит на его поступки мать, или остерегается отцовского окрика, словно он забыл, как провожал их в последний путь десять-двадцать лет тому назад.)

Одним словом, в такие мгновения мы становимся более свободными от других людей. Если в обычном состоянии эти другие так или иначе оказывают влияние на наше поведение, то в такие минуты мы можем позволить

себе отрешиться от их мнения.

Это значит, что мы сбрасываем привычные маски, мы уже не стараемся оказать на кого-то влияние, произвести благоприятное впечатление, сделать любезность, мы не тщимся заслужить любовь и сорвать аплодисменты. Образно говоря, нам нет нужды продолжать спектакль, когда занавес опущен и публика ушла. Наконец-то можно перестать паясничать и самозабвенно, с

головой погрузиться в работу.

Отказ от Эго: самозабвенность, отказ от самоконтроля. В те мгновения, когда вы с головой погружаетесь в дело, в нечто, лежащее вне вас, вы меньше склонны осознавать свое поведение, контролировать себя, осознавать себя. У вас просто не остается времени, чтобы взглянуть на себя со стороны, глазами стороннего наблюдателя или критика. Если говорить языком психодинамики, ваша диссоциированность при этом сходит на нет, вы уже не раздвоены на самонаблюдающее Эго и чувствующее Эго. (Вас не одолевает девичье смущение и не гнетет юношеская робость, вам не мерещится, что за вами подглядывают из-за каждого куста, и проч.) Это помогает обрести цельность, внутреннее единство, интегрированность.

Это помогает избавиться от излишней придирчивости внутреннего цензора, решительнее подойти к оценке явлений и выбору, не зацикливаться на оценивании и взвешивании, одолеть тягу к мелочам и умственной жвачке.

Самозабвенное отношение к делу - одна из прямых дорог к самоидентичности, к истинному <Я>, к своей аутентичной природе, к глубинам своей сущности. Отказ от <Я> почти всегда приносит человеку радость. Я не хотел бы призывать заходить на этом пути так далеко, как буддисты и восточные философы, когда они говорят о <проклятом Я>, хотя в их словах есть значительная доля правды.

Креативность

Сдерживающая сила сознания (самосознания). Выше я описал ситуации, в которых сознание (особенно самосознание) может в известном смысле стать помехой для человека. Действительно, оно может продуцировать сомнения, конфликты, страхи и т. д. Оно на самом деле иногда препятствует свободному полету творческой мысли. Порой оно мешает проявиться спонтанности и экспрессивности (должен подчеркнуть одно но - для терапии наблюдающее Эго необходимо).

Но нужно помнить, что некоторые виды самосознания, самонаблюдения, самокритики -то есть некоторые из граней самонаблюдающего Эго - необходимы для полноценного функционирования вторичной креативности. Самосовершенствование в психотерапии, например, достигается с помощью механизмов самосознания, путем критического переосмысления переживаний

прошлого. Шизофреническое сознание погружено в мир откровений, но больной не в состоянии извлечь из этих переживаний терапевтическую пользу именно потому, что слишком <погружен в переживание>, загнал в угол внутреннего цензора и отключил самоконтроль. Подобное можно сказать и о творческой деятельности - после инспирационной фазы приходит пора кропотливого и дисциплинированного конструирования.

Отказ от страха. Со временем мы заметим, как мельчают и отступают наши страхи и тревоги. Следом за ними - депрессия45, конфликты, амбивалентность46, беспокойство, проблемы, даже боль. Не могут устоять даже психозы и неврозы (разумеется, если они не смогли помешать нам увлечься нашим делом, если они не были настолько остры, чтобы воспрепятствовать этому).

Это мгновения, когда нас переполняет мужество и уверенность в собственных силах, мы бесстрашны и спокойны, мы уже не невротики и не пациенты.

Отключение защитных механизмов и самоограничений. Мы перестаем ограничивать себя. Нам уже не приходится сдерживать себя, защищаться, контролировать свои вдохновенные порывы, равно как и устойчивость защитных сооружений, воздвигнутых нами в борьбе со страхами и тревогами.

Сила и мужество. Креативный подход к жизни требует от человека известного мужества и силы. Большинство исследований, посвященных креативности, обязательно обращают внимание на те или иные варианты мужества: это могут быть упрямство, самодостаточность, независимость, своего рода нахальство, сила характера, сила Это и т. д.; человек уже не стремится нравиться окружающим, соответствовать их ожиданиям, он не боится быть непопулярным. Трусость и неуверенность в собственных силах убивают творческое в человеке, или, если угодно, не оставляют креативности шансов проявиться.

Креативность и готовность к ней

/У

Мне кажется, что эти компоненты креативности станут более понятными, если учесть, что сила и мужество одновременно являются компонентами синдрома, сопровождающего самоотрешенность и отрешенность от окружающего в состоянии <здесь и сейчас>. Этот синдром подразумевает как необходимые свои составляющие отказ от страхов, самоограничений, отключение механизмов защиты и самозащиты, ослабление самоконтроля, отказ от исполнения социальных ролей, бесстрашие в отношении пренебрежения, унижения и неуспеха с точки зрения окружения. Все эти характеристики - необходимые компоненты самоотрешенности и отрешенности от окружающего. Так увлеченность не оставляет места страху.

Можно подойти к этому же вопросу позитивно. Если человек бесстрашен, он может позволить себе углубиться в таинственное, неизведанное, новое, туманное и противоречивое, необычное и непредсказуемое, у него достанет внутренних сил, чтобы не подозревать, не бояться, не защищаться и не объясняться, он останется спокоен, а значит не потратит сил на борьбу с собственными тревогами и страхами.

<Готовность принять>: позитивная установка. В самоотрешенном погружении в безвоздушное и безвременное <здесь и сейчас> мы становимся более позитивными, а соответственно менее негативными еще в одном - мы отказываемся от критицизма (от редактирования, от скрупулезности и селекции, от бесконечных исправлений, от скептицизма и перфекционизма, от перечеркиваний, оценивания и переоценок). Мы готовы принимать. Мы не отрицаем, не порицаем и не селекционируем.

Отсутствие предубеждения к делу, которому мы посвящаем себя, означает, что мы разрешаем ему одержать над нами победу, захватить нас. Мы позволяем ему диктовать нам свою волю. Мы оставляем за ним право оставаться таким, каким оно является. Зачастую мы одобряем его в большинстве имеющихся свойств и характеристик.

Мы становимся даоистичны, то есть смиренны, посторонни и восприимчивы.

Доверчивость вместо борьбы. Все, что происходит с нами в такие мгновения, подразумевает, что мы готовы довериться себе и окружающему нас, мы решаемся, пусть лишь на время, отказаться от готовности к бою, от работы воли и от ее диктата, от преодоления себя и от усилий удержать под контролем окружающее. Мы разрешаем себе слиться с внутренней природой происходящего <здесь и сейчас>, а это со всей очевидностью предполагает доверчивое ожидание и беспрекословное принятие и подчинение. Неизбывно человеческое стремление контролировать, верховенствовать и управлять противно истинному согласию с делом, как и искреннему восприятию его материала (или проблемы, или человека). В этом же разрезе будет уместно

еще одно воспоминание о будущем. Сталкиваясь с будущим, - я имею здесь в виду столкновение с чем-то новым, неведомым, - нам не остается ничего другого, как положиться на свою способность к импровизации, довериться ей. Сформулировав мысль таким образом, мы должны признать, что доверчивость обозначает и уверенность в себе, и мужество, и бесстрашие во всех аспектах. Бесспорно также, что, обретя уверенность в себе перед лицом туманного грядущего, мы наконец в состоянии безоглядно, с поднятым забралом и открытым сердцем устремиться к настоящему.

Можно привести несколько примеров из клинической практики. Роды, уринация, дефекация, сон, плавание в воде, сексуальный акт -все это суть субстанции, в отношении которых полезно забыть про старание, борьбу и напряжение, где уместнее расслабленно, доверчиво и уверенно разрешить природе творить свой произвол.

Даоистическая рецептивность. Два этих понятия, даосизм и рецептивность, включают в себя широкий круг свойств и явлений, сколь важных, столь же и трудных для понимания, пояснять которые зачастую приходится очень и очень фигурально. Большинство из этих тончайших и деликатнейших даоистических атрибутов креативности многократно, с разных сторон описаны самыми разными авторами, занимавшимися изучением креативности. Единственный факт, с которым не могут не согласиться все без исключения исследователи, заключается в том, что для начальной, инспирационной, фазы творчества характерна некоторая степень рецептивно сти, невмешательства или <смиренного принятия>; признается также ее необходимость -теоретическая и динамическая. В таком случае перед нами неизбежно встает вопрос: как эта рецептивность, или <согласие с существующим>, соотносится с синдромом самозабвенного погружения в сиюминутную данность?

Рассмотрим в качестве примера отношение художника к его модели. При этом можно отметить своего рода деликатность, или уважение (здесь мы не заметим желания <улучшить> и не обнаружим стремления властвовать), которое сродни <серьезному> отношению. Художник обращается со своей моделью как с некоей данностью, как с per se, имеющей неотъемлемое право на самостоятельное существование; он отнюдь не склонен рассматривать ее как материал для создания новой, лучшей сущности, как инструмент для достижения иных, не заложенных в ней, целей. Художник в

данном случае уважает право модели на самостоятельное существование, а следовательно априорно признает ее заслуживающей уважения.

И проблема, и факты, и ситуация, и личность требуют такой же деликатности и уважительного к себе отношения. Здесь проявляется почтение к власти факта, к закону ситуации, как назвал это Фоллетт. Можно сделать еще

Креативность и готовность к ней

81

один шаг и не только разрешить <вещи> оставаться <собой>, но и возлюбить ее, испытывать удовлетворение и даже радость от того, что она существует, хотеть, чтобы <вещь> оставалась такой, как она есть, неважно, в отношении ребенка или возлюбленного, дерева или стихотворения, кошки или собаки я буду испытывать это чувство.

Такая установка a priori необходима для того, чтобы в совершенстве освоить некое умение или до тонкостей понять некое явление, понять его в его собственной природе и освоить в его внутренней логике, без помощи чуждого ему моего <Я>, без попыток и желания установить господство над ним, - это нужно так же, как необходимо перестать говорить, как необходимо наконец стать тихим и внимательным, если мы хотим услышать, что шепчет нам на ухо доверительный собеседник. Постижение бытия другого человека подробно описано мною в главе 9 (см. также 85,89).

Интеграция человека, постигающего Бытие. Творчество, как процесс созидания нового, требует от человека всего, на что он способен (как правило), - в такие минуты человек предельно интегрирован, собран и целостен, он полностью посвящает себя служению заворожившему его делу. Креативность, таким образом, выступает как системное свойство, как объединяющее - создающее гештальт - качество целостной личности, она не приходит к человеку, как слава со слоем позолоты на памятнике, и не охватывает его, как лихорадка от неких микроскопических бактерий высших способностей. Креативность противостоит диссоциированности. Человек, сконцентрированный на акте творчества, теряет обычную дробность и приобретает цельность.

Возврат к первичному восприятию. Необходимым элементом личностной интеграции является пробуждение неосознаваемого и предсознательного, того, что и составляет суть первичного восприятия (можно назвать его поэтическим, метафорическим, мистическим, примитивным, архаичным, детским).

Наш рассудок слишком аналитичен и рационален, слишком расчетлив и атомистичен, чересчур концептуален; рассудочное восприятие слепо к отдельным сторонам реальности, и особенно к той, что находится внутри нас.

Эстетическое постижение вместо абстрактного познания. Абстрагирование менее даоистично, оно активно и агрессивно по отношению к своему объекту, оно более склонно к селекции свойств и оцениванию их, нежели эстетическая, нортроповская (Нортоп) позиция наслаждения, радостного постижения, благодарности, бережности, - позиция, в которой нет и намека на желание вмешаться, повлиять, властвовать.

82

Креативность

Конечный продукт абстрагирования - математическое уравнение, химическая формула, карта, диаграмма, проект, карикатура, концепция,

схема, модель, теоретическая система - очень далек от живой реальности (<карта не территория>). Конечная цель эстетического, неабстрагирующего познания - полное постижение объекта, при котором все его грани равно важны, прекрасны, одинаково достойны восхищения, при котором нет места анализу и оценке. Здесь нет стремления упростить и расчленить объект, а наоборот, стремление к более целостному постижению его достоинств.

Многие ученые и философы утеряли этот ориентир, для них уравнения, концепции, схемы стали большей реальностью, чем сам по себе феномен реального явления. К счастью, теперь мы можем понять взаимную связь и взаимное обогащение конкретной и абстрактной составляющих явления, теперь уже нет необходимости преуменьшать или преувеличивать значение того или другого. В настоящий момент мы, представители западной культуры, долгое время переоценивавшие роль абстрактного в понимании реальности, порой сводившие реальность к абстракции, восстанавливаем нарушенный баланс, подчеркивая необходимость конкретного, эстетического, феноменологического, не абстрактного познания всех сторон и составляющих любого явления в их реальной целокупности, не отвергая бесполезных на первый взгляд, не имеющих утилитарного значения компонентов.

Абсолютная спонтанность. Если мы полностью сконцентрированы на каком-то деле, явлении или человеке, очарованы им, его сущностью, если мы не лукавим перед собой и действительно не имеем иных целей и намерений, кроме постижения его, тогда нам не составит труда стать абсолютно спонтанными, абсолютно задействованными, мы даем простор своим способностям и возможностям, мы не трудимся, не прилагаем усилий воли для их раскрытия. То, что заложено в нас, проявляется автоматически, как инстинкт, а это и есть самая вдохновенная, беспрепятственная, самая организованная деятельность.

Мы сможем стать еще более организованными и до конца проникнуться сущностью захватившего нас явления, если сможем соответствовать его внутренней природе. Если нам удастся добиться этого, наши возможности более совершенно, быстро, почти непроизвольно приспособятся к ситуации, они приобретут небывалую гибкость, будут готовы соответствовать изменениям ситуации. Так, например, художник постоянно приноравливается к запросам рождающегося под его кистью образа, подчиняется его своевольности и капризам; так борец приспосабливается к своему сопернику, так танго влечет партнеров, помогая им без слов понимать друг друга, задавая им общий ритм движений и чувств; так, повинуясь узору трещин в асфальте, вода создает причудливые композиции под ногами прохожих.

Креативность и готовность к ней

Полное самоосуществление (или уникальность). Абсолютная спонтанность служит залогом полного осуществления всего, заложенного в человеке природой, она же становится образом жизни личности, обретшей себя, и проявлением ее уникальности. Оба эти понятия, спонтанность и самоосуществление, подразумевают искренность, естественность, правдивость, бесхитростность, неподражательность и т. д., потому что сама их сущность подразумевает отказ воспринимать свое поведение как инструмент воздействия и взаимодействия, отказ от рутины и борьбы, контроля и управления, подразумевает непроизвольность, вольное течение естественных позывов и свободное <излучение> того, что заложено в самой глубине личности.

Детерминантами процесса познания явления выступает сама сущность этого явления, равно как и личность исследователя и внутренняя необходимость их взаимного приспособления друг к другу, их слияния, их

взаимопоглощения, их единения. То же самое происходит, к примеру, между спортсменами в хорошей баскетбольной команде и между музыкантами в струнном квартете. Все, что оказывается вне этого сплава, теряет значимость. Такое слияние необходимо не только как средство достижения результата, оно само может стать и целью, и результатом.

Слиянность. Мне хочется увенчать рассуждения тезисом о слиянности, о достижении полного единства и согласия между человеком и миром. Вам обязательно приходилось сталкиваться с этим понятием в трудах, посвященных креативности, а я, следуя логике сказанного выше, готов счесть слиянность необходимым условием креативности. Я думаю, что методичность, с которой я по ниточке вытягивал и предъявлял вам сложную паутину взаимоотношений между человеком и миром, поможет понять слиянность как естественное явление, нежели как что-то мистическое, тайное и эзотерическое. Я полагаю, что это явление можно исследовать, но для этого его нужно понять как изоморфизм, как взаимопревращение одного в другое, как притирку одного к другому, как комплементарность, как растворение соли в воде.

Лично мне это помогло понять, что имел в виду Хокусай, когда говорил:

<Если хочешь нарисовать птицу, стань птицей>.

5

Холистичный подход к творчеству

Любопытно сопоставить нынешнюю ситуацию в исследовании креативности с ситуацией, которая была двадцать-двадцать пять лет назад. Первое, что приходит мне в голову, - за это время произведено такое количество исследований и получены такие объемы данных, - просто океан цифр и статей, - которые превышают все разумные пределы наших ожиданий.

Но возникает и другое впечатление, что наряду с серьезными подвижками в деле наработки прикладных методик и оригинальных тестов, наряду с накоплением большого объема количественных данных, теоретические основания проблемы остались почти без изменений. Я хочу обратить ваше внимание на проблему теории, а именно на теоретические концепции, искренне тревожащие меня, и на дурные последствия, которые может повлечь за собой подобная концептуализация.

Мне хотелось бы подчеркнуть главное из впечатлений, сложившихся у меня в отношении понимания авторами сущности креативности и в отношении подхода к исследованию ее. Они слишком атомистичны во взглядах на проблему, их предположения очень конкретны, слишком ad hoc (гипотезы, создаваемые для конкретного случая). Исследователям зачастую недостает холистичности, организмичности и систематичности, которых заслуживает поднимаемая ими тема. Разумеется, я не склонен к неуместной в данном случае дихотомизации или крайней поляризации, мне не хочется выражать пиетета к холизму и, наоборот, острого неприятия анализа и атомистики. Вопрос заключается именно в том, как лучше сочетать их, а не в желании противопоставить их друг другу и вынудить совершить выбор в пользу того или другого подхода. Есть один способ избежать такого выбора, - воспользоваться известным делением факторов Пирсона на главный, или ведущий (фактор <G>), и специфические, или специальные (факторы <S>), - такое различение может оказаться полезным не только при изучении интеллекта, но и креативности.

Холистичный подход к творчеств)'

85

При чтении литературы, посвященной креативности, меня поразил еще один факт. Меня озадачило, что связь креативности с психиатрическим и

психологическимздоровьем, несмотря на свою очевидность, мощность, глубину и важность для понимания проблематики, не используется при подготовке к исследованиям. Например, в работах по психотерапии мне не удалось обнаружить ни одной ссылки на исследования креативности, и наоборот. Хочу отослать вас к работе одного из моих аспирантов, Ричарда Крейга, я считаю ее очень важной в том смысле, что она доказывает существование этой взаимосвязи (26). На нас произвела большое впечатление таблица в книге Торренса <Guiding Creative Talent> (147), в которой автор свел и суммировал те личностные характеристики, которые, по его мнению, коррелируют с креативностью. Таких, которые он счел валидными, оказалось тридцать или около того. Крейг поместил перечень этих характеристик в один столбец, а рядом дал перечень характеристик, сформулированный мною при описании людей с высокой степенью самоактуализации (95) (а они, как я уже говорил, в значительной степени совпадают с характеристиками, использованными Роджерсом при описании психологического здоровья в его работе <Fully Functioning Person>, равно как и Юнгом в работе <Individuated Person> и Фроммом в работе <Autonomous Person>, и в работах других авторов).

Совпадение оказалось почти полным. Лишь две или три из тридцати с лишним характеристик, выявленных при исследовании креативности, не нашли соответствия с перечнем, описывающим психологически здоровую личность, оказались нейтральными. И не нашлось ни одной характеристики, которая бы отрицательно коррелировала с какой-либо из противопоставляемого списка. Если говорить нейтрально, то из этого сопоставления можно сделать следующий вывод: около сорока характеристик, примерно тридцать семь, самоактуализирующейся личности совпадают с характеристиками психологически здоровой личности, - с характеристиками, описывающими синдром психологического здоровья или самоактулизированной личности.

Я ссылаюсь на эту работу как на хорошую отправную точку для обсуждения, потому что, по моему глубокому убеждению (которого я придерживаюсь уже много лет), проблема креативности - это проблема креативной личности (а не продуктов креативной деятельности, не креативного поведения и т. п.). Другими словами, креативная личность - это особая, даже особенная разновидность человека, а не просто человек, приобретший некое новое умение, вроде умения кататься на коньках, и не человек, делающий какие-то вещи, на которые он <способен>, но которые не являются его сущностью, не заложены в его природе.

Стоит посмотреть на личность, на креативную личность, как на существо проблемы, и тут же перед нами встанут проблемы трансформации человеческой природы, трансформации характера, полного раскрытия всего человеческого в человеке, которые в свою очередь со всей неизбежностью подводят нас к необходимости искать и найти ответы на вопросы о мировоз-

зрении, о жизненной философии, о жизненном пути, о моральном кодексе, об общественных ценностях и т. д. Такой подход прямо противоположен подходу ad hoc, каузальной, инкапсулированной, атомистической концепции изучения креативности, концепции исследования и тренинга, которая насквозь видна в вопросах типа: <В чем причина креативности?>, или: <Какую главную, основную вещь мы можем сделать, чтобы сделать человека креативным?>, или: <Не ввести ли нам в учебный план курс креативности?> Я уже не удивлюсь, если кто-нибудь спросит, где локализуется креативность, или попытается вживить в мозг электроды, чтобы попробовать управлять ею. Мне приходилось консультировать людей из Центра исследования и развития индустрии, и у меня создалось

впечатление, что они пытаются найти некую секретную кнопку, при помощи которой можно включить креативность, как мы включаем лампочку в темной комнате.

После множества попыток понять креативную личность я могу утверждать, что существуют сотни или даже тысячи условий для развития креативной личности. Каждый шаг к психологическому здоровью или к вочеловеченности равен по величию изменению всей личности человека. Такой, вочеловеченный, здоровый человек уже эпифеноменально будет способен на бескрайнее разнообразие в поведении, в своих переживаниях, в познании, общении, обучении, работе и т. д., и каждое из проявлений его личности станет более <творческим>. Он просто станет другим человеком, который будет вести себя иначе во всех областях жизни. Приняв такой подход, мы уже не станем искать секретную кнопку, не возьмемся за разработку школьного курса креативности, с помощью которого предполагается, ad hoc, резко повысить креативность населения. Такая, более холистичная, более организмическая точка зрения сформулирует вопрос более приемлемым образом: <Как добиться того, чтобы любой школьный предмет подвигал человека к большей креативности?> Нет сомнений, что личностное обучение поможет произвести лучший тип личности, поможет человеку стать выше, сильнее, мудрее, чувствительнее, а следовательно, стать более креативным во всех областях жизни и в каждом проявлении.

Вот какой пример в связи с этим вспомнился мне. Я хочу рассказать о докторской диссертации одного из моих коллег. Дика Джонса. Она представляется мне чрезвычайно важной с философской точки зрения, но, к сожалению, не была по достоинству оценена. Он проводил годичный курс групповой терапии с учениками старших классов и, подводя итоги, с удивлением констатировал, насколько, почти до полного исчезновения, сгладились в сознании ребят расовые и этнические предрассудки, несмотря на то, что за весь год он ни разу не обращался к этой теме, даже не употреблял слов, которые могли бы быть отнесены к этой проблематике. А дело заключается в том, что предрассудки, предубеждения так же, как и креативность, не включаются и не выключаются некой кнопкой. Вы не можете обучить людей предрассудкам, и вы не в силах обучить их <не иметь предубеждений>. Такие попытки

производились, и они нам известны, как известна и их безуспешность. <Непредубежденность> вылетает как искра из-под колеса паровоза, как эпифеномен, как побочный продукт облагораживания человека - в результате ли психотерапии, воспитания или любого другого воздействия, направленного на личностное совершенствование.

Уже двадцать лет назад мой стиль исследований креативности очень отличался от классического научного (атомистического) метода. Мне пришлось самому разрабатывать технику личностного интервьюирования. Я старался узнать каждого человека настолько всесторонне и глубоко, как только мог (как уникальную личность, как индивидуальность), я выспрашивал и мучил его до тех пор, пока у меня не складывалось впечатление, что мне удалось постичь его как целостную личность. Я действовал как биограф и жизнеописатель, не стремясь решить поставленных частных проблем, не отдавая предпочтения тому или иному аспекту конкретной личности в ущерб другим аспектам, то есть, я подходил к личности идеографически.

Только после подобного исследования можно обратиться к номотетичности, только затем позволительно давать конкретные ответы на частные вопросы, производить статистический анализ и решаться на общие выводы. Человек заслуживает того, чтобы к нему отнеслись как к вселенной, -

только ощутив это, исследователь может позволить себе слагать вселенные, выводить процентные соотношения, равно как и производить иные манипуляции с бесконечными числами.

Узнав людей, отобранных вами для эксперимента, глубоко, всесторонне и индивидуально, вы будете способны на такие обобщения, которые невозможны в классическом эксперименте. В моем исследовании участвовало 120 человек, и я потратил уйму времени только на то, чтобы постичь каждого из них в его цельности. Но зато после этого я смог переформулировать некоторые вопросы, и я мог вновь и вновь возвращаться к полученным мною данным, придумывать новые вопросы и отвечать на них, и я мог бы это сделать даже в том случае, если бы все 120 моих испытуемых отбыли в мир иной. Такой подход не имеет ничего общего с экспериментированием ad hoc, он прямо противоположен эксперименту, нацеленному на конкретную проблему, предполагающему одну переменную величину при постоянстве прочих (и это при том, что мы прекрасно знаем о существовании тысяч и тысяч переменных, которые старается контролировать классическая парадигма эксперимента, но вот вопрос - удается ли ей это и в состоянии ли все они оставаться постоянными?).

Я позволю себе откровенно вызывающее заявление и скажу, что, по моему твердому убеждению, такой причинно-следственный способ мышления, неплохо послуживший нам при исследовании неживой природы, не выдерживает попыток воспользоваться им для решения проблем человека. На сегодняшний день он, как философия науки, мертв. Его нельзя использовать, потому что он приводит нас к мышлению ad hoc, он предполагает, что

одна причина вызывает какой-то один специфический эффект, что один фактор обязательно продуцирует другой, также единственно возможный, фактор, он мешает прочувствовать и изучить системные и организмические изменения, при которых один поступок, одно желание могут изменить всю организацию личности, а та, изменившись, в свою очередь будет иначе представлена во всех вариациях жизнедеятельности. (Подобный образ мысли применим и к организации общественных институтов, как больших, так и малых.)

Если взять, к примеру, физическое здоровье и спросить у любого врача:

<Что нужно делать, чтобы у человека были здоровые зубы? почки, глаза, волосы и т. д.>, то вы наверняка услышите, что в первую очередь нужно повысить здоровье человека в целом. То есть в данном случае необходимо улучшить главный фактор - фактор <G>. Если вы будете соблюдать здоровую диету, вести здоровый образ жизни и так далее и тому подобное, то все эти процедуры чудесным образом целительно воздействуют на ваши зубы, сделают здоровыми ваши почки, ваши волосы, вашу печень, ваш кишечник и все остальное, то есть принесут здоровье всей системе в целом. То же можно сказать и о креативности, если подойти к ней холистично. Она порождается общим оздоровлением всей системы. Более того, все, что способствует развитию творческих способностей, одновременно помогает человеку стать хорошим родителем, хорошим педагогом, хорошим гражданином, хорошим танцором, все равно кем, - он станет лучше настолько, насколько был улучшен главный фактор, фактор <G>. И только затем обязательным образом проявятся и специфические факторы (факторы <S>), которые отличают хорошего отца от хорошего танцора или хорошего композитора.

Очень показательна в этом отношении книга Глока и Старка (38) по социологии религии. Я рекомендовал бы ее как достаточно умный и

компетентный образчик атомистического подхода, как яркий пример мышления ad hoc. Любой ученый такого рода, философ причины и следствия, каузальный мыслитель приступит к изучению нового тем же путем, что и авторы этой книги. В первую очередь они дали определение религии; они определили ее таким образом, чтобы определение содержало в себе ее общие черты, с одной стороны, и обозначало круг ее специфических особенностей, с другой; они определили ее так, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что речь идет именно о религии, а не о чем-то другом. Следуя этой же логике, они на протяжении всей книги продолжают изолировать ее от всего остального. Есть что-то аристотелевское в этом рассмотрении предмета как <А> и <не А>. <А> является <А> и ничем другим, кроме <А>. Только <А> является <А>, а все остальное - <не А>: они не совпадают ни в чем, не перекрывают друг друга, между ними нет и не может быть слияния или взаимопроникновения, нет смешивания, сплавления. Старое, как мир, убеждение (к которому очень серьезно относятся все истинно верующие люди), что религиозность может стать причиной практически любого поступка человека или повлиять на характер этого поступка - а на самом деле на характер всего поведения чело-

века - утеряно с первых же страниц этой книги. Но это дает авторам возможность двигаться вперед и приводит их к таким нелепым выводам, к такому понятийному хаосу, с каким прежде мне не приходилось сталкиваться. Они, словно надев шоры, продолжают отделять религиозное поведение от всех иных видов поведения, и в результате большую часть книги рассматривают внешние проявления религиозности - ходит человек в церковь или не ходит в церковь, перебирает он четки или нет, кланяется он или не кланяется перед тем, как сделать то-то и то-то, - ни разу во всем этом объемистом труде мне не удалось встретить даже упоминания о том, что я бы назвал религией с маленькой буквы. Я разумею здесь отдельных людей, которые могут быть религиозны, но не иметь ничего общего с религиозными институтами, обрядами и идолопоклонством, не задумываться о сверхъестественном. Вся эта книга - показательный пример атомистического мышления в науке и того, к чему оно приводит. Можно себе представить атомистический подход к любому проявлению жизни.

При желании можно таким же образом обойтись и с креативностью. Можно рассматривать ее как поведение человека в свободное от работы время, поведение в специально отведенной для этого комнате, в некоем помещении, например, в студии, и в конкретное, выделенное для этого занятия время, например по вторникам после полудня. Мы можем определить, что именно в этом помещении и именно в это время, в отличие от всех других мест и от любого другого времени, человек становится креативным. Мы можем выделить какие-нибудь виды деятельности и заявить, что только они связаны с креативностью, например мы определим, что занятия живописью, сочинение музыки, литераторство имеют отношение к креативности, а приготовление пищи, вождение такси и слесарные работы - не имеют. На этом моменте я вынужден прерваться и вновь подчеркнуть, что по моему глубокому убеждению креативность может проявляется практически во всем, что делает человек, в его восприятии, установках, поведении, она не может не воздействовать на конативную, когнитивную и эмоциональную сферы человека. Я считаю, что если понять креативность таким образом, то можно получить ответы на очень интересные вопросы, которые просто не возникнут у вас, если вы будете рассматривать ее иным, дихотомизированным, способом.

Можно таким же образом провести различие между разными подходами к обучению танцу. Если человек хочет стать хорошим танцором и если этот

человек мыслит прямолинейно, ad hoc, он прямиком направится в школу хореографии Артура Мюррея. Там его поначалу будут учить переставлять левую ногу, затем перейдут к троекратному подпрыгиванию на правой ноге, затем другим и другим осознанным и нужным телодвижениям. А с другой стороны, не вызывает сомнений, я даже готов заявить, что бесспорными достижениями хорошей психотерапии становятся тысячи эффектов. среди которых обязательно будет и хорошая хореография, то есть, более сво-

бодное, более грациозное, менее скованное, менее сдержанное, менее самоосознающее, более экспрессивное владение своим телом. Точно так же я думаю, что хорошая психотерапия (а сколько еще есть примеров дурной психотерапии) может способствовать повышению креативности личности, даже если психотерапевт и не ставит перед собой и пациентом этой конкретной задачи или вовсе не задумывается об этом.

Я хотел бы упомянуть в связи с этим работу одной из моих аспиранток, в которой обнаружились весьма неожиданные вещи. Работа была задумана как исследование высших переживаний при родах, как изучение экстаза, вызываемого материнским чувством, и иных явлений подобного рода. Но по ходу работы акценты исследования значительно сместились, потому что миссис Тэнзер (145) выяснила, что, если роды сопряжены с добрыми и возвышенными переживаниями, то и сама женщина словно перерождается, настолько много чудесных изменений претерпевает ее сущность. Если это счастливый опыт, то жизнь женщины во многом меняется. В связанных с родами переживаниях может проступить оттенок, схожий с религиозным просветлением, или элементы постижения истины, или чувство огромной удачи, которые в корне меняют отношение женщины к себе и сказываются на всем ее поведении.

Нужно отметить, что подобный генерализованный подход кажется мне гораздо более плодотворным при исследованиях так называемого <психологического климата>. Однажды я пытался обозначить способы организационного устройства в Nonlinear Systems (83) и попутно исследовал, в чем заключается причина их успехов. Единственный вывод, к которому я пришел, состоял в том, что все там было пропитано духом творчества. Мне не удалось выявить решающий фактор, который превалировал бы над остальными. Я ощущал, как в воздухе витает некая общая раскованность, атмосферическая, холистическая, глобальная, которая не могла быть описана неким малым поступком, совершенным во вторник в четыре часа пополудни, - равно как и отдельным словом, качеством или характеристикой, не связанной с другими. Нужное настроение, лучшее общество, благоприятствующее духу творчества- это Утопия, или Евпсихея, как я предпочитаю его называть. Это общество, все устройство которого предназначено к более полному самоопределению человека и поддержанию его психологического здоровья. Таков мой главный тезис, постулат порядка <G>. Только после того, как нами будет сотворен этот климат, только поселившись в Евпсихее, только затем можно будет приступить к отработке отдельных <па>, к работе над отдельными ad hoc, над специфическими факторами, факторами <S>, благодаря которым один человек станет хорошим плотником, а другой - хорошим математиком. В иной атмосфере, без этих предпосылок, в плохом обществе креативность менее возможна, менее вероятна.

Полезно будет провести параллель с терапией. Люди, работающие в этой сфере, могут поведать нам много интересного. Взять хотя бы проблему

идентичности в терапии, или их понимание <реального Я>, или методы, с помощью которых терапия и обучение помогают людям достичь самоидентичности. Или, с другой стороны, мы можем позаимствовать у них модель некого <реального Я>, некоторые наборы характеристик, понимаемые ими как в некоторой степени биологические. Эти характеристики будут конституциональны, инстинктоподобны. И мы в этом ракурсе будем рассматривать человека как биологический вид, чем-то отличный от других видов. Если мы согласимся с этим, если мы сможем принять эту модель вместо модели tabula rasa, где человек рассматривается как ком глины, абсолютно податливый и послушный воле скульптора, тогда мы примем и модель вскрывающей и раскрепощающей терапии, вместо терапии лепящей, создающей, формирующей. Это рассуждение верно и по отношению к обучению. Это две основные модели, обусловленные двумя противоположными подходами к человеческой природе, и последствия их применения скажутся и в области обучения, и научения, и в любых других областях жизнедеятельности человека.

Можно ли в таком случае считать креативность частью нашего генетического наследия? Слишком часто она остается невостребованной, задействуется не полностью, или используется не по назначению, или бывает угнетена - чего только с ней не происходит, - в таком случае нашей главной задачей может стать выявление того, что заложено в младенце, раскрытие того, для чего он рожден. Что ж, в данном случае мы имеем дело именно с таким философским вопросом, вопросом огромной глубины и размаха, с одной из основных философских парадигм.

И в заключение мне хотелось бы поднять еще одну тему, тему порядка <S>, но не <G>. У меня есть вопрос: в каких случаях креативность может оказаться ненужной нам? Ведь иногда она может стать ужасной, досадной помехой. Креативность может доставлять неудобства, вносить беспорядок и путаницу в дела, даже оказаться опасной. Я пришел к этой мысли после того, как мне пришлось иметь дело с одной <креативной> ассистенткой, которая застопорила исследование, над которым я работал в течение года. Она не смогла сдержать свой <творческий порыв> и в самый разгар исследования решила <поправить> ход исследования, даже не сообщив мне об этом. Таким образом все данные оказались перепутаны, и результаты годичной работы пошли насмарку. Так уж мы устроены, что обычно хотим, чтобы поезда ходили по расписанию, и, как правило, не желаем оказаться в кресле креативного дантиста. Я вспоминаю знакомого, который несколько лет назад перенес операцию. Он до сих пор вспоминает свое беспокойство, даже страх, одолевавший его вплоть до того момента, пока он своими глазами не увидел хирурга, который должен был оперировать его. По счастью, хирург оказался человеком с ярко выраженными обсессивными чертами, аккуратным и педантичным, вплоть до аккуратно, волосок к волоску, подстриженных усиков, абсолютно правильным, уравновешенным и серьезным. Только тогда мой друг вздохнул с облегчением - это был не <креативный> человек. Этот чело-

век мог провести будничную, рутинную, скучную операцию, не выкидывая штучек, вроде экспериментов по опробованию новой техники наложения швов. На мой взгляд, это важно не только для общества в целом, где существует определенное разделение труда и каждый член общества должен уметь выполнять распоряжения, работать на благо общего дела и быть предсказуемым. Это не менее важно для каждого из нас. Мы должны видеть в себе не только творческих работников, но и подмастерьев, мы не должны переоценивать одну сторону креативного процесса, обожествлять момент инсайта, прозрения, постижения великой идеи, момент озаренного пробуждения посреди ночи и недооценивать роль многих лет тяжкого, кропотливого труда, нацеленного на то, чтобы извлечь из этой идеи хоть

какую-то пользу.

Если сопоставить затраты времени, то нужно признать, что очень незначительная часть нашей жизни озарена блеском выдающихся идей. Большую же часть ее приходится посвящать тяжелой работе. Печально, но у меня сложилось впечатление, что наши студенты не понимают этого. Может статься, что этими рассуждениями я бросаю камень в свой огород высших переживаний. Мои студенты зачастую отождествляют их с моим именем, я много рассуждал о высших переживаниях, о вдохновении и прочем, и у них могло сложиться чувство, что это и есть настоящая жизнь. День или даже час, не доставивший им экстатического удовлетворения, для них потерянный день и час, и поэтому они не в состоянии исполнять рутинную работу.

Я слышал от некоторых из них: <Я не буду этого делать, потому что мне это скучно>. И когда я в ответ багровею и кричу: <Черт возьми, ты или сделаешь это, или я пристрелю тебя!> - они начинают презирать меня и считать, что я поступаюсь принципами. По этому поводу я должен отметить, что мы, исследователи креативности, для того, чтобы создать более взвешенное, сбалансированное понимание ее, должны думать и о том впечатлении, которое мы сами производим на окружающих. Пока, как мне кажется, из общения с нами люди делают вывод, что жизнь творческого человека- нескончаемая череда восхитительных озарений, и напрочь забывают о том, что творческая личность обязательно отличается трудолюбием.

6

Эмоциональные преграды креативности

Я приступил к изучению проблемы креативности еще в те времена, когда она воспринималась исключительно как общая, академическая проблема. Меня искренне озадачило, когда, особенно активно в последние несколько лет, ко мне стали обращаться представители крупных корпораций, о которых я имею весьма смутное представление, или организаций типа U. S. Army Engineers, о деятельности которых я не имею никакого понятия. От всего этого я, как и многие из моих коллег, чувствую себя несколько неловко, <не в своей тарелке>. Я не уверен, в какой мере применимы в структуре деятельности этих крупных организаций мои исследования и выводы, к которым я пришел, все то, что мы <знаем> о креативности сегодня. Я могу предложить им парадоксы, требующие объяснения, проблемы и загадки, требующие разрешения, но я не знаю, как ими можно было бы воспользоваться.

Я понимаю, что воспитание творческого работника и управление творческим персоналом - проблемы фантастической сложности и такой же важности. Мне мало понятно, что может сделать ученый с этой проблемой, потому что, по самой сути, творческий человек, образно выражаясь, - одинокий волк. Те творческие люди, которых мне довелось изучать, способны поставить с ног на голову сами основы организации, они, как правило, не любят организованности, им больше по душе забиться в угол или спрятаться на чердаке и работать там в одиночку. Боюсь, что проблема <одинокого волка> в структуре организации - это проблема организации, а не моя проблема.

Чем-то это похоже на попытку найти место революционера в стройных рядах добропорядочных граждан, ведь эти люди, по крайней мере те, которых я изучал, революционеры в душе - в том смысле, что им мало того, что у них есть, они не удовлетворены существующим положением вещей. Здесь мы имеем дело с новым рубежом, и я полагаю, что разумнее оставаться просто исследователями, только клиницистами и психологами, предложить

на спрос корпораций все, что мы знаем, и в том виде, как есть, и надеяться, что кто-нибудь сможет извлечь из этого пользу.

Мы имеем дело с новым рубежом еще и в другом смысле - это новый рубеж и для исследователей; мы должны внедряться очень и очень глубоко, это новый психологический рубеж. Может быть, пора предварительно сформулировать, к чему я клоню: все, чего мы добились за последнее десятилетие или около того в поисках источников креативности - это убеждение в том, что истоки и сам процесс генерации идей лежат в самой глубине человеческой природы, лежат настолько глубоко, что в научном лексиконе не выработана терминология для обсуждения их. На ваш вкус, взяться ли описывать их в рамках фрейдизма, то есть рассуждать о бессознательном, или попробовать проанализировать <реальное Я>, говоря терминами другой психологической школы. В любом случае, искомое нами будет лежать еще глубже. Оно не лежит на поверхности, чтобы можно было пощупать его и познать, - психолог или психотерапевт должен сначала докопаться до него. Оно залегает глубоко в том же смысле, что и руда. Так же изумруды спрятаны в недрах земли, и горняку нужно приложить немало сил, чтобы драгоценный камень заиграл гранями на солнце.

Я говорю о новом рубеже еще и потому, что большинству людей неведомы подобные вещи, и это неведение имеет своеобразную окраску, как никогда прежде в истории. Мы не только ничего не знаем о природе креативности, но и боимся у знавать. Мы сопротивляемся познанию ее. Поясню свою мысль. В данном случае я веду речь скорее о первичной креативности, а не о вторичной, - о той креативности, истоки которой лежат в глубинах личности, о той, которая порождает идеи, кардинально отличающиеся от общепринятых в настоящий момент. Я различаю эту первичную креативность и ту, которую я называю вторичной креативностью. Вторичная креативность выступает своего рода аналогом научной продуктивности, как ярко продемонстрировала психолог Анна Роу в своих недавних исследованиях. Анна Роу обнаруживала подобную креативность, исследуя одну за другой разные группы известных людей- бесспорно способных, плодовитых, деятельных, знаменитых людей. Например, в одном из своих исследований она взяла группу самых известных биологов, согласно списку в American Men of Science. В другом изучила всех видных палеонтологов Америки. В результате она пришла к парадоксальному выводу, который нам еще предстоит осмыслить, а именно к выводу о том, что у многих хороших ученых достаточно определенно проступают черты личности, которую психиатры и психотерапевты определяют какригидную личность47. Ригидность обычно подразумевает ограниченность, боязнь своего подсознания, именно в том смысле, о котором говорил я. Следуя логике, вы легко придете к тому же выводу, к которому пришел в свое время я. Речь идет о двух разновидностях науки. И исходя из этого, науку, если угодно, можно определить как общественный институт, созданный для того, чтобы дать возможность некреативным людям, работая вместе

со множеством других подобных себе, опираясь на опыт многочисленных предшественников, проявляя осторожность, предусмотрительность, тщательность и т. д., -творить и совершать открытия. Такую науку и такую креативность я называю вторичной.

Однако мне кажется, что я смогу пояснить кое-что и относительно первичной креативности, той самой, что зарождается в самых глубинах подсознания и которую мне удалось выявить у специфически креативных людей, объединенных мною в особую, тщательно отобранную, группу.

Высока вероятность того, что креативность такого рода, первичная креативность, генетически заложена в каждом из нас. Она универсальна и ни в коем случае не уникальна. Ее можно обнаружить у каждого здорового ребенка. В детстве каждый из нас был креативен, но многие, повзрослев, утеряли это качество. Она универсальна еще и вот почему: если вы психотерапевт и возьметесь изучать человека, то есть докапываться до глубинных, неосознаваемых пластов его психики, вы неизбежно обнаружите там и креативность, вам не удастся пройти мимо нее. Я приведу только один пример, но он будет хорошо понятен всем. Не секрет, что во сне мы гораздо более креативны, чем наяву. Во сне мы и умнее, и смышленее, и отважнее, и оригинальнее, и т. д. и т. п. Если стряхнуть с себя ограничения, внешние и внутренние, если выйти изпод контроля, мы обязательно станем более креативными, чем обычно. Недавно я взял на себя заботу обойти всех моих знакомых психоаналитиков, выспрашивая у них об их опыте высвобождения креативности. Все они в один голос убеждали меня, и я уверен, что к их мнению присоединятся и все психотерапевты, что психотерапия в состоянии помочь пациенту проявить заложенную в нем креативность, даже если прежде он ничего такого не замечал за собой. Трудно себе представить, как можно доказать этот тезис, но таково было их общее впечатление. Если угодно, считайте это экспертной оценкой. Это убеждение людей, которые помогали писателям, у которых возникали определенные проблемы со своим творческим трудом. Психотерапевт помогает таким людям открыть дорогу их творческим способностям, помогает преодолеть запреты, ослабить внутреннего цензора и вновь начать писать. Основной опыт психотерапии таким образом заключается в обнажении глубинных пластов способностей человека, которые обычно лежат под спудом, в высвобождении генетически заложенных в нем потенций, в пробуждении креативности, которая была дарована каждому из нас, но впоследствии утеряна.

Есть разновидность невроза, истоки которой легко понять и которая, в свою очередь, может помочь нам лучше понять проблему эмоциональной блокады креативности, и об этом неврозе я хочу поговорить отдельно. Это компульсивно-обсессивный невроз.

Этим неврозом страдают ригидные, зажатые люди. Они действительно страдают, потому что жить им непросто. Они стараются контролировать каждый свой шаг, каждое движение, стараются управлять собой и своими чув-

ствами и потому производят впечатление людей суровых, даже холодных. Они не могут почувствовать себя раскованно, они находятся в постоянном напряжении. В нормальном состоянии (я говорю о нормальном состоянии, потому что бывают и крайние случаи, когда это напряжение перерастает в болезнь и требует вмешательства психиатра или психолога) они могут послужить примером благонравия, организованности, аккуратности, педантичности, уравновешенности и рассудительности, - из таких людей получаются прекрасные бухгалтера. В терминах психодинамической теории их можно емко охарактеризовать как <до конца расщепленных>, - наверное, самых расщепленных из всех людей. В их душе пролегает глубокая, непроходимая пропасть между тем, что они знают о себе, что позволяют себе осознавать, с одной стороны, и тем, что не осознается ими, что они запрещают себе осознать (репрессированная часть глубинного), с другой стороны. По мере того, как мы больше узнаем об этих невротиках и о причинах мучающей их репрессии, мы все ближе подходим к мысли, что аналогичные причины в большей или меньшей степени вызывают и репрессию креативного в человеке вообще. Таким образом, на примере крайнего, экстремального проявления, мы можем понять сущность того, что касается обычного или нормального. Невротики обречены быть такими. У них нет другого пути. И нет выбора. Только на

этом пути невротик может почувствовать себя в безопасности, в порядке, только при помощи крайнего педантизма, предсказуемости, сдержанности и безупречного владения какими-то конкретными приемами он добьется ощущения, что ему ничего не угрожает, только в этом случае он не будет истязаем тревогами. Он чувствует, что ему необходимо, и он знает, он привык добиваться того, что ему нужно, именно при помощи такого поведения. Всякое <новаторство> он воспринимает как угрозу своей безопасности, он отрицает само существование нового, он отдает себя на откуп своему прошлому опыту, он заставляет застыть окружающий его слишком изменчивый мир, он заставляет себя поверить в то, что он живет в незыблемом, неизменном пространстве. Ему обязательно нужно построить свою жизнь на базе апробированных правил и законов, руководствуясь однажды установленным распорядком и привычками, которые хорошо себя зарекомендовали в прошлом и от которых он ни за что не откажется в будущем, и только тогда он сможет почувствовать себя в безопасности и только в таком случае сможет избежать мучительной тревоги.

Но зачем ему это? Что вызывает у него такой страх? Приверженцы психодинамической теории, наверное, так бы ответили на эти вопросы: он испытывает страх перед своими эмоциями, своими глубинными инстинктами, своим глубинным <Я> и всеми силами пытается не допустить их пробуждения. Он вынужден делать это! Иначе он почувствует, что сходит с ума. Этот конфликт между страхом и защитой от него гнездится внутри человека, но человек генерализует конфликт, выносит его вовне и воспринимает все окружающее через призму этой тревоги. Он ведет войну сам с собой, его враг

находится внутри него, но если он встречает в окружающей его действительности нечто, напоминающее ему его внутреннего врага, он вступает в бой и с этим. Его страшит хаос, и он становится чрезвычайно, до крайности упорядоченным. Но его страшит и малейший беспорядок в окружающем его мире, потому что беспорядок лишний раз показывает ему возможность полной победы хаоса над порядком или пугает возможностью сговора с его внутренним, подавленным хаосом с целью ниспровержения существующего порядка вещей. Все, что ставит под угрозу его контроль, все, что усиливает его опасного, затаившегося врага или подрывает основы его защитных сооружений, будет вызывать страх и тревогу у такого человека.

Это жизнь обделенного человека. Разумеется, он может добиться некоторого спокойствия. Он может прожить всю жизнь и не совершить ни одной ошибки. Может быть, ему удастся удержать все окружающее под контролем. Но каких отчаянных усилий потребует это от него! На это может уходить вся его энергия, он может сломаться только потому, что не выдержит напряжения постоянного контроля над собой. Это изнурительная работа. И все-таки он может справиться с ней и продолжать жить, оберегая себя от опасных импульсов своего подсознания, своего неосознанного <Я>, своего реального <Я>. Он отгородится от своего неосознаваемого. Похожее описано в одной басне про некого древнего правителя. Однажды его оскорбил один человек, и правитель, узнав, в каком городе живет его обидчик, повелел истребить всех жителей этого города. Он просто хотел быть полностью уверен в том, что обидевший его не избежит наказания. Таким же решительным образом поступает и компульсивно-обсессивный невротик. Он отвергает, он уничтожает в зародыше все свои неосознаваемые импульсы, чтобы быть абсолютно уверенным, что они не выплеснутся наружу.

Я клоню к тому, что именно в этой части души, которой мы обычно чураемся и которую стараемся держать в узде, в нашем неосознаваемом, в нашем глубинном <Я> - именно там живет наша способность играть,

радоваться, фантазировать, смеяться, заниматься пустяками, одним словом, быть спонтанными, и, что особенно важно, креативными. Что есть креативность, как не особого рода интеллектуальная игра, индульгенция, выдаваемая нашим глубинным <Я>, на то, чтобы быть самим собой, сочинять и придумывать, быть раскованным, свободным, чтобы, в конце концов, хоть наедине с собой быть сумасшедшим. (Если идея не выглядит сумасшедшей, значит, в ней недостает новизны.)
Компульсивно-обсессивный человек отказывается от своей врожденной креативности. Он отказывается от поэзии в своей душе. Он отказывается от праздника воображения. Он подавляет всю свою здоровую <детскость>. Все вышесказанное применимо к понятию <социальная адаптированность>, к тому, что хорошо передается выражением <идти в ногу>, то есть быть в ладу с миром, быть реалистичным, здравомыслящим, зрелым и ответственным. Однако меня тревожит, что некоторые необходимые аспекты этой адаптированности заставляют нас закрыть глаза и не замечать того,

что действительно угрожает лучшей приспособленности. Я имею в виду, что расхожий здравый смысл диктует нам стараться ладить с миром вопреки, а зачастую и в ущерб ладу с нашей собственной физической, биологической и социальной реальностью. Зачастую в угоду требованиям внешнего мира мы отказываемся от своего глубинного <Я>. Обычно это не принимает форму острого конфликта, как в случае компульсивно-обсессивного невроза, но меня беспокоит, что выкристаллизовавшееся в последнее время понятие <социальная адаптированность> все смелее и настойчивее призывает нас не обращать внимания на эту опасность, как и на свое внутреннее <Я>. А ведь получается так, что с точки зрения лучшей адаптированности нашими главными врагами становятся наша нежность, наши фантазии, наши эмоции, наша <детскость>. Я пока не затрагивал еще одну сторону этого же вопроса, которая заинтересовала меня в ходе исследования креативных людей (равно, как и при исследовании некреативных). Так получалось, что моими испытуемыми оказывались в основном мужчины, и я не мог пройти мимо панической боязни всего, что мужчина может назвать <женским> или <женственным>, и что тут же заслуживает звания <гомосексуального>. В суровом мужском кругу <женственным> считается практически все, что может иметь отношение к креативности: воображение, фантазия, легкость, поэзия, музыка, нежность, сентиментальность, романтизм, - и все эти свойства, качества и явления обычно рассматриваются мужчинами как несовместные с маскулинностью и даже каким-то образом угрожающие ей. Все качества, которые можно отнести к категории <слабостей>, подлежат подавлению в процессе взросления мужчины и его адаптации к миру. Но могу вас уверить, что очень многое из того, что мы привыкли считать <слабостями>, на самом деле таковыми не являются.

И сейчас, обсуждая все эти неосознаваемые процессы, которые психоаналитики называют <первичными> и <вторичными>, я могу, как мне кажется, внести свою лепту в решение этого парадокса. Как ни сложно расставлять по полочкам клочки хаоса, как ни трудно быть рассудочным в отношении мистического, но мы должны пытаться сделать это.

Первичные процессы, процессы несознаваемого познания, мировосприятия, интересующие нас в первую очередь, не подчиняются законам здравого смысла и логики, на которых воздвигается здание <вторичных процессов>, в которых мы логичны, разумны и реалистичны. Если вторичные и первичные процессы существуют сами по себе, расщеплены, то страдают и те, и другие. Крайнее выражение такого развода или абсолютного отделения логики, здравого смысла, рациональности от глубинных пластов личности дает нам компульсивно-обсессивный тип личности, компульсивно-рациональный человек, человек, который разучился жить в

мире эмоций, который не знает, влюблен он или нет, потому что любовь алогична, который не может позволить себе рассмеяться, потому что смех нелогичен, нерационален, неразумен. Если человек настолько расщеплен, мы имеем дело с болезненной

рациональностью и одновременно - с болезненными первичными процессами. Вторичные процессы, огражденные и дихотомизированные, можно рассматривать как конструкции, порожденные страхом и фрустрацией, как систему защитных сооружений, как учреждение для угнетения и слежки, как сложнейшее хитросплетение тайных переговоров с фрустрирующим и опасным миром предметов и отношений, который один может удовлетворить человеческие нужды, но требует слишком дорогой платы. Такое сознание, такое Эго, или сознательное <Я>, воспринимает мир через призму своей болезни, творит свои болезненные законы и живет по ним, считая их всеобщими законами природы и общества. Это своего рода слепота. Компульсивно-обсессивный человек не только лишает себя простых человеческих радостей, он когнитивно слеп ко многому, что сокрыто в нем, в других людях и даже в природе. Если такой человек станет ученым, он многого не сможет увидеть в изучаемой им природе. Да, такие люди способны делать работу, но мы, как психологи, обязаны в первую очередь спросить о них самих: какой ценой дается им это? Насколько эта работа добавляет им несчастья? - А потом обязательно и об этой работе: что это за работа? Нужно ли ее делать?

Мне довелось знавать одного человека, который мог бы послужить образцом компульсивно-обсессивной личности. Это был один из моих преподавателей, и он отличался весьма характерным способом хранить свои вещи. Он тщательно собирал все прочитанные им за неделю газеты и аккуратно подшивал их. Каждая такая недельная подшивка перевязывалась красной ленточкой и укладывалась в месячную стопку, которая в свою очередь перевязывалась желтой ленточкой. Его жена рассказывала мне, что он выработал недельное расписание того, что он будет есть на завтрак. Например, в понедельник это будет апельсиновый сок, во вторник - овсянка, в среду - чернослив и так далее до конца недели, и не дай бог жене что-нибудь перепутать в этом раз и навсегда установленном порядке и подать ему чернослив в понедельник. Он хранил все использованные им бритвенные лезвия, аккуратно упаковывая их в мешочки и снабжая ярлыками. Когда он появился в лаборатории, - я прекрасно помню этот день, - то первым делом снабдил ярлыками и этикетками все, что там было. Он все стремился организовать и упорядочить, ему хотелось ко всему приклеить соответствующий ярлык. Я помню, как он в течение нескольких часов приспосабливал ярлычок к миниатюрной лабораторной вещице, на которой совсем не было места для ярлыка. А однажды я откинул крышку фортепьяно в его лаборатории и на внутренней стороне крышки обнаружил наклейку, на которой значилось: <Фортепьяно>. Что сказать, такой человек действительно в беде. Он невозможно несчастен. Этот человек заслуживает того, чтобы сказать: <Да, он работает, но что это за работа! Нужна ли она кому-нибудь?> Иногда нужна, а иногда не нужна. К сожалению, многие наши ученые относятся именно к этому типу людей. Такого рода мелочность и скрупулезность иногда могут оказаться полезны-

ми в науке. Такой человек в состоянии, например, потратить двенадцать лет своей жизни, ковыряясь с микродиссекцией ядра одноклеточного организма. Нет слов, такого вида деятельность требует терпения, настойчивости, упрямства и неистребимой жажды постижения истины, которыми обладают очень немногие люди.

Первичные процессы в таком раздвоенном, ограниченном, полном страха восприятии - болезненны. Но эта болезненность не закон! Наше внутреннее, глубинное восприятие всегда смотрит на мир сквозь призму желаний, страха и удовлетворения желаний. Здесь полезно вспомнить, как смотрит на мир, на себя и на окружающих людей маленький человек. Его способ восприятия прямолинейно логичен, в том смысле, что его мироощущение не знает запретов и противоречий, не дробится на восприятия разновеликих сущностей, не имеет нужды расщеплять, противопоставлять и взаимоисключать. Первичным процессам ребенка не нужен Аристотель и его логика. Они независимы от контроля, табу, дисциплины, ограничений, отсрочек, планирования, учета возможностей и вероятностей. Они не принимают законов времени и пространства, причинно-следственных связей, закона вероятности, законов общества и законов вселенной. Такой мир не имеет ничего общего с физическим миром. Он может преобразовывать объекты, сливать несколько явлений в одно и придавать одной вещи несколько сущностей, как это бывает в сновидениях. Когда нечто угрожает нашему сознанию, то он трансформирует опасные объекты, подменяет их, подставляет на их место другие. Он подменяет настоящие объекты на иные, безопасные, и перенаправляет на них наши эмоции. Он может темнить и скрываться за маской, он предельно символичен. Он всемогущ, всеведущ, вездесущ. (Не забывайте о сновидениях. Все, о чем я говорю, относится к сновидениям.) Это недействительный и недействующий мир, ему ничего не стоит произвести вещь, явление или поступок без реального делания, одним вздохом фантазии. Большинство из нас знает этот мир, порождаемый первичными процессами, - бессловесный, сверхконкретный, почти осязаемый, и как правило зримый. Это предоценочный, предморальный, пред-этический, предкультурныймир. Он предшествует добру и злу. Цивилизация понуждает человека к дихотомизации, и только потому, что этот мир отделяется от реального, сознательного, вторичного мира, он оценивается как ребяческий, незрелый, сумасшедший, опасный, пугающий. Вспомните мой пример, человека, который полностью подавил свои первичные процессы, полностью оградился от своего подсознания. Этот человек болен в том смысле, который я описал.

Человек, у которого полностью разрушены вторичные процессы - механизмы контроля, рассудочного мышления, порядка, логики, будет, пожалуй, шизофреником. И он тоже очень и очень болен.

У здоровых же людей, особенно у тех, которые отличаются высокой креативностью, обнаруживается способность сплавлять и синтезировать свои вторичные и первичные процессы, свое сознательное и бессознательное, свое

Эмоциональные преграды креативности

1U1

глубинное <Я> и сознающее <Я>. Они делают это изящно и полноценно. И опыт этих людей дает мне право заявить, что такое слияние возможно, хотя и не очень распространено. Хорошим помощником в этом деле может послужить психотерапия, лучше сказать - глубинная и продолжительная психотерапия. В результате слияния первичные и вторичные процессы взаимообогащают друг друга и меняют характер протекания и первых и вторых. Бессознательное перестает страшить человека; человек вступает в новую жизнь, и это жизнь в согласии со своей сущностью, с ребенком в душе, со своими фантазиями, со своим воображением, со своими желаниями, со своей <женственностью>, со своим поэтическим и безумным началами. Такой человек, как однажды чудесно выразился один психоаналитик, <чтобы укрепить свое Эго, позволяет себе регрессировать>. Это добровольная, сознательная регрессия. Именно у такого человека имеется в распоряжении креативность, доступная, легко реализуемая креативность, которая нас интересует.

Компульсивно-обсессивный человек, описанный выше, при крайней выраженности своего синдрома, не в состоянии играть. Он не может <расслабиться>. Он может, к примеру, сторониться веселых сборищ и вечеринок, - ведь он разумен, а что может дать ему такое неинтеллектуальное, а зачастую просто дурашливое мероприятие, как вечеринка? Он, как правило, абсолютный трезвенник, потому что алкоголь может помешать ему контролировать ситуацию, что ни в коем случае не приемлемо для него и представляет великую опасность. Он должен контролировать себя всегда и везде. Трудно представить его под гипнозом. Его, скорее всего, страшит мысль даже об анестезии или о потере сознания. Ему всегда нужно соответствовать своему представлению о себе, быть упорядоченным, сознательным и рациональным, - даже там, где это выглядит нелепо, например, на вечеринке. Именно это я имел в виду, когда говорил, что человек, живущий в ладу со своим бессознательным, способен <расслабиться>. Он может позволить себе быть слегка взбалмошным, немного сумасшедшим, делать глупости, он откликается на розыгрыши и мистификации и способен получать удовольствие от них; он способен радоваться своей дурашливости, <укрепляя таким образом свое Эго>, как сказал этот мой знакомый психоаналитик. Он способен к сознательной, добровольной регрессии - и не стремится постоянно соответствовать умозрительному образу и контролировать себя. (Не знаю, кстати ли, но мне вспомнился человек, который всегда умудрялся так торжественно сидеть в кресле, словно выполнял важную работу.)

Мне кажется, что сейчас я уже могу больше сказать об открытости перед бессознательным. Психотерапия, работа над собой и самопознание - трудный процесс, и он труден именно потому, и это стало совершенно очевидно для всех, что сознательное и бессознательное в человеке разделены. Как добиться, чтобы эти два мира, мир нашего тела и мир нашей реальности, были друг с другом в ладу? Как правило, психотерапия -процесс постепенного, шаг за шагом, знакомства человека с его бессознательным при содей-

ствии ведущего эту очную ставку специалиста. Обнажается первый пласт, человек привыкает к своему бессознательному, усваивает его, знакомится с ним, и бессознательное уже не кажется ему таким уж опасным или ужасным. Затем идет следующий пласт, за ним еще один, и вновь и вновь повторяется ритуал знакомства с тем, что так страшило его и что на поверку не может вызывать опасений. Он боялся своего бессознательного, потому что смотрел на него глазами ребенка, живущего в нем. Это ребенок в нем что-то перепутал. Но взрослый тут же вступился на его защиту и репрессировал то, что напугало ребенка, взрослый изгнал это пугающее бессознательное и отгородился от него так надежно, что сквозь оборонительные рубежи не смогли проникнуть ни доводы научения, ни аргументы опыта, ни уговоры воспитания, и это обиженное нечто таилось там, покуда его не освободили нарочито специальным образом. Тут нужно сказать, что сознание должно набраться мужества и сил, чтобы осмелиться предложить дружбу тому, что оно считало своим врагом.

Прямую аналогию вышеописанному можно обнаружить в отношениях между мужчиной и женщиной. Мужчина бессознательно, по тем же самым причинам, по которым он боится своих первичных процессов, опасается женщины и потому стремится подчинить ее себе, доминировать над ней. Вспомните, психодинамическая теория считает, что подобное отношение мужчины к женщине во многом определяется тем фактом, что женщины пробуждают в мужчинах ту бессознательную женственность, которая присуща им, пробуждают в мужчинах мягкость, нежность и тому подобные качества. И потому извечное противостояние мужского и женского, стремление мужчин главенствовать или даже унижать и угнетать женщин, - все это можно

рассматривать как неуклюжую попытку мужчин взять под контроль свое бессознательное. Между напуганным господином и обиженным рабом невозможна истинная любовь. Только когда мужчина сам станет достаточно сильным, достаточно уверенным в себе, достаточно цельным, только тогда он сможет стерпеть, а впоследствии и приветствовать самоактуализацию женщины, ее стремление к вочеловеченности. Но так же верно и обратное - никакой мужчина не может самоосуществиться без поддержки сильной женщины. Поэтому сила мужчины и сила женщины являются условием и предпосылкой друг для друга, они не могут существовать друг без друга. Они также и причина один для другого, ибо женщина воодушевляет и дает силы мужчине, а мужчина - женщине. И наконец, они награда друг для друга. Если вы хороший мужчина, то хороша будет и ваша женщина, она будет именно такой, какую вы заслужите. А потому, возвращаясь к теме здоровья первичных и вторичных процессов, можно сказать, что здоровая фантазия и здоровая рациональность нуждаются в помощи друг друга, и только и при их слиянии можно говорить об интегрированной личности.

Так случилось, что первые сведения о первичных процессах были получены учеными при изучении сновидений, фантазий и невротических на-

рушении, затем знания о них расширились за счет изучения психотических состояний и душевнобольных людей. Очень постепенно и очень медленно из наших познаний об этом предмете выветривается душок патологического, иррационального, незрелого, примитивного - в неприятном смысле всех этих слов. Совсем недавно, с тех пор, как мы приступили к наблюдениям за здоровыми людьми и к их исследованию, с тех пор, как нас заинтересовали процессы творчества, игры, эстетического восприятия, здоровой любви, здорового развития и становления, здорового обучения, мы начали понимать и постепенно приходить к убеждению, что в каждом человеке живет как поэт, так и инженер, что в каждом из нас есть рациональное и иррациональное начала, взрослый и ребенок, мужчина и женщина, что каждый человек пребывает в своем внутреннем мире и в мире своего понимания окружающего. Исподволь мы пришли к пониманию того, что ограничиваем себя, пытаясь ежедневно и ежечасно быть только и исключительно рациональными, только <научными>, только логичными, только практичными, только ответственными. Лишь сейчас мы начинаем понимать, что интегрированная личность, вочеловеченный человек, зрелая личность должна быть в ладу со своей логикой и со своими чувствами. Похоже, что мы наконец-то осознали, что нельзя принижать бессознательную сторону человеческой натуры, относя ее проявления к разряду болезненных, а не здоровых. Так предпочитал думать Фрейд, но мы сейчас думаем иначе. Мы уже понимаем, что говорить о полном здоровье можно только в том случае, когда человек в ладу с собой во всех отношениях. Мы больше не можем противопоставлять бессознательное сознательному как дурное хорошему, как низшее высшему, как эгоистичное альтруистичному, как животное человеческому. Это противопоставление можно проследить на протяжении всей человеческой истории, особенно истории западной цивилизации, и особенно истории христианства. Мы не вправе и дальше делить нашу сущность на пещерную и цивилизованную, на бесовскую и святую. Сейчас мы должны рассматривать попытки такого членения как неоправданную дихотомизацию, необдуманное <или-или>, мы должны понимать, что в результате подобного расщепления создаются предпосылки для появления двух больных <или>, то есть больного сознания и больного подсознания, больной рациональности и больных импульсов. (Посмотрите какую-нибудь телевикгорину, и вы согласитесь со мной, что рациональность может быть нездоровой. Я знал одного бедолагу, специалиста по древней истории, который решил заработать кучу денег на одной из таких викторин. Он рассказал мне, что для того, чтобы быть уверенным в победе, он заучивал все подряд статьи из Кембриджской энциклопедии. В результате он вызубрил ее от первой

страницы до последней, и сейчас знает все даты и все имена, приведенные там. Бедный парень! О. Генри в одном из своих рассказов показал такого человека, который рассудил, что поскольку в энциклопедии собраны все знания, то незачем ходить в школу, достаточно просто выучить энциклопедию. Так он и поступил. Сначала он узнал обо всем, что

начинается с буквы А, затем познал все, что начинается на Б, и так далее. Чем не пример больной рациональности?)

Когда мы окончательно преодолеем эту склонность к дихотомии, научимся объединять части своей сущности в одно мировосприятие, приводить их к изначальной цельности, как это происходит у здорового ребенка или у здорового взрослого или у особо креативных людей, тогда мы поймем, что сама склонность к подобному расщеплению, само стремление противопоставить - патологичны. Только тогда закончится гражданская война, которая ведется внутри многих из нас. Самоактуализированные люди уже закончили ее, они психологически здоровы. Психологическое здоровье - это первое, на что обращаешь внимание, наблюдая за такими людьми. Если отобрать из всего населения один процент или долю процента самых здоровых в психологическом смысле людей и исследовать их, то окажется, что все они сумели, кто с помощью специальной терапии, а кто самостоятельно, добиться слияния двух внутренних миров, двух принадлежащих им вселенных и здоровы оттого, что уютно чувствуют себя в каждой из них. Для меня здоровым будет человек, обретший здоровую инфантильность. Довольно трудно подобрать для этой характеристики подходящее название, потому что инфантильность обычно воспринимается как антоним зрелости. Если я скажу, что зрелость предполагает здоровую инфантильность, это будет похоже на парадокс, хотя на самом деле здесь нет противоречия. Может быть, стоит вновь вернуться к примеру, который я уже приводил, к примеру о вечеринке. Большинство зрелых людей умеют радоваться, умеют получать удовольствие. Мне кажется это бесспорным. Такие люди могут регрессировать по своему желанию, ребячиться, они умеют обращаться с детьми, не стесняются встать с ними на равную ногу. Думаю, не случайно дети любят именно таких людей и тянутся к ним, - потому что эти взрослые люди умеют снизойти к их мировосприятию. Бессознательная регрессия - очень опасное явление. Сознательная регрессия, напротив, говорит о психологическом здоровье человека.

Я не могу дать вам практических советов, как достичь подобного слияния. Единственный проверенный способ из всех известных мне, при помощи которого можно добиться каких-то результатов, это психотерапия. Наверное, можно воспользоваться самоанализом или попытаться как-то иначе постичь самого себя. Все, что может помочь человеку лучше познать глубинные пласты своего <Я>, так или иначе будет способствовать развитию его креативности, потому что примирит его с миром, где зарождаются его фантазии, научит его вольнее относиться к абстрактному, поможет оторваться от земли и под полными парусами направиться прочь от здравого смысла. Здравый смысл велит нам жить в реальном мире, а креативность противоположна реальному, она стремится создать иной, идеальный мир. Чтобы человек мог приблизиться к этой цели, он должен уметь воспарить, погрузиться в свое воображение, отдаться своим фантазиям, потерять рассудок, <помешаться>. Единственное, что я могу предложить в качестве практического совета лю-

дям, которые берутся управлять творческим персоналом, - старайтесь найти в общей массе своих сотрудников творческих людей, берегите их и лелейте.

Именно так я попробовал однажды изложить свои рекомендации руководству одной из компаний, и думаю, что смог помочь. Я дал им приблизительное описание первично-креативной личности. Исходил я из того, что понастоящему креативные люди, как правило, создают помехи, вносят беспокойство. Я составил список тех характеристик человека, которые гарантируют беспокойную жизнь окружающим. У меня получилось, что креативные личности не желают подчиняться общим правилам, они эксцентричны, их часто называют недисциплинированными, необязательными, <неспособными к наукам>, исходя из специфического определения науки. Их более компульсивные коллеги склонны пенять им за ребячливость, безответственность, необузданность нрава, безрассудство, излишнюю рискованность, некритичность, распущенность, горячность и так далее и тому подобное. В целом это походило на описание бездельника, или человека богемы, или чудака. Ноя утверждаю, что в первой фазе творческого процесса необходимо ощущать себя бездельником, необходимо быть похожим на представителя богемы, необходимо почувствовать привкус сумасшествия на языке. Техника <мозгового штурма> как успешный пример творческой деятельности может помочь нам в составлении рецепта повышения креативности, - согласно этой технике люди должны позволить себе все вышеописанные качества на ранних этапах решения проблемы. Они должны позволить себе стать некритичными. Их задача состоит в том, чтобы продуцировать самые невероятные, самые сумасшедшие идеи. И тогда, в мгновение высочайшего эмоционального взрыва, в момент вспышки энтузиазма, они смогут написать гениальное стихотворение, или вывести формулу, или найти математическое решение, или создать теорию, или схему эксперимента. После этого, но только после этого, для них приходит пора стать <вторичными> - более рациональными, более взвешенными, упорядоченными и критичными. Если вы будете рациональным, взвешенным и упорядоченным на первой стадии творческого процесса, то вы не придумаете ничего нового. Сама идея <мозгового штурма>, как мне представляется, заключается именно в этом - отключить внутреннего цензора, позволить себе вольно обращаться с абстрактным, свободно плыть по волнам ассоциаций, позволить идеям захлестнуть себя и письменный стол, и только затем, только после этого, взяться за труд разделить полученный материал на негодный, бесполезный и пригодный, нужный. Если вас страшит безумие такого рода, то вас никогда не озарит блеск воистину новой идеи.

Понятно, что богемные развлечения такого рода не стоит продлевать до полного изнеможения их участников. В данном случае речь идет о людях, которые способны на безрассудство, когда они хотят этого (когда они хотят и в силах отдаться регрессии для укрепления своего Эго, сознательной регрессии, добровольному помешательству, намеренному погружению в бессознатель-

ное). Эти же самые люди могут затем надеть свои шляпы и сюртуки и снова стать взрослыми, рациональными, разумными, упорядоченными ит. д., могут критическим взглядом посмотреть на произведенное ими в минуты великого энтузиазма, в творческой лихорадке. И тогда они смогут сказать: <Это казалось таким замечательным, когда рождалось, но это не то>, - и отвергнуть свою идею. По-настоящему интегрированная личность в состоянии быть и вторичной и первичной, и ребенком и взрослым. Она может регрессировать и вновь обращаться к объективному оцениванию, становясь при этом еще более взвешенной и критичной в своем поведении и суждениях.

Я уже рассказывал, как мои рекомендации пошли на пользу одной компании или, по крайней мере, тому человеку в этой компании, который отвечал за творческий персонал, - ведь до этого он боролся с этими, приведенными мною, качествами своих подопечных. Он требовал от своих сотрудников неукоснительного выполнения его распоряжений и ждал, что они впишутся в жесткую структуру компании.

Мне сложно представить, каким образом менеджеры по персоналу будут управлять такими людьми. Я не знаю, как это повлияет на крепость боевого духа всех сотрудников и организации в целом. Это не мое дело. Я не знаю, как определить место таким людям в структуре организации, которая должна стабильно работать, следуя однажды определенным целям. Ведь идея -лишь начало очень сложного процесса производства. Проблема заключается в том, что в ближайшие десять-двадцать лет этой стране предстоит работать гораздо напряженнее, чем где бы то ни было. И мы должны это твердо уяснить для себя. Сегодня огромные капиталы вкладываются в науку и производство, и управление творческим персоналом становится серьезной проблемой.

В одном я абсолютно уверен: принципы, прежде позволявшие крупным организациям добиваться хороших результатов, нуждаются в решительном переосмыслении и модификации. Мы должны искать и находить такие основания устройства корпораций, которые позволяли бы сотрудникам проявить индивидуальность. Я не знаю, как будет решена эта проблема. Возможно, что реально это достижимо только путем варьирования структуры организации производства, только методом проб и ошибок, пока наконец не будет найдено какое-то эмпирическое решение. Я могу сказать только одно, что должно помочь нам в этом поиске: необходимо понять, что названные мною характеристики являются не только симптомами помешательства, но и признаками креативности. (К слову, я бы не взялся рекомендовать каждого человека с подобньми характеристиками как творческую личность. Встречаются среди них и настоящие безумцы.) Мы должны научиться отличать одно от другого. А для этого нужно научиться уважать или по меньшей мере спокойно относиться к людям такого рода и попытаться каким-то образом найти им место в обществе. Пока такие люди, как правило, чувствуют себя одинокими волками. Пока они встречаются в научной среде чаще, чем в крупной компа-

нии или корпорации. Им уютнее там, потому что там они могут быть собой, там позволяется быть слегка сумасшедшим. От профессора, от преподавателя даже ожидается некоторая чудаковатость, никому не кажется это ненормальным. Они, как правило, никому и ничего не должны, у них нет обязательств кроме тех, что они приняли на себя перед своей наукой. У них есть возможность и время, чтобы, удалившись на чердак или спрятавшись в подвале выдумывать всевозможные идеи, не заботясь о том, какую пользу они могут принести. Производство же, как правило, ожидает от своего сотрудника конкретного результата.

Вся эта ситуация напоминает мне анекдот про двух психоаналитиков.

Встречаются два психоаналитика, и вдруг, не говоря ни слова, один бьет другого по физиономии. Получивший затрещину некоторое время стоит в задумчивости, потом пожимает плечами и говорит: <Ну, это его проблема>.

7

Потребность в креативных людях

Может возникнуть вопрос: кому нужна эта креативность? Я готов заявить - она нужна всем. Интерес к креативности не может и далее оставаться прерогативой только психологов и психиатров. Креативность становится вопросом национальной и международной политики. Настала пора всем нам, а особенно военным, политикам и мыслящим патриотам, наконец осознать:

мы оказались в военном тупике и, судя по всему, готовы остаться там навсегда. Сегодня в функции армии входит не ведение военных действий, а преимущественно предотвращение войны. Борьба между основными политическими системами будет продолжаться и дальше, и при отказе от военных способов разрешения противостояния можно ожидать усиления накала холодной войны. Преимущество в этой войне получит та система, которая сможет завоевать симпатии других людей, пока не вовлеченных в борьбу. Пора задаться вопросом: какая из систем сможет произвести лучший тип человека, человека, склонного к братской любви и миролюбию, бескорыстного, более симпатичного, более заслуживающего уважения? Какая из систем привлечет на свою сторону народы Африки и Азии? и т. д.

Таким образом психологически здоровая (или самоактуализированная) личность становится общественной реальностью и политической необходимостью. Нам нужен такой человек, который не вызывал бы ненависти, который смог бы поладить с любым другим человеком, был дружелюбен, искренне дружелюбен с представителем любого народа и любой расы, включая африканцев и азиатов, которые острее других чувствуют всякого рода снисходительность, предубеждение или ненависть. Не вызывает сомнений, что гражданин той страны, которой суждено опередить своих противников по холодной войне или даже победить в этом противостоянии, должен необходимо и обязательно забыть про само существование расовых предубеждений. Он должен уметь испытывать братскую любовь, должен уметь помо-

гать, должен вызывать доверие. Если же брать во внимание и более отдаленные перспективы, то он не должен быть авторитарным, жестоким и т. п.

Общая необходимость в творческой личности

Но, кроме описанной выше необходимости, есть и иная, возможно более насущная для любой жизнеспособной политической, общественной, экономической системы потребность; это естественная необходимость большего количества креативных людей. Для лучшего понимания ее можно использовать те же резоны, что так остро ощутимы в нашей промышленности, где в последнее время на первый план выходит проблема устаревания. Любой человек, посвятивший себя производству, прекрасно понимает, что, как бы ни был он богат и как бы ни процветало его дело, в одно несчастное утро он может проснуться и узнать, что изобретен некий новый продукт, который в одночасье сделал производимый им продукт ненужным. Представьте себе, что может произойти со всеми автомобильными гигантами, если завтра вдруг будет изобретен новый вид дешевой техники для персонального перемещения, который может стоить в два раза дешевле среднестатистического автомобиля? Именно поэтому каждая корпорация, как только у нее появляется такая возможность, тратит большую часть своей прибыли на разработку и внедрение новых продуктов, одновременно усовершенствуя производимые. Ровно то же самое происходит на международной арене, - я имею в виду гонку вооружений. Да, сейчас сложился определенный баланс в количествах разрушительного оружия, бомб, самолетов-бомбардировщиков и тому подобных вещей, имеющихся у противостоящих политических систем. Но может ли кто-нибудь дать гарантию, что в будущем году не произойдет качественного скачка, подобного изобретению американскими учеными атомной бомбы?

Именно опасаясь этого все крупные страны проводят бесконечные исследования и разработки в военной сфере, расходуют огромные деньги на оборону и вооружение. Каждый участник этой технологической гонки стремится первым изобрести некое сверхоружие, которое сделало бы устаревшими все существующие сегодня. Мне кажется, руководители государств постепенно начинают осознавать, что люди, которые способны решить их проблемы, способны изобрести нечто новое, это именно те люди, которые их всегда невольно раздражали, которые вызывали у них резкое неприятие, а именно креативные люди. Поэтому на государственном уровне встала проблема управления творческим персоналом, проблема раннего отбора креативных людей, проблема воспитания и взращивания творческой личности и другие подобные им проблемы.

Именно здесь кроются, по моему мнению, истоки интереса к креативности. Историческая ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, такова,

что рост интереса к проблеме креативности неизбежен как в кругу научной интеллигенции, так и у социальных философов и у самого широкого круга общественности. Наше время более изменчиво, более текуче, более стремительно, чем любая эпоха во всей истории человечества. Предельно ускорилось все - темп сбора научных данных, изобретательская активность, скорость выработки новых технологических решений, процессы трансформации психологической реальности, рост благосостояния; все ежедневно складывается в новую, прежде неведомую комбинацию и ставит человека перед необходимостью соответствовать ей. Раньше невозможно было даже представить подобную нестабильность, но сейчас она уже не позволяет человеку воспользоваться старым опытом, пусть многие еще не осознали этого до конца. Так, за несколько последних десятилетий подвергся кардинальным изменениям весь процесс обучения, особенно в части технических дисциплин и в сфере научения профессиональным навыкам. И это понятно. Что толку изучать механизмы - они слишком быстро устаревают. Что толку запоминать технические решения - они устаревают еще быстрее. Профессор любой технической дисциплины, например, зря потратит время, если будет обучать своих студентов тем навыкам и техническим решениям, которые в свое время преподавали ему, - эти навыки и решения сейчас почти на сто процентов бесполезны. Практически в каждой области жизни мы сталкиваемся с молниеносным старением и смертью фактов, теорий и методов. Каждый из нас и все мы вместе в любое утро можем почувствовать себя специалистами по изготовлению хомутов, чье мастерство уже никому не нужно.

Новая концепция обучения

Как же следует приступать к обучению, например, инженеров? Ответ очевиден: мы должны научить людей быть креативными, именно в том смысле, чтобы они были готовы принять новое, умели импровизировать. Они должны не бояться перемен, уметь сохранять спокойствие в бурном течении нового и по возможности (и это было бы лучше всего) приветствовать все новое. Это означает, что нужно обучать и готовить не просто инженеров, не инженеров в старом, привычном смысле этого слова, а <креативных> инженеров.

В самом основном это относится и к подготовке руководителей, лидеров и администраторов в бизнесе и индустрии. Это должны быть люди, способные взять под контроль стремительное и неизбежное устаревание только что внедренного в производство продукта, только что освоенного способа производства. Это должны быть достаточно понятливые люди, чтобы у них хватило ума не бороться с переменами, а предвосхищать их, и достаточно дерзкие, чтобы радоваться им. Мы должны вырастить новую породу людей -

людей-импровизаторов, людей, способных принимать молниеносные, творческие решения. Нам необходимо понять, что сегодня человек, которого мы называем <умелым> или <подготовленным> или <умным>, должен представлять из себя нечто иное, отличное от того, как мы толковали раньше эти

понятия (например, это наверняка уже человек не только с богатым жизненным опытом, который наперед знает, как решить любую проблему). Многое из того, что мы раньше называли обучением, сейчас утеряло всякий смысл.

Любая методика обучения, опирающаяся на изучение старого опыта, пытающаяся непосредственно применить прошлое к настоящему или старые решения к текущей ситуации, устарела. Сегодня образование нив коем случае нельзя рассматривать только как процесс усвоения знаний, пора определить его как процесс становления характера, как процесс личностного развития. Конечно, мои выводы не тотальны и абсолютны, но они справедливы очень во многом, и их справедливость будет все очевиднее год от года. (Это самый прямой, категоричный и доходчивый способ выразить то, что я хочу.) Накопленный человечеством опыт становится почти бесполезным в некоторых областях жизни. Люди, слишком привязанные к прошлому, стали почти бесполезными во многих профессиях. Настало время нового человека, человека, способного оторваться от своего прошлого, чувствующего в себе силу, мужество и уверенность, чтобы довериться тому, что диктует ситуация, способного, если понадобится, решить вставшие перед ним проблемы путем импровизации, без предварительной подготовки.

Все это вновь акцентирует наше внимание на психологическом здоровье и силе человека. Для нас становится все более важной способность человека полностью сконцентрироваться на том, что происходит <здесь и сейчас>, его умение слышать, видеть и понимать, что диктует ему конкретная ситуация. Появляется потребность в человеке, отличающемся от обычного, распространенного ныне типа человека, который воспринимает настоящее как вариацию прошлого, тратит настоящее, чтобы сделать будущее менее опасным и более предсказуемым, который настолько не уверен в своих силах, что боится будущего. Существует острая необходимость в появлении нового человека, и она вызвана не только желанием триумфальной победы в холодной войне и в гонке вооружений, такой тип человека необходим нам для того, чтобы достойно встретить новые времена и соответствовать новому миру, который уже окружает нас.

Все сказанное о холодной войне и о стремительно меняющемся мире, в котором мы оказались, заставляет определенным образом расставить акценты в нашем разговоре о креативности. Мы постоянно возвращаемся к проблеме личности, мировосприятия, характера и очень редко вспоминаем продукты творчества, технологические новшества, художественные произведения и т. д. То есть, нас больше интересует сам процесс творчества, сама креативная установка, непосредственно креативная личность, а не производимый ею продукт.

Мне представляется, что в дальнейшем следует больше внимания уделять инспирационной фазе креативности, а не фазе разработки, пристальнее изучать <первичную>, а не <вторичную> креативность (89).

Мы должны обращать внимание не на продукты искусства и науки, несмотря на их бесспорную социальную значимость, а на способность к импровизации, гибкость и приспособляемость, на способность эффективно противостоять любой неожиданно возникшей ситуации, невзирая на то, по-

Креативность

кажется она нам пустяковой или исполненной величия. Мы должны поступать именно так потому, что в противном случае, если принять за критерий креативности результат творческой деятельности, то это однозначно приведет в круг обсуждаемых проблем такие качества как трудолюбие, упорство, дисциплинированность, терпение и множество других вторичных характеристик, либо не имеющих прямого отношения к креативности, либо относящихся не только к ней.

Все эти доводы убеждают меня в том, что изучать креативность предпочтительнее на детях, а не на взрослых. В этом случае можно не обращать внимания на многие вещи, которые только сбивают с толку и осложняют исследование. Например, изучая детскую креативность, у нас не возникнет желания принять в расчет такие вещи как социальная новизна, польза для общества или цель творчества. Мы не завязнем в проблеме разведения врожденных задатков и благоприобретенного таланта (проблема эта, как мне кажется, мало связана с универсальной креативностью, которая есть в каждом из нас).

Таковы некоторые причины, по которым я считаю невербальное обучение, например, обучение через искусство, музыку и танец, чрезвычайно важным. И я говорю вовсе не об обучении творческим профессиям, потому что в любом случае это делается другим образом. Меня также мало волнует это с точки зрения организации досуга детей или применения данного подхода в терапевтических целях. Если уж на то пошло, то меня не интересует и обучение искусству как таковое. В чем я действительно заинтересован, так это в том, чтобы разработать новый тип обучения, направленный на создание нового человека, столь необходимого нам, человека процессуального, креативного, импровизирующего, доверяющего самому себе, отважного и автономного. Так уж получилось, что люди, занимающиеся обучением искусству, первыми обратили внимание на эту проблему. Но все наработанное ими с равным успехом может быть применено и при обучении математике, и я надеюсь, что однажды это обязательно произойдет.

Мы знаем, что сейчас математику, историю, литературу принято преподавать, опираясь на способность запоминать, методом диктанта (хотя уже известны исключения, вроде новейшей методики обучения импровизации, эвристическому мышлению, креативности и радости, разработанной математиками и физиками для применения в средней школе и описанной Дж. Брунером). И вопрос здесь заключается в том, как научить детей быть готовыми к неожиданностям, научить их импровизировать в изменяющейся обстановке, то есть как обучить их креативности и креативной установке.

Это новое течение в образовании, обучение через искусство, больше акцентировано на субъективном. Оно позволяет выйти за пределы однозначного <верно-неверно>, не обращает внимания на точность и приблизительность, оно предоставляет ребенка самому себе, его собственному мужеству и тревогам, его собственным стереотипам и выдумке. Мне кажется удачным сформулировать преимущества данного метода следующим образом: там,

Потребность в креативных людях

где отвергаются строгие законы объективного, там появляются благоприятные условия для самопроявления, а следовательно, благоприятная психотерапевтическая ситуация, благоприятная почва для роста. Именно этот механизм задействован в проективных методиках и в инсайт-терапии, где отменяется реальность, исключается правильность, не помогают навыки адаптации к миру, уничтожены физические, химические и биологические детерминанты, - все убрано оттуда, чтобы душа могла

свободно проявить себя. Я готов пойти еще дальше и заявить, что обучение через искусство проявляет себя одновременно и как разновидность терапии, и как техника роста. Обучение через искусство поднимает к свету качества человека, залегающие в самых глубинных пластах психики, и помогает человеку возмужать и окрепнуть, побуждает его расти и учиться.

Часть III

енности

Слияние действительного и ценностного

Я начну с объяснения того, что я называю высшим переживанием, потому что именно на примере этих переживаний наиболее просто и подробно можно продемонстрировать мой тезис. Понятие <высшее переживание> объединяет в себе лучшие мгновения человеческой жизни, счастливейшие мгновения человеческого бытия, переживания экстаза, увлечения, блаженства, величайшей радости. Я обнаружил, что эти переживания имеют глубокие эстетические основания, такие как творческий экстаз, материнская любовь, совершенные сексуальные переживания, родительская любовь, переживания при родах и многие другие. Я использую словосочетание <высшие переживания> как обобщенное и абстрактное понятие, потому что обнаружил, что все эти экстатические переживания имеют общие характеристики. Можно представить себе обобщенную схему или абстрактную модель, которая описывала бы общие характеристики всех подобных переживаний. Пользуясь этим понятием, мы сможем говорить одновременно обо всех переживаниях подобного рода и о каждом из них в отдельности (66,88,89).

Я получил от своих испытуемых множество описаний высших переживаний и их мировосприятия в такие моменты. Эти описания можно подвергнуть схематизации и обобщению.
  Это необходимо сделать еще и потому, что кроме схематизации и обобщения я не вижу другой возможности как-то осмыслить и упорядочить многообразие накопленных мною определений и словесных конструктов. Если попытаться сделать выжимку из множества слов и описаний мира, каким он представляется людям в мгновения высших переживаний (а я выслушал около сотни человек), то все это многообразие можно свести к следующим основным характеристикам: правда, красота, цельность, гармония, живость, уникальность, совершенство, нужность и необходимость, завершенность, справедливость, порядок, простота, богатство, спокойствие и вольность, игра, самодостаточность.

Ценности

Хотя этот список - всего лишь выжимка, сделанная одним конкретным исследователем, я не сомневаюсь, что любой другой исследователь, задавшись подобной целью, составит примерно такой же список. Я уверен, отличия будут крайне незначительными и касаться они будут лишь подбора более подходящих синонимов к тем же понятиям.

Эти понятия очень абстрактны. Да и как иначе? Ведь каждое из них объединяет в себе несколько сторон очень разных по происхождению и проявлениям переживаний. Само величие и широта охватываемого явления неизбежно предполагают общий характер и абстрактность обозначающего его слова.

Это - нюансы мировосприятия в моменты высших переживаний. Здесь могут быть отличия только в степени выраженности, яркости того или иного впечатления - иногда люди в первую очередь постигают правдивость и истинность мира, а иногда - красоту.

Я хочу подчеркнуть, что этими понятиями обозначены характеристики мира. Это описания мира, отчеты о его восприятии, свидетельства о том, каким он представляется людям в лучшие моменты их жизни, и даже о том, что он представляет из себя на самом деле. По сути эти описания сродни репортажу журналиста, ставшего свидетелем некого события, или отчету ученого, столкнувшегося с любопытными на его взгляд фактами. Это не описания идеального мира и не проекции желаний исследователя. Это не иллюзии и не галлюцинации - нельзя сказать, что человек, настигнутый высшим переживанием, испытывает эмоциональный катаклизм, выключающий его когнитивные способности. Напротив, высшие переживания обычно оцениваются людьми как моменты просветления, мгновения постижения истинных и подлинных характеристик реальности, прежде недоступных пониманию*.

* Есть одна очень старая проблема - проблема соотношения истины и откровения. Религия, как общественный институт, выросла на том, что отказывалась признавать существование этой проблемы, но нас не должна сбивать с толку и завораживать убежденность мистиков в абсолютной истинности их мироощущения, данного им в откровении. Да, это своего рода постижение истины - для них. Но и многим из нас знакомо это чувство искренней убежденности в том, что перед нами открывается истина - когда нас настигают мгновения откровений.

Однако человек три тысячи лет пишет свою историю и за это время уже успел понять, что одной убежденности в истине недостаточно, - необходимо некое внешнее подтверждение этой истины. Должна быть какая-то методика верификации, некий прагматический тест, некая мерка; мы должны подходить к этим откровениям с некоторой долей осторожности, хладнокровия и сдержанности. Слишком многие духовидцы, провидцы и пророки чувствовали абсолютную убежденность и заражали ею окружающих, но впоследствии бывали посрамлены.

В известной степени это разочарование - разочарование в личных откровениях - способствовало рождению науки. С тех пор и по сегодняшний день официальная, классическая наука отметает откровение и озарение, как не заслуживающие доверия.

Слияние действительного и ценностного

Так случилось, что именно мы - психологи и психиатры - оказались первыми у истоков новой эры в науке. Психотерапевтический опыт вынуждает нас повседневно сталкиваться с озарениями, высшими переживаниями, безысходным отчаянием, прозрением и экстазом, как на примере наших пациентов, так и на собственном опыте. Для нас все эти переживания стали обычными, и мы уже можем утверждать, что хотя бы некоторые из них несут в себе черты достоверности.

Пусть химик, биолог или инженер обескураженно разводит руками, в очередной раз сталкиваясь с вечно новым открытием, что истина рождается именно этим, вечно новым способом: внезапно, в момент озарения, как взрыв, проламывая стены, преодолевая сопротивление, преодолевая страх провидца. Для нас это работа; наш долг - испытывать опасные истины, истины, испытующие нашу самооценку.

Холодный скептицизм ученого неоправдан даже по отношению к холодной объективной реальности. Сама история науки, во всяком случае биографии великих ученых, являют собой и дивный эпиграф внезапного, экстатического постижения истины, и трудную повесть о медленном, тщательном, постепенном подтверждении ее другими людьми, чья работа так же отлична от полета мысли первых, как труд скарабея отличается от свободного парения орла. В связи с этим мне вспоминается, как Кеккуле

увидел во сне кольцеобразную структуру бензола.

Бытует расхожее мнение, что суть науки заключается в накоплении достоверных данных, в подтверждении истинности гипотез и скрупулезной проверке идей на предмет правильности или неправильности. Но наука в любом случае также является и инструментом открытия, а значит, ей следует понять, что благоприятствует инсайту, откровению, прозрению, и как затем использовать их в качестве научных данных. Другие примеры подобного миропостижения - я говорю о высшем постижении, об особой проницательности, приходящей к человеку в момент высшего переживания, о способности увидеть ранее скрытую истину - можно найти в высшей любви, в некоторых религиозных переживаниях, в групповой психотерапии, в интеллектуальных озарениях и глубоких эстетических переживаниях.

Буквально в последнее время у нас появилась возможность валидизации подобных способов познания. Эксперименты, проводимые независимо в трех разных университетах, в которых исследовалась возможность лечения алкоголизма при помощи ЛСД, оказались успешны в пятидесяти процентах случаев (1). Я отдаю себе отчет в том, что очень скоро мы оправимся от радости, вызванной этим удивительным достижением, этим нежданным чудом, и со свойственной человеку ненасытностью примемся требовательно вопрошать: <А что же те, которые не вылечились?> Но пока я хочу процитировать письмо, полученное мною от доктора А. Хоффера. Датировано оно февралем 1963 года:

<Мы стремились использовать предельные переживания как терапевтический инструмент. Наши пациенты-алкоголики принимали ЛСД или мескалин, слушали музыку, подвергались визуальной стимуляции и словесному внушению, - все было направлено на то, чтобы вызвать у них предельные переживания. Такой курс лечения у нас прошли более пятисот алкоголиков, и сегодня я могу сформулировать некоторые общие закономерности. Первая и основная заключается в том, что большинство излечившихся алкоголиков испытывали предельные переживания. И наоборот, из тех, кто не испытывал таковых, не излечился практически ни один.

Кроме этого, у нас появились серьезные данные, позволяющие говорить о том, что аффект является главным компонентом предельного переживания. Некоторые из испытуемых в первые два дня эксперимента вместо ЛСД принимали пеницилламин, который вызывал у них переживания, аналогичные тем, что вызывает ЛСД, но с меньшей выраженностью аффекта. Эти пациенты погружались в галлюцинирование того же зрительного ряда, у них отмечалось аналогичное смещение и искажение в способах мышления и рассуждений, но их эмоциональный фон оставался ровным, они были скорее сторонними наблюдателями за своими чувствами, нежели участниками происходящих с ними событий. То есть, эти испытуемые не имели предельных переживаний. И в результате только десять процентов из них мы смогли счесть излеченными против ожидавшихся нами шестидесяти процентов>.

Сейчас мы приступим к подъему на самую вершину - мы примемся за составление перечня характеристик реальности, светлых черт того мира, что видится людям в мгновения высших переживаний, и докажем, что они совпадают с тем, что принято называть вечными ценностями или вечными истинами. Мы увидим царство старого, доброго триединства - правды, красоты и добродетели. То есть, перечень описанных характеристик мира, являющегося взору человека в такие мгновения, одновременно является и перечнем ценностей. Эти характеристики испокон веков высоко ценимы великими религиозными мыслителями и философами, и список этот почти полностью совпадает с теми вещами и явлениями, что у наиболее

серьезных мыслителей человечества заслуживало звания главного или высшего смысла жизни.

Хочу повторить, что мой тезис формулируется в терминах науки, которую я определяю как популярную. Любой человек может попытаться переформулировать его, проверить его для себя; любой может проделать то же, что проделал я; может, если пожелает, столь же объективно, как это делал я, записать на магнитофон все, что ответят ему его испытуемые, и затем обнародовать эти ответы. То, что я изложу ниже - не схоластика.

Слияние действительного и ценностного

121

Мои опыты можно повторить, подтвердить или опровергнуть, мои выводы, если угодно, поддаются даже количественной оценке. Они окончательны и надежны именно в том смысле, что, если взяться повторить эксперимент, то мы получим те же самые результаты. Даже с точки зрения ортодоксальной, позитивистской науки девятнадцатого столетия мои выводы нельзя считать ненаучными. Мои выводы - это когнитивное заявление, это описание объективной реальности, характеристик космоса, мира, существующего независимо от воли и пристрастий человека, который только сообщает о нем и только описывает его, это сухой перечень того, каким видится мир человеку. Эти данные можно обрабатывать традиционными научными методами, устанавливая меру их точности или неточности*.

Однако это же описание мироощущения одновременно выступает и как оценочное описание. Перед нами предстают ценности, способные воодушевить человека, вещи, за которые человек готов пойти на смерть, терпеть боль, страдания и лишения. Их можно назвать <высшими> ценностями потому, что они, как правило, открываются лучшим людям, в лучшие моменты их жизни, при самых благоприятных условиях. Мы оказываемся в понятийной среде высшей, более совершенной, более одухотворенной жизни, и хочется сразу добавить, что погружение в эту среду должно стать и главной целью психотерапии, и конечной целью образования, образования в самом широком понимании этого слова. Именно в этой атмосфере зарождаются качества, так восхищающие нас в великих людях, качества, которые были присущи нашим героям, нашим святым, которые приписывают даже нашим богам.

Таким образом, когнитивный процесс становится одновременно и процессом определения ценностей. То, что существует, принимает свойства должного. Факты становятся оценками. Реальный мир, увиденный и понятый, превращается в мир ценимый и желанный. Мир, который <есть>, ста-

* Любой человек в меру своей заинтересованности в состоянии продолжить эти исследования. Например, некоторые из моих студентов осуществили несколько экспериментов. В одном из них, очень простом, который мы затеяли только для того, чтобы показать, в каком направлении можно продолжать работу, мы обнаружили, что у девушек - учащихся колледжа - высшие переживания зачастую вызываются любовными чувствами и осознанием того, что они любимы. И напротив, их ровесники-юноши больше ценят такие вещи, как решение поставленной перед собой задачи, успех, достижение превосходства над окружающими. Этот вывод согласуется и со здравым смыслом, и с клиническими данными. Можно представить себе множество других исследований подобного рода; поле для опытов безгранично расширилось после того, как было доказано, что высшие переживания достижимы искусственным путем, при помощи лекарственных препаратов.

722

Ценности

новится миром, который <должен быть>. То есть, говоря другими словами, действительное сливается с ценностным*.

Трудности с определением понятия <ценности>. Очевидно, что все, о чем здесь идет речь, имеет отношение к ценностям (21,93), как бы по-разному мы ни определяли это понятие. Не вызывает сомнений, что это слово для разных людей обозначает совершенно разные вещи. Я убежден, что из-за путаницы со значениями, которые придаются этому термину, в скором времени мы откажемся от него в пользу более точных, более пригодных к употреблению терминов, каждый из которых будет содержать в себе одно значение из того множества, что сегодня объединяется понятием <ценности>.

Если поддаться искушению образного мышления, мы можем представить себе понятие <ценности> как большой сундук, где хранятся самые разнообразные, зачастую непонятные вещи. Многие философы, писавшие о ценностях, пытались найти некую формулу, определение, которые позволили бы объяснить, почему под крышкой одного сундука оказались такие разные вещи. Они настойчиво задавались вопросом: <Что на самом деле обозначает это слово?> - забывая, что слово само по себе может не значить ничего, что оно может быть просто биркой на сундуке. В таком случае возможно только плюралистическое описание понятия, только составление списка вещей, только перечень значений, которые приписывают слову разные люди.

Я предлагаю вашему вниманию серию частных наблюдений, череду предположений и ряд вопросов, посвященных разным сторонам этой проблемы, - и таким образом попытаюсь добиться слияния или хотя бы приблизиться к слиянию того, что люди называют <ценностями>, и того, что заслуживает звания <факты>. Мы с вами попытаемся перейти от лексиграфических споров к большему пониманию того, что на самом деле происходит с явлениями, изучаемыми психологией и психотерапией, покинем холодный космос семантики и обратимся к миру природы. И это будет первым шагом к тому, чтобы признать поднятые нами проблемы научными (в широком понимании научного, включающем в себя не только сухие цифры экспериментальных данных, но и опыт человеческих переживаний).

Психотерапия как поиск <существующего> и <должного>. Подобный же метод рассуждений мне хочется применить и по отношению к феноменам психотерапии и самопознания. Обычно человек, задавшись целью

Считаю нужным сразу же оговориться, что <должно>, как я употребляю это понятие, являет собой нечто отличное от невротического <должно> по Хорни (см. главу 3 в <Neurosis and Human Growth> (49)). <Долженствование> по Хорни обычно исходит извне, от некого арбитра, долженствование a priori, перфекционистское, - одним словом, заведомо неисполнимое. Когда я говорю о <долге>, я подразумеваю конституционный уклад организма, реальный потенциал, заложенный в нем, который может быть задействован и который организм призывает на помощь в случае угрозы заболевания.

Слияние действительного и ценностного

понять, чему он равен, что он представляет из себя на самом деле, подходит к этому с точки зрения <долженствования>. Что я должен делать? Каким я должен быть? Как мне поступить в этой ситуации? Посвятить мне себя этой работе или той? Развестись или нет? Быть или не быть?

Неискушенный человек, оказавшийся рядом, склонен воспринимать такие

вопросы однозначно. Он сразу же отзовется <я бы на твоем месте...> - и даст конкретный совет. Но специалист не может не знать, что советы такого рода в лучшем случае не помогают решить проблему, а в худшем могут нанести непоправимый вред. Я бы не взялся растолковывать другому человеку, как ему следует поступить в той или иной ситуации, не стал бы давать конкретных советов.

Мы уже знаем, что для того, чтобы человек понял, как ему следует поступать, он прежде должен понять, кто он такой, что он из себя представляет. Прямая дорога к главным нравственным и ценностным решениям, к верному самоопределению, к <правильности> идет через самого человека, через познание им своей природы, своих особенностей, через открытие им правды о самом себе. Чем глубже он познает свою природу, желания своего внутреннего <Я>, свой темперамент, свою конституцию, свои потребности и устремления, чем отчетливее он осознает, что на самом деле доставляет ему радость, тем легче, естественнее, автоматичнее, эпифеноменальнее будет решена им проблема ценностного выбора. (Это не мое наблюдение, это одно из величайших открытий фрейдизма, незаслуженно обойденное вниманием.) Если человек познает, что именно согласуется с его природой, что приемлемо для нее и что нужно ей, то многие проблемы просто отпадут сами собой, а решение остальных не составит труда*. (Не стоит забывать, что по-

* Нельзя сказать, что познание своей идентичности, достижение аутентичности, полная самореализация автоматически избавляют человека от всех этических проблем. Когда отпадут псевдопроблемы, четче проступят реальные. Но, без сомнения, человек, ясно осознающий себя, легче решит и их. Честность перед собой, ясное понимание собственной природы служат необходимыми предпосылками естественности морального выбора. Я ни в коем случае не беру на себя смелость утверждать, что для этого достаточно просто стать аутентичным или хорошо познать себя. Зачастую одной аутентичности недостаточно - она выступает в качестве необходимого, но отнюдь не достаточного условия. Я пока не оставляю в стороне несомненное обучающее воздействие психотерапии, когда терапевт становится для своего пациента примером для подражания, когда пациент невольно принимает систему ценностей терапевта. Хочу сконцентрироваться на основных вопросах: Что главное для человека? Что второстепенное? Что нужно развивать? Что нужно минимизировать? К чему должна стремиться психотерапия - просто помогать человеку обнаруживать правду о нем самом, то есть к чистому самопознанию, или ставить перед собой более прагматические цели? Попутно замечу, что если мы не хотим навязывать или внушать пациенту свое мировосприятие и свою систему ценностей, мы можем воспользоваться как уроками отчужденности психотерапевта от пациента, преподанными Фрейдом, так и методом <спора о главном> экзистенциальной психотерапии48.

знание природы одного человека одновременно приближает нас к познанию человеческой природы в целом.)

Таким образом, мы помогаем человеку обрести его <должно> при помощи того, что <есть>. Познание своей глубинной сущности это - одновременно и постижение фактов, и постижение ценностей. Такого рода ценностный поиск, хотя он основывается на сборе данных, фактов, информации, то есть на поиске истины, находится непосредственно под юрисдикцией науки. Что касается психоанализа, как и всех прочих, не посягающих на целостность человека, а только раскрывающих его сущность, невмешательных, даосистичных методов терапии, то одинаково справедливо будет сказать, что они с одной стороны являются научными методами, а с другой - способами постижения смысла жизни; терапия такого рода - это всегда нравственный поиск, даже поиск божественного в

естественнонаучном смысле.

Заметьте, во всех этих методах терапевтический процесс и цель терапии (еще один обычный контраст между тем, что <есть> и что <должно быть>) неотделимы друг от друга. Попытки развести эти две стороны одного явления выглядели бы нелепо, если бы не грозили трагичным исходом. В данном случае ближайшая цель терапии и сам процесс терапии - это поиск того, что представляет из себя человек. Вы хотите понять, каким вам следует быть? Тогда поймите, что вы представляете из себя! <Обрети себя>! Взявшись описать, каким должен стать человек, мы невольно опишем, какой он есть в своей природе'.

Здесь <ценность> понимается как телос, как желанная цель, как реально существующая конечная станция, земля обетованная. Истинное <Я>, к которому стремится человек, уже существует, и следы его присутствия зримы, так же как в истинном обучении главное - не диплом, вручаемый в конце четырехлетнего пути, а сам этот путь - мгновение за мгновением, посвященные учению, познанию, размышлению. Так же и рай - не небесные врата, в которые праведник вступает после смерти, освободившись от бремени жизни, но сама жизнь. Рай уже здесь, он окружает нас.

Бытие и Становление существуют бок о бок, одновременно, в каждом текущем моменте. Так, путешествие будет в радость только тогда, если не вспоминать ежеминутно, как далек пункт назначения. Слишком поздно ко многим из нас приходит понимание, что выход на пенсию, мнившийся благостным отдыхом от трудов - не такое уж счастье, а вместе с пониманием приходит и чувство горечи от того, что так мало радовались мы своей работе и своей молодости.

* <Реальное Я> в некотором смысле тоже является конструктом, выдумкой.

Слияние действительного и ценностного

125

Смиренность или готовность принять. Есть еще один способ сблизить действительное и ценностное, и этот способ - смирение. В этом случае человек добивается согласия с собой, слияния действительного и желанного не стремлением улучшить существующее положение вещей, не исправлением того, что <есть>, а снижая планку <должного>, перераспределяя свои ожидания на более достижимые вещи, надеясь только на то, что реально осуществимо, что уже почти стало реальностью.

Можно проиллюстрировать это примерами из терапевтической практики, когда человек, вступив на путь постижения своего глубинного <Я>, ощущает конфликт между той правдой, которую он узнал о себе, и теми завышенными, идеальными требованиями, которые он предъявлял к себе. Его представление о себе как об отважном мужчине, или как о прекрасной матери, или как о рассудительном и рациональном человеке рассыпается в прах, едва только он обнаруживает в себе намек на трусость, зависть, враждебность или эгоизм.

Очень часто подобное осознание вызывает тяжелые переживания, нередко депрессию. Человек остро ощущает свою греховность, порочность или никчемность. Ему кажется, что его сущность невыносимо далека от его представлений.

Характерно, что успех терапии в таком случае возможен только на пути смирения. Сначала на смену невыносимому самоуничижению приходит отрицание открывшейся правды. Однако затем закрадывается такая мысль:

<В конце концов, все это не так уж и страшно. Не так уж это дико и кощунственно, что иногда мать может возненавидеть своего ребенка>. А иногда человек оказывается в состоянии достичь абсолютного, любящего

смирения перед истинно человеческим; познавая свои слабости, он в конце концов понимает, что может даже приветствовать их, радоваться им, любить их. Женщина, которая испытывала страх перед мужским началом, которую пугали любые проявления маскулинности, в конце концов начинает радоваться ей, преисполняется благоговейного, почти религиозного трепета перед мужской силой. То, что поначалу представлялось ей дурным и порочным, перевоплощается в достойное восхищения и удивления. Таким образом, просто иначе поняв маскулинность, она уже иначе смотрит на своего мужа, она в состоянии увидеть его соответствующим ее идеальному представлению о мужчине.

Каждый может почувствовать нечто подобное, по-новому взглянув на своих детей. Попробуйте на некоторое время забыть, что вы должны их опекать, указывать, как им поступать и какими они должны быть, попытайтесь отрешиться от привычной взыскательности к ним. Если у вас получится это, хотя бы на несколько мгновений, тогда вы сможете увидеть их совсем иными - совершенными, мучительно прекрасными, замечательными, чудесными.

В такую минуту наша привычка желать и понуждать, то есть наше обычное недовольство ими перевоплотится в глубокое переживание удовлетворения, согласия и завершенности, как если бы вдруг мы добились от них должного. В связи с этим хочу процитировать интересное высказывание Алана Уотса:

<...перед смертью многие люди испытывают удивительное ощущение. И это не просто принятие, но и желанность всего того, что случилось с ними в жизни. В этом чувстве желанноеТ нет требовательности; напротив, это неожиданное, внезапное понимание идентичности желанного и неизбежного> (151).

Можно вспомнить в связи с этим группы Карла Роджерса (128), опыт которых также показывает нам, что в курсе успешной терапии идеальное Это и действительное <Я> постепенно сближаются друг с другом, стремясь к полному слиянию. Это же явление имела в виду Хорни, когда писала, что реальное <Я> и идеализированный образ постепенно трансформируются к схожести и к полному слиянию, то есть, из двух отдельных, не зависимых друг от друга сущностей рождается новое единое образование (49). В этом же ключе следует рассматривать и более ортодоксальное представление Фрейда о суровом, карающем супер-Эго, которое в процессе психотерапии снижает свою планку, становится более терпимым, любящим, одобряющим; здесь несколько иными словами говорится о том же - как представление человека о себе желанном и его действительное самовоспридтие сближаются друг с другом, и человек обретает возможность уважать и любить самого себя.

В качестве примера можно привести так называемую диссоциированную личность, человека, поведение и сами помыслы которого сверхконвенциональны, строги и чопорны, который настолько презирает свое животное происхождение, что стремится полностью подавить естественные позывы своего организма и своей души. Такая личность может чувствовать удовлетворение собой только в том случае, если одержит полную победу над любыми, даже самыми малыми, психопатическими, ребяческими, импульсивными, рвущимися к наслаждению, неподконтрольными ему аспектами собственного <Я>. Подобная раздвоенность, дихотомизация разрушает и <высокую>, и <низкую> части его личности; только согласие между ними, их слияние может привести к реальным изменениям в обоих <личностях>. Только избавление от менторского <должно> и <следует> по отношению к своему естеству дает возможность человеку принять и полюбить себя таким, каков он есть на

самом деле.

Некоторые психотерапевты проникают к глубинному <Я> пациента только для того, чтобы получить возможность <разоблачить> и унизить его. Они как будто срывают с него маску, желая сказать ему <не так уж ты и хорош>. Это своего рода маневр, предпринятый для того, чтобы взять верх над пациентом, установить свою власть над ним; это способ самоутверждения психо-

Слияние действительного и ценностного

12./

терапевта, ибо он дает ему возможность чувствовать себя сильным, могущественным, имеющим право диктовать пациенту свою волю, глядеть на него сверху вниз, - словом, чувствовать себя богом. Для терапевта, который не слишком высокого мнения о себе, это становится несложным способом найти внутреннюю гармонию.

Такой прием отчасти подразумевает, что глубинное в человеке, его страхи, тревоги, конфликты, относятся к низкому, плохому, дурному. К слову, тот же Фрейд, даже к концу жизни, так и не пришел к согласию с бессознательным, он настойчиво определял его как нечто опасное и дурное, которое обязательно нужно держать под контролем.

К счастью, большинство известных мне психотерапевтов думают иначе. Как правило, чем больше они узнают о сокрытом в пациенте, тем больше любят и уважают его. Они любят человеческое в пациенте и не стремятся осудить его за то, что он не соответствует неким идеальным представлениям, некой платоновской сущности. Они умеют видеть в человеке присущее ему героическое, святое, мудрое, талантливое, великое, даже если он пришел к ним за помощью и <покаялся> во всех своих <слабостях> и <пороках>.

Можно ведь поставить вопрос иначе: если человек, глубже познав человеческую природу, разочаровался в ней, если его иллюзии в отношении человеческого растаяли, как дым, - значит, это действительно были иллюзии, для которых губителен свет истины, значит, он ожидал от человека невозможного. Около двадцати пяти лет тому назад я проводил сексологическое исследование, и среди моих испытуемых оказалась женщина, которая разуверилась в существовании бога только потому, что у нее в голове не умещалось, как он мог изобрести такой отвратительный, грязный, постыдный способ продолжения рода (сдается мне, что сегодня мне вряд ли удалось бы столкнуться с такой женщиной). Как это напоминает трактаты средневековых монахов, посвященные трагической несовместимости их низменных телесных позывов (например, речь заходила о дефекации) с высшими религиозными устремлениями их духа. Сегодня наш профессиональный опыт дает нам право на снисходительную улыбку при столкновении с такой причудливой, надуманной проблемой.

Исстари глубинная природа человека считалась грязной, дурной и варварской только потому, что некоторые ее отправления были определены как нечистые и греховные. Если вы назовете нечистыми уринацию или менструацию, тогда вам остается сделать один небольшой шаг, совершить маленькую семантическую подмену, и все человеческое тело станет источником греха. Так мужчина может испытывать угрызения совести и стыд за свое естественное влечение к собственной жене - мужчина чувствует <семантическую> порочность своих желаний, они порочны по определению. В таком случае только смирение, терпимость по отношению к реальному

способны победить трагическую разъединенность между <есть> и <должно>.

Унитивное сознание. В идеальном случае то, что <есть>, то и представляется ценным. Выше я описал, что такого слияния можно добиться двояко - либо улучшая то, что есть, стремясь приблизить свои качества к идеальным, либо снижая свои претензии к себе, приближая идеальное к тому, что уже достигнуто.

Сейчас я попробую предложить вам еще один, третий путь к внутренней гармонии, то, что я называю унитивным сознанием. Я подразумеваю под этим способность человека к одномоментному постижению обеих сторон каждого явления - как его уникальности, так и универсальности. Это способность разглядеть в каждом явлении его индивидуальные особенности, воспринять его со всей мощью и погруженностью, видеть его одновременно <здесь и сейчас> и в круговращении вечности, или, выражаясь более емко, увидеть общее в частном и сквозь частное, увидеть вечность внутри мгновения и сквозь струящуюся пелену времени. Или, пользуясь моей терминологией, - это слияние высшей реальности и насущной реальности: способность воспринимать действительное сквозь призму ценностного.

В этом нет ничего нового. Каждый, кто читал труды, посвященные дзэнбуддизму, даосизму или мистике, знает, о чем я говорю. Не было ни одного великого мистика, который бы однажды не попытался описать это парадоксальное сочетание изменчивости, неповторимости конкретного объекта, с одной стороны, и его причастности к вечному, сакральному и символическому (вроде той же сущности Платона), с другой стороны. А сегодня, в дополнение к этим трудам, можно вспомнить некоторые описания научных экспериментов с психоделическими препаратами (работы Хаксли, например).

В качестве понятного примера такого восприятия можно привести ощущения взрослого при взгляде на ребенка. В принципе, каждый ребенок, когда он вырастет, может стать кем угодно. В этом отношении его возможности безграничны, и мы, глядя на него, видим, как он становится и тем, и этим, - в некотором смысле мы видим, что ребенок уже является и тем, и этим. Если нам дана хоть малая толика чувствительности, мы не сможем не почувствовать все эти возможности и испытаем перед ними благоговейный трепет. Именно этот ребенок может в будущем стать президентом, гением, ученым или героем. И он действительно, именно в эту минуту, когда мы смотрим на него, содержит в себе эти возможности, они уже являются его неотъемлемыми качествами. Все разнообразие возможностей, которые он таит в себе, является его истинной сущностью. Каждый раз, хоть сколько-нибудь вдумчиво глядя на ребенка, мы не сможем не заметить этого потенциала и этих возможностей.

Такую же полноту чувств можно испытать, пристально всмотревшись в любую женщину и в любого мужчину. Мы постигнем их сакральную, божественную сущность. Даже сокрытая за скучной внешностью во многом ограниченного человеческого существа, эта сущность выдаст себя каким-то внутренним свечением, и любопытный наблюдатель обязательно задастся вопросами: что дорого для этого человека, кем он может стать, что он пытается поведать нам самим фактом своего существования, о чем песня его жизни. (Разве сможет чувствительный человек, глядя на мать, кормящую своего младенца, не испытать благоговейного трепета, разве не заслуживают преклонения и уважения женщина, выпекающая хлеб, и мужчина, грудью встающий на защиту своей семьи?)

Каждый психотерапевт должен именно так - унитивно - воспринимать своего пациента, или никогда ему не быть хорошим терапевтом. Он должен относиться к своему пациенту <безоговорочно позитивно> (Роджерс), то есть всегда видеть в его личности черты уникальности и сакральноеТ, и в то же самое время не забывать, что пришедшему к немуза помощью человеку чего-то недостает, что он несовершенен, что он должен стать лучше*. Некоторая доля сакральности необходима в отношении терапевта к пациенту, как бы ни шокировали нас порой его поведение или конкретные поступки. Это та же самая философия, что движет людьми, борющимися за отмену смертной казни, против варварских и унижающих человеческое достоинство наказаний.

Унитивное постижение человека предполагает способность видеть в нем как божественное, так и мирское; если мы не примем во внимание этого универсального, вечного, бесконечного, идеального, символического значения человека, наше восприятие несомненно редуцируется до крайней степени, откуда уже один шаг до восприятия человека как вещи. Я бы назвал это частичной слепотой. (Смотри ниже о <слепоте к должному>.)

Об унитивном восприятии стоит говорить еще и потому, что оно может послужить техникой для одновременного постижения действительного и ценностного, познания сиюминутной, конкретной данности в совокупности с тем, что может произойти, что обязательно произойдет, к чему устремлен

* Отголоски этой проблемы - стремление к цельности восприятия в кажущейся противоположности точек зрения - можно отметить в самом языке, особенно религиозном, теософском. Процитирую отрывок из письма одной религиозной женщины: <Я вижу параллель между идеей смирения и надежды и дихотомической идеей ("эгоизмальтруизм"), если понимать ее как идею "действительное-возможное". Бог смиренно принимает и любит нас такими, какие мы есть, но в то же время Он знает, на что мы способны, и ждет от нас, чтобы мы оправдали Его надежды. Стремясь к Богу, разве не должны мы уподобиться Ему и смиренно принимать человека, как он есть, в то же время побуждая его не останавливаться на достигнутом?>

ход событий, устремлен как к желанному апофеозу, который не просто может случится, но уже длится хотя бы потому, что желание его действительно существует. С помощью этой техники я смогу кое-чему научить; она дает возможность сознательного, намеренного сближения <есть> и <должно>. Разве можно, читая Юнга или Илиаду, Кэмпбелла или Хаксли, остаться равнодушным к прочитанному, не почувствовать слияния слов и смысла? И не обязательно ждать высших переживаний, чтобы прочувствовать чудный момент слияния <есть> и <должно>!

<Онтификация>. Мы можем иначе рассмотреть поднятый нами вопрос, обратясь к другой грани проблемы. Практически любая насущная активность (как и любая насущная ценность) может быть преобразована в желанную активность (и соответственно в желанную ценность), если у человека достанет мудрости, чтобы сделать это. Труд, принятый на себя человеком для заработка, станет для него интересным и любимым. Даже самая тупая, самая скучная работа, если она имеет хоть какой-то смысл, может быть освящена и сакрализована (онтифицирована, трансформирована из средства достижения цели в саму цель, в ценность как таковую). Этот процесс очень наглядно представлен в японском фильме <Icuri>. Работа клерка, скучнейшая из скучных, онтифицируется перед лицом близкой смерти, когда человек заболевает раком - жизнь становится сверхзначимой и сверхценной, такой, какой она должна быть. Это еще один способ слияния действительного и ценностного:

человек может преобразовать действительность в желанную цель, сделать действительность ценной для себя одной силой своего восприятия. (Мне кажется, что сакрализация, как и унитивное восприятие, несколько отличаются от онтификации, хотя в чем-то эти понятия перекрывают друг друга.)

Векторная природа фактов. Я начну с цитаты из Вертхаймера (155):

<Что есть структура? Утверждение "семь плюс семь равно..." - это система с лакуной, незавершенная система (eine Leerstelle). Эту незавершенность моъжно восполнить различными способами. Один из вариантов - "четырнадцать" - логичен для этого утверждения, восполняет незавершенность, это именно тот элемент, которого требует структура данной системы;

он соответствует и этому месту в системе, и всей функции в целом. Такое восполнение необходимо данному утверждению. Все иные варианты восполнения - например, "пятнадцать" - будут неверны, неуместны в структуре данного утверждения, будут нарушать функцию, которую структура протянула через лакуну, будут вызваны недопониманием ее, слепотой или прихотью.

Мы оперируем здесь понятиями "система", "лакуна", "восполнение", "требования структуры", "необходимость".

То же самое можно сказать, глядя на подпорченный чертеж математической кривой, на чертеж с лакуной или незавершенностью. Для восполне-

Слияние действительного и ценностного

IS1

ния такой незавершенности в математике существует определенный набор приемов, измерений и расчетов, которые позволяют однозначно определить, какой вариант заполнения будет соответствовать структуре имеющейся кривой. Это похоже на рассуждения древних о внутренней необходимости. И это в любом случае относится не только к логическим операциям, умозаключениям, математическим кривым и т. п., - события, поступки и само бытие могут быть верными или неверными, логичными или нелогичными.

Таким образом, можно сказать: в системе с Leerstelle правильное, справедливое восполнение незавершенности (Lueckenfullung) зачастую детерминировано самой структурой системы, ситуации. Существует структурно детерминированная необходимость; несложная ситуация требует однозначного, четкого решения - так например, сразу можно понять, какое восполнение незавершенности будет справедливо для данной ситуации, а какое нет, потому что разрушит ее внутреннюю логику... Вот голодный ребенок, а вот мужчина, он строит дом. Ребенок хочет есть, а мужчине не хватает одного кирпича для завершения строительства. В одной руке у меня кусок хлеба, в другой - кирпич. Я даю кирпич голодному ребенку, а хлеб - мужчине. Здесь мы имеем две ситуации, две системы. Распределение оказалось слепо к требованиям восполнения недостаточности>.

Затем, в сноске, Вертхаймер добавляет:

<Здесь я не могу подробно рассматривать эти проблемы (углубляться в понятия "требование ситуации" и др.). Мне остается лишь отметить, что, на мой взгляд, пора пересмотреть привычное противопоставление "есть" и "должно". "Детерминированность", "необходимость" такого порядка - это объективно существующие характеристики>.

Подобные выводы были сделаны большинством авторов в <Documents ofGestalt Psychology> (45). Так сложилось, что фактически вся литература по гештальт-психологии ныне посвящена доказательству постоянной изменчивости действительного в противовес статичности, векторности в противовес скалярности (факты психического никогда не обладают только величиной, у них неизбежно отмечается и устремленность). Об этом писал Кёлер (62), убедительные примеры приводятся в работах Гольдштейна, Хайдера, Левина, Аша (39,44,75,76,7).

Действительность живет, она не может застыть по нашей воле, как вчерашняя овсянка в кастрюле. Факты действительности сплетаются друг с другом, они группируются и завершают друг друга, незавершенные <взывают> к себе, <требуют> завершения, восполнения. Так же, как висящая на стене и перекошенная картина требует, чтобы ее поправили, так и нерешенная про-

блема напоминает о себе и не оставит вас в покое, пока не будет решена. Незавершенный гештальт восполняет себя до внутренней полноты, а перегруженный деталями образ или воспоминание упрощается, оставляя только самое главное. Мелодия требует для своего завершения единственно возможного аккорда; несовершенное стремится к совершенству. Нерешенная задача требует решения. <Логика ситуации требует...> - говорим мы. Факты властвуют над нами и распоряжаются нашими поступками. Они могут спросить с нас, могут разрешить и запретить. Они указывают нам дорогу, предлагают выбор, заставляют поступать так, а не иначе, подсказывают, какое направление избрать. Архитектор будет говорить о требовании места застройки. Художник скажет <сюда просится желтый цвет>. Модельер скажет, что платье <требует> такой-то шляпки. Пиво лучше <пойдет> под <Лимбургер>, чем под <Рокфор>, или, как выражаются завсегдатаи пивных баров, пиво <любит> определенный сорт сыра.

Работа Гольдштейна (39) хорошо демонстрирует организмическую <необходимость>. Больной организм не удовлетворен своим состоянием, ему не нравится чувствовать свою ущербность. Он болеет, температурит и бьется в судорогах, он сражается за свою целостность. Он должен быть цельным, он чувствует незавершенность и стремится обрести новую целостность, в которой ущерб, болезнь, утраченная способность не будет невосполнимой утратой. Он ищет пути развития для себя, строит себя, он творит свою новую структуру. Он не пассивен, он несомненно активен. Поэтому мы можем отнести гештальт-психологию, равно как и соматическую психологию, к разряду не просто скалярных, но векторных средств познания, чувствительных к тенденциям и потенциям49 (может, и к ценностям?). Они, в отличие от бихевиоризма, не слепы к устремлениям, не склонны рассматривать организм как пассивное образование, <предназначенное> для исполнения неких функций, они в состоянии увидеть его собственное, внутреннее предназначение, его собственную устремленность. Рассуждая подобным образом, мы заметим, что и Фромм, и Хорни, и Адлер тоже ощущали разницу между <есть> и <должно>. Иногда мне интересно представить вопрос таким образом, что так называемые нео-фрейдисты не то чтобы отошли от убеждений учителя (которому явно недоставало холистичности), а скорее синтезировали его воззрения с воззрениями Гольдштейна и гештальт-психологов.

Я утверждаю, что многие из описанных выше динамических характеристик, те самые векторные свойства психологических явлений, о которых писали гештальт-психологи, прекрасно объемлются и описываются понятием <ценности>. По меньшей мере они служат связующим звеном между <фактом> и <значением>, которые по привычке, бездумно продолжают

противопоставляться многими учеными и философами при определении науки. Такие ученые определяют науку как морально и этически нейтральную, они

утверждают, что наука ни к чему не призывает и не может иметь внутренней устремленности. Но, следуя их логике, остается сделать один шаг, и мы придем к парадоксальному выводу: если не ход познания движет наукой, значит, ею движут какие-то внешние по отношению к ней вещи.

<Требовательность> факта. Постепенно, не торопясь, мы приближаемся к более общему выводу, а именно, выводу о том, что чем более убедителен факт, чем более он <фактичен>, тем более он <требователен>. Можно сказать, что убедительность генерирует требовательность.

Факт требует необходимого действия, порождает долженствование! Чем более ясным нам представляется то или иное явление, чем лучше мы познаем его, чем надежнее мы убеждаемся в истинности и безошибочности своего знания, тем больше <должного> появляется в нем для нас - оно все с большей необходимостью определяет свое место в структуре нашего мироощущения, становится менее терпимым и более требовательным, оно громче <призывает> нас к конкретному способу обращения с ним. Чем отчетливее мы начинаем видеть черты его лица, его выражение, тем конкретнее становятся его запросы, серьезнее наша ответственность перед ним, тем больше мы ему <должны>.

Это обозначает, что когда нечто представляется нам достаточно ясным, истинным, реальным, бесспорным, тогда оно раскрывает перед нами свою собственную структуру с ее запросами, требованиями и обязательными взаимоотношениями. Оно подталкивает нас к тем, а не иным поступкам, потому что эти поступки более предпочтительны для него, чем иные. Если мы руководствуемся в своем поведении моралью, этикой, ценностями, тогда самыми лучшим подсказчиками для нас при каждом жизненном выборе служат именно такие <фактичные> факты; чем более фактичны они с точки зрения нравственности, тем яснее они определяют наш выбор.

Это хорошо видно на примере неуверенности молодого врача при установлении диагноза. Кому из нас не знакомы сомнения, колебания, неуверенность, сумбур в голове и нерешительность при беседе с пациентом! Врач, особенно молодой, зачастую не может определиться, какая болезнь у его больного. Но когда он получает в свое распоряжение мнение коллег, результаты множества тестов, согласующихся друг с другом, если он не поленится проверить их, и если они согласуются с его собственным видением пациента, тогда он сможет в конце концов уверенно заявить, что перед ним, например, психопат, - ив этом случае все поведение врача кардинально изменится; он станет более уверенным, более решительным, более определенным, он больше не терзаем сомнениями по поводу того, что ему делать, когда и как. Подобная убежденность дает ему преимущества при беседе с родственниками больного и с другими людьми, не согласными с ним. Теперь он может смело настаивать на своем просто потому, что чувствует свою правоту; и это будет

способом лишний раз показать, что он доверяет фактам. Факты дадут ему право смело идти вперед, не страшась боли, которую он может причинить пациенту, невзирая на слезы, протесты и даже враждебность. Ведь вы не побоитесь применить силу, если уверены в ее необходимости. Надежность фактов предопределяет надежность нравственного выбора так же, как

уверенность в поставленном диагнозе предопределяет успех лечения.

Могу привести пример из своей ранней практики, пример тому, что уверенность в фактах может придать убежденности в нравственной правоте. Еще будучи аспирантом, я занимался изучением гипноза. Подобные исследования тогда в нашем университете были запрещены; как я понимаю, основанием для запрета было общее мнение, что гипноза не существует. Но я-то знал, что это не так, что он очень даже существует (ведь я изучал его). Я настолько убедил себя в том, что это магистральная дорога к познанию истины, настолько уверился в необходимости такого рода исследований, что занимался проблемой гипноза с маниакальной целеустремленностью. Я помню, как порой удивлялся тому, что не испытываю никаких угрызений совести от своих масонских занятий, ведь меньше всего мне хотелось что-то скрывать, делать тайком, прятаться. Я, по моему мнению, делал необходимое, я был абсолютно убежден, что делаю правильные вещи. (Прошу заметить, что слова <делаю правильные вещи> одновременно можно понять как когнитивное, и как этическое замечание.)' Кое-что я знал лучше них. Я мог счесть их несведущими в этом вопросе и оставить за собой право не обращать внимания на их мнение. (Я умышленно обхожу стороной непростую проблему неоправданной уверенности в себе и своей правоте; просто это другая проблема.)

Еще один пример. Плох тот родитель, который не уверен в себе; если же вы уверены в себе, вы заслужите уважение своего ребенка за силу, определенность и однозначность. Если вы убеждены в необходимости своих поступков, вас не смутят ни протесты, ни слезы, ни страдания вашего ребенка. Зная, что вы должны вытащить занозу или жало, зная, что вы должны причинить боль, чтобы спасти жизнь или сберечь здоровье, вы будете решительны и настойчивы.

В данном случае знание приносит уверенность в правильности решения, в необходимости поступка, в правоте выбора, а уверенность придает вам сил. Как это напоминает работу хирурга или дантиста. Когда хирург вскры-

* Слова <неправильно>, <плохо> точно так же являются когнитивно-оценочными. В качестве иллюстрации мне вспоминается один анекдот. На уроке словесности учитель говорит своим ученикам: <Есть два не очень изящных слова, которые не стоит употреблять в сочинениях. Первое слово - это "паршивый", а второе - "шикарный">. Ученики смущенно притихли, а один ученик спросил: <Ну, так какие же слова?>

вает живот и обнаруживает там воспаленный аппендикс, у него не возникает сомнений в том, что ему делать, - если он не удалит больной орган, его пациент умрет. Это крайний по остроте пример того, как истина, факт диктует нам поступок, как <есть> определяет <должно>.

Все это подтверждает тезис Сократа о том, что ни один человек осознанно не предпочтет неверное верному, не выберет дурное вместо хорошего. В этом утверждении кроется мысль, что главная причина неверного выбора - это невежество. На этой же мысли Джефферсон строит здание своей теории демократии, на убеждении, что большее знание ведет к более верному поступку, и, наоборот, дело не будет правым, если в его основе не лежат реальные факты.

Восприятие фактов и ценностей самоактулизированными людьми. Несколько лет тому назад я писал о том, что самоактуализированным людям 1) дано постичь истину и реальность, и 2) что им не составляет труда отделить правильное от неправильного, они решительнее и быстрее, чем обычные

люди, находят более нравственное решение проблемы (95). Первое из этих утверждений с тех пор было многократно подтверждено, и я думаю, что сегодня оно понятно гораздо лучше, чем двадцать лет назад.

Второе же так и осталось своего рода головоломкой. Конечно, теперь, когда мы знаем о психодинамике психологического здоровья гораздо больше, можно надеяться и даже быть твердо уверенным в том, что исследования подтвердят и его.

Тема нашего разговора позволяет мне остановиться подробнее на внутренней взаимосвязи этих двух феноменов, в существовании которой я убежден (разумеется, это не исключает необходимости подтверждения этой убежденности отдельными исследованиями). Если выражаться яснее, я полагаю, что ясное понимание факта приводит к более четкому осознанию ценностей, или, возможно, что это понимание и это осознание - одно и то же явление.

То, что мы называем постижением Бытия, постижением Другого, постижением внутренней природы человека или явления, более присуще психологически здоровым людям, и, как мне представляется, заключает в себя не только познание <фактической> стороны объекта, но одновременно и постижение его внутренней <необходимости>. Говоря другими словами, постижение <необходимости>, заключенной в объекте, это обязательный глубинный аспект полноценного постижения <фактов>, она сама становится фактом постижения, который необходимым образом должен быть воспринят и понят.

Это <должно>, эта требовательность, необходимость, этот внутренний призыв к действию может быть воспринят только теми людьми, которые в состоянии ясно увидеть сущность объекта. Именно поэтому более полное постижение бытия неминуемо приводит к нравственной убежденности и

решимости. Здесь срабатывают те же механизмы, которые позволяют высокоинтеллектуальному человеку с легкостью разбираться в сложном переплетении фактов, живописцам - уверенно различать цвета, отчетливо видеть то, что никогда не сможет увидеть человек, страдающий цветовой слепотой, да и просто большинство окружающих его людей. Для такого человека неважно, что миллионы слепцов не видят этого неповторимого оттенка зеленого цвета. Пусть он кажется им просто зеленым - как трава и как форменная фуражка - это не может иметь значения для человека, который ясно, отчетливо и безошибочно видит истинную сущность.

Именно потому, что психологически здоровые люди воспринимают этот оттенок, это внутреннее <долженствование> предмета, именно потому, что они способны почувствовать, чего требуют от них факты, что они предлагают, к чему зовут, именно потому, что они с абсолютной даоистичностью позволяют фактам вести себя, - именно поэтому для таких людей нет проблемы нравственного выбора; выбор уже совершен, он кроется в сущности предстающего перед ними явления, он является неотъемлемой частью реальности.

Если на некоторое время допустить, что <фактический> аспект реальности можно отделить от <долженствующего>, <необходимостного> ее аспекта, то можно порассуждать о чувствительности и слепоте к фактическому, о чувствительности и слепоте к <должному>. В таком случае среднего человека можно счесть чувствительным к фактическому, но слепым к <должному>. Здоровый же человек окажется более чувствителен к <должному>. Психотерапия с этой точки зрения способствует развитию чувствительности к <должному>. Когда я вспоминаю тех самоактуализированных людей, которых я изучал, то начинаю понимать,

что их убежденность в собственных нравственных принципах могла происходить как от их чувствительности к фактическому, так и от их чувствительности к <должному>, если не от того и другого одновременно.

Даже если это сделает излишне сложным поднятый мною вопрос, не могу сразу же не оговориться, что такую слепоту к <должному> можно рассматривать отчасти как слепоту к заложенным в объекте возможностям. В качестве примера позвольте прдвести известную ошибку Аристотеля. Исследуя рабов, он обнаружил, что всем им присуща рабская покорность. Из этого общего наблюдения Аристотель делает вывод, что покорность является истинной, изначальной, инстинктивной сутью раба. Ту же ошибку допускает Кинси, путая среднеарифметическое с <нормальностью>. Он выводит <возможное> за границы рассмотрения. Это же обвинение можно предъявить и Фрейду в отношении его понимания женской психологии как ослабленного подобия мужской. Понятно, что в его время женщины имели гораздо меньше возможностей для реализации себя, но не разглядеть заложенного в них, все равно что не увидеть в ребенке его потенциала к взрослости. Подобная

Слияние действительного и ценностного

137

слепота к возможностям, к изменчивости, к развитию, к потенциалу неизбежно ведет к философии <статус кво>, в которой то, что <есть>, рассматривается как <нормальное>. Призыв к описательно сти, как сказал Сили о некоторых представителях социальных наук, склонных к подобному образу мышления, это приглашение вступить в партию консерваторов'. Кроме того, <чистое>, лишенное оценок описание будет заведомо неполным.

Даоистичный слушатель. Каждый найдет для себя что-то полезное, если станет слушателем, если позволит себе оставаться творимым, направляемым, ведомым. Хороший психотерапевт именно таким способом помогает своему пациенту - он помогает ему услышать его едва различимый внутренний голос, слабый зов его природы. Он действует в соответствии с принципом Спинозы, который заключается в том, что истинная свобода состоит из осознания необходимости и любви к ней, из осознания и любви к требованиям природы.

Таким же образом и человек понимает, как ему следует жить в этом мире, он становится слушателем своей природы и своего внутреннего голоса, он научается чувствовать их потребности и предложения, он затихает, чтобы услышать их позывы, он восприимчив, неагрессивен, нетребователен, смиренен.

В повседневной жизни мы часто становимся такими слушателями. К примеру, разрезать индейку легче, если знать места сочленений ее частей, если знать, как сподручнее держать нож и вилку, - если слышать, что нашептывает тебе ситуация. Если ты все расслышишь, если поймешь взаимосвязь всех фактов, - они поведут тебя и подскажут, что нужно делать. Но нужно помнить, что факты говорят очень тихо и расслышать их непросто. Чтобы услышать, нужно быть очень внимательным слушателем, нужно быть тихим, даоистичным. Если мы хотим, чтобы факты рассказали нам, что они означают, мы должны научиться слушать их очень специфическим образом, который можно назвать даоистичным - слушать молча, затаившись, полностью погрузившись в слушанье, не вмешиваясь, рецептивно, терпеливо, уважительно и почтительно.

* До сих пор я относил к восприятию <должного> несколько разных, во многом различных типов восприятия. Во-первых, восприятие гештальт-векторных (динамических и направляющих) аспектов перцептивного поля. Во-вторых, восприятие будущего как существующего уже сейчас, то есть осознание наличных потенций и возможностей для

будущего роста и развития. В-третьих, я разумел под этим же названием унитивное восприятие, в котором вечные и символические аспекты объекта постигаются одновременно и слитно с его конкретными, сиюминутными и ограниченными аспектами. Я не знаю, насколько уместно отнести сюда же <онтификацию> - произвольное, намеренное, осознанное представление деятельности в качестве конечной цели, а не способа достижения какой-либо цели. По-моему, это разные операции, и я не буду смешивать их.

138

Ценности

Пожалуй, это можно назвать современным парафразом известного сократовского изречения, что сведущий человек никогда не совершит дурного поступка. Правда, сегодня мы уже не можем быть столь категоричны, помимо невежества нам известны и другие источники дурного поведения, но мы не будем спорить с Сократом в той части, что невежество - самый серьезный из них. И это будет равносильно утверждению, что факты сами по себе, заложенным в них смыслом подсказывают, как нам с ними обойтись и что нам следует делать.

Так же даоистично, мягко, деликатно прислушиваясь к своим ощущениям, я посоветовал бы поворачивать застрявший в замке ключ. Думаю, нет нужды пояснять, что таким же образом можно успешнее решить геометрическую задачу (156), терапевтическую проблему, супружеские проблемы, проблему выбора жизненного пути и другие проблемы, включая взаимоотношения с собственной совестью, проблему правоты и веры.

Любые проблемы становятся решаемы, если мы примем повелевающую способность фактов. Если эта способность существует, то она достойна того, чтобы ее постичь. Мы знаем, что добиться этого непросто, и поэтому нам нужно изучить все условия, которые помогают усилить восприимчивость человека к <должному>.

9

Заметки по психологии Бытия*

/. Определение психологии Бытия, ее предмета, проблем, полномочий

(С равными основаниями она может быть названа и онтопсихологией50, и трансцендентной психологией, и психологией совершенства, и психологией цели.)

1. Оперирует целями (не средствами или инструментами); окончательными состояниями, окончательными переживаниями (такими как внутреннее удовлетворение и радость); самоцельным человеком (т. е. священным, уникальным, неповторимым и равным по ценности любому другому человеку, но не инструментом для достижения цели); техниками преобразования средства в цель, научения восприятию насущной деятельности в качестве желанной деятельности. Оперирует объектами ре?" se, с объектами в их внутренней сущности, в их внутренней обоснованности, заведомо ценными, полезными, качества которых не нуждаются в обоснованиях. Оперирует состоянием <здесь и теперь>, в котором полностью проживается настоящее и которое так же важно per se, а не как повторение прошлого или прелюдия к будущему.

2. Оперирует состояниями finis и telos, то есть с состояниями завершенности, взлета, окончательности, достижения цели, тотальности, всепоглощенности, полной воплощенности (состояниями абсолютной завершенности, когда реализованы все желания и нужды, когда кажется невозможным какое-

* Эти заметки еще не приобрели окончательной формы и не сложились в завершенную структуру. В основу их положены идеи, сформулированные в (89) и (95), эти краткие замечания лишь попытка развернуть их. Я писал их в 1961 году, во время моей работы в Институте Бихевиористских исследований в Калифорнии. Тем, кого заинтересует тема психологии Бытия, рекомендую обратиться к (84) и (86).

либо улучшение ситуации). Состояниями абсолютного счастья, радости, блаженства, восторга, экстаза, завершения, реализации, осуществления надежд, решения проблем, исполнения желаний, удовлетворения потребностей, достижения цели. Высшими переживаниями. Состоянием удачи (в тот краткий миг, когда исчезают все <но>).

2а. Несчастливыми, трагическими состояниями, связанными с завершенностью и окончанием, когда они лежат в поле познания бытия. Кстати, и сами состояния безнадежности, отчаяния, безысходности, крушения ценностей, острой вины иногда, если у человека до станет силы и мужества, могут способствовать постижению истины и реальности (тут уж обязательно как цели, а не как средства).

3. Состояниями, которые переживаются как совершенные. Понятием совершенства. Идеалами, моделями, предельными величинами, образцами, абстрактными определениями. Человеком с точки зрения его потенциала, его совершенного, идеально смоделированного, аутентичного, вочеловеченного, парадигматического, богоподобного, образцового, и человеком как уже имеющим потенциал и вектор развития в направлении этого совершенства (то есть человеком в том качестве, каким он мог бы быть, каким он может быть, каков он есть в лучшие мгновения своей жизни;

теми абстрактными пределами его величия, к которым он приближается, но которых никогда не достигает). Судьбою человека, его предназначением. Идеальными человеческими потенциями, экстраполированными из высших, идеальных целей психотерапии, обучения, семейного просвещения, высшими целями роста и саморазвития. (Смотри дальше <Операции для выявления высших ценностей>.) Определяет сущность, сущностные характеристики человеческого индивидуума, его природы, его внутреннего <ядра>, его сути, потенциала, сокрытого в нем, его sine qua поп (инстинктивных, конституциональных, биологических, врожденных, генетических предпосылок). А потом измеряет (количественно) <степень> вочеловеченности человека. Философия антропологии по-европейски. Она дифференцирует sine qua поп человечности, ее определяющие характеристики от образцовых (смоделированных, <идеальных> в платоновском смысле, идеальной возможности, совершенной идеи, героя, идеальной пресс-формы). Sine qua поп - это первый класс, идеал -выпускной. Выпускник аттестован чистейшим, статичным бытием, и ему завидует первоклассник. Поступить в первый класс несложно: здесь достаточно оказаться двуногим животным без перьев. Это как членство - либо ты скаут, либо нет; либо все, либо ничего.

4. Состояниями безжеланности, вызванной удовлетворением насущных нужд, состояниями отрешенности, отсутствия стремлений к преодолению, к похвале. (Вольно же вам <оставить интересы, желания, цели вне поля зрения, полностью отречься от собственной индивидуальности и оставить в себе лишь познающее начало... с ясным видением мира> - Шопенгауэр.)

4а. Бесстрашием и непоколебимостью. Смелостью. Беспрепятственными, свободными, несдерживаемыми, неподконтрольными порывами человеческой природы.

5. Проблемами метамотивации (т. е. динамикой к действию, когда все нужды удовлетворены). Мотивацией к росту. <Немотивированным поведением>. Самовыражением. Спонтанностью.

5а. Состояниями и процессами чистой (первичной и/или интегрированной) креативности. Полной поглощенностью <здесь и теперь> (в смысле <свободы> от прошлого и будущего, насколько это возможно). Импровизацией. Тождеством личности и ситуации, их сближением в направлении полного слияния.

6. Дескриптивными, эмпирическими, клиническими, персональными или психометрическими описаниями состояний, приближающих человека к самоосуществлению (или к своему предназначению, призванию, судьбе);

такими понятиями, как самоактуализация, зрелость, вочеловеченность, психологическое здоровье, аутентичность, постижение <реального Я>, индивидуализация, креативная личность, идентичность, реализация или актуализация потенциала.

7. Понятием <постижение бытия>, под которым понимается взаимодействие с экстрапсихической реальностью, концентрация на сущности внешнего, в противовес сущности и интересам познающего <Я>. Проникновение в суть явления и человека. Ясность восприятия.

7а. Исследует условия, при которых возможно постижение бытия. Высшие переживания. Нравственное падение и раскаяние. Постижение бытия перед лицом смерти. Постижение бытия при острых психотических нарушениях. Терапевтический инсайт как способ постижения бытия. Страх и уклонение от постижения бытия; опасности, связанные с ним.

(1.) Природа объекта при постижении Бытия. Бытие становится описанной и идеально экстраполированной реальностью, то есть реальностью, какой она могла бы стать в <лучших> условиях. Она независима от субъекта восприятия. Она неабстрагирована. (Смотри о постижении действительного и ценностного.)

(2.) Природа субъекта при постижении Бытия. Это подлинная природа, потому что беспристрастна, отрешена, неэгоистична, <незаинтересована>, даоистична, бесстрашна, она <здесь и теперь> (смотри о наивном восприятии), она рецептивна, смиренна, не ищет своей выгоды и т. д. Таков человек, когда он готов наиболее эффективно постигать реальность.

8. Изучает проблему трансценденции времени и пространства. Состояния, при которых мерность мира забыта (состояния поглощенности чем-либо, полной концентрации, завороженности, высшие переживания, трагические

переживания), мешает или вредна. Вселенная, люди, предметы и явления постигаются как вневременные, вечные, беспространственные, универсальные, абсолютные.

9. Изучает сакральное; возвышенное, духовное, трансцендентное, вечное и бесконечное, священное и абсолютное; состояния благоговейного трепета, поклонения, жертвенности и т. д. Исследует естественнонаучный аспект <религиозных> состояний. Взгляд сквозь призму вечности на повседневное, на вещи и людей. Унитивный способ жизни и унитивное

сознание. Слияние сиюминутного и вечного, частного и универсального, относительного и абсолютного, факта и значения.

10. Изучает наивность (используя ребенка или животное как одну из парадигм). Изучает постижение бытия (используя зрелую, мудрую, самоактуализированную личность как противолежащую парадигму). Наивный способ познания (в идеале - отсутствует деление на важное и неважное; все одинаково возможно, все одинаково интересно, нет членения на фигуру и фон, только рудиментарное структурирование и дифференциация внешнего; нет нужды отделять цель от средств ее достижения, поскольку и то и другое одинаково значимо само по себе; здесь нет будущего, нет прогнозов, нет ожиданий и поэтому нет неожиданностей, предчувствий, разочарований, предвосхищения, беспокойства, использования старого опыта, этапа подготовки, тревог; все равновероятно; в основе его - невмешательство и рецептивность; принятие всего, что бы ни произошло; отказ от отбора, селекции, предпочтения, дискриминации; от деления на уместное и неуместное; от абстрагирования; удивление и восхищение). Наивное поведение (спонтанность, экспрессивность, импульсивность; бесстрашие, неподконтрольность, беспрепятственность; простодушие, отсутствие тайных мотивов; честность, отвага; отсутствие планов, намерений, замыслов, подготовки; смиренность;

терпеливость (перед лицом неведомого будущего); нет желания переделать мир или создать его заново). (На самом деле наивный способ познания и зрелое постижение Бытия очень во многом перекрывают друг друга; возможно, когда-нибудь они сольются воедино.)

11. Стремится к высшему холизму познания, к космосу, к унитарному постижению реальности; все, что предстает перед нами, таит за собой нечто большее; весь окружающий нас мир - единая вещь, которую мы разглядываем с разных сторон. Космичное сознание Бьюка (18). Очарованное - в каждой малой части вселенной сокрыта Вселенная. Различные техники обучения такому взгляду на вещи, на примере живописи, фотографии, - кадрирование, фокус, эффекты при печати фотографий и проч. (приемы вычленения объекта из отношений, связывающих его с миром, из контекста, из фона, позволяющие увидеть его сущность, его абсолютность; новый взгляд). Способность увидеть объект во всей его многозначности, отказ от частного понимания его в терминах пользы, безопасности, удобства и т. д. Объект - это в любом случае весь объект; частное восприятие неизбежно ограничивает

его понимание рамками средства для достижения частной цели и лишает его р сальности per se.

Отказ от ограничений, накладываемых сепаратизмом, дискретизацией, дихотомизацией и законом исключения среднего.

12. Исследует наблюдаемые и экстраполируемые характеристики (ценности) бытия. (Смотри перечень высших ценностей.) Сферу бытия. Унитивное сознание. Смотри также записки об операциях, определяющих значение высших ценностей (часть IV ниже).

13. Изучает состояния, при которых дихотомии (полярности, противоположности, противопоставления) разрешаются (преодолеваются, сочетаются, сплавляется, интегрируются), -такие дихотомии, как эгоизм-альтруизм, разум-эмоции, импульс-контроль, доверие-воля, сознание-подсознание, счастье-печаль, слезы-смех, трагедийное-комедийное, аполлиническое-дионисийское, романтизм-классицизм и т. п. Также все интегрирующие процессы, которые трансформируют противоположности в синергизм, например, любовь,

искусство, юмор и т. д.

14. Все синергические состояния (в мире, в обществе, в человеке, в природе). Состояния, при которых эгоизм сливается с альтруизмом (преследуя <эгоистические> цели, я обязательно приношу пользу другим, а делая что-то для других, тем самым приношу пользу себе; разрешение и преодоление дихотомии). Если общество ценит добродетель, если она вознаграждается не только внутренне, но и внешне, тогда человеку проще быть добродетельным, умным, красивым, честным. Такое состояние общества, которое благоприятствует и способствует актуализации высших ценностей. Состояние, когда легче быть хорошим. Состояние, которое не требует противостояния высшим ценностям (ненависти, страха перед совершенством, правдой, добродетелью и красотой). Такое состояние, которое повышает внутреннюю взаимосвязь правды, добродетели, красоты и т. п. и ведет их к совершенному единству.

15. Стремится к состояниям, в которых Человеческая Неустроенность (экзистенциальная дилемма) временно разрешается, теряет остроту, преодолевается или забывается, к состояниям высшего переживания, к высшему юмору и смеху, к <счастливому концу>, к триумфу высшей справедливости, к <смерти в один день>, к высшей любви, к высокому искусству, к великой трагедийности и комедийности, к целостным переживаниям, актам и восприятию.

//. Анализ различных значений, в которых употреблялось понятие <Бытие> в <Toward a Psychology of Being> (89)

1. Понятие <Бытие> использовалось в отношении всего космоса, всего сущего, всей реальности. В высших переживаниях, при состояниях завороженности, очарованности, полной концентрации внимание сужается до

единичного объекта, как если бы этот объект заключал в себе все бытие, всю реальность. Объект воспринимается как целостный, обладающий внутренними взаимосвязями. Он воплощает в себе Космос. Все прочее частно, незавершенно, внутренне не связано, подчинено сиюминутной житейской выгоде. Понятие <Бытие> относится и к сознанию, когда его можно назвать космичным, когда в нем нет дихотомичности, но интегрированная иерархия.

2. Это понятие относится к <внутреннему ядру>, биологической природе индивидуума - к его базовым потребностям, возможностям, предпочтениям; к его несводимой к меньшему природе, к его <реальному Я> (Хорни), к его врожденной, генетической сущности. Идентичность. Поскольку это <внутреннее ядро> одновременно и общее для вида (каждый ребенок испытывает потребность в любви) и индивидуальное (только Моцарт был Моцартом), то оно означает также <вочеловеченность> и/или <абсолютную идиосинкразию>.

3. Бытие выступает скорее как <выражение собственной природы>, нежели как преодоление, борьба, напряжение, намерение, контроль, вмешательство, руководство (в том смысле, что бытие кошки являет нам кошку, и напротив, мужчина, играющий женскую роль, старается изобразить женственность, или скупой тщится выглядеть великодушным). Под понятием <Бытие> подразумевается расслабленная спонтанность, позволяющая глубинной, врожденной натуре проявиться в поведении (умному человеку проявить свой интеллект, а ребенку ребячиться). Истинная спонтанность труднодостижима, большинство людей скорее <актерствуют>, - они <стараются> соответствовать тому, что по их мнению ожидается от них, или тому, чего они сами ожидают от себя,

вместо того, чтобы позволить себе быть собой. Бытие подразумевает честность, искренность, открытость. Психологи, употребляя это понятие, подразумевают непроверенное убеждение, что невроз не является частью глубинной природы, частью внутреннего ядра, или бытия человека, они считают его скорее внешней оболочкой личности, скрывающей и искажающей реальное Я\ невроз рассматривается как защита личности от бытия, от глубинной биологической природы человека. <Изображать> бытие, <стараться> быть - не так хорошо, как просто <быть>, но все же это лучше, чем не изображать, не стараться, потому что это значит утерять надежду, сдаться.

4. Понятие <Бытие> может быть отнесено как к человеку, так и к лошади, равно и ко всему остальному. Любое существо, любой предмет или явление имеет определяющие характеристики, которые либо позволят считать его человеком, лошадью или чем-то другим, либо исключат его из классификации при помощи специфических логических операций. Психология человека ограничена в подобной классификабельности, потому что каждого человека можно воспринимать одновременно как члена класса <человек> и как единственного представителя уникального класса <Эдисон Дж. Симе>.

Возможна минимальная и максимальная классификабельность. Класс может быть определен минимально требовательными критериями, тогда практически никто не будет исключен. Такой подход позволяет избежать ранжирования и дискриминации. Каждый человек окажется либо представителем этого класса, либо нет, либо внутри классификации, либо вне. Другие варианты просто невозможны.

А с другой стороны класс может быть определен как некое приближение к идеальному критерию или совершенному образцу (к модели, герою, к идеальным возможностям, к платоновской идее, к экстраполированному перекрестью всех мыслимых векторов развития). Такое определение класса имеет ряд преимуществ, но при этом нельзя забывать о его абстрактности и статичности. Есть непреодолимая пропасть между тщательным описанием самых лучших из людей, которых нам удалось найти (самоактуализированных людей), каждый из которых в чем-то несовершенен и человечен, и описанием идеального, совершенного, абсолютно сбалансированного образца, сконструированного путем экстраполяции из дескриптивных данных о реальных и несовершенных людях. Понятие <самоактуализированная личность> описывает не только человека, но и тот идеал, к которому он устремлен. В принципе, это не должно оказаться трудным. Ведь мы можем смотреть на чертеж или схему устройства паровой машины и понимать, что перед нами еще вовсе не паровая машина.

Подобная концептуальная дифференциация позволит нам отличить сущностное от периферического (случайного, внешнего, несущественного). Она даст нам возможность отделить реальное от нереального, истинное от ложного, необходимое от допустимого, вечное и постоянное от преходящего, неизменное от вариативного.

5. И, наконец, <Бытие> может означать <завершение> развития, конечную точку роста или становления. Оно может быть отнесено к категориям конечного результата, предела, цели, это telos становления, в противовес процессу становления, как, например, в этой цитате: <Таким образом, психология бытия и психология становления могут быть согласованы; ребенок успевает являть собой ребенка, "быть" ребенком, но это не мешает ему развиваться и расти>. Бытие в данном смысле очень похоже на аристотелевскую <главную причину>, или telos, конечный продукт, в том смысле, что желудь является целью и конечным продуктом для дуба, которым он в конце концов станет. (Это не больше чем

каламбур - очеловечивать желудь и утверждать, что он <старается> вырасти. Он не старается. Он по существу является дубом в зародыше, в потенции. Как Дарвин не мог позволить себе слово <старается> при объяснении процесса эволюции, так же и мы должны избегать его. Мы должны рассматривать стремление к росту, к достижению идеальных пределов как эпифеномен бытия, как <слепой> побочный продукт множества одновременно протекающих механизмов и процессов.)

III. Высшие ценности или ценности Бытия (как описания мира, открывающегося в моменты высших переживаний)

Характеристики Бытия - это одновременно ценности Бытия. (Это характеристики вочеловеченности, это то, к чему стремятся вочеловеченные люди; это характеристики самоидентичности в моменты высших переживаний; характеристики идеального искусства; характеристики идеального ребенка; характеристики лучших доказательств математических гипотез, идеальных экспериментов и теорий, идеальной науки и знания; высшие цели лучших (даоистичных) видов психотерапии; характеристики идеального окружения и идеального общества.)

1. Правдивый: (честность; реальность; открытость; простота; необходимость; красота; чистота; полная и неподдельная цельность).

1. Хороший: (истинность; желанность; обязательность; справедливость;

доброта; честность; приятность).

3. Красивый: (правильность; оформленность; одухотворенность; простота; насыщенность; целостность, совершенство; завершенность; уникальность; искренность).

4. Цельный: (единство; интеграция; стремление к объединению; взаимосвязанность; простота; организация; структура; порядок, ассоциированность; синергизм; стремление к гомономности).

4а. Преодолевший дихотомию: (слиянность; разрешенность; интегрированность или преодоление дробности, полярности, противоположности, противоречия; синергичность, то есть единение противоположностей, сотрудничество антагонистов и партнерство).

5. Живой: (процесс; отрицание смерти; спонтанность; саморегуляция;

полное функционирование; изменчивость при сохранении сущности и целостности; экспрессивность).

6. Уникальный: (идиосинкразия; индивидуальность; несопоставимость;

новизна; неповторимость; непохожесть).

7. Совершенный: (отсутствие излишеств, отсутствие недостатков; воплощенность; невозможность улучшения; правильность, необходимость, соответствие, справедливость, завершенность, достаточность).

7а. Необходимый: (неизбежность; правота; невозможность исправления; верное осуществление).

8. Завершенный: (законченность; окончательность; гармоничность; совершенность; неизменность гештальта; кекш;, finis и telos; отсутствие недостатков; тотальность; предназначенность; прекращение; вершина; окончательная форма; смерть для возрождения; остановка на

пике роста и развития).

9. Справедливый: (правота; обязательность; соответствие; свойство структурированности; необходимость; неизбежность; отрешенность; беспристрастность).

9а. Гармоничный: (законность; правильность; отсутствие чрезмерного;

абсолютный строй).

Заметки по психологии Бытия

147

10. Простой: (честность; открытость; существенность; абстрактная безошибочность; каркас существа; сердцевина проблемы; прямота; только необходимое; отсутствие украшательств, ничего лишнего или чрезмерного).

11. Богатый: (разнообразие; сложность; ветвление; всеохватность; достаток и прозрачность; наличие; <всеважность> - все равно высоко ценимо; нет второстепенного; все имеющееся выше улучшения, упрощения, абстрагирования, переустройства).

12. Дольньго: (легкость; нет старания, борьбы, преодоления, нет трудностей; грация; совершенное и прекрасное функционирование).

13. Игривый: (веселье; радость; удовольствие; юмор; плодовитость; легкость).

14. Самодостаточный: (автономность; независимость; самопоглощенность; самоопределяемость; отрыв от окружения; отдельность; жизнь по своим законам; идентичность).

IV. Операции для определения высших ценностей в форме, которая может быть подвергнута испытанию

1. Первоначально видятся как описательные характеристики самоактуализированных (психологически здоровых) людей, полученные от них самих, от посторонних исследователей и от их близких (ценности 1,2,3,4,4а, 5,6,7, (?), 8,9,9а, 10,11,12,13,14, сверх этого -ясность, смиренность, способность к эго-трансценденции, познавательная живость, преобладание высших переживаний, Gemeinschaftsgefuhl, любовь к бытию, непротивление, уважительность к бытию, креативность).

2. Могут быть поняты как предпочтения, выборы, желания, ценности самоактуализированных людей, выраженные ими по отношению к себе, к окружающим их людям, к миру в целом (при достаточно хороших условиях среды и достаточно <хорошем> человеке). Вполне вероятно, что многие люди, не только высоко самоактуализированные, проявят те же, разве что слабее выраженные, предпочтения и потребности, однако для этого среда должна очень благоприятствовать этому выбору. Вероятность выбора высших ценностей возрастает, если а) совершающий ценностный выбор психологически здоров, б) среда синергична и в) человек силен, мужествен, решителен.

Гипотеза: Высшие ценности - те ценности, к которым устремлены многие (большинство? все?) люди. (Они обнаружимы в процессе раскрывающей терапии.)

Гипотеза: Высшие ценности способны принести человеку высшее удовлетворение независимо от того, осознаются они им или нет; они дарują человеку чувство совершенства, завершенности, ясности, исполнения жела-

www.koob.ru

ний и предназначения и т. д. Они оказывают благое воздействие на человека (исцеляют и возвышают его).

3. Сообщены исследователю как характеристики мира (или как тенденции к таким характеристикам) в моменты высших, лучших переживаний лучшими людьми (описания мира в мгновения высших переживаний). Они подтверждаются общеизвестными трудами по мистике, любовной лирикой, работами, посвященными эстетике, творчеству, религиозными писаниями (в некоторых аспектах). Они же обнаруживаются в родительских переживаниях и в переживаниях при родах, в свидетельствах об интеллектуальных и терапевтических (не всегда) прозрениях, при занятиях атлетическими видами спорта, в телесных ощущениях (иногда).

4. Сообщены исследователю как характеристики <Я> в моменты высших переживаний (переживания <острой самоидентичности>); (все ценности, возможно за исключением 9, и еще креативность; <здесь и теперь>; вольность, как иллюстрация для 5,7,12; поэтическая коммуникация).

5. Наблюдаются исследователем как характеристики поведения людей в моменты высших переживаний.

6. Открываются не только в мгновения высших переживаний, но и при других состояниях, если у человека достаточно мужества и силы, - таких состояниях, как угнетение, скорбь (психотическая регрессия, встреча со смертью, крушение надежд и иллюзий, крах ценностей, личные трагедии и переживания, связанные с ними, неудачи, провалы, чувство невоплощенности предназначения и прочие экзистенциальные проблемы); при некоторых интеллектуальных и философских прозрениях, открытиях; при взгляде на прожитые годы (<принятие прошлого>). Эта <операция> как источник данных недостаточно достоверна, требуются другие подтверждения. Может согласовываться с данными других операций, но может и противоречить им.

7. Могут быть видны как характеристики <хороших> произведений искусства (<хорошие> в данном случае значит, что они нравятся исследователю): в живописи, в скульптуре, музыке, хореографии, в поэзии и других литературных жанрах; (все ценности, кроме 9, и с некоторыми исключениями для 7 и 8).

Пилотный эксперимент. Детские абстрактные рисунки оценивались художниками-экспертами по десятибалльной шкале - от <самых эстетических> до <наименее эстетических>, другая группа экспертов оценивала их по критерию <целостности>, третья -по критерию <живости>, четвертая -по критерию <уникальности>. Все четыре параметра обнаружили положительную корреляцию между собой. Пилотное исследование: создается впечатление, что, исследовав рисунки или короткие рассказы, можно с большой вероятностью определить меру психологического здоровья их создателей.

Гипотеза для проверки: корреляция между красотой, интеллектом, моральными качествами и психологическим здоровьем возрастает с возрастом. Для проверки гипотезы необходимо измерить эти четыре критерия, при-

чем для каждого измерения необходимо привлечь отдельную группу

экспертов. Корреляция должна быть позитивной и высокой для тридцатилетних, еще выше у сорокалетних и т. д. Таким образом можно экспериментально подтвердить гипотезу.

Гипотеза: оценка художественных произведений с точки зрения всех пятнадцати высших ценностей обнаружит, что <плохие> романы (плохие по оценкам экспертов) не затрагивают или меньше затрагивают вопрос высших ценностей, чем <хорошие> описания. То же самое справедливо в отношении <хорошей> и <плохой> музыки. Таким образом можно выяснить, какие картины, романы, танцы помогают повысить, укрепить, выразить индивидуально сть, честность, красоту или другие высшие ценно сти. Или - какие конкретно книги, стихи нравятся более зрелым людям. И в конце концов, не окажется ли разумным использовать психологически здоровых людей в качестве <биологически компетентных экспертов> (более чувствительных в распознавании высших ценностей и более эффективных в ценностном выборе, как используют в шахтах канареек для предупреждения о выбросах метана)?

8. То немногое, что нам известно об условиях, влияющих на уровень психологического здоровья детей всех возрастных групп в рамках нашей культуры безусловно указывает, что рост психологического здоровья неразрывно связан со стремлением личности к некоторым или ко всем высшим ценностям. Таким образом, <хорошими> можно считать такие условия в школе, в семье и т. д., которые обеспечивают причастность детей к высшим ценностям и тем самым укрепляют их психологическое здоровье. Если сформулировать это в виде гипотезы, которая может быть подвергнута испытанию, то можно сказать, что дети, психологически более здоровые, как правило, бывают честнее (красивее, благороднее, сильнее, цельнее и т. д.), чем дети, психологически менее здоровые; уровень психологического здоровья в данном случае можно оценить при помощи проективных тестов и психиатрического интервью, наблюдая за поведением ребенка, по отсутствию классических невротических симптомов и т. д.

Гипотеза: психологически здоровые педагоги направляют устремления своих учеников в направлении высших ценностей.

Вопрос вдогонку: какие условия окружения ребенка повышают, а какие снижают его интегрированность? Его честность, красоту, игривость, самодостаточность?

9. <Хорошие> (ценность 2) или <изящные> математические доказательства предельно выражают <простоту> (10), абстрактную истину (1), совершенство, законченность и <порядок> (7,8,9). Они могут быть красивыми (3), и часто воспринимаются именно такими. Внешне они кажутся простыми и нетрудными, и их на самом деле отличает легкость (12). Это движение к совершенству, устремленность к нему, влюбленность в него, восхищение им и в некоторых случаях острую нужду в нем мы можем отметить у изобретателей-механиков, конструкторов, у инженеров на производстве, у слесарей,

столяров и плотников, у специалистов по организации и управлению в бизнесе, в армии и т. д. Они так же, как математики, устремлены к вышеупомянутым ценностям. Это стремление можно выразить в терминах выбора между элегантным и простым механизмом с одной стороны и тяжеловесным, усложненным, с другой стороны, между простецким молотком и молотком, перегруженным различными приспособлениями, между мотором, <полностью> функционирующим (5), и двигателем, большую часть времени работающим на холостых оборотах, и т. д. Психологически здоровые инженеры и плотники непроизвольно будут стремиться к тому, чтобы их

продукт более соответствовал высшим ценностям, а значит их продукт будет пользоваться спросом, будет дороже продан по сравнению с другими, менее <ценными> продуктами их менее здоровых, менее толковых коллег. Такой же способ рассуждений справедлив, по всей видимости, и в отношении <хорошего> эксперимента, <хорошей> теории, <хорошей> науки в целом. Похоже, что звания <хороший> и в этих случаях заслужит тот, кто окажется <ближе> к высшим ценностям, как в математике хорош тот, кто окажется <ближе> к истине...

10. Большинство психотерапевтов (проникающих, раскрывающих, неавторитарных, даоистичных), к какой бы школе они ни принадлежали, на вопрос о высшей цели психотерапии уже сегодня ответят в терминах аутентичности, самоактуализированности, индивидуальности личности, в терминах меры приближения к ним, - и они будут говорить об этом как дескриптивно, так и в смысле идеальной, абстрактной модели. Если они будут более конкретны, мы услышим от них если не полный перечень высших ценностей, то некоторые - обязательно. Мы сможем услышать о правдивости (1), о хорошем поведении (2), о цельности (4), живости (5), стремлении к полному развитию, о зрелости внутренних потенциалов и гармонии с ними (7, 8,9), о соответствии человека своей сущности (10), о полном согласии со своим, столь разнородным глубинным <Я> (11), о вольности и легкости в самореализации (12), о способности к игре и способности получать удовольствие от игры (13), о независимости, автономности и самодостаточности (14). Я сомневаюсь, что кто-то из психотерапевтов сможет всерьез оспорить предлагаемый мною перечень, хотя, возможно, некоторые захотят расширить его.

Множество данных о разнообразных эффектах успешной и неуспешной психотерапии дают нам группы Роджерса, и с моей точки зрения, все эти данные без исключения доказывают или могут служить подтверждением правоты моей гипотезы о том, что высшие ценности являются высшей целью психотерапии. Воздействие психотерапии - то есть разницу между пациентом до и после психотерапии - можно исследовать как до сих пор непроверенную гипотезу о том, что психотерапия в состоянии сделать пациента красивым и чувствительным к красоте, что она усиливает тягу к прекрасному и дает возможность получать удовольствие от него. То же самое касается юмора.

Пилотное исследование. В основе лежат многочисленные двухлетние наблюдения за ходом групповой психотерапии; студенты колледжа, как юно-

ши, так и девушки, становились красивее и привлекательнее с моей точки зрения и по их собственным оценкам (как и с точки зрения посторонних людей), что можно счесть следствием возросшей любви, уважения к себе, равно как следствием появившейся необходимости быть приятными по отношению к членам группы (в силу возросшей любви и уважения к ним). Если мы говорим о раскрывающем аспекте психотерапии, то мы тем самым подразумеваем, что все раскрываемое ею в каком-то смысле уже существовало в человеке. Поэтому, что бы ни было раскрыто ею, это с большой долей вероятности является конституциональными, темпераментными, врожденными качествами организма, то есть его сущностью, его глубинной, биологической реальностью. То, что исчезает в процессе раскрывающей психотерапии, следовательно, не было присуще организму, не было заложено в нем, оно отторгнуто как случайное, внешнее, к чему сущность была принуждена, что было навязано ей. Таким образом, если появятся надежные данные, которые показывали бы нам, что высшие ценности набирают силу и актуализируются в процессе раскрывающей терапии, то можно было бы с уверенностью заявлять, что высшие ценности являются атрибутами или определяющими характеристиками

тубинной, сущностной, внутренней природы человека. Это общее и основное предположение вполне поддается экспериментальному испытанию. Роджерсовская техника <приближения и отхода> в психотерапии (129) предоставляет широкое поле для исследования того, что устремляет нас к высшим ценностям, а что уводит нас от них.

11. Глобальные цели, которые ставит перед собой новая разновидность образования, понимаемая как становление <креативной>, <гуманистической> или <целостной> личности, особенно ее невербальные методики (обучение через искусство, танец и т. п.), во многом совпадают с перечнем высших ценностей или даже идентичны им, а также идентичны целям той психотерапии, которая не ограничивает себя рамками достижения конкретного терапевтического результата. Я хочу сказать, что этот вид образования почти неосознанно устремлен к тому же результату, что и психотерапия, представленная идеально. А потому выводы уже произведенных или только планируемых исследований эффектов психотерапии в принципе могут быть перенесены и использованы для лучшего понимания эффективности <креативного> обучения. Как в психотерапевтической практике, так и в процессе образования можно пользоваться расхожим и естественным принципом - <хорошим> можно считать только такое образование, которое <возвышает> ученика, то есть помогает ему стать честнее, лучше, красивее, целостнее и т. д. С равным успехом этот тезис применим и по отношению к профессиональному образованию, если не рассматривать его только как процесс приобретения навыков и умений, а увидеть в нем средство для достижения человеком своего высшего предназначения.

12. Примерно то же самое можно сказать о некоторых разновидностях монотеистических и политеистических религий, как об их канонических вер-

--, так и об апокрифах п ~~----------

^=--^-.ss^^^

"".Й0"0^""ТТ &,,"", ""'"<< .д.оТ^

^BnopZel7

^ная изоляция' ^еныне

Заметки по психологии Бытия

153

других членов общества, делают их взаимоисключающими, такие условия, при которых базовые потребности человека удовлетворяются недостаточно или удовлетворяются за счет потребностей других членов общества. В хорошем обществе за добродетель и устремленность к высшим ценностям не приходится платить дорогую цену; в хорошем обществе порядочный бизнесмен будет процветать; в хорошем обществе человек, добившийся успеха, заслужит уважения, а не зависти, не страха и не возмущения; при хороших условиях вообще более уместно восхищение (чистое, не переплетенное с эротическим чувством, подчиненностью и т. п. вещами).

14. Факты убеждают нас, что <хорошая> работа или <хорошие> условия труда сами по себе подвигают людей в направлении высших ценностей;

если человеку не очень по душе его работа, он поставит на первый план личную безопасность и спокойствие, но если работа ему нравится, он обязательно подчеркнет возможность самоактуализации. Условия труда- это особая разновидность условий среды. Можно сказать так: когда условия труда способствуют повышению цельности, честности, идиосинкратичности человека, можно говорить не о <хорошей> работе, а о

работе, <благоприятствующей высшим ценностям>.

15. Структура базовых потребностей, или нужд, и их иерархия были вскрыты при помощи так называемой <реконструктивной биологии>, а если выражаться конкретнее, исследованиями фрустрации и выяснением того, фрустрация каких потребностей вызывает тот или иной невроз. Возможно, уже очень скоро в нашем распоряжении будут достаточно чувствительные психологические методики, которые позволят проверить гипотезу о том, что угроза высшим ценностям или фрустрация их вызывает экзистенциальные болезни, своего рода патологии духа, или синдромы недочеловечности - или, говоря иными словами, гипотезу о том, что высшие ценности также являются <нуждами> в вышеобозначенном смысле (мы стремимся к этим ценностям, чтобы восполнить свое <Я>, чтобы <вочеловечиться>). Но уже сейчас можно задаваться вопросом, до сих пор не поднимавшимся: <Что происходит с самою сущностью человека, вынужденного жить в нечестном мире, в дурном мире, в уродливом мире, в расщепленном, дезинтегрированном мире, в мертвом, статичном мире, где правит бал пошлость и стереотип, в мире обделенности и дефицита, в мире беззакония и несправедливости, в бестолковом или нарочито простом, чрезмерно абстрагированном мире, в напряженном мире, в мире, лишенном юмора, в мире, где нет места задумчивой уединенности и тихой гордости?>

16. Как я уже подчеркивал, понятие <хорошее общество> хорошо уже тем, что позволяет обсуждать степень удовлетворения базовых нужд и степень самоактуализации и вочеловеченности всех членов общества. Нелишне будет добавить, что <хорошее общество> (в отличие от плохого) способствует достижению высших ценностей, поощряет и побуждает людей к этому, Дает им эту возможность. Это утверждение так же, как и некоторые предло-

женные мною выше, подлежит вольной транскрипции. Например: можно понять так, что идеальная Евпсихея вплотную приблизится к высшим ценностям. В таком случае до какой степени понятие <хорошее общество> (та же Евпсихея) тождественно понятию <синергичное общество>?

V. Может ли возвышенная любовь придать человеку независимости, непредубежденности, ясности восприятия?

Верно ли, что любовь ослепляет? В каких случаях она способствует более ясному восприятию, а в каких - менее ясному?

Средоточие этих вопросов лежит в том моменте, когда любовь обращается в нечто огромное и чистое (неамбивалентное), когда она обращена к самой сущности объекта, когда его лучшие качества становятся именно тем, чего мы хотим, когда мы перестаем оценивать его на предмет возможной пользы и он превращается из средства к достижению цели в саму желанную цель (с нашего благосклонного попустительства). Взять хотя бы яблоню: можем ведь мы полюбить ее так, чтобы ничего не возжелать от нее, лишь бы она была; нас может радовать уже то, что она просто есть. Все прочее оказывается наносным и внешним (<навязанным>), вредит ей и мешает ей оставаться яблоней, мешает ей существовать по ее собственным внутренним, биологическим законам. Она может стать столь совершенной в наших глазах, что мы будем остерегаться прикоснуться к ней, чтобы не умалить ее совершенства. Право, можно ли совершенное сделать еще более совершенным? Всякая попытка внести улучшение (украсить, например) косвенно свидетельствует о том, что объект не воспринимается совершенным, что у человека есть некое представление о <совершенном>, отличное оттого, что существует в реальности, которое кажется ему краше и лучше конкретного воплощения живой яблони; такой

человек думает, что понимает в яблонях больше, чем сама яблоня, что может создать яблоню лучше, чем это делает яблоня. Признайтесь, у вас, наверное, возникало чувство, почти неосознаваемое, что человек, желающий <поправить> природу собаки, сделать своего питомца красивее, на самом деле не любит его. Тот, кто любит свою собаку, просто придет в содрогание от одной мысли о купировании хвоста или ушей, о селекции, направленной к сходству с неким образчиком идеальной собаки из кинологического журнала, о всех этих мероприятиях, делающих собаку нервозной, больной, стерильной, неспособной к продолжению рода, эпилептичной и т. д. (Заметьте, люди, доводящие собаку до такого состояния, настойчиво именуют себя любителями собак.) Абсолютно то же самое можно сказать о людях, занимающихся выращиванием карликовых деревьев, о людях, обучающих птиц езде на велосипеде или шимпанзе курению.

Настоящая любовь в любом случае не агрессивна и не требовательна, она восхищается объектом самим по себе и потому может воспринимать его без задних мыслей, без планов и расчетов эгоистического порядка. Она позволяет обозреть его не как некую абстракцию (расчленяя его и разглядывая

составные части, качества и атрибуты), а воспринимает его целостным и неделимым. Можно сказать, что она менее активна, не прикладывает энергичных усилий к тому, чтобы втиснуть объект в прокрустово ложе абстрактного представления о нем, не рвется организовать и переделать его, придать ему форму или подогнать под теорию, то есть позволяет ему остаться цельным, единым, самостийным. Любовь не станет оценивать его по критериям важности или незначительности, фигуры или фона, пользы или бесполезности, ценности или никчемности, выгоды или невыгодности, <хорошести> и <плохости>, или другим критериям эгоистического человеческого познания. Любовь не стремится поместить свой объект на определенную полку, классифицировать его, определить ему место в историческом процессе или в хронологическом ряду, он для нее перестает быть рядовым членом класса, образчиком, представителем типа.

Это означает, что все (как важные, так и неважные) свойства и качества (цельных) частей объекта (как периферических, так и центральных) одинаково значимы и заслуживают внимания, что любая из его сторон заслуживает восхищения и удивления; возвышенная любовь независимо от того, любовь это к мужчине или к женщине, к ребенку, картине или цветку, почти всегда означает такого рода любование, скрупулезное и завороженное.

Незначительные недостатки, увиденные в такой неразрывности с целым, обязательно покажутся милыми, очаровательными хотя бы потому, что они идиосинкратичны, выражают характер и индивидуальность объекта, придают ему неповторимость, а может, просто потому, что они столь мелкие, второстепенные, несущественные.

Таким образом, человек, способный к возвышенной любви (к постижению Бытия), сможет увидеть нечто, недоступное взгляду нелюбящего человека. Кроме того, ему легче постичь природу конкретного объекта, познать объект в его ненарушенной правомочности и в мерном ходе его ничем не смущенного существования. Пугливая и потаенная сущность объекта скорее откроется рецептивному любованию, не активному, не агрессивному, не нахальному. При любовном постижении Бытия даже форма воспринимаемого объекта ближе к реальным очертаниям, чем в том случае, когда постигающий императивно навязывает объекту чуждую ему структуру и, следуя ей, бесцеремонно и нетерпеливо устремляется к надуманной сущности, как мясник, разделывающий тушу, как завоеватель, требующий сдачи города, как скульптор, властвующий над куском глины, безвольным и податливым.

VI. При каких условиях и какими людьми выбираются или не выбираются ценности Бытия?

Согласно данным моих исследований, человек чаще делает выбор в пользу высших ценностей в том случае, если он психологически <здоров> (самоактуализирован, зрел, продуктивен и т. д.). Если мы возьмемся отобрать таких людей, мы обязательно встретим среди них <великих>, уважаемых, ку-

миров. (Может, именно за эти качества люди считают их <великими>, поэтому уважают их и восхищаются ими?)

Эксперименты на животных в условиях выбора показывают, что условные рефлексы51, предварительное научение и тому подобные вещи снижают биологическую эффективность организма, его гибкость, адаптивность, лишают его способности к здоровому выбору. Так, например, происходило у крыс с пониженным содержанием адреналина в крови. Экспериментальные исследования научения демонстрируют нам, что люди, которых в течение десяти дней принуждали к неэффективному, раздражающему и поначалу отвергаемому выбору, на одиннадцатый день, оказавшись в условиях полной свободы выбора, продолжают отдавать предпочтение неэффективному, раздражающему и поначалу отвергаемому. Житейский взгляд на природу человека подтверждает этот вывод - вспомнить хотя бы, что гласит народная мудрость о привычках. Клинический опыт показывает, что чаще всего выбор совершается в пользу знакомого, привычного варианта, и значительно ригиднее, компульсивнее и невротичнее бывают в своем выборе люди с повышенной тревожностью, ригидные, неуверенные в себе, скованные и т. д. Клинические данные и данные экспериментов однозначно говорят нам о том, что сила Это, мужество, здоровье и креативность, как у взрослых, так и у детей, повышают вероятность выбора нового, незнакомого, непривычного.

Вышеописанное научение, скорее похожее на приучение, может оказаться препятствием в устремлении к высшим ценностям. Человек претерпевается к дурным запахам. Мерзости уже не шокируют его. Он привыкает к дурному и уже не обращает на него внимания, не осознает его как плохое, вредное, несмотря на то, что оно продолжает пагубно воздействовать на него, как например, влияет на физическое и психологическое здоровье человека постоянный шум, отсутствие прекрасного в окружающем его мире или белков в его рационе.

Для того, чтобы выбор был действительно выбором, необходимо равноправно и одновременно представить человеку альтернативы. Так, человек, привыкший к звучанию своего плохого магнитофона, предпочтет его самой качественной технике. И наоборот, человек, привыкший к чистому звучанию, предпочтет магнитофон высшего класса. Но если и тому, и другому, как в эксперименте Эйзенберга, дать прослушать одну и ту же композицию сначала на плохом магнитофоне и сразу же следом на хорошем магнитофоне, и тот, и другой скорее всего предпочтут хорошую технику.

Отчеты об экспериментах, посвященных проблемам различения, в массе своей показывают нам, что выбор будет эффективен, если альтернативы представлены в одном и том же месте и в одно и то же время. Можно предположить, что вероятность верного выбора более красивой из двух картин, или более натурального из двух вин, или более экспрессивного из двух людей будет тем выше, чем ближе предлагаемые альтернативы будут находиться в пространстве и времени.

Заметки по психологии Бытия

157

Предлагаемый эксперимент. Если взяться оценить что бы то ни было от 1 (плохие сигары, вино, ткань, сыр, кофе и т. д.) до 10 (хорошие сигары, вино и т. д.), то человек, привычный к уровню 1, поставленный перед выбором между 1 и 10, скорее выберет свой уровень. Но если ему предложить на выбор 1 и 2, очень вероятно, что он предпочтет именно 2, или соответственно 3, а не 2 и т. д., и по степенно сможет прийти к выбору уровня 10. Это говорит о том, что предлагаемые на выбор альтернативы должны находиться в одном дискурсивном пространстве, в одной реальности, к которой привык данный человек, не быть слишком оторванными от нее. Если мы, следуя этой же логике, предложим человеку, с самого начала выбравшему очень хорошее вино, вино похуже, вместо 10 предложим 9, или вместо 9 - 8, вместо 5 - 4 и т. д., мы с большой долей вероятности обнаружим, что он продолжает настаивать на выборе хорошего вина.

С такой точки зрения видно, что раскрывающая психотерапия, инсайттерапия может принести много пользы человеку, стремящемуся к <реальному выбору>. После успешного курса психотерапии вероятность совершить верный выбор значительно повышается, можно говорить о том, что способность к верному выбору детерминирована скорее человеческой природой, нежели культурными традициями, обусловлена скорее <самостью> человека, а не чем-то внешним или привнесенным в его личность. Четче осознаются альтернативы выбора, пропадает прежняя нерешительность, страх и т. д. Успешная психотерапия усиливает тягу к высшим ценностям, позволяет увереннее отличать их от прочих.

В данном случае предполагается, что психотерапевт не воздействует на характер человека, совершающего выбор, а он просто принимает в расчет его личностные особенности. Например, терапевт должен помнить - человеку труднее будет доказать, что <лучший> выбор (занимающий более высокую ступень в иерархии ценностей, приближающийся к высшим ценностям) лучше и с практической точки зрения, если этот человек измучен тяжелой и несправедливой жизнью, если он невротичен, робок, неуверен в себе, ограничен, скован, ригиден, привержен к стереотипам в поведении, конвенционален (такие люди зачастую просто боятся всего нового, они боятся даже мыслей о нем или сознательно отторгают новое, подавляют, репрессируют его).

Известны результаты множества экспериментов, которые доказывают, что общество склонно навязывать нам выбор. Примеры такого навязывания - иррациональная реклама, давление общественного мнения, политическая пропаганда, которые значительно ограничивают свободу выбора человека и даже свободу его восприятия. Эти инструменты воздействия искажают предлагаемые альтернативы и могут привести человека к неосознанному или неверному выбору. Воздействию этого давления с большей вероятностью поддаются конформные люди в отличие от независимых и сильных. Клинические и социально-психологические данные говорят за то, что этот эффект сильнее сказывается на молодых людях в отличие от пожилых. Полезно будет

158

Ценности

заметить, что обычно эти и подобные им эффекты воздействуют на подсознание, обращают к нему свои доводы и призывы. Так действует агрессивная политическая пропаганда, так создается образ престижного, так обманывает нас и запугивает реклама. Все используемые ими приемы рассчитаны на нашу слепоту и невежество, на недостаток проницательности, все они построены на умышленных недоговорках, на лжи

и угнетают способность и желание человека самому разобраться в ситуации выбора. Мы можем лишить их вредоносной силы, только если осознаем, каким образом они манипулируют нами.

Выбор в полном смысле свободный, совершенный в соответствии с внутренними, сущностными потребностями человека, возможен только в том случае, если человек вырвется из-под гнета социального давления, если от откажется от подчиненности в пользу независимости, если слабость и страх уступят место зрелости, силе и мужеству, если человек станет знающим и понимающим. Выполнение каждого из этих условий неотвратимо увеличит вероятность выбора в пользу высших ценностей.

Иерархия потребностей, в которой высшие этажи занимают высшие, или экзистенциальные потребности, в некотором смысле обусловлена иерархией нижележащих базовых потребностей, большей значимостью удовлетворения первичных нужд по сравнению с потребностями развития, победой стремления к гомеостазу над стремлением к росту и т. д. Как правило, когда есть две неудовлетворенные потребности, то выбор делается в пользу удовлетворения более насущной, более сильной из них, то есть в пользу <низшей>. Следовательно, не стоит ждать пробуждения высших потребностей до тех пор, пока не будут полностью удовлетворены низшие, более сильные, потребности. Этот вывод позволяет нам многое понять и предвидеть. Например, мы можем предсказать, что человек, который чувствует какую-то опасность, то есть, человек, у которого не удовлетворена первичная потребность в безопасности, в отличие от другого человека, аналогичная потребность которого удовлетворена, реже предпочтет правду лжи, красоту - уродству, а добродетель - дурному.

Это подразумевает новый взгляд на старую проблему: чем именно <высокая> радость (например, музыка Бетховена) лучше <низшей> (например, музыки Элвиса Пресли)? Как доказать ее превосходство человеку, <остановившемуся> на низшем уровне? Возможно ли вообще научить подобной разборчивости, и в частности можно ли научить ей человека, не желающего учиться?

Почему возникает это <сопротивление> высшим ценностям? Мне кажется, главная причина (в дополнение ко всему сказанному выше) заключена в следующем. Никто, кто хоть раз испытал удовольствие от высокого, не сможет оспорить, что оно лучше низкого. Но, как я говорил выше, для совершенно свободного выбора необходимо создать такие условия, чтобы человек мог полностью и без принуждения сравнить предлагаемые ему возмож-

ности. Личностный рост как таковой возможен только потому, что <высшие> удовольствия действительно лучше <низших>, и только потому, что человеку становится скучно удовлетворять лишь низшие свои потребности. (Смотри об этом главу 4 в <Toward a Psychology of Being>, где говорится о <первом восторге от нового и вновь подступающей скуке, о вечном томлении и вечном поиске все более высоких переживаний>.)

Есть и другой ряд влияний конституциональных особенностей на выбор ценностей. Представители самых разных зоологических классов - куры, крысы, домашние животные - с самого рождения различаются между собой в эффективности выбора, например, при выборе хорошей или плохой пищи: некоторые животные в этом смысле являются очень разборчивыми, некоторые - крайне неразборчивыми, и предпосылки тому заложены в самой их природе, в их биологии и конституции. Неразборчивые, если предоставить им самим осуществлять свой выбор, могут заболеть или даже умереть. О том же говорят между собой детские психологи и педиатры. Можно почувствовать влияние конституциональных особенностей на то,

сколь энергично организм добивается удовлетворения своих нужд и сколь решительно он преодолевает фрустрации52. Исследование конституции взрослых людей уже показало, что конституциональные особенности влияют на эффективность выбора. Самым мощным препятствием на пути эффективности выбора является невроз, он мешает совершению выбора в пользу высших ценностей и не позволяет полноценно удовлетворять низшие потребности. Он настолько вмешивается в процесс выбора, что степень невротичности, степень психологического нездоровья личности легко измерима количеством сделанных организмом <вредных> для него выборов, таких, как употребление наркотиков и алкоголя, плохое питание, плохое окружение, плохая работа и т. п.

Культура, господствующая в обществе, помимо очевидного воздействия на процесс формирования потребностей, определяет и общественную оценку того или иного выбора; это может относиться к карьере, к питанию и тому подобным вещам. Таким же специфичным образом влияют на нас экономические условия и уровень индустриализации общества; к примеру, высокотехнологичные, агрессивные, стремящиеся захватить рынок корпорации могут с успехом снабжать нас недорогой и качественной одеждой или стремиться удовлетворить наши потребности в хороших, экологически чистых продуктах питания, вроде хлеба без химических добавок, говядины от здоровых коров, гормонально чистой птицы и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что высшие потребности и высшие ценности чаще актуализируются людьми 1) более здоровыми и зрелыми; 2) более взрослыми; 3) более сильными и независимыми; 4) более храбрыми; 5) более образованными и т. д. А одним из условий, способствующих уверенному выбору в пользу высших ценностей, является отсутствие непомерного давления со стороны общества.

Для тех, кому становится не по себе от таких слов, как <хорошее> и <плохое>, <низшее> и <высшее> (хотя эти слова могут быть определены операционально), можно пересказать все вышесказанное иными словами. Представьте себе марсианина (в смысле не человека), вопрошающего нас: <Кто из вас, люди, когда и при каких условиях скажет правду вместо того, чтобы солгать, предпочтет решимость, а не растерянность, устремится к завершению дела вместо того, чтобы бросить его на полдороге, выберет закон вместо

анархии?>

Есть и другой извечный вопрос, который также просится, чтобы его сформулировали попроще: человек по сути своей хорош или плох? Неважно даже, что именно мы будем иметь в виду, говоря <хорош> и <плох>, -всем нам прекрасно известно, что человек движим и хорошими ,и дурными позывами, что человек способен как на хорошие, так и на дурные поступки. (Пусть даже это не помогает нам ответить на вопрос, что - дурное или все-таки хорошее - является более глубинным, более основным, более инстинкте подобным в человеке.) Для наших, научных, исследовательских, целей лучше будет переформулировать этот же вопрос следующим образом: каковы должны быть условия в обществе и в окружении человека, чтобы он, совершив выбор в пользу высших ценностей, был сочтен <хорошим>? Что препятствует, а что способствует выбору в пользу высших ценностей? Каким должно быть общество, чтобы благоприятствовать такому выбору? Каким должно быть образование? Психотерапия? Семья? Поставив вопрос таким образом, в скором времени нам захочется спросить: как нам <улучшить> человека? Как нам улучшить общество?

www.koob.ru

Документы симпозиума по проблеме человеческих ценностей

У этих четырех докладов* на первый взгляд совсем разные предметы, но в каком-то смысле все они говорят об одном и том же. Они служат ярким

Доклады Шарлотты Бюлер, Герберта Фингаретта, Вольфганга Ледерера и Алана Уотса были представлены 15 декабря 1961 года в Сан-Франциско на собрании Психологического Общества штата Калифорния. Председатель, доктор Лоуренс Н. Соломон, так резюмировал позиции авторов:

<Во вводном докладе доктор Бюлер, опираясь на психоанализ, исследует базовые жизненные тенденции как возможное основание для системы ценностей, согласующейся с природой человека. Автор описывает некоторые использованные ею при исследованиях приемы и предлагает самую многообещающую, на ее взгляд, технику. Доктор Фингаретт рассматривает философскую проблему моральной вины и глубоко исследует важный вопрос: всегда ли поведение отражает внутреннее согласие человека (на определенном уровне осознавания) с побудительным мотивом? Однозначно утвердительный ответ на этот вопрос приводит его к некоторым любопытным выводам относительно различий между моральной виной и невротической виной. Доктор Ледерер в своем докладе делится своим опытом работы в качестве психоаналитика. Случаями из практики он доказывает, что психотерапия в наши дни, когда она достигла определенной зрелости, должна все больше становиться ценностно-ориентированной. Психотерапевт уже не вправе <просто долго и молча слушать, рассеянно, некритично и безрезультатно, в смысле отказа дать совет своему пациенту, - то есть оставаться невовлеченным>. Ценности настоятельно требуют себе места в психотерапии, разумеется, если терапевт достаточно волен, чтобы послушаться призывов своего разума и своей совести в повседневной работе с самым распространенным сегодня пациентом - молодым человеком, ищущим себя и смысл жизни. Работу доктора Уотса в рамках западной культуры можно счесть скорее романом, но в то же время нельзя не признать, что данная работа представляет собой фундаментально важную концептуализацию природы человека. В духе даосских традиций, он дает описание человека как некой сущности, обитающей внутри телесной оболочки и одновременно внутри мира, окружающего эту оболочку, так что телесная оболочка выступает в роли границы между человеком и миром, принадлежит и первому и второму. Такая точка зрения позволяет концелтуализировать поведение человека как поведение субстанции под влиянием двух сил и имеет важное значение для построения теорий человеческих ценностей и морали>.

отражением глобальных перемен в подходе к ценностям, воистину революционных перемен, которые происходят на наших глазах и величие которых нам еще предстоит осознать.

Ни одна из работ не апеллирует к внечеловеческому источнику или местоположению высших ценностей. Авторы не видят необходимости взывать к сверхъестественному, апеллировать к Библии, обращаться к религиозным традициям. Все ораторы согласны во мнении, что ценности, которыми движим человек, следует искать в природе самого человека и в сути происходящего вокруг него.

Ничего мистического нет не только в фокусе ценностей, но и в процедурах выявления этих ценностей. Раскрытие (или обнаружение) ценностей требует человеческого усилия и человеческого познания, нового осмысления экспериментального, клинического и философского опыта, накопленного человеком. Никакие иные, сверхъестественные, сверхчеловеческие сущности и силы, не вовлечены в этот процесс.

Не менее важное общее положение, подчеркиваемое всеми докладчиками, состоит в том, что ценности следует искать (раскрывать или обнаруживать), а не изобретать, конструировать или создавать. Следует понимать, что они уже существуют в некотором смысле> в некоторой степени, они ждут, если позволено мне будет выразиться так, ждут, когда мы откроем их. Ценности нужно познавать, как и любую другую тайну природы, чье существование и свойства до поры неизвестны, но обязательно уступают нашему поиску и испытующему вниманию.

Смысл всех четырех докладов отрицает упрощенное понимание науки, отрицает <объективную> в конвенциональном смысле науку, науку демонстрирующую, принципиально отстраненную от своего предмета, требующую от формулировок физичности.

Принцип отношения докладчиков к душе несомненно подрывает основы объективистского видения науки. Но я не соглашусь с бессмысленными утверждениями, что подобный <ментализм> разрушает науку в целом. Я готов спорить, что наука, в которой будет место для человеческой души, обретет новые силы. Так, например, я считаю, что только такое, более широкое, более емкое понимание науки сможет решить проблему ценностей. Нам известно, что наука в узком ее понимании, наука, стремящаяся к чистому объективизму и безличностности, никак не может найти места для таких психологических явлений, как ценности, цели, устремления, и потому объявляет их несуществующими. Она либо отрицает их существование, либо заявляет, что они не могут быть предметом научного познания (записывая их в разряд вещей <третьестепенных> и не заслуживающих серьезного рассмотрения). Говорить о ценностях считается <ненаучным> или даже антинаучным, они отданы на откуп поэтам, философам, художникам, религиозным мыслителям и другим мягкоголовым, хотя и теплосердечным, людям.

Иначе говоря, эти доклады гораздо <научнее>, чем это может показаться с точки зрения старого, изначального понимания <науки>. Мне кажется,

что по духу и подходам к проблеме они очень похожи на дискуссии о витаминах, развернувшиеся в двадцатых годах нашего столетия. Тогда о витаминах рассуждали в умозрительном, предэкспериментальном ключе, как мы сегодня обсуждаем проблему ценностей.

Если мое впечатление не обманывает меня, тогда нам, конечно же, следует продолжать дискуссию и смело выдвигать самые разнообразные гипотезы. Нам нельзя торопиться и отказываться ни от каких предположений. Разнообразие подходов, столь ярко проявленное на этом симпозиуме, представляется мне естественным и уместным. Я думаю, если бы у нас было время выслушать и других докладчиков, мы столкнулись бы и с совершенно иными воззрениями. Время ортодоксов уходит, и я рад отметить, что неистовая и яростная борьба между различными научными школами, которая велась двадцать лет тому назад, сменилась более миролюбивым осознанием необходимости сотрудничества и разделения труда.

Придет пора, когда всех представителей науки примирит осознание того, что интерес к проблеме ценностей обусловлен не только внутренней логикой развития науки и философии, но и самим ходом исторического развития нашей культуры, или, вернее сказать, самим ходом исторического развития человечества и человека как вида. История показывает, что проблема ценностей начинает интересовать человечество во времена, когда общество находится в смуте и оспариваются самые непреложные из прежних ценностей. Мы живем в эпоху, когда прежняя,

традиционная система ценностей терпит крах - этого не могут не признать все здравомыслящие люди. Человечество не в состоянии жить без ценностей, в которые оно могло бы верить и к которым могло бы стремиться, и поэтому мы отправились на поиски ценностей, отправились в новом, научном направлении. Мы стремимся экспериментально доказать различие между ценностью, понимаемой как существующий, непреложный факт, и ценностью, понимаемой как мечта и цель наших устремлений. Мы надеемся, что именно таким образом нам удастся обнаружить ценности, в которые можно будет верить, потому что это будут научные истины, а не успокаивающие иллюзии.

Часть IV

Образование

11 Познающий и познаваемое

Основная мысль моих последующих рассуждений заключается в том, что зачастую проблемы межличностного общения являются прямым следствием коммуникационных барьеров внутри самой личности и что взаимопонимание между личностью и миром во многом обусловлено степенью их взаимного изоморфизма (схожести структуры и формы), что мир связан с личностью в той мере, в какой это обеспечено ею, на том языке, воспринять который она готова; в очень большой степени все общение состоит в том, что человек берет от мира недостающее ему и отдает миру часть себя. Как говорил Джордж Лихтенберг в одной из своих книг: <Такие вещи сродни зеркалу - если туда заглядывает обезьяна, то апостол оттуда не выглянет>.

Именно поэтому изучение глубинного в человеке является одной из необходимых предпосылок для понимания того, каким должен быть человек, чтобы на равных соотноситься с миром, и каким должен быть мир, чтобы соответствовать человеку. Правильный ответ интуитивно известен каждому психотерапевту, каждому художнику, каждому педагогу, но он заслуживает того, чтобы сделать его более очевидным.

В данном случае я рассматриваю понятие <коммуникация> в самом широком смысле. Я включаю в него все перцептивные и когнитивные процессы, процессы научения, все формы искусства и творческого созидания. Я включаю в него наряду с первичными процессами познания (архаическим, мифологическим, метафорическим, поэтическим познанием), вербальные, рациональные вторичные процессы коммуникации. Я поведу речь о том, к чему мы слепы и глухи, о том, что с трудом и потерями прорывается к нам, о том, что мы выражаем неосознанно, и о том, что мы можем облечь в четкую структуру.

Главное следствие этого основного тезиса- что трудности взаимоотношений человека с миром являются отражением его трудностей со своим глубинным - состоит в том, что улучшение взаимоотношений человека с

глубинным - состоит в том, что улучшение взаимоотношений человека с внешним миром неминуемо последует тогда, когда человек научится ладить со своим внутренним миром, когда он станет интегрированным и цельным. Когда прекратится война между отдельными частями его личности, тогда улучшатся его отношения с миром, улучшатся хотя бы потому, что человек сможет лучше, точнее воспринимать реальность. Он станет более перцептивным; как говорил Ницше, - человек должен научиться видеть, чтобы иметь возможность понять.

Расщепленная личность

Что я прежде всего имею в виду, когда говорю о сбоях во внутренней коммуникации? Простейший пример такого сбоя - диссоциация личности, крайним случаем которой, наиболее драматическим и многократно описанным, является расщепленная личность. Я проштудировал всю литературу, которую смог найти по этому поводу, я лично изучил несколько пациентов с симптомами расщепления сознания и несколько, у которых отмечались менее драматичные по проявлениям фуги и амнезии53. Мне кажется, что все эти проявления хорошо укладываются в единый образец, на основе которого я выстраиваю пробную теорию. Я думаю, такая теория будет полезна нам, потому что с ее помощью мы сможем кое-что понять о расстройствах, которым подвержен каждый из нас.

Я заметил, что в любом из исследованных мною случаев <нормальную> или внешнюю часть личности можно было описать как человека застенчивого, тихого, замкнутого (чаще это была женщина), достаточно конвенционального и скованного, довольно покорного, даже жертвенного, неагрессивного и <хорошего во всех отношениях>, тихого как мышь, легко управляемого. В любом из исследованных мною случаев другая часть личности, та, которая прорывалась в сознание человека и влияла на его поведение, была диаметрально противоположна по характеристикам - импульсивна, а не скована, самолюбива, а не жертвенна, самоуверенна и нахальна, а не застенчива, она не желала соблюдать приличия и законы, была устремлена к наслаждениям, была агрессивной, напористой и незрелой.

Нечто подобное, разумеется не столь ярко выраженное, может признать за собой каждый из нас. Это вечный бой, постоянно идущий в глубинах нашей личности между импульсом и контролем, между зрелостью и незрелостью, между безответственной жаждой удовольствий и ответственностью. Насколько каждому из нас удается одновременно быть озорным, ребяческим, негодником и серьезным, ответственным, владеющим собой гражданином, настолько мы цельны, не расщеплены, не расстроены. В достижении подобного состояния, между прочим, и заключается задача психотерапии расщепленного пациента, пациента, в котором уживаются две, а то и три разных личности: сохранить две или три его составляющие, но добиться

Познающий и познаваемое

их гармоничного согласия, единства путем сознательного или бессознательного контроля.

Каждая из частей расщепленной личности по-своему сообщается с миром. Они по-разному говорят, по-разному пишут, по-разному относятся к себе, по-разному любят и дружат. В одном изученном мною случае первая часть личности - <капризный ребенок> - писала крупным, размашистым детским почерком со множеством ошибок и соответствующим детским словарным запасом, а вторая часть - <жертвенная личность> - имела очень опрятный, правильный почерк отличницы. Одна <личность> любила вдумчивое чтение. Другая не могла долго читать, у нее не хватало терпения, рассеивалось внимание и пропадал интерес. Представьте себе, какими разными могли бы оказаться продукты их творчества, если бы представилась возможность изучить их.

В каждом из нас есть некие частицы нашего <Я>, запертые в неосознаваемое, которые стремятся прорваться оттуда и неизбежно прорываются, оказывая влияние на наши взаимоотношения с миром - как на то, что мы привносим в него, так и на то, что мы берем от него, - которые воздействуют на наше восприятие и на наши поступки. Присутствие их наглядно демонстрируется проективными тестами с одной

стороны и творчеством - как процессом, так и его продуктами - с другой.

Проективные тесты выявляют, каким нам представляется мир вокруг нас, или, лучше сказать, как мы упорядочиваем его для себя, что мы берем от него, о чем мы позволяем ему рассказать нам, что мы хотим видеть в нем и чего не хотим замечать.

Нечто подобное верно и для экспрессивной части нашего <Я>. Мы проявляем то, что в нас есть (95). Если наше <Я> расщеплено, наше самовыражение, наши взаимоотношения с миром также будут расщепленными, неполными, однобокими. Если мы интегрированы, цельны, едины, спонтанны, если мы гармонично реализуем все заложенное в нас, тогда наше самовыражение, наши взаимоотношения с миром будут полными, своеобразными и идиосинкратичными, живыми и творческими, в них не будет следа скованности, конвенциональноеТ, искусственности, они будут честными и неподдельными. Клинический опыт подтверждает правоту этого тезиса на примерах самовыражения в живописи и в вербальных видах творчества; можно убежденно говорить, что он верен для любых актов творческого самовыражения, равно как для танца, для атлетики и для других способов телесного самовыражения. Он верен не только в отношении благоприятного воздействия на межличностное общение, не только в отношении впечатления, которое мы хотим произвести, но и в отношении множества других эффектов, о большинстве из которых мы даже не подозреваем.

Эти частицы нашего <Я>, отвергнутые и угнетенные нами (от страха или со стыда), никуда не исчезают. Они продолжают действовать, но теперь уже подпольно. А мы стараемся не замечать их деятельности, какое бы влия-

ние ни оказывали они на наше общение с миром, мы считаем их чем-то чуждым нам и говорим: <Я не знаю, что заставило меня сделать это> или:

<Не понимаю, что на меня нашло>.

С моей точки зрения этот феномен обозначает, что поведение обусловлено не только требованиями культуры, но и запросами биологического в человеке. Мы обязаны обсуждать эти инстинктоподобные составляющие человеческого, эти внутренние, реально существующие аспекты природы человека, подавляемые культурой, но неистребимые, оказывающие пусть подспудно, пусть не всегда явно серьезное воздействие на наше поведение, несмотря на препоны и рогатки культуры. Культура - необходимое основание природы человека, но никак не достаточное. То же самое можно сказать и о биологии человека, она тоже - только необходимое, но не достаточное основание нашей природы. Смешно спорить с тем, что только в культуре мы можем научиться говорить. Но бесспорно и то, что при том же самом культурном окружении шимпанзе никогда не научится говорить. Я акцентирую на этом внимание потому, что у меня сложилось впечатление, что коммуникативные проблемы изучаются исключительно с точки зрения социологического подхода в ущерб биологическому.

Однако вернемся к вопросу о том, каким образом внутриличностная расщепленность оказывает пагубное влияние на взаимоотношения с окружающим нас миром и на наше мировосприятие, и рассмотрим несколько хорошо известных примеров патологии личности. Они представляются мне интересными потому, что являются исключением из общего правила. Известно, что здоровый и интегрированный человек лучше постигает мир и выражает себя. Эту закономерность подтверждают множество клинических и

экспериментальных данных, взять хотя бы работы Айзенка и его коллег. Однако есть исключения, которые заставляют нас быть осторожными в окончательных выводах.

У шизофреника разрушены или рушатся контролирующие и защитные механизмы. Он замыкается в своем внутреннем мире, рушатся его контакты с людьми и с окружающим миром. При этом рвутся и некоторые нити, связывавшие его с миром. Страх перед окружающим миром запрещает ему сообщение с внешним. С другой стороны его внутренние позывы и внутренние голоса могут стать настолько требовательными и громкими, что будут мешать ему воспринимать реальность вокруг него. Все это так, но также верно, что в некоторых отношениях шизофреник порой может превосходить здоровых людей. Он настолько одержим своими глубинньми позывами, архаичными механизмами познания, что порой может, например, с необычайной точностью и вовлеченностью интерпретировать чужие сны, или проявить незаурядное чутье в понимании глубинных, потаенных устремлений других людей, например, их гомосексуальных импульсов.

Проявление этого феномена можно заметить иначе. Не секрет, что некоторые из психотерапевтов и психиатров, успешные в лечении шизофре-

нии, сами страдают этой болезнью. Нередкость и заявления врачей, что бывшие пациенты оказываются особенно хорошими и внимательными сиделками и санитарами. Этот же феномен лежит в основании известной организации <Анонимные алкоголики>. У меня есть друг, психиатр, который сейчас озабочен тем, что ищет экспертов, когда-нибудь испытавших кратковременное психотическое состояние от приема ЛСД или мескалина. То есть, для того, чтобы сообщаться с Y, нужно быть этим Y.

Исходя из этих же соображений, нам есть чему поучиться у психопатов, в частности у <очаровательного> психопата. Вкратце такой психопат характеризуется как бессовестный и бесстыжий человек, которому не знакомо чувство вины, который не умеет испытывать любви к окружающим, привык ни в чем не ограничивать и не контролировать себя, который в любом случае поступит так, как захочется ему. Среди них много мошенников и аферистов, проституток, многоженцев - словом, им сподручнее зарабатывать себе на жизнь хитростью и смекалкой, а не тяжелым трудом. Не ведая, что есть стыд и вина, они, как правило, не могут сочувствовать угрызениям совести, мукам раскаяния, вины и сожаления, не в состоянии понять безответной любви, сострадания, чувства стыда и смущения. Это то, чего они сами никогда не переживали и что не могут воспринять и понять в других людях. Это чужое для них, оно не в состоянии заговорить с ними. А их истинная психопатическая сущность рано или поздно заявит о себе, и вы неизбежно увидите, что перед вами - мрачный, омерзительный, пугающий тип, который ухитрился поначалу выказать себя таким очаровательно-беспечным, веселым и здоровым.

В данном случае перед нами еще один пример того, как болезнь, заключающаяся в ухудшении способностей к коммуникации и адаптации, позволяет в отдельных областях добиваться большей проницательности и приспосабливаемоеТ. Психопат удивительно прозорлив в отношении психопатического в других людях, как бы глубоко оно ни было сокрыто. Он с легкостью может распознать мошенника, сидящего в другом человеке, аферист а, лжеца, воришку, жулика, притворщика, он будет потешаться над ними и даже сможет зарабатывать себе на жизнь с помощью этой проницательности. Он будет говорить вам: <Честного не проведешь>, и будет крайне убедителен в своей способности обнаружить <на ком шапка горит>. (Разумеется, он может углядеть и кристальную честность, но и первое и второе обозначает, что наш характер выдает себя нашим

выражением лица и нашими поступками, и сильно заинтересованному наблюдателю, тому, кто может понять его и идентифицироваться с ним, он все сообщит о себе.)

Мужественность и женственность

Тесная взаимосвязь между внутриличностной и межличностной сторонами коммуникации особенно хорошо видна на примере взаимоотношений мужественности и женственности. Заметьте, я пока не говорю о взаимо-

отношениях <между полами>, я считаю, что они во многом определяются взаимоотношениями между мужественностью и женственностью внутри каждого человека, как мужчины, так и женщины.

Мне приходит в голову такой пример - параноик, постоянно испытывающий пассивное гомосексуальное желание, иначе говоря, соблазн быть изнасилованным, опущенным другим, более сильным мужчиной. Это желание ужасает его, он не согласен смириться с ним и старается подавить. Он использует при этом один способ (проекцию), который помогает ему не признавать этого желания за собой, оторвать его от своего <Я>, но в то же время позволяет ему думать об этом, обсуждать это, полностью погрузиться в заворожившую его перспективу. Такой человек убеждает себя, что не он желает быть изнасилованным, а кто-то другой хочет изнасиловать его. Такие пациенты крайне подозрительны, их подозрительность может проявляться непроизвольно, самым конкретным образом, - они, например, не любят, когда за спиной у них кто-то стоит, постоянно стараются опереться спиной о стену и т. п.

В их поведении не так много безумия, как может показаться на первый взгляд. Так, на протяжении многих веков мужчины считали женщин соблазнительницами только потому, что их, мужчин, влекло к ним. Влюбленный мужчина становится мягче и нежнее, альтруистичнее и добрее. Если окружающая культурная среда считает эти качества недостойными мужчины, тогда мужчина переносит свой гнев на женщину и считает, что женщина лишает его мужественности (кастрирует его). Так был рожден миф о Самсоне и Далиле, где женщина выступает ужасным и коварным созданием. Мужчина начинает приписывать женщине злые намерения. Он пеняет зеркалу за то, что оно красит его.

Женщины, особенно <прогрессивные> и образованные женщины Соединенных Штатов Америки, тоже порой вступают в борьбу со своим глубинным стремлением к зависимости, пассивности, покорности (бессознательно это стремление воспринимается ими как отказ от своего <Я>, от своей индивидуальности). Неудивительно, что таким женщинам в каждом мужчине видится потенциальный агрессор, насильник, каждый мужчина в их глазах обращается в человека, желающего унизить и подчинить их, - и это при том, что зачастую они сами доминируют над мужчинами.

Вследствие этих причин и ряду других мужчины и женщины в большинстве культур и в большинстве сфер деятельности плохо понимают друг друга, редко достигают подлинного согласия. В контексте нынешнего разговора можно сказать, что их интеркоммуникация была и продолжает оставаться плохой. Обычно один пол во всем доминирует над другим. Иногда им удается добиться перемирия, например, разделив общество на мужскую и женскую половины, поделив профессии на мужские и женские, выдумав понятия <мужской характер> и <женский характер>, диаметрально противоположные, не имеющие между собой ничего общего. Все эти приемы помо-

гают установить некоторое шаткое согласие, но, конечно, не дружбу и не взаимопонимание. Что могут предложить психологи для того, чтобы улучшить взаимопонимание между полами? Психологическое решение этой проблемы с особой ясностью сформулировано последователями Юнга и признано большинством психологов: антагонизм между мужчиной и женщиной является проекцией неосознаваемого внутреннего противоречия, живущего в каждом человеке, противоречия между его мужественностью и женственностью. Чтобы установился мир между мужчиной и женщиной, нужно закончить войну внутри человека.

Мужчина, подавляющий в себе качества, которые его культура определяет как женские, будет бороться с этим качествами и в окружающем его, особенно если культура выше ценит мужское начало и так или иначе дискриминирует женское, как это обычно и происходит. Будьте эмоциональность, алогичность, зависимость, любовь к цветам или нежность к детям, мужчина будет чураться этого в себе, будет бороться с этим, будет стремиться быть иным. И он будет чураться всего этого в окружающем его мире, станет сторониться цветов и детей, будет перепоручать заботы о них женщине и т. д. Гомосексуалисты часто бывают жестоко избиты мужчинами за домогательства и приставания, но может быть, только оттого, что мужчины боятся быть совращенными. И это предположение подтверждается тем фактом, что избиение часто происходит после гомосексуального контакта.

В данном случае проявляется крайняя степень дихотомизации, <или/ или>, аристотелевский по духу подход к постановке проблемы, - подход, который Гольдштейн, Адлер, Корзибски и другие считали крайне опасным. Если выразить мое отношение к этому в терминах моей науки, получится нечто вроде: <дихотомизация означает патологизацию, а патологизация означает дихотомизацию>. Мужчина, считающий, что ему суждено быть либо только мужчиной, во всем мужчиной, либо женщиной и ничем, кроме женщины, обречен на внутренний конфликт и на вечную отчужденность от женщин. Насколько он сможет стать <бисексуальным>, насколько сможет осознать оценочность определений <мужское> и <женское> и патогенность такой дихотомии, насколько он согласится с тем, что противоположное может слиться в единое, что нет нужды чураться одного из своих начал или противопоставлять одно другому, настолько он станет цельным, настолько сможет принять и приветствовать свое <женское> начало (<Anima>, как именовал женское Юнг). Только если он сможет помириться с живущей в нем женщиной, он сможет жить в мире и с окружающими его женщинами, сможет лучше понимать их, быть менее амбивалентным в своем отношении к ним, сможет восхититься тому, насколько их женственность совершеннее его собственной. Гораздо приятнее и проще общаться с другом, которого вы цените и понимаете, чем с пугающим, неприятным, таинственным врагом. Чтобы быть в согласии с чем-то внешним, в первую очередь нужно прийти в согласие с той его частью, которая находится внутри вас.

Образование

Я далек от того, чтобы считать, что внутреннее примирение обязательно должно предшествовать примирению с внешним миром. Это параллельные явления, и все может происходить ровно наоборот. Например, принимая Z во внешнем мире, вы начинаете принимать тот же самый Z в себе.

Первичные и вторичные когнитивные процессы

Отречение от внутреннего психического мира в угоду внешнему миру, в пользу так называемой <реальности> ярче проявляется у тех людей, от

которых ожидается, что они в первую очередь должны быть успешны с внешним миром. Кроме того, чем жестче, суровее среда существования, тем категоричнее становится это отречение, тем более опасным воспринимается внутренний мир для дела <успешной> приспособляемости. Так, отрицание поэзии, фантазии, мечтательности, эмоционального восприятия ярче выражено в мужской среде по сравнению с женской, у взрослых по сравнению с детьми, у инженеров по сравнению с художниками.

Хочется отметить, что здесь перед нами предстает еще одно проявление западной, а может даже общечеловеческой традиции, традиции дихотомии, проявление предсознательного чувства, что из двух альтернатив или различий необходимо выбрать либо одну, либо другую, что выбор необходимо перечеркивает отвергнутую альтернативу, уничтожает ее, не оставляя возможности владеть и тем, и другим.

А затем в работу вступает процесс генерализации, и перечеркнутое нами в себе, то, к чему мы стали слепы и глухи в себе, становится чуждым для нас и во внешнем мире, мы становимся слепыми и глухими к игре, к поэзии, нам становятся недоступны эстетическая чувствительность, первичная креативность и подобное им.

Я акцентирую внимание на этом процессе еще и потому, что, на мой взгляд, примирение этой дихотомии может оказаться лучшим местом приложения сил для всей системы образования с тем, чтобы сдвинуть с мертвой точки колесо разрушения всех дихотомий. То есть, на примере именно этой дихотомии лучше всего и разумнее всего начать отучать человечество от дихотомического мышления и приучать его мыслить интегративно.

Это может стать одним из направлений разворачивающейся на наших глазах великой фронтальной атаки на самонадеянные и зарвавшиеся рационализм, вербализм и сайентизм. Специалисты по семантике, экзистенциалисты, феноменалисты, фрейдисты, дзэн-буддисты, мистики, гештальт-терапевты, гуманистические психологи, юнгианцы, психологи самоактуализации, представители роджерсовской и бергсоновской школ, <креативные> педагоги и многие другие сходятся во мнении, что язык, абстрактное мышление, ортодоксальная наука - ограниченны. И они же - язык, абстрактное мышление и ортодоксальная наука - сами ограничивают, стерегут темные, опасные и

Познающий и познаваемое

1 /;)

порочные глубины человеческой природы. Но в наше время, когда мы ежедневно получаем новые и новые доказательства того, что из этих глубин нам являются не только чудовища неврозов, но что оттуда же бьют источники здоровья, радости и креативности, мы начинаем говорить о здоровом подсознании, о здоровой регрессии, здоровых инстинктах, здоровой иррациональности, здоровой интуиции. Мы начинаем стремиться использовать эти возможности, сокрытые в нас.

Генеральная линия, как мне представляется, устремлена в направлении интеграции, прочь от противопоставления и подавления. Бесспорно, что силы, о которых я говорил, и сами с легкостью могут стать источником конфликта. Антирационализм, антилогичность, антинаучность, анти-интеллектуализмчем не свойства расколотой личности? Правильно определенный и понятый, интеллект является величайшей, мощнейшей интегрирующей силой.

Автономность и гомономностъ

Другой парадокс, предстающий перед нами, когда мы пытаемся понять

взаимоотношения внутреннего и внешнего, <Я> и мира, заключается в непростой взаимосвязи автономности и гомономности. Несложно согласиться с Энджиелом (5) в том, что внутри каждого человека есть два стержня или два устремления - устремление к эгоизму с одной стороны и к альтруизму с другой. Тенденция к автономности, представленная в чистом виде, придает человеку силу противостоять миру, ведет его к самодостаточности, ко все более полному развитию его внутреннего неповторимого <Я>, к развитию, подчиняющемуся внутренней динамике его <Я>, автономным законам Психеи, а не предписаниям внешней среды. Это иные законы, они не связаны с законами надпсихического мира внешней реальности, даже противоположны им. Поиск самоидентичности, или своей <самости> (индивидуальности, самоактуализации), который открыли психологи развития и самоактуализации на почве, подготовленной философами-экзистенциалистами и теологами разных школ, стал несомненным фактом реальности.

Но мы знаем и о другой, не менее сильной и внешне противоустремленной тенденции, заложенной в человеке. Это тенденция отказа от своего <Я>, тенденция погрузиться в <не-Я>, тенденция отказа от свободы, самодостаточности, самоуправления и автономии. В крайних, болезненных проявлениях она пробуждает варварскую мифологизацию кровного родства, могил предков и архаичных инстинктов, пробуждает мазохизм, презрение к отдельной личности, она либо побуждает к поиску ценностей вне человеческого, либо обращается к низшим животным позывам, причем и то и другое предполагает презрение к исконно человеческому.

Разница между высшей и низшей гомономностью подробно описана мною (89). Здесь я хочу обозначить границу между высшей и низшей автономностью. По моему мнению, такое разграничение поможет нам понять

изоморфизм внутреннего и внешнего, и таким образом послужит теоретическим основанием для улучшения коммуникации между личностью и миром.

Автономность и сила, которые мы можем обнаружить у эмоционально уверенных, эмоционально устойчивых людей, в корне отличаются от автономности и силы неуверенных в себе людей (95). Если попробовать обобщить это различие, не рискуя при этом впасть в излишнюю приблизительность, то можно утверждать, что неустойчивая автономность и неуверенная в себе сила могут сослужить пользу только в борьбе личности против мира, только в рамках той же дихотомии <или-или>, где личность и мир не только отдельны друг от друга, но и взаимно исключают друг друга, выступают как враги один другому. Их стоит назвать эгоистичной автономностью и эгоистичной силой. В мире, где все - либо молоток, либо наковальня, они, конечно, молотки. У обезьян, на которых я начинал изучать разные проявления силы, это было названо автократической или фашистской доминантно стью. У студентов колледжа, которых я исследовал позже, это было названо неустойчивым превосходством.

Совсем другое представляет из себя устойчивое превосходство. У моих испытуемых оно проявлялось в приязненном отношении к миру и окружающим их людям, в братской ответственности, в чувстве доверия к миру и идентификации с ним, но никак не в противопоставлении себя миру и не в страхе перед ним. Эти люди использовали свою автономность и силу на радость окружающему их, с любовью и для помощи другим людям.

Сейчас мы располагаем достаточными основаниями, чтобы говорить, с одной стороны, о различиях между психологически здоровой и психологически нездоровой автономностью, а с другой стороны, о

различиях между психологически здоровой и психологически нездоровой гомономностью. При этом мы можем обнаружить, что автономность и гомономность скорее взаимосвязаны друг с другом, чем противостоят друг другу - человек становится более здоровым в психологическом смысле, более аутентичным тогда, когда его высшая автономность и его высшая гомономность набирают силу одновременно, проявляются равноправно и стремятся в конечном итоге слиться и соизмерить свои свойства в неком высшем единстве, включающем и то, и другое. Только в таком случае дихотомия между автономностью и гомономностью, между эгоизмом и альтруизмом, между <Я> и <не-Я>, между Психеей и внешней реальностью станет отступать и ее можно будет рассматривать как свидетельство неполной зрелости личности, свидетельство незавершенного развития.

Естественно, что у самоактуализированных людей мы с особой отчетливостью можем наблюдать подобное преодоление дихотомии, но недихотомичность свойственна также и любому из нас в мгновения озарений, в мгновения внутренней интеграции и слияния с миром. Нечто подобное происходит в моменты высшей любви между мужчиной и женщиной, между

матерью и ребенком. В моменты, когда человек становится особенно сильным, достигает особых глубин самооценки, постижения собственной индивидуальности и в то же время растворяется в другом, отвлекается от осознания своей отдельности от окружающего, в большей или меньшей степени выходит за границы своего <Я> и своего эгоизма. То же самое ощущение сопутствует человеку в мгновения вдохновенья или при глубоких эстетических переживаниях, при переживаниях открытия, при родах, в танце, при занятиях атлетическими видами спорта и при других, как я их называю, высших переживаниях (89). В состоянии высшего переживания человек не может провести четкую грань между <Я> и <не-Я>. Человек становится интегрированным, и интегрированным становится окружающий его мир. Он чувствует себя хорошо, и таким же хорошим видится ему мир.

Спешу отметить, что перед вами - эмпирический вывод, а не философское и не теологическое умозаключение. Любой может обнаружить это в себе и в других людях. Я веду речь не о сверхъестественных, а о человеческих переживаниях.

Во-вторых, прошу заметить - мой вывод оспаривает распространенное мнение теологов о том, что выход за границы своего <Я> означает пренебрежение к личности, отрицание ее или утрату индивидуальности. Выход за границы своего <Я> в моменты высших переживаний как для обычных, так и для самоактуализированных людей - это результат развития высшей автономности, итог постижения идентичности, продукт самотрансценденции, а не самоуничтожения.

И в-третьих, высшие переживания - кратковременны, а не постоянны. Это посещение иной реальности, за которым неминуемо следует возвращение в обычный мир.

Полное функционирование, спонтанность и постижение Бытия

Наконец мы приступаем к научному познанию интегрированной личности, в ее восприимчивости к сообщениям внешнего мира и в ее способности сообщать нечто. Так, многочисленные исследования Карла Роджерса (128) и его коллег показывают, что благотворное воздействие психотерапии заключается кроме всего прочего в большей интегрированноеТ человека, он становится более <открытым для опыта> (более эффективным в восприятии и в познании) и <полностью функционирующим> (открытым, смелым в самовыражении). Многие клиницисты и психологи-теоретики пишут

о том же и поддерживают общие положения этого вывода по всем пунктам, эта же проблема, похоже, станет основным направлением экспериментальных исследований в ближайшее время.

Мои собственные пилотные эксперименты (недостаточно полные, чтобы их можно было назвать исследованиями в современном значении этого

слова), направленные на изучение относительно здоровой личности, привели меня от другой отправной точки к аналогичным выводам. Прежде всего, они подтвердили вполне сложившееся общее мнение, что интегрированность является одним из самых важных аспектов психологического здоровья. Вовторых, они послужили дополнительным доказательством тому, что здоровые люди более спонтанны и экспрессивны в своем поведении, что они совершают поступки (продуцируют поведение) свободнее, естественнее, искреннее, чем не очень здоровые люди. В-третьих, они послужили доказательством тому, что здоровые люди, как правило, более успешны в познании (себя, других людей, реальности), несмотря на то, что (я указывал на подобные случаи) это превосходство не абсолютное. Теперь мы знаем, что психотик скажет: <2 плюс 2 равно 5>, а невротик возразит ему: <2 плюс 2 равно 4, но это невыносимо!> Ая от себя могу добавить, что человек, лишенный ценностей, человек, страдающий новой болезнью нашего века, скажет:

<2 плюс 2 равно 4. Ну и что?>, а здоровый человек воскликнет: <2 плюс 2 равно 4. Как интересно!>

Мы с Джозефом Боссомом недавно опубликовали результаты нашего эксперимента (13), в ходе которого было обнаружено, что эмоционально устойчивые люди в отличие от эмоционально неустойчивых склонны оценивать как более теплые лица незнакомых людей на фотографиях. Но наш эксперимент не дал ответа на вопрос: что послужило причиной такого отличия - проекция доброжелательности оценивающего, наивность его восприятия или, наоборот, эффективность оного, его прозорливость? В данном случае явно требуется дополнительное исследование, при котором лица на фотографиях уже несли бы в себе заранее определенный заряд теплоты или, наоборот, холодности. Только тогда у нас будут основания задаться вопросом: правы или ошибаются эмоционально устойчивые люди в своем восприятии? Или в данном случае срабатывает их большая восприимчивость к теплым лицам по сравнению с холодными? Может быть, они видят то, что хотят увидеть? Может быть, им хочется, чтобы увиденное понравилось им?

И последнее о постижении Бытия, о высшем постижении. Оно представляется мне самым истинным и самым эффективным восприятием реальности (хотя это представление необходимо подтвердить экспериментально). Это восприятие более точно, правдиво, яснее отражает действительность потому, что в нем больше отстраненности, больше отрешенности и объективности, оно меньше подчинено желаниям, страхам и потребностям воспринимающего субъекта. Оно невмешательно, нетребовательно, оно более смиренно. При таком постижении Бытия сливаются дихотомии, рушится категоризация, и воспринимаемое видится и понимается как уникальное.

Самоактуализированные люди больше склонны именно к такому постижению Бытия. Но мне удалось засвидетельствовать подобное постижение Бытия практически у всех опрошенных мною людей - в их высшие, счастливейшие и самые совершенные моменты жизни (в мгновения высших пере-

1 /У

живаний). И теперь я могу со всей определенностью заявить: тщательный и правильно построенный опрос показывает, что если объект, человек, явление воспринимаются с точки зрения их максимальной самобытности, целостности и интегрированноеТ, осознаются как приятные и привлекательные, понимаются во всем их богатстве, то и постигающий их человек поневоле становится более интегрированным, целостным, насыщенным, более здоровым. Это одновременный процесс, протекающий в обоих направлениях, - чем более целостным становится мир в глазах человека, тем целостнее становится сам человек. И в то же время - чем более целостным становится человек, тем целостнее становится мир. Это динамическая взаимосвязь и встречная детерминация. Так, совершенно ясно, что смысл послания включает в себя не только его содержание, но и готовность получателя воспринять его. <Высший> смысл может открыться только <высоким> людям. И чем выше человек, тем больше он сможет увидеть.

Как сказал Эмерсон: <Мы видим только то, что в нас заключено>. Но сегодня мы должны добавить к его высказыванию свою половину-то, что мы видим, в свою очередь проникает в нас и становится частицей нашего <Я>. Коммуникационная взаимосвязь между человеком и миром - это динамика взаимного формирования человека и мира, процесс, который можно назвать <реципрокным изоморфизмом>. Возвышенные люди могут постичь высшие истины, но и высокий уклад общества, высокий строй окружающего мира ведет человека к высшему, тогда как низкий строй и уклад принижают его. Человек и мир вокруг него обязательно стремятся к соответствию и схожести. Эти выводы равно применимы и к взаимоотношениям между людьми; они помогают понять, как взаимодействуют люди между собой и как они формируют друг друга.

12

Обучение и высшие переживания

Если прослушать курс, посвященный психологии научения, или прочесть какую-нибудь книгу по этой тематике, то можно обнаружить, что обычно они так и не попадают в цель, промахиваются мимо человека. Принято представлять процесс научения как постепенное накопление неких ассоциаций, навыков и умений, обычно внешних, а не внутренних по отношению к человеку. На мой взгляд, в данном случае все равно - собирать ли монеты, ключи, спичечные коробки - или составлять список внешних подкреплений и укладывать один на другой условные рефлексы, которые в деле научения, очень непростом деле, быстро перестают давать желаемый результат. На самом деле для научения не имеет никакого значения, выработался ли у человека условный рефлекс; если у меня вчера в ответ на звонок текла слюна, а сегодня не течет, со мной не произойдет ничего страшного, - ведь я не утратил ничего существенного, ничего жизненно важного. Ровно с тем же чувством можно заявить, что все эти пространные труды, посвященные психологии обучения, не содержат ничего существенного, ничего жизненно важного, по крайней мере для человеческой сущности, для сути человека, для его души.

Именно в рамках новой гуманистической философии вырабатывается сейчас новая концепция обучения и образования. Если говорить о главном, суть этой концепции состоит в том, что цель образования и предмет обучения - сам человек и цели гуманистические, то есть такие, которые отвечают интересам человека, и среди них на первый план выступают <самоактуализация> человека, <вочеловечивание> человека, полное воплощение того, чего может достичь человек как представитель вида, что уже являют собой лучшие представители человечества. Если говорить менее технично, то основная цель образования - это помощь человеку в полной мере реализовать его возможности.

Поставленная таким образом цель предполагает очень серьезные изменения в том, что мы должны преподавать в курсе психологии научения. Не стоит уделять слишком много внимания ассоциативному научению. Ассоциативное обучение в целом несомненно полезно, особенно в деле изучения вещей несущественных и малоинтересных, при изучении средств и техник, которые в конечном итоге очень схожи и взаимозаменяемы. Вообще-то, очень многое из того, что мы должны узнать, взаимозаменяемо с тем же успехом. Если человек изучает иностранный язык, обычно он стремится запомнить как можно больше слов, и в данном случае ему несомненно могут помочь законы ассоциаций. Если человек желает добиться автоматизма при вождении автомобиля, хочет инстинктивно реагировать на красный свет светофора и дорожную обстановку, тогда ему стоит развивать условные рефлексы. Они безусловно важны и полезны, особенно в технологическом обществе. Но если говорить об образовании в терминах <улучшения> человека, в терминах саморазвития и самовоплощения или в терминах <вочеловечивания> человека, на смену этим способам научения должен прийти опыт высшего обучения, ни в чем не похожий на них.

Уроки именно такого, высшего научения, если говорить о моей жизни, я ценю гораздо выше, чем любые другие уроки и лекции; они принесли мне гораздо больше пользы, чем зубрежка названий двенадцати черепно-мозговых нервов, изучение методов диссекции мозга, мест прикрепления мускулов к костям и прочих опытов познания, столь знакомых студентам-медикам и биологам.

Гораздо более важным уроком для меня стало рождение ребенка. Наш первый ребенок полностью изменил мои психологические воззрения. Он заставил меня по-новому посмотреть на бихевиоризм, который я поддерживал тогда с большим энтузиазмом. Именно с той поры бихевиоризм стал казаться мне таким глупым, что я сейчас не переношу его на дух. Рождение второго ребенка преподало мне урок того, какими разными могут быть люди даже в утробе матери. С тех пор я не в состоянии мыслить в терминах психологии научения, согласно которой любого человека можно научить чему угодно. Возьмите хотя бы тезис Дж. Уотсона: <Дайте мне двух младенцев, и я сделаю одного таким, а второго - другим>. Мне кажется, что у него просто не было своих детей. Мне-то теперь прекрасно известно, что родитель не в состоянии формировать своего ребенка по своему произволу. Дети сами творят себя. Самое большее, на что способен родитель - и этим ограничиваются большинство родителей - это протестовать, когда ребенок слишком увлекается нашим воспитанием.

В моей жизни был еще один серьезный и полезный для меня урок, его я тоже ценю гораздо выше, чем университетский курс и научные звания. Это был мой личный психоанализ - открытие мой идентичности, моего <Я>.

Вспомню и еще один урок - пожалуй, еще более важный - опыт моего супружества. Он был гораздо более важным и поучительным, чем защита докторской диссертации по философии. Если рассуждать о том, что придает нам мудрости, понимания, насущных жизненных умений, то лучше это делать в терминах внутреннего обучения, внутреннего научения, то есть думать прежде всего о том, как научиться быть человеком вообще, и только затем - как научиться быть этим конкретным человеком. Сейчас я всерьез занят тем, что пытаюсь уловить все эпифеномены понятия внутреннего образования. По крайней мере один из них я могу назвать уже сейчас. Наше традиционное образование серьезно недомогает. Если взяться осмыслить проблемы в терминах образования, воспитания,

создания хорошего человека, а потом вспомнить дисциплины, преподанные нам в школе, то на вопрос:

<Сделали ли тебя лучше уроки тригонометрии?>, эхо ответит вам: <Вот еще! При чем здесь это?> Лично для меня уроки тригонометрии оказались в прямом смысле пустой тратой времени. Такими же бессмысленными стали для меня и уроки музыки. Ребенком я глубоко чувствовал музыку и искренне любил фортепьяно, я любил его настолько сильно, что мне не хотелось изучать его. Да и мой учитель достаточно быстро дал мне понять, что музыка - это нечто живущее самостоятельной жизнью, отдельно от человека. И мне пришлось уже взрослым заново учиться музыке, учиться самому.

Заметьте, когда я говорю об образовании, я говорю о достижении цели. Таким образом я отрицаю всю науку прошлого столетия и всю современную классическую философию, которая по духу своему является скорее технологией, а не философией достижения цели. Таким образом я отвергаю позитивизм, бихевиоризм и объективизм как теории человеческой природы. Таким образом я отвергаю всю модель науки и те ее достижения, которые явились результатом исторической случайности, состоящей в том, что наука зародилась как инструмент для изучения безличных, оторванных от человека вещей и явлений, таких, у которых не может быть ни цели, ни устремленности к ней. Физика, астрономия, механика, химия не смогли бы состояться как науки, если бы не были абсолютно безоценочными, принципиально нейтральными, исключительно описательными, но наука в целом совершила огромную ошибку, которую мы начинаем осознавать только сейчас, - она использовала модель, сложившуюся при изучении объектов неживой природы в деле изучения человека. По отношению к человеку это ужасная техника. И она не сработала.

Психологи, опирающиеся на эту объективистскую, накопительную, безоценочную, нейтральную модель науки, которая подобно строящим коралловый риф моллюскам пытается слепить частные факты о том и о сем в нечто целое, эти психологи не то чтобы неправы, а скорее просто банальны в своем мышлении. Чтобы не затаптывать в грязь мою науку, я должен подчер-

кнуть, что уже сегодня мы знаем великое множество вещей, которые действительно важны для понимания человека, и при этом не могу не отметить, что большая часть этих знаний добыта не с помощью естественнонаучных методик, а благодаря новым техникам гуманистической науки.

На недавней церемонии, посвященной открытию Центра Линкольна, Арчибальд Мак-Лэйш в частности сказал:

<Нельзя считать ошибочными великие достижения науки - информация всегда лучше невежества, какая бы ни была информация и какое бы ни было невежество. Наша ошибка заключается в безоговорочной вере в информацию, в то, что информация способна изменить мир. Информация этого сделать не может. Информация в отрыве от человека столь же бессмысленна, как ответ на незаданный вопрос. Именно искусство дает перспективу человечеству, только посредством искусства информация обратится в истину...>

В некотором смысле я не согласен с Мак-Лэйшем, хотя могу понять, чем было вызвано его высказывание. Он говорил об информации, не нуждающееся в новом, несведущей о гуманистической психологии, полученной без учета новой концепции науки, концепции, которая не только отрицает старые догматы безоценочности и нейтральности науки,

но и считает первейшей обязанностью науки обнаруживать ценности, свойственные человеческой природе и изначально ей присущие, эмпирически исследовать их, доказывать и подтверждать. Работа над этим сейчас в самом разгаре.

Все сказанное мистером Мак-Лэйшем справедливо для эпохи двадцатых годов нашего столетия. Сейчас это можно счесть справедливым, если не замечать существования и развития новой психологии. <Именно искусство дает перспективу человечеству>. Так было когда-то. К счастью, теперь это не так. Сейчас мы можем собирать информацию, которая будет способствовать лучшему пониманию человека, которая будет ориентировать человека, информацию, содержащую внутри себя некие тенденции и подсказывающую нам верный путь. <Только посредством искусства информация обратится в истину>. Я не согласен с этим утверждением и имею на то убедительные резоны. Чтобы отличать плохое искусство от хорошего, необходимы некие критерии. Насколько я осведомлен в этом вопросе, на сегодняшний день искусствоведение такими критериями не располагает. Они только-только начинают формироваться, и мне хочется пунктиром пометить эмпирические возможности, которые могли бы способствовать этому процессу. Мне кажется, что именно в намеченном мною направлении возможно ожидать появления некоего объективного критерия для отличения хорошего искусства от плохого.

Если мы с вами живем в одном пространстве и времени, то вы не можете не знать, что мы переживаем эпоху полной и всеобщей утраты ценностей в искусстве. В музыке ничего невозможно доказать касательно, например,

или Элвисом Щ асается лично него,

. крт (ели

. Труды по искусствоведению тоже утеряли д: [ризывают нас забыть о ценностях;

отсутств! фрейдистском

достоинств Джона Кейджа по сравнению с Бетховеном

ели. В живописи и архитектуре точно такой же разброд. Сегодня в искусст нет общепринятых ценностей. Я перестал читать статьи музыкальных Крит ков. Я не вижу в них смысла. Труды по искусствоведению тоже утеряли д:

меня смысл. Как и книжные обозрения. Вокруг царит хаос и буйствует ана озз] хия стандартов. Например, недавно я наткнулся в <Saturday Review> на хв лебную статью о паршивой книжонке Жана Гене. Этот Жан Гене - профе каш сор теологии. Основная мысль его книжки примерно такова: Зло теперь ст. новится Добром. Этот тезис обосновывается каким-то диким логичесю iero была каламбуром: если зло становится тотальным злом, тогда оно каким-то обр зом становится добром. Все это перемежается панегириками педерастии наркомании, что для меня, бедного психолога, большую часть жизни трат щего на то, чтобы избавить людей от этих бедствий, просто невыносимо непостижимо. Разве может разумный человек рекомендовать подобную кни -ельное в качестве учебника по этике в назидание молодежи? iccnenyi

Когда Арчибальд Мак-Лэйш заявляет, что искусство ведет к истине, А "ике обр чибальд Мак-Лэйш имеет в виду некие произведения искусства, которые нр -ерапии

вятся лично ему, Арчибальду Мак-Лэйшу, но которые могут не поправить его сыну. И кроме этого Мак-Лэйшу нечего добавить к своей декларации. (шох не в состоянии убедить людей в своей правоте. Мне кажется, что отсутств! t)pei аргументов само по себе служит неким символом поворотного пункта наш> rfOM.

истории.

Мы поворачиваем, чтобы взглянуть на мир с новой точки зреш юззрение. Вокруг нас происходит нечто новое. Есть существенная разница между те что было вчера, и тем, что есть сегодня, и это не смена пристрастий или настр ений экспертов. Это эмпирически разоблаченная действительность. Перед на> открываются новые явления, которые позволяют нам формулировать предп усилия ложения относительно ценностей и образования.

Одно из таких открытий заключается в том, что человеку свойствен!, гом,] высшие потребности54, потребности, которые обладают признаками инсти *ает ктоподобия, а значит являются частью его биологической природы, -так] как потребность в достижении лучшего, в уважении, в свобс лощении. Это поистине революционное открытие со всеми отсюда последствиями.

Другое открытие соотносится с тем, что по моему мнен сейчас в социальных науках: многие представители этих наук начинают обну^чит я руживать, что физическая, механистическая модель науки была ошибочна помыслах в конце концов привела нас... К чему? Да, к атомной бомбе. К идеальны технологиям убийства, воплощенным в лагерях смерти. К Айхманну. В(позитивистская наука и философия науки не смогут опровергнуть убежд ний и деяний этого палача. Ей нечем крыть его карты, и так будет до тех по пока он жив. Он просто не знал, что такое хорошо и что такое плохо. Ч'

, все было хорошо - он хорошо делал свое дело. И то, что

н сделал, тоже было блестяще, если не брать в расчет ценности и конечные

I. Хочу напомнить, что классическая наука и классическая философия цлвают нас забыть о ценностях, не брать их в расчет. Следствием такого ;рения неизбежно будет и Айхманн, и атомная бомба и бог знает что еще! Боюсь, что стремление оценивать талант или форму в отрыве от содер-

профеЬания или целеполагания может привести нас к такого же рода опасности. iepb ст. Сегодня мы можем расширить круг великих открытий Фрейда. Но у ячеек! iero была и одна великая ошибка, которую нам предстоит исправить. Она то обр включалась в том, что бессознательное у него выступало как зло. Мы же стаи наем, что из глубин бессознательного прорастают корни креативности, трат птуда бьют источники радости, счастья и добродетели, там хранятся сокрошща морали и ценностей личности. Мы знаем, что есть больное бессозна ельное и есть здоровое бессознательное. Психологи новой волны азартно гсследуют его, экзистенциальные психиатры и психотерапевты в своей пракике обращаются непосредственно к нему, рождаются новые виды психо-

Так же, как есть хорошее и плохое сознание, существует хорошее и шохое подсознание. Более того, хорошее предельно реально, - реально в не

)рейдистском смысле. Фрейд был связан своим собственным позитивизюм. Вспомните, отправной точкой для него было физико-химическое

мирооззрение. Его специальностью была неврология, и она же стала его проклянем. Она задала такое направление развитию психологии, что в результате .се в мире человеческого должно было быть описано законами, подобными

изическим и химическим постулатам, и именно этому Фрейд посвятил свои лия. И в конце концов сам же опроверг этот подход.

Возвращаясь к проблеме высшей природы человека: вопрос здесь в , как объяснить ее. Фрейдистское объяснение подсознательного принит человека. Фрейд ушел от этого вопроса при помощи поверхностного гассажа. По его мнению, если человек проявляет доброту, то он таким обраом противостоит своей агрессивности. При такой расстановке акцентов аг ессивность становится сущностью человека, а доброта - только способом амаскировать ее; человек подавляет свою сущность, пытается защитить себя >т осознания своих агрессивных позывов. То есть, еслия великодушен и щедр, аачит я мучим присущей мне жадностью. И чем более я щедрый в своих юмыслах и поступках, тем более скареден я по существу. Согласитесь, что 'акой способ рассуждений, мягко говоря, причудлив. Эти объяснения по меньВДшей мере ни на чем не основаны. Почему Фрейд не допустил, к примеру, что убийство - это лишь способ скрыть свою любовь к людям? Ведь это утверждение равносильно его тезису и для большей части человечества будет, пожалуй, более верным.

в свободном самово 'ом противостоит своей агрессивности. > всеми вытекающт >ессивность становится сущностью человека,

замаскировать ее; человек подавляет свок что по моему мнению происход от осознания своих агрессивных позывов.

Но вернемся к главной мысли - к мысли о том, что развитие науки поворачивается к новым горизонтам, восхитительным по новизне, что история уже совершает новый выбор. Я чувствую, как меня подхватывает мощная волна исторического процесса и влечет на своем гребне. Представьте себе, что скажут историки о нашей эпохе спустя сто пятьдесят лет? Чем она оказалась знаменательна? Что затевалось в эти стародавние времена? Что приходило к своему логическому концу? По моему глубокому убеждению, большая часть из того, что тревожит сегодня великие умы, о чем пишут газеты и научные мужи, уже принадлежит прошлому, человечество исподволь приближается к пониманию <лучшего человека>, и если нам суждено выжить как виду, через сто или двести лет он воссияет над миром. Будущие историки оценят это движение как новый виток истории. Еще Уайтхэд говорил: создай иную модель или новую парадигму, прими новый способ познания или новые определения старых слов, и тебя ждет откровение. Ибо ты сможешь увидеть все по-новому.

Такое новое видение неминуемо и убедительно показывает нам, причем показывает исключительно эмпирически (не прибегая к религиозным ухищрениям, не осуждая, не a priori, не по чьей-то прихоти), всю ошибочность фрейдистского вывода о неизбежном, внутреннем, изначально существующем противостоянии потребностей индивидуума и потребностей общества и цивилизации, ошибочность тезиса о борьбе между ними. Сейчас мы знаем, что это не так. Мы уже знаем кое-что о тех необходимых условиях для того, чтобы потребности человека не противоречили общественным интересам, а были синергичны им, чтобы и те, и другие устремились к достижению общей цели. Повторю, наши знания основаны на сугубо эмпирических фактах.

Столь же эмпирическое знание накапливается сейчас относительно высших переживаний. Пусть пока наш метод изучения сводится к странным

вопросам, которые мы задаем людям, собирая их в группы или разводя по разным комнатам: можете ли вы припомнить самый радостный момент в вашей жизни? Или как сформулировал один из нас: испытывали ли вы трансцендентный экстаз? Вы можете подумать, что людей ошарашивают подобные вопросы, что они не понимают, о чем их спрашивают, но, поверьте, очень многие все-таки дали нам вполне вразумительные ответы. Причина, по которой люди обычно не распространяются о восторгах откровения, трансцендентных экстазах, кроется, видимо, в том, что они просто не знают, какими словами поведать миру об этом. Нужно преодолеть смущение, чтобы признаться другим и себе в чем-то подобном, заведомо <ненаучном>, - <ненаучном> в порицаемом, обвинительном смысле этого слова.

По ходу исследований нами было обнаружено большое количество триггеров высших переживаний, мы столкнулись с самыми разнообразными си-

туациями и узнали о том, какие из переживаний способствуют постижению высшего. Теперь можно смело утверждать, что большинство людей или даже все хотя бы раз в своей жизни испытали высшее переживание, пережили мгновение экстаза. Если вы возьметесь повторить наши опыты, можете спросить о самом радостном, самом счастливом и благословенном мгновении жизни человека. Или задайте вопросы, которые задавал я. Чувствуете ли вы в такие мгновения, как что-то изменяется в вас самих? Каким вы себя ощущаете в такие мгновения? Что вас влечет и чего вы хотите? Если в вас что-то меняется, то что именно и как? Должен сказать, что по моим данным самая торная тропа к высшим переживаниям (в смысле самая упоминаемая согласно статистике эмпирических отчетов) пролегает в долинах музыки и сексуального опыта. Проблему сексуального просвещения за преждевременностью ее обсуждения я оставляю в стороне, но уверен, что наступит день, когда мы перестанем заливаться краской и хихикать при упоминании об <этом>, поймем всю серьезность этого вопроса и расскажем своим детям, что, кроме музыки, любви к отчизне и хороших оценок есть и иные пути к радости, что вознести человека на вершины блаженства может не только вид послушного ребенка на аккуратно постриженной лужайке, но и секс, совершенно равноправный при этом с той же музыкой. Так уж сложилось, что люди скорее понимают именно секс и музыку, как вещи естественные, простые и общедоступные.

Если мы желаем дать определение высших переживаний и изучать их, разумно было бы составить перечень механизмов, их вызывающих. Этот перечень уже на сегодня настолько обширен, что требует известных обобщений. Может показаться, что любое приближение к истинному совершенству, любое движение по направлению к высшей справедливости или к высшим, совершенным ценностям связано с переживаниями высшего порядка. Но это не всегда так. Те обобщения, которые я предлагаю вам, закономерны для самых разнообразных явлений, исследованию которых посвящена эта книга. Помните, что я говорю с вами как ученый. Пусть порой мои рассуждения покажутся вам ненаучными, но таков уж новый тип науки. Вскоре выйдет в свет одна диссертация (145), и она с позиций гуманистической науки должна совершить, я бы сказал, настоящий переворот в деле деторождения, равный по значимости тому, что случилось во времена Адама и Евы. Эта диссертация (145) посвящена исследованию высших переживаний при родах. Я уже говорил, что роды в принципе могут быть источником высших переживаний. Мы знаем, как спровоцировать высшие переживания, мы знаем, что роды пройдут лучше и успешнее, если женщина примет их как великий мистический опыт, как религиозный опыт, если угодно - опыт озарения, откровения, инсайта. Между прочим, сами женщины в своих отчетах о переживаниях при родах отмечали, что этот опыт заставил их <стать другой>, а все потому, что

высшее переживание дает человеку редкую для него возможность постижения бытия.

Нам еще предстоит придумать названия для всех этих малоизученных, не приведенных в стройную схему явлений. Когда мы говорим о <постижении бытия>, мы имеем в виду познание в платоновском и сократовском смысле, некую технологию счастья, чистого совершенства, чистой истины, чистой добродетели и т. д. Хотя почему <некую>? Почему бы действительно не счесть ее способом достижения радости и счастья? Между прочим, эта техника уникальна в смысле пробуждения отцовского чувства; мне не доводилось встречаться с другим, столь же эффективным способом. Мы с моей женой обнаружили множество триггеров, подтвердивших это, когда впервые взялись исследовать высшие переживания у студентов колледжа. Мы заметили, что если студентки говорили о высших переживаниях, связанных с рождением ребенка, то студенты, как правило, не упоминали это событие в ряду других, вызывающих высшие переживания. Теперь мы знаем, как научить мужчину испытывать высшие переживания от рождения ребенка. Если говорить сжато, то мужчине необходимо измениться, научиться видеть вещи иначе, научиться жить в другом мире, с другой системой координат, жить с иным мироощущением, устремленным к новой, счастливой жизни. Есть различные пути к мистическим переживаниям, но именно из-за их многочисленности я и предпочел бы пока оставить в стороне их подробное рассмотрение.

Возвращаясь к музыке и к искусству в целом как к источнику высших переживаний, должен сказать, что испытуемые отмечают высшие переживания только в связи с так называемой <классической музыкой>. Мне не встретились описания высших переживаний, вызванных творениями Джона Кейджа или фильмами Энди Уорхола, произведениями абстракционистов, экспрессионистов и прочих <истов>. Просто не встретились. Настоящие высшие переживания, те, которые несут человеку радость, экстаз и новое видение мира, которые возвышают человека, происходят от проникновенного восприятия именно классической музыки, от ее великих шедевров. Спешу еще раз отметить, что музыка в этом смысле идет рука об руку с танцем. И если уж я заговорил об этом, добавлю - музыка и танец существуют вместе, в гармоничном слиянии друг с другом. Когда я говорю о музыке, о том, что она - самый короткий путь к высшим переживаниям, я имею в виду и танец. Для меня эти явления уже окончательно и бесповоротно слились в одно неразрывное целое. Назовите музыкой, танцем, ритмикой, атлетикой или как-то иначе это физиологическое ощущение ритма, какое бывает, например, у танцоров, исполняющих румбу, или у ребенка, оставленного наедине с его жестяным барабанчиком. Но согласитесь, что любовь к своему телу, умение почувствовать его и подчиниться его воле - прямая дорога к высшему переживанию. А высшее переживание - неплохой способ (пусть не гаранта-

рованный, но статистически более вероятный) <постижения бытия>, познания платоновских сущностей, внутренних ценностей, конечных ценностей бытия, безусловно помогающий как физическому оздоровлению, так и личностному росту, способствующий движению человека к самоактуализации и вочеловеченности.

Другими словами, высшие переживания почти никогда не проходят

бесследно. Они могут привести к очень и очень важным последствиям. То же можно сказать и о музыке и об искусстве в целом - слишком много общих законов у искусства и у высших переживаний. Они могут заменить даже психотерапию, если человек поймет, к чему он устремлен, если он узнает, что ему необходимо и как ему этого добиваться. Ведь, рассуждая о музыке и танце, можно определенно отметить с одной стороны угасание, отступление таких симптомов, как автоматизмы, тревога, а с другой стороны бесспорно, что музыкальный, танцующий человек более спонтанен, бесстрашен, аутентичен,он лучше чувствует свое тело, обостряется его сенсорная чувствительность и т. д.

Немаловажно и то, что музыка, ритм, танец - прекрасные способы достижения самоидентичности. Так уж устроена человеческая природа, что подобного рода триггеры, подобного рода стимуляция обращена прямо к нашей вегетативной нервной системе, к нашим эндокринным железам, к нашим чувствам и эмоциям. Воздействие ее непосредственно. Мы еще очень мало знаем о физиологии человека, чтобы понять, чем вызвано столь непосредственное воздействие, но оно бесспорно существует. Я бы даже сказал, что это воздействие столь же очевидно как боль, которая всегда безошибочно ощущается человеком. Для людей, обделенных подобного рода переживаниями, которые, к сожалению, составляют очень большую часть населения, для людей, глухих к своему внутреннему голосу, живущих по часам, по расписаниям, по правилам, законам, подсказкам соседей, - для них это почти единственный способ познания своего <Я>. Это именно те громкие сигналы, тот голос, который взывает внутри каждого из нас: <Черт возьми! Ведь это хорошо! Отбрось сомненья!> Именно здесь мне видится один из способов научить таких людей самоактуализации, помочь им почувствовать, познать собственное <Я>. Внутренний голос, способность прислушиваться к глубинному и к его реакции, прислушиваться к тому, что происходит внутри, помогает нам в обнаружении своей идентичности. Этот способ может стать основой новой, чувственной педагогики, и если мы найдем время говорить о ней, то придем к выводу о необходимости создания новой системы образования, школы нового типа.

Столь же прекрасной, как музыка, столь же устремленной к высшим переживаниям может быть и математика; хотя легко можно представить себе учителя математики, которому претит даже мысль о чем-то подобном. Я и

сам не понимал, что математика может приносить эстетическое наслаждение, не понимал до тридцати лет, пока мне не попались в руки несколько прекрасных книжек по этому предмету. То же самое нужно сказать о истории, антропологии (той, которая изучает иные культуры), социальной антропологии, палеонтологии и философии науки. Обратимся к фактам. Работая с великими изобретателями, с великими учеными, творцами, я обнаружил, что они говорят именно об этом. Настала пора изменить образ ученого, понять, что жизнь творца складывается именно из этих мгновений высших переживаний. Он живет ради этих мгновений восторга и счастья, когда он находит решение проблемы, когда внезапно через окуляр микроскопа он видит нечто новое, ради мгновений открытия, озарения, прозрения, постижения и экстаза. Они жизненно необходимы ему. Как правило, ученые не любят признаваться в подобных чувствах даже самим себе, смущаются их. Они стыдятся говорить о них. Нужно быть крайне деликатным, чтобы помочь им в потугах признания, и мне случалось быть повитухой при этих родах. Дело обстоит именно так, как я описал, и если вам удастся убедить творческого человека, что разговор затеян не смеха ради, тогда он, краснея, поделится с вами, что счастливейшим моментом его жизни был, например, благословенный вечер, когда ему удалось доказать основную, решающую корреляцию двух

математических величин. Об этих вещах не принято говорить вслух, они могут показаться полным бредом, если заглянуть в школьный учебник и прочитать, как совершаются открытия в науке.

Я клоню к тому, что если мы будем понимать, чего добиваемся, если будем достаточно философичны и проницательны, то сможем воспользоваться этими способами, чтобы дать людям шанс прочувствовать экстаз, более прямой дорогой устремиться к открытиям, к высшим переживаниям, к озарениям, к восторгу и чувству сопричастности великому, сможем воспользоваться ими, чтобы пересмотреть, к примеру, модель преподавания истории, равно как и модель преподавания любого другого предмета.

И в заключение хочу поделиться с вами еще одним впечатлением, которое будет понятно каждому преподавателю художественных дисциплин. Оно заключается в том, что эффективное обучение музыке, искусству, танцу или ритмике по самой сути гораздо ближе, чем преподавание так называемых <основных предметов>, к сущностному образованию, о котором я говорил выше, то есть к обучению, необходимой частью которого является познание человеком своей идентичности. Образование - это научение росту, научение тому, как устремляться вперед и вверх, отличать хорошее от плохого, желанное от нежеланного, достойное выбора от недостойного. Искусство и особенно те его разновидности, на которых я настойчиво концентрировал ваше внимание, с точки зрения сущностного научения, сущностной педагогики и сущностного образования, настолько тесно сплетены с психологичес-

кой и биологической сущностью человека, так близки его глубинному, биологическому <Я>, что пора перестать воспринимать эти учебные курсы как неуместную роскошь, как кружева и оборки на школьном платье, и признать их основными предметами нового образования. Мне видится, что такого рода образование позволит выработать взгляд на вещи, проникающий в бесконечность, провидящий высшие ценности. Такое образование может и должно иметь в своем основании обучение искусству, музыке и танцу. (Что касается детей, для них я в первую очередь предложил бы танец. Для двух-, трех-, четырехлетнего ребенка проще и естественнее всего подчиниться ритму.) Такая расстановка акцентов в образовании могла бы задать иные модели и иные способы преподавания прочих школьных предметов, спасти их от полного погружения в бессмыслицу, забывшую, что важно, а что нет, беспристрастную до угрюмости, лишенную устремленности и целей.

13

Цель и значение гуманистического образования

Олдос Хаксли незадолго до своей смерти был близок к тому, чтобы совершить огромный прорыв, он был на пороге создания великого синтеза науки, религии и искусства. Многие из его тогдашних идей нашли отражение в романе <Остров> (52). Может быть, с точки зрения художественных достоинств <Остров> нельзя счесть самым значительным из его произведений, но роман этот чрезвычайно интересен как попытка описания того, чем может стать человек. Самые революционные идеи его затрагивают именно образование, ибо система образования в созданной Хаксли Утопии преследует радикально иные цели, нежели система образования в нашем обществе.

Если мы обратим взгляд на нашу систему образования, мы заметим два диаметрально противоположных подхода. С одной стороны, подавляющее большинство учителей, воспитателей, методистов, директоров школ

старательно обходят своим вниманием те знания, которые необходимы сегодня детям для жизни в нашем индустриализированном обществе. Они достаточно ограниченны, они не стремятся к новому и не задаются вопросом, почему они преподают именно это, а не что-то иное. Они ставят во главу угла эффективность обучения, то есть, сколько информации в сколько детских голов им удалось втиснуть, сколько на это затрачено времени, денег и сил. А с другой стороны, все-таки есть, пусть еще очень немного, гуманистически ориентированных педагогов, которые видят свою задачу в воспитании лучшего человека или, говоря психологическим языком, стремятся к самоактуализации и самотрансценденции ребенка.

Традиционное обучение зачастую обманывает ребенка, внушает ему, что его основная задача - заслужить похвалу учителя, делать нечто, что будет приятно его наставнику. Дети в обычной школе очень быстро усваивают, что креативность наказывается, а поощряется, напротив, дословное повторение заученного урока; они концентрируются скорее на том, какого ответа ждет от них учитель, чем на понимании существа изучаемого предмета.

Цель и значение гуманистического образования

193

Традиционное обучение больше внимания уделяет поведению учащегося, чем его мышлению, и потому ребенок познает не столько предмет, сколько то, как ему следует вести себя, привыкает держать свои мысли при себе.

Зачастую способность мыслить даже вступает в противоречие с подобным, внешним обучением, становится враждебной ему. При глубинном же, сущностном обучении невозможны эффекты пропаганды, внушения идей и бессмысленного заучивания ради похвалы. Возьмем, к примеру, рекламу. Самое естественное и самое простое лекарство от лживой рекламы - правда. Можно сколько угодно рассуждать о скрытой рекламе, о манипуляции мотивами, но если вы один раз на своем опыте убедитесь, что именно эта зубная паста дурно пахнет, вы уже никогда не поддадитесь на любую, даже самую изощренную рекламу. В качестве примера того, как разрушительна может быть правда по отношению к внешнему обучению, можно привести такой случай. Студенты-психологи на лекции об обусловливании решили разыграть своего профессора, тайком навязывая ему поведение. Они взялись кивать на каждую его фразу, и профессор, не отдавая себе отчета в этом, принялся кивать им в ответ. Он кивал все чаще и чаще, так что к концу лекции он уже кивал беспрестанно. Но стоило одному из студентов указать профессору на то, что с ним происходит, он тут же перестал кивать, и разумеется, после этого уже никакие ухищрения аудитории не смогли заставить его вновь хотя бы слегка склонить голову. Так правда заставила отступить едва наработанную привычку. Очень хочется спросить в продолжение этой мысли - как долго еще нам ждать прозрения, которое сможет разрушить традиционное образование, насквозь пропитанное невежеством?

Очень быстро проникаются подобным, внешним отношением к обучению и студенты, для них все эти оценки и экзамены - то же самое, что для подопытного шимпанзе звоночки, лампочки и прочие стимулы, которыми разнообразит его жизнь экспериментатор. Мне вспоминается фраза, подслушанная мною в читальном зале одного из лучших университетов страны. <Зачем ты читаешь эту книгу? Нам ведь ее не задавали>, - так спросил один студент у другого. Представьте себе, для этого студента единственным основанием для чтения книги является внешняя по отношению к его разуму и личности оценки. Такой вопрос был бы естествен, если бы знакомый нам шимпанзе встретился с другим в своей клетке, но, выходит, он столь же логичен и для стен университета.

Принципиальную разницу между внутренним и внешним обучением можно

продемонстрировать на примере жизни Эптона Синклера. В младые годы, обучаясь в колледже, он обнаружил, что у него не хватает средств, чтобы продолжить свое образование. Однако, внимательно изучив устав cbosro колледжа, он нашел любопытный пункт, согласно которому студент, не спавший зачет по какой-либо дисциплине, обязан вновь изучить ее или любой другой предмет по своему выбору. При этом он не платит за повторное обучение или за обучение другому предмету по той причине, что не полу-

чил того, за что заплатил. Воспользовавшись этим <логичным> правилом, Синклер сэкономил немало денег; с тех пор он учился только бесплатно, старательно проваливая сдачу экзаменов по всем изученным им предметам.

В самой фразе <получить степень> сконцентрирована вся порочность сегодняшней системы образования, ориентированной на внешнее по отношению к человеку. Студент почти автоматически получает степень за то, что потратил на нее несколько лет и некто зачел эти годы как успешные. Все знание, преподаваемое сегодня в университетах, имеет свою <стоимость>, измеряемую зачетами, причем стоимость зачетов по различным дисциплинам практически одинакова. Так, семестр занятий баскетболом, например, приносит такой же доход, измеренный в зачетах, как и семестр, посвященный французской филологии. Действительно ценной считается только конечная цель - диплом или ученая степень - вот и получается, что, если студент оставил учебу на последнем курсе, значит он зря потратил несколько лет жизни, это бессмысленно с точки зрения общества и становится настоящей трагедией для его родителей. Кому не приходилось слышать сетований безутешной матери по поводу неразумной дочери, которая вышла замуж, бросила учебу на последнем курс е и, безусловно, <потеряла> несколько лет. Очень симптоматично, что знания, которые девушка приобрела за несколько лет учебы в университете, ее мать ни во что не ставит.

В том идеале колледжа, который видится мне, не будет зачетов, ученых степеней и обязательных к изучению дисциплин. Человек будет познавать то, к чему он склонен. Мы с друзьями затевали нечто подобное, когда организовали цикл семинаров в Брандэйском университете - цикл, названный нами <Семинары для первокурсников. Введение в интеллектуальную жизнь>. Мы сразу же объявили, что в программе наших семинаров не будет обязательной литературы или рефератов, не будет зачетов как таковых, а темы, выносимые на обсуждение, будут определены самими студентами. Мы сочли нужным только представиться, сказать, что один из нас - профессор психологии, а другой - практикующий психиатр, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы студент мог определиться, стоит ему посещать наши семинары или нет. Студенты, которые пришли, пришли по доброй воле и потому были хотя бы отчасти ответственны за успешность или безуспешность нашего начинания. А теперь вспомните, как устроены занятия в традиционной системе образования: там аудитория обязательна для посещения, а студенты так или иначе, но насильно загнаны в нее.

Внутреннее, сущностное образование в идеальном колледже будет доступно каждому, было бы только у него желание, потому что к росту и развитию способен любой человек. Студентами такого колледжа смогут стать как творческие, одаренные дети, так и взрослые, как гении, так и умственно отсталые люди (потому что даже слабоумные в состоянии постигать эмоционально и расти духовно). Этот колледж не будет ограничен стенами конкретного здания или конкретными сроками обучения, как не может быть ограни-

чей какими-то пространственными и временными рамками сам процесс познания, и преподавать в нем сможет каждый, кому есть чем поделиться с другими. Курс обучения в этом колледже будет продолжаться всю жизнь человека, ибо человек познает всю жизнь. Возможно, даже смерть стоит зачесть как отдельный курс, как философское прозрение, как высоко обучающий жизненный опыт.

Идеальный колледж станет своего рода тихой гаванью образования, в которой каждый сможет попытаться найти себя, выяснить, кто он такой и к чему он стремится, чем он хорош и чем плох. Здесь люди смогут изучать самые разные дисциплины, посещать самые разнообразные семинары, и даже если они не будут знать, насколько им нужен тот или иной предмет, они будут неуклонно приближаться к познанию своего предназначения, и, открыв его для себя, но только после этого, они извлекут пользу и из конкретного специального образования. Иначе говоря, основной целью идеального колледжа будет познание собственной идентичности и неотрывное от него познание своего предназначения.

Что я имею в виду, когда говорю о познании собственной идентичности? Я имею в виду познание человеком своих истинных желаний и своих истинных свойств, разрешение, выданное самому себе, жить именно так, чтобы полностью воплощать и выражать себя. Человек обучается аутентичности, он становится искреннее, позволяет себе честнее и спонтаннее самовыражаться в речах и в повседневном поведении. Для большинства людей проще избегать стремления к аутентичности. Так, вы можете до крайности быть увлечены семейным скандалом, вы можете кипеть от ярости, рвать и метать, но стоит прозвучать телефонному звонку, как вы уже у аппарата и привычно сладким голосом говорите <алё>. Аутентичность же отменяет подобное фонирование, сводит его к нулевой отметке.

Есть много техник научения аутентичности. В частности, тренинговые группы, которые пытаются побудить вас осознать, кто вы на самом деле, как вы на самом деле реагируете на других людей. Занятия в таких группах дают вам шанс стать честным перед самим собой, дают возможность выплеснуть наружу то, что творится в вашей душе, вместо того, чтобы притворяться и рассыпаться в расхожих любезностях.

Люди, описанные нами как здоровые, сильные, уверенные в себе, кажется, обладают лучшим, чем у большинства людей, слухом к своему внутреннему голосу. Им прекрасно известно, чего они хотят и чего они не хотят. Их собственный вкус подсказывает им, что эти два цвета не подходят друг к другу, их собственные ощущения объясняют им, что шерстяная одежда раздражает кожу, их собственная мораль не принимает поверхностных сексуальных отношений. По сравнению с ними, другие люди кажутся пустыми, лишенными этого внутреннего слуха. Они и едят, и отправляют нужду, и ложатся спать скорее по часам, чем по велению своего тела. Внешние критерии довлеют над ними во всем, начиная от выбора пищи (<это полезно для ваше-

го здоровья>) и одежды (<это модно>) и кончая вопросами ценностей и морали (<мой отец говорил мне>).

Взрослые прикладывают много усилий, чтобы запутать взаимоотношения детей с их внутренним голосом. Ребенок говорит: <Не хочу молока>, а мать отвечает ему: <Нет, хочешь>. Ребенок говорит: <Не люблю шпинат>, а она отвечает: <Ну что ты! Мы очень любим шпинат>. Мать не понимает,

что способность отчетливо различать идущие изнутри сигналы - важнейший компонент самопознания, и вносит сумятицу в очевидные для ребенка вещи, оказывая ему медвежью услугу. А разве сложно вместо этого сказать ребенку: я знаю, ты не любишь шпинат, но его нужно есть по таким-то и таким-то причинам.

Эстетически чувствительные люди, по всей видимости, имеют лучший слух к внутреннему голосу по сравнению с большинством людей, и он подсказывает им, как отнестись к тому или иному сочетанию цветов, к тому или иному соотношению форм, согласованию узоров. Людям с высокими показателями интеллекта, по всей видимости, внутренний голос подсказывает разумные вещи, помогающие им отличать истину от лжи, с одного взгляда различать верное равенство и неверное, точно так же как эстетически одаренные люди мгновенно понимают, что этот галстук подойдет именно к этой рубашке, а не к другой. На сегодняшний день мы имеем результаты множества исследований того, как соотносятся у детей креативность и высокий показатель интеллекта. Получается, что креативные дети обычно имеют лучший слух к своему внутреннему голосу, который и подсказывает им, что правильно и что неправильно. Напротив, дети с высоким IQ, но с низкой креативностью глухи к своим внутренним сигналам, они оцивилизованы, им необходимы подсказки, похвалы или подбадривания старших.

Здоровые в психологическом смысле люди, похоже, четко различают, что подсказывает им их внутренний советчик по вопросам этики и ценностей. Самоакгуализированные люди, как правило, стоят выше общепринятых ценностей их культурной среды. Они уже не просто американцы, они прежде всего и главным образом граждане мира, представители рода человеческого. Они в состоянии объективно оценить общество, в котором им довелось жить, принимая и приветствуя одни его стороны и не одобряя другие. Если мы поставим перед образованием цель, главную, конечную цель, и назовем ее самоактуализацией, тогда образование поможет человеку преодолеть навязываемые ему культурой общества и страны предубеждения, поможет ему стать гражданином мира. Вопрос мне представляется чисто техническим:

как воодушевить людей стать выше ограниченности, навязанной им культурой общества? Как в маленьком ребенке пробудить братское чувство ко всем живущим на земле и к человечеству в целом? Как сделать, чтобы он, став взрослым, всем сердцем ненавидел войну и делал все возможное для предотвращения ее? Задача богоугодная, но церковь вкупе со своим институтом

воскресных школ старается не замечать ее, предпочитая тешить детей слащавыми библейскими сказками.

Есть еще одна цель, которую следовало бы поставить перед собой нашей школе и нашим учителям. Это поиск призвания юного человека, его человеческого призвания, его предназначения, его судьбы. Когда мы говорим о познании самого себя, о слухе к своему внутреннему голосу, мы подразумеваем, что разумный и имеющий уши человек сможет понять, для чего ему дана его жизнь, что он должен сделать с нею. Поиск идентичности обозначает почти то же самое, что и поиск предназначения, в любом случае это поиск того алтаря, перед которым человек положит свою жизнь. Выбрать дело всей своей жизни не менее важно, чем выбрать спутника жизни. Молодежи свойственно <разбрасываться>, они предпочитают иметь широкий круг общения, несколько любовных интрижек одновременно, а в последнее время входит в традицию пробный брак. Таким образом молодые люди пытаются определить, что им нравится, а что не нравится в представителях противоположного пола. Постепенно они

осознают свои потребности и желания и наконец находят спутника жизни. Что-то подобное происходит, когда человек ищет свое призвание, ищет дело, которому он мог бы посвятить себя. Однажды он понимает, что именно это занятие - его и только его, он неожиданно ощущает, как короток день и быстротечна жизнь. В наших школах есть люди, ответственные за профессиональную ориентацию, но большинство из них не склонны задумываться о смысле жизни и даже о том, что нужно человеку для счастья. Подобные консультанты принимают в расчет лишь потребность общества в инженерах аэронавтики или в дантистах. Никто из них не поведает вам о том, что если работа не приносит вам радости, значит вы обделены в чем-то очень важном, вы не сможете исполнить своего человеческого предназначения.

Подводя итог под всем вышеизложенным, можно сказать, что школа должна помочь ребенку заглянуть в себя и определить набор ценностей, согласующийся с его неповторимой человеческой сущностью. Однако сегодня в школах предпочитают не упоминать о ценностях. Можно счесть тому причиной волну религиозных войн, пронесшуюся над Европой в средние века, в результате которых произошло разделение церкви и государства и сфер влияния между ними. Вероятно, еще тогда было решено, что обсуждение ценностей это забота церкви, тогда как светские школы должны сосредоточиться на решении иных, внеценностных проблем. Хотя порой хочется только порадоваться тому, что наши школы с их неспособностью и нежеланием осмыслить философские вопросы смысла жизни, с вопиющим дефицитом надлежаще обученных учителей, не затрагивают вопроса ценностей, как можно порадоваться и тому, что они не занимаются сексуальным просвещением наших детей.

Гуманистическая философия образования вызывает необходимость, наряду с прочими последствиями, построения новой концепции <Я>. Это

непростая концепция, ее невозможно описать вкратце, потому что впервые за многие века человеческой истории она обращена к сущности человека, к его внутренней природе, к видовому и животному в человеке. Это принципиально отличается от взгляда на человека, присущего европейскому экзистенциализму, особенно сартровского типа, для которого человек является исключительно самопроектируемой сущностью, исключительно продуктом собственного произвола и собственного волеизъявления. Для Сартра и его последователей само <Я> становится одним из произвольных выборов, директивой человеческой воли, обращенной на себя, велящей человеку быть таким-то и поступать таким, а не иным образом, оставляющей в полном забвении, если не отрицая, директиву в отношении того, что лучше для человека, а что хуже, что хорошо и что плохо. По существу Сартр отрицает существование биологии, а попутно отказывает в праве на существование любой абсолютной истине или по крайней мере любой концепции ценностей, пригодной для всего человеческого вида. От такой точки зрения один шаг до философии обсессивно-компульсивного невроза, до описанной мною выше <чувственной пустоты>, до полной глухоты к собственным внутренним импульсам.

Воззрения и подходы американских психологов-гуманистов и экзистенциальных психиатров происходят скорее из психодинамики, нежели из философии Сартра. Их клинический опыт все время напоминает им о том, что человек непременно имеет некие корни, биологическую природу, обязательства перед видом. <Раскрывающую> терапию с этой точки зрения можно понимать как метод, помогающий человеку раскрыть свою идентичность, свое реальное <Я>, или, иначе говоря, свою личную биологию, раскрыть для того, чтобы затем на ее основании человек мог приблизиться к самоактуализации, <построить самого себя>, совершить жизненный выбор.

Беда в том, что человек - единственный представитель животного мира, которому трудно быть видом. Кошке не составляет труда быть кошкой. Ей живется гораздо проще: у нее нет комплексов, ее не мучают сомнения и не раздирают внутренние конфликты, - я не встречал кошку, которая хотела бы стать собакой. Кошка движима своими инстинктами и вряд ли в состоянии не так понять, что они ей диктуют, или усомниться в целесообразности их указаний. Наши животные инстинкты ведут себя гораздо скромнее. Наша биология, инстинкты рудиментарны, ослаблены, неотчетливы и трудноуловимы. Голос внешнего для нас гораздо громче шепота наших глубинных импульсов. Глубинные импульсы исходят именно из этих почти угасших инстинктов, чрезвычайно слабых, едва уловимых, требующих тишины и сосредоточенности. Именно эти инстинкты я имею в виду, когда рассуждаю об интроспективной биологии и биологической феноменологии, когда для постижения идентичности, для постижения своего <Я>, своей спонтанности и естественности призываю вас закрыть глаза, не слушать окружающего, не думать о насущном, забыть обо всех делах и расслабиться даоистичным и рецептив-

ным образом (во многом похожем на расслабление на кушетке психоаналитика). Предлагаемая мною техника состоит именно в том, чтобы дождаться того, что вдруг произойдет, что нежданно придет вам на ум. Фрейд называл это техникой свободных ассоциаций. Это не концентрация внимания на актуальной проблеме, но свободное скольжение мысли, и если вы научитесь этому, если добьетесь успеха, вы сможете отвлечься от окружающего и его повседневной мелочности, вы услышите эти едва слышные, деликатные импульсы внутри вас, намеки вашей человеческой природы, подсказки не только вашей животной сущности, но и вашей неповторимой индивидуальности.

Здесь таится один очень интересный парадокс. Заметьте, с одной стороны я говорю о раскрытии, или открытии вашей идиосинкреатичности, о выявлении того в вас, чем вы отличаетесь от всего окружающего. Но с другой стороны, я в то же время рассуждаю о раскрытии того, что обозначает вашу принадлежность к виду, об открытии общечеловеческого в вас. Карл Роджерс сформулировал этот парадокс следующим образом: <Чем глубже мы познаем свою особенность и свою уникальность, чем настойчивее ищем свою индивидуальную идентичность, тем ярче в нас проступает общечеловеческое>. Разве это не напоминает вам Р. У. Эмерсона и трансценденталистов Новой Англии? Обнаружение на глубинном уровне своей принадлежности к виду приводит нас к открытию своего <Я> и наоборот. Вочеловечивание подразумевает оба этих процесса, протекающих одновременно. Вы познаете (на субъективном опыте), кто вы такой, как это проявляется, что вы можете, что вам присуще, что вам нравится, каковы ваши вкусы, каковы ваши ценности, к чему устремлена ваша личная биология, то есть вы познаете, чем вы отличаетесь от других людей. Но в то же время вы познаете, что значит быть животным, которое носит имя <человек>, то есть чем вы похожи на всех остальных людей.

Одной из главных целей образования нужно считать объяснение того, что жизнь - драгоценный дар. Если бы не было радости в жизни, не стоило бы и затеваться с такими хлопотами. К сожалению, жизнь очень многих людей достаточно безрадостна, крайне редко она бывает озарена сполохами полного жизнеутверждения, которые мы называем мгновениями высших переживаний. Фромм (35) в свое время разделил людей на устремленных к жизни, то есть таких, которые получают удовольствие от жизни, и устремленных к смерти, тех, которым почти незнакома радость, которые слабо держатся за жизнь. Последние словно ищут себе неприятностей, самым нарочитым образом пытаются дать смерти лишний шанс, чтобы

избежать греха самоубийства. Например, в концентрационных лагерях такие люди опускали руки и умирали без сопротивления, тогда как другие, ценившие каждое мгновение жизни, боролись и выживали. Пример таких организаций как Синанон показывает нам. что люди, изо дня в день убивающие себя наркотиками, могут отказаться от них, если взамен им будет предложен хоть какой-то смысл жиз-

ни. Алкоголики давно описаны психологами как люди подавленные, подверженные физиологической скуке. Их жизнь представляется им унылой однообразной равниной. Колин Уилсон (159) в своей книге <Introduction to the New Existentialism> подчеркивает, что жизнь обязана быть осмысленной, в жизни должны быть моменты предельной интенсивности, придающие ей ценность и значение. В противном случае смыслом жизни станет ожидание смерти, ибо кто захочет без конца сносить боль и скуку? 2

Мы знаем, что у детей сильно развита способность к высшим переживаниям, что детство - благодатная пора для таких переживаний. Но мы знаем и то, что существующая школьная система являет собой чрезвычайно эффективный инструмент для подавления этих переживаний, запрета их. Редок учитель, уважающий природу ребенка и не вздрагивающий при виде детей, играющих в чехарду. Наверное, его можно понять. Ведь наша школа, где в каждом классе собрано по тридцать и более сорванцов, где основная задача - пройти определенный материал в определенный промежуток времени, сама расстановка акцентов в образовании вынуждает учителя уделять внимание именно дисциплине и прилежности учеников, ему, может быть, даже некогда задуматься над тем, как сделать процесс обучения веселым и увлекательным. Но вся беда в том, что люди, которым поручено определять судьбы нашего образования, официальные философы педагогики, кажется, исходят из того, что веселое, интересное времяпрепровождение вредно для ребенка. Я со своей стороны готов спорить, что даже обучение чтению, письму и арифметике, столь необходимые в индустриальном обществе, нужно стремиться сделать радостным занятием, стремиться, чтобы эти события стали высшими переживаниями для ребенка.

Что же может сделать система образования, чтобы буквально с детского сада, с первых классов школы помочь ребенку противостоять стремлению к смерти, усилить и подбодрить стремление к жизни? Может быть, самое важное, что можно и должно делать - это внушать ребенку чувство успешности в его начинаниях. Вспомните, какое удовлетворение получают дети, когда помогают младшему или более слабому. Можно дать мощный толчок детской креативности, просто отказавшись от строгой регламентации. А поскольку дети имитируют отношение к жизни своего учителя, то учитель должен быть радостным и самоактуализированным человеком. В таком случае влияние здорового и сильного учителя может даже оказаться мощнее и благотворнее родительского, особенно если родители навязывают ребенку неверные образцы поведения.

В отличие от учителя-лектора, учителя-регпаментатора, учителя-погонялы и учителя-начальника даоистичный советник или даоистичный учитель рецептивен и невмешателен. Я слышал, как это происходит в боксерской среде. Если парень хочет стать профессиональным боксером, он приходит в спортивную школу, выбирает одного из тренеров, подходит к нему и говорит:

<Я хочу стать профи, я хочу выступать за ваш клуб. Я хочу, чтобы вы трени-

ровали меня>. Тренер должен понять, с кем имеет дело, и поэтому он подзывает к себе одного из своих парней, не самого слабого, и говорит ему: <Иди, пощупай его. Бей его без пощады. Не давай ему вздохнуть. Пусть он покажет, кто он такой. Пусть покажет, на что способен. Ты должен вывернуть его наизнанку, но пусть он покажет>. Если тренер увидит, что из парня будет толк, что он на ринге <естественен>, он возьмет его и будет тренировать. А если это хороший тренер, и если парень в душе - Джо Доукс, то тренер сделает из него еще лучшего Джо Доукса. Тренер примет индивидуальность этого парня как данность и выстроит все остальное на ее основании. Он не будет начинать с нуля, он не скажет ему: <Забудь все, чему тебя учили, и делай, как я говорю>. Потому что это значило бы: <Забудь, какое у тебя тело> или: <Забудь все лучшее в себе>. Хороший тренер возьмет парня и сделает то, что велят таланты именно этого парня, он сделает из него наилучшего Джо Доукса, каким только тот может стать.

По моему убеждению, это именно тот путь, которым должна следовать вся система образования. Если мы хотим быть помощником ребенку, советником, наставником, руководителем, психотерапевтом, мы обязаны принять ребенка таким, каков он есть, и помочь понять ему, что он из себя представляет. Как он живет, на что способен, к чему предрасположен, как он может использовать то, чем владеет, каковы в нем лучшие задатки, его потенциалы? Нам не будет нужды посягать на его <Я>, мы окружим ребенка атмосферой благожелательного приятия, в отношениях между нами не останется места для страхов, тревог и желания защищаться. Более того, мы будем лелеять этого ребенка, то есть радоваться тому, каков он есть, радоваться его росту и самоактуализации (171). Такой учитель очень похож на роджерсовского терапевта с его <безусловно позитивным отношением> к пациенту, с его конгруэнтностью, с его открытостью и заботой. У нас уже имеются подтверждения тому, что подобное отношение к ребенку <выворачивает его наизнанку>, позволяет ему быть менее скованным в речах и в поведении, позволяет ему экспериментировать и даже совершать ошибки, - словом, позволяет ему проявлять себя. Так же, как в терапевтических группах или <группах встреч>, ненавязчивые советы и подсказки помогают пациенту понять, кто он и какой он. Надо учиться ценить как редкое сокровище те <выходки> ребенка, за которые сейчас ему достается в школе, его умение быть поглощенным и завороженным чем бы то ни было, присущее детству изумление, уникальный дар смотреть на мир широко распахнутыми глазами и дионисийский жизнеутверждающий энтузиазм. Мы должны подбадривать его увлечения и хобби, этих тихих провозвестников его <взрослых> восторгов. Они многое таят в себе. Из этих спокойных радостей со временем может прорасти трудолюбие, настойчивость, увлеченность, плодотворность, обучаемость и т. д.

И наоборот, высшие переживания, переживания благоговейного трепета, таинства, удивления или свершения служат не только запускающим механизмом для процесса обучения, но их стоит рассматривать как конеч-

ную цель его, как награду за него, как восклицательный знак в конце долгой фразы (67). Если подобный взгляд на высшие переживания справедлив для великих историков, математиков, ученых, музыкантов, философов и для всех остальных, почему процесс обучения не может послужить источником высших переживаний для ребенка?

Должен признаться, что все скромные знания по этому вопросу я получил при исследовании умных и креативных детей, мне мало приходилось

работать с умственно отсталыми детьми, с больными или с детьми из бедных семей. Но с другой стороны у меня есть достаточно обширный опыт работы с безнадежными, на первый взгляд, взрослыми - в Синаноне, в тренинговых группах (141), на производствах, организованных согласно теории Игрек (83), в образовательных центрах типа Исалена (32), при исследованиях по типу работ Грофа с психоделическими препаратами (40), не говоря уже о работе с психотиками по типу работы Лэйнга (65) и о других подобных исследованиях, - и этот опыт научил меня никого огульно не списывать со счетов.

Другой важной задачей для нового, сущностного образования является удовлетворение основных психологических потребностей ребенка. Ребенок не сможет начать движение в сторону самоакгуализации, пока не будут удовлетворены более насущные его потребности - в безопасности, в социальных связях (в любви, нежности, социальном участии) и в самоуважении. Говоря языком психологии, ребенок освободится от тревоги тогда, когда почувствует, что заслуживает любви, когда уверится, что принадлежит этому миру, что есть люди, которые любят его и которым он нужен. У большинства обращающихся в Синанон за помощью наркоманов не удовлетворена практически ни одна из базовых нужд. В Синаноне создана атмосфера детства; поначалу с приходящими обращаются, как с малыми детьми, позволяя им очень постепенно расти и одновременно ощущать, как удовлетворяются одна за другой их фундаментальные потребности.

Еще одной целью образования должно стать ясное и постоянное осознание прекрасных и удивительных сторон жизни. Слишком часто мы в нашем обществе бываем настолько нечувствительными к окружающему, что не в состоянии видеть то, на что смотрим, и слышать то, к чему обращен наш слух. У Лауры из романа Хаксли был маленький стеклянный куб из увеличительных стекол с лампочками по сторонам. Внутрь этого куба Лаура клала цветок и подолгу разглядывала его. Проходило какое-то время, и она оказывалась полностью поглощенной и завороженной. Таков был урок психоделического опыта, при помощи которого она постигала абсолютную конкретность вещи в неразрывном единстве с изумляющей сущностью ее. Есть еще одна неплохая уловка для того, чтобы освежить замыленный повседневностью взгляд на окружающее. Представьте себе, что вас ждет скорая кончина, или что умирает очень близкий вам человек. Уверяю вас, что если вас еще трогает смерть, все окружающее предстанет перед вами в ином свете, более отчетливым и ярким, чем обычно. Стоит вам узнать, что близкому вам чело-

веку вскоре суждено умереть, вы более пристально будете всматриваться в него, ваш взгляд станет более личным, более интенсивным, вы освободитесь от привычного желания оценить, наклеить ярлык. Мы должны бороться со стереотипами, навязываемыми нам обществом, должны не позволять привычкам взять над собой верх. Самый лучший способ преподавания любого предмета, будь то преподавание математики, истории или философии, состоит в том, чтобы побуждать студента беспрестанно ощущать красоту, таящуюся в подведомственной вам науке. Мы должны научить наших детей воспринимать и познавать унитивно, должны передать им опыт, накопленный дзэн-буддизмом, опыт одновременного осознания сиюминутного и вечного, сакрального и мирского в одном и том же объекте.

Нам придется вновь учиться управлять нашими импульсами. Прошли те времена, когда Фрейд лечил чрезмерно скованных, запертых внутри себя людей, сегодня мы сталкиваемся с противоположной проблемой - с людьми, незамедлительно выражающими любой свой позыв. Таким людям стоит объяснить, что самоконтроль не обязательно означает подавление собственной природы. Самоактуализированные люди умеют гармонично,

апполлинически управлять собой, заставляя самоконтроль и стремление к радости работать на общее благо, придавая особую остроту получаемому наслаждению. Они знают, например, что ужин принесет особую радость, если стол будет красиво сервирован, а еда хорошо приготовлена, пусть убранство стола и готовка предполагают известные хлопоты. То же самое верно и для секса.

Одной из первоочередных задач нового образования станет преодоление псевдопроблем и концентрация на действительно серьезных экзистенциальных проблемах. Невротические проблемы - это псевдопроблемы, тогда как зло и человеческое страдание предельно реальны, и человек неизбежно, рано или поздно, сталкивается с ними. Можно ли в страдании испытывать высшее переживание? Мы обнаружили, что высшее переживание включает в себя два компонента - эмоциональный, то, что мы называем экстазом, и интеллектуальный, то есть озарение. Эти два компонента высшего переживания не обязательно представлены одновременно. Например, оргазм может принести эмоциональное удовлетворение, но при этом не обязательно озарит человека интеллектуальным величием. А столкновение со страданием или со смертью может вызвать тихое, неэкстатическое озарение, например, как описано это в книге Маргариты Ласки <Ecstasy> (66). Сейчас в нашем распоряжении чрезвычайно обширная литература, посвященная проблеме смерти, и она убеждает нас, что некоторые люди действительно испытывают интеллектуальное озарение, на краткий миг на пороге смерти получают дар прозрения. Так, Хаксли в своем романе <Остров> (52) описал человека, принимающего смерть покорно и смиренно, в полном согласии с собой и с тем, что с ним происходит. Как это непохоже на общепринятый образ смерти, крадущей человека из жизни самым гнусным и недостойным образом!

Серьезным аспектом внутреннего, сущностного обучения станет обучение верному выбору. Научиться выбирать вы можете сами. Поставьте перед собой два бокала с хересом, один с дешевым, другой с дорогим, и проверьте, какой из них вам нравится больше. Попытайтесь понять, можете ли вы с закрытыми глазами почувствовать разницу между разными сигаретами? Если вы не можете почувствовать разницу между ними, значит ее для вас не существует. Для себя я решил, что ощущаю разницу между дешевым и дорогим хересом, и потому покупаю дорогой. Но зато я не ощущаю разницы между дешевым и дорогим джином, и поэтому покупаю самый дешевый. Если я не чувствую разницы, то какая мне разница, какой джин пить?

Что мы имеем в виду, когда говорим о самоактуализации? Какие конкретные психологические качества мы надеемся формировать у ребенка с помощью идеальной системы образования? Самоактуализированный человек обладает психологическим здоровьем, его базовые потребности удовлетворены. Что же побуждает его становиться столь деятельным и развитым? Прежде всего, предпосылкой и здоровья и удовлетворенности для любого самоактуализированного человека является дело, в которое он верит, профессия, которой он полностью посвящает себя. Если он говорит <моя работа>, он имеет в виду свою миссию в жизни. Спросите у самоактуализированного адвоката, почему он вступил на стезю законности, и в конце концов вы услышите что-то вроде: <Понимаешь, меня просто бесит, когда я вижу, как один человек обижает другого. Это несправедливо>. Справедливость для него является высшей ценностью; он не может объяснить вам, почему он больше всего ценит именно справедливость, так же как художник не сможет объяснить вам, почему его душа устремлена к красоте. Другими словами, дело самоактуализированного человека посвящено некой конечной, высшей ценности, им руководят принципы, которые кажутся ему внутренне

необходимыми. Он относится к этим ценностям с благоговейным почтением и ждет от окружающих того же; если же окружающие пренебрежительны к его ценностям, если ценности оказываются под угрозой, такой человек, не жалея себя, защищает и отстаивает их, ради них он способен пойти на любую жертву. Для него эти ценности - не абстракция, это такая же часть его существа, как скелет и кровеносная система. Самоактуализированные люди движимы вечными истинами, высшими ценностями, чистой правдой и совершенной красотой. Они не противопоставляют их другим, нижележащим истинам и ценностям, они стремятся постичь их скрытое единство, стараются добиться единства высшего и низшего и сделать его по возможности явным для окружающих.

Стоит задуматься над вопросом: является ли потребность в высших ценностях инстинктоподобной, врожденной, как, например, потребности в любви или в витамине D? Если вы совсем исключите витамин D из вашей диеты, вы заболеете. На тех же основаниях можно назвать потребностью любовь. Если вы лишите своих детей любви, это убьет их. Врачи и медсестры в больницах знают, что брошенные дети, дети, лишенные любви и ласки, могут уме-

реть даже от простуды. Может быть, правда так же необходима человеку? Я замечал за собой следующее: если мне доводилось оказаться в атмосфере лжи и лицемерия, я впадал в особое состояние - становился подозрительным, недоверчивым, видел во всем тайный смысл, искал скрытое значение за каждым поступком окружающих. Несомненно, такого рода хроническую подозрительность стоит счесть психологическим заболеванием. Или, как я назвал это выше, недостаток правды вызывает особого рода патологию - метапатологию. Метапатология - это болезнь, возникающая при депривации высших потребностей.

Нехватка красоты также может вызвать заболевание. Человек, обостренно чувствующий прекрасное, в уродливой обстановке и в уродливом окружении становится подавленным, чувствует себя неуютно. Это влияет даже на протекание менструации, вызывает головную боль и т. п.

Чтобы доказать это положение, я предпринял ряд экспериментов, связанных с красивым и уродливым. Так, например, я предъявлял испытуемым фотографии обычных людей, снятых в неприглядной обстановке, и испытуемые склонны были описывать этих людей как психотиков, параноиков или преступников. Это говорит за то, что в уродливом окружении лица людей и, вероятно, сами люди будут казаться нам плохими, уродливыми и неприглядными. Насколько уродливое окружение будет влиять на вас, целиком зависит от вашей восприимчивости и от того, в состоянии ли вы переключить свое внимание с неприятного стимула на что-то другое, менее неприятное. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что жизнь в неприятном окружении с неприятными людьми является патогенным фактором для психологического здоровья. Выбирайте для общения красивых и достойных людей, и вы обнаружите, как улучшается ваше самочувствие и ваша самооценка.

Законность - еще одна высшая ценность, и история дает нам множество примеров того, что случается с людьми, когда их потребность в этой ценности депривирована. Так, например, на Гаити я сталкивался со множеством людей, которые не верили никому и ничему, они были предельно циничны в отношении окружающих, а все потому, что однажды решили для себя, что <все сгнило в датском королевстве>.

Особый интерес для меня представляет метапатологическое состояние бесцельности и бессмысленности. Мне часто встречаются молодые люди, которые вроде бы удовлетворяют всем критериям самоактуализированной личности: их базовые нужды и потребности удовлетворены, они хорошо реализуют все свои возможности и не выказывают никаких видимых

симптомов психологического нездоровья.

Но при этом в них можно заметить какой-то надлом, какое-то тотальное отрицание. Они не верят ни в какие высшие ценности, во все то, что свято для людей старше тридцати, они считают такие понятия как справедливость, добро, любовь просто затертыми словами. Они уверены, что не в состоянии изменить мир к лучшему, и потому ограничиваются бессмысленными вы-

ходками и деструктивным протестом. На их примере я понял, что если человек лишен ценностей, то не обязательно он будет невротиком. Скорее его заболевание можно отнести к разряду познавательных или духовных болезней, ибо до определенной степени его взаимоотношения с миром нарушены и ненормальны.

Если высшие ценности необходимы нам так же, как витамины и любовь, и если их отсутствие может вызвать у нас болезнь, тогда праведная жизнь, жизнь платоническая, освещенная разумом, о которой человечество говорит на протяжении многих тысяч лет, составляет саму сущность человеческой природы. Человек - это пирамида потребностей с биологическими в основании и духовными на вершине. Однако, в отличие от биологических, высшие потребности не имеют иерархии. Одна высшая потребность равновелика другой, и каждую из них можно определить в терминах других. Справедливость, например, должна быть абсолютной, эстетичной, очевидной и, как ни парадоксально, ироничной в олимпийском, божественном смысле. Красота должна быть справедливой, доброй, ясной и т. д. Следовательно, если все эти категории можно определить в терминах друг друга, то, как говорят нам статистика и факторный анализ, в основании этих категорий есть некий основной, генеральный фактор - фактор G. Высшие ценности - не радужные блики, скачущие по стенам и потолку, это скорее грани одного смарагда, о которые разбился луч света. Ученый, посвятивший себя поиску истины, и адвокат, посвятивший себя поиску справедливости, на самом деле посвятили свою жизнь одному и тому же. Каждый из них увидел свою грань этой главной ценности, оказавшуюся ближе ему, его сущности, делу, которому он служит.

Есть очень интересная особенность у высших ценностей, и состоит она в преодолении многих традиционных антиномий, таких как <эгоизм-альтруизм>, <плоть-дух>, <религиозное-мирское>. Если вы любите свою работу, если посвятили свой труд самой важной на ваш взгляд ценности, то вы в своем устремлении к ней эгоистичны, но в то же время и альтруистичны. Если справедливость дорога вам, как палец на руке, тогда любая несправедливость, где бы она ни произошла, заставит вас страдать. Границы вашего <Я> выходят за пределы вашего тела, за пределы ваших личных интересов и объемлют собой весь мир. Тогда, если в отношении какого-то человека в Болгарии или в Чили совершена несправедливость, вы почувствуете, что она направлена против вас. Вы можете не знать этого человека, но вы почувствуете его обиду как свою.

Или взять хотя бы дихотомию <религиозное-мирское>. Религиозные ритуалы, с которыми я столкнулся еще в нежном возрасте, показались мне настолько нелепыми, что я надолго утратил всякий интерес к религии и не испытывал ни малейшей потребности в <богоискательстве>. Однако я слышу рассуждения моих верующих друзей, и зачастую они - во всяком случае те из них, которые переросли крестьянское представление о Боге как о седовла-

сом старце, сидящем на облаках - употребляют почти те же слова, какими я описываю высшие ценности. Сегодня теологи задаются вопросами о предназначении универсума, о его направлении. Поиск абсолюта, строгое соблюдение ценностей, канона- сущность любой религиозной традиции. Симптоматично, что представители многих религиозных конфессий сегодня открыто заявляют, что внешняя, ритуальная мишура, сопутствующая отправлениям практически всех культов, вроде запрета есть мясо по пятницам или обязанности есть мясо только по пятницам, не столь уж важны, скорее даже вредны, потому что в сознании ограниченных людей они подменяют собой религию. Эти религиозные деятели очень близки к тому, чтобы начать заниматься как практикой, так и теорией высших ценностей.

Люди, измеряющие свою жизнь мерками высших ценностей, приверженные им, проще и радостнее принимают свои базовые потребности, потому что в состоянии увидеть их сакральный смысл. Для двух любящих людей, принимающих любовь как высшую ценность и в то же время как способ удовлетворения базовой потребности, сексуальный акт может стать священнодействием. Не обязательно полжизни просидеть на вершине столпа, чтобы проникнуться высшей духовностью. Причастность к высшим, духовным ценностям удивительным образом возвышает и тело, и все его потребности.

Если образование будет устремлять человека к осознанию своих высших потребностей, к актуализации их, если оно будет способствовать самоактуализации человека, то очень скоро мы сможем наблюдать расцвет цивилизации нового типа. Люди станут сильными и здоровыми, они станут хозяевами своей жизни. Человек станет более ответственным за свою судьбу, будет руководствоваться ценностями разума, перестанет быть равнодушным к окружающему его, активно включится в переустройство общества. Потому что движение к психологическому здоровью отдельного человека означает приближение к обществу, построенному на духовных ценностях, приближение к социальной гармонии.

Часть V

Общество

14

Синергизм в обществе и в человеке

Я хочу посвятить эту главу памяти Рут Бенедикт*, которая циклом лекций, прочитанных в Bryn Mawr College в 1941 году, ввела в научный обиход понятие <синергизм> и обстоятельно развернула концепцию синергичного общества. Широкая общественность незнакома с этой концепцией только потому, что рукописи лекций Рут Бенедикт были утеряны. Когда мне довелось впервые прочитать ее рукописи, они крайне заинтересовали меня, но я был потрясен, обнаружив, что они существуют в единственном экземпляре. Я тревожился,

J4TO она не удосужится опубликовать эти лекции, потому что ее, казалось, нисколько не беспокоило, будут они преданы широкой огласке или нет. И я боялся, что они могут просто потеряться. Как оказалось, мои страхи были не безосновательны. Когда я, уже после смерти Рут Бенедикт, навестил ее душеприказчицу, Маргарет Мид и попросил ее найти эти лекции, она перерыла все папки с бумагами, но рукопись так и не обнаружила. Единственным утешением для меня служит то, что в те давние времена моего знакомства с Рут Бенедикт я перепечатал часть ее рукописей, столько, на сколько у меня хватило сил. Эти отрывки вскоре будут опубликованы (9,41), так что здесь я приведу лишь часть их, самую уместную для обсуждаемой нами темы.

Становление и определение понятия <синергизм>

В последние годы своей жизни Рут Бенедикт пыталась преодолеть доктрину культурного релятивизма, с которой ошибочно связывали ее имя, вый-

* Рут Бенедикт (1887-1948)- профессор антропологии Колумбийского университета, поэтесса, печатавшаяся под псевдонимом Энн Синглтон. Темой ее научных работ были американские индейцы. Во время второй мировой войны изучала японскую культуру, составляла обзорные справки для ведения союзниками пропагандистской работы. Основные работы - <Patterns of Culture>, <Race, Science and Politics> и <The Chrysanthemum and the Sword>. - Прим. ред.

ти за ее пределы. Я помню, как ее бесило, когда ее записывали в стан релятивистов. Сама она не без оснований считала, что ее <Patterns of Culture> нужно понимать как признание в любви холизму. И в самом деле, в этом труде она с позиций холизма попыталась описать различные культуры. Сложно счесть атомистическим описание общности людей, представленной как целостная структура, состоящая из целостных структур, причем описание с чувствами, интонациями и созданием атмосферы, присущими лишь ее поэтической натуре.

Когда я изучал антропологию, а это было в1933-1937 годах, культурные особенности различных народов выглядели уникальными, культуры казались абсолютно идиосинкратичными. Не существовало научных способов для их изучения, а обобщения казались совершенно невозможными. Культура одной нации, одного народа выглядела совершенно ни в чем не похожей на культуру любого другого народа. Абстрактные культурологические изыскания, оторванные от конкретной культуры в ее предельно конкретных проявлениях, были просто невозможны. Бенедикт в те годы настойчиво приближалась к определению сравнительной социологии. Она постигала то, чем должна была стать эта наука интуитивно, как поэт. Ее одолевали слова, которые она, как ученый, не решалась употреблять в научных кругах, потому что им недоставало сухости. Они были явно оценочными, более уместными за бокалом мартини на вечеринке в узком кругу, чем в научной публикации.

Становление понятия <синвргизм>. Однажды Рут Бенедикт взялась свести воедино все, что ей было известно о нескольких индейских культурах. Она завела несколько огромных листов бумаги, на которых записывала все данные. Со временем оказалось, что речь идет о четырех парах культур, - она почувствовала, что именно эти культуры очень отличаются друг от друга. Ее интуиция, ее чутье были непревзойденными, и она смогла выразить эти различия совсем не так, как представлялись они мне в те годы.

В каждой паре культур одна несла опасность, а другая была безопасной. Одна из двух обязательно была мрачной (явно не научный термин), - то есть представители этой культуры были мрачными людьми. Мне припоминается, что Рут Бенедикт терпеть не могла мрачных людей. Вот и получилось, что четыре культуры были представлены угрюмыми и недоброжелательными людьми, а четыре противоположные им - приятными людьми. Затем, уже через несколько лет, когда над миром нависла угроза войны, она начала писать о культурах аморальных и высокоморальных. Она всегда противопоставляла друг другу ненависть и агрессию с одной стороны и доброжелательность и любовь - с другой. Что объединяло между собой те четыре культуры, которые ей так не нравились, с одной стороны, и те, которым она симпатизировала, с другой? Условно, в порядке рабочей гипотезы, она называла их соответственно <опасными> и

<безопасными> культурами.

Синергизм в обществе и в человеке

213

В ряду хороших культур, безопасных, приятных и симпатичных ей культур оказались племена зуни, арапеш, дакота и одна из эскимосских групп индейцев (я забыл, какая именно). Мои собственные полевые работы (результаты которых не опубликованы) добавили к ее перечню индейцев племени <черноногих> (Northern Blackfoot). Среди угрюмых, недоброжелательных культур, заслуживших ее неприязнь, были чукчи, оджибве, добу и квакиутль.

Она перепробовала один за другим все способы обобщения признаков этих культур, воспользовалась всеми возможными в те времена приемами. Она сопоставляла их по расовому признаку, сравнивала географические и климатические условия их обитания, их численность, уровень жизни, внутриплеменную иерархичность. Но ни один из общепринятых критериев не срабатывал, среди них не оказалось такого, который бы проявлялся у четырех безопасных культур и не проявлялся у четырех других. Ни один из известных критериев не позволял добиться интеграции, логики и таксономии. Бенедикт пыталась изобрести новые основания, она спрашивала себя: какие культуры допускают самоубийство, а для каких оно неприемлемо? Какие культуры основаны на полигамии, а какие на моногамии? Какие из них матрилинейны, а какие патрилинейны? Представители каких культур привыкли жить в просторных жилищах, а какие в небольших? Но ни один из принципов классификации не работал.

В конце концов такой критерий был найден. Я бы назвал его скорее функцией поведения, в отличие от явных проявлений, или стиля поведения. Рут Бенедикт осознала, что истина кроется не в поведении, что ей нужно искать функцию поведения, смысл поступков и значение образа жизни, ту структуру характера, которая выражается через поведение. Именно этот непривычный ход я считаю революционным для теории антропологии и общества, ибо он заложил основы сравнительной антропологии, дал технику сравнения обществ, помещая их в континуум, вместо того, чтобы рассматривать каждое как уникальное viper se. Далее следует отрывок из ее рукописи:

<Возьмите, к примеру, самоубийство. Самоубийство принято считать следствием дурных условий жизни - мол, при одних условиях люди чаще кончают жизнь самоубийством, а при других - реже. В Соединенных Штатах самоубийство рассматривается как очевидный показатель психологической катастрофы. Здесь самоубийство - акт, который разрубает гордиев узел невыносимой для человека ситуации. Но в рамках другой культуры самоубийство может выступать как естественное проявление ее традиций, оно может нести совершенно иной смысл. Так, в древней Японии самоубийство для воина, проигравшего битву, было делом чести, - такое самоубийство, согласно самурайскому кодексу, значило для чести воина больше, чем вся его доблестная жизнь, было главным его долгом. В примитивных обществах самоубийство женщины -жены, сестры или матери - становится вершиной

214

Общество

женского долга, выступает как крайнее выражение скорби по умершему мужчине; оно символизирует собой, что любовь к близкому для женщины дороже жизни и что, если этот мужчина умер, ее жизнь теряет всякий смысл. Если такие взгляды становятся высшим моральным кодексом общества, самоубийство выступает в качестве апофеоза идеалов. Или другой случай. В некоторых племенах самоубийство приобретает черты

китайской идеи смерти "на пороге дома" врага, - это ритуальный способ отомстить обидчику или врагу. В примитивных племенах, где принят такой ритуал самоубийства, оно зачастую может стать самым эффективным, если не единственным способом ответа на обиду, но в таком случае это действие скорее стоит рассматривать как возмездие, как карающую руку закона>.

Определение синергизма. В конце концов вместо <опасного> и <безопасного> в отношении общества Рут Бенедикт стала употреблять понятия <высоко синергичное общество> и <низко синергичное общество>, понятия менее оценочные и более объективные, менее вводящие в соблазн проецировать на обсуждаемый предмет собственные идеалы и вкусы. Она определила эти понятия следующим образом:

<Есть ли среди условий, создаваемых общественным устройством, такие, которые коррелируют с высокой агрессией, и такие, которые коррелируют с низкой агрессией? Все наши земные планы успешно служат и тому, и другому в определенной пропорции, определяемой тем, насколько социально приемлемые формы, которыми мы можем прийти к исполнению наших планов, обеспечивают взаимную выгоду и исключают поступки и цели, наносящие ущерб другим членам общества... .Все имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать следующий вывод: общества явно неагрессивные имеют такое социальное устройство, при котором индивидуум одними и теми же действиями и в одно и то же время служит как своим собственным интересам, так и интересам остальных членов общества. .. .Агрессия в таких обществах не распространена вовсе не потому, что членам общества неведом эгоизм и они ставят социальные обязательства выше собственных желаний, а потому, что само социальное устройство делает эгоизм и альтруизм идентичными. Рассуждая логически, всякое производство, будь то выращивание маиса или рыболовство, приносит благо всем членам общества. Каждый жнец и каждый рыболов вносит свою лепту в деревенский запас пищи, и если общественные институты, созданные этими же жнецами и рыболовами, не извращают это основное положение, то каждый член общества, становясь хорошим садоводом, работает на благо общества. Он трудится себе на пользу, но и его товарищи также получают от этого свою выгоду...

Я буду называть культуру слабосинергичной в том случае, если ее социальная структура вызывает противодействие одних ее членов действиям

Синергизм в обществе и в человеке

других, и высоко синергичной в том случае, если структура поощряет действия ее членов, направленные на общее благо... Я говорю о культурах с высоким социальным синергизмом тогда, когда общественное устройство способствует взаимной выгоде из всех начинаний ее членов, и я говорю об обществах с низким социальным синергизмом, в которых индивидуум, добившийся выгоды, берет верх над остальными членами общества и добивается преимуществ за их счет, менее сноровистых и успешных> (курсив мой. -Авт.).

Высоким синергизмом обладают те общества, социальные институты которых организованы так, чтобы преодолевать полярность между эгоизмом и неэгоизмом, между личным интересом и альтруизмом, так, чтобы человек, добиваясь своих эгоистичных целей, заслужил награды для себя. Если в обществе вознаграждается добро, это - общество с высоким синергизмом.

Далее я рассмотрю некоторые проявления высокого и низкого синергизма. При этом я буду пользоваться моими записями двадцатипятилетней давности и должен сразу извиниться за то, что сейчас уже не смогу вспомнить, какие из приведенных мыслей принадлежали Бенедикт, а какие

- мне. Многие годы я размышлял на эту тему и пользовался этими понятиями, - немудрено, что со временем произошло некоторое слияние.

Высокий и низкий синергизм в примитивных обществах

Распределение благ и концентрация благ. Рассматривая разнообразные экономические условия, Бенедикт обнаружила, что внешние, поверхностные, явные проявления-такие, например, как благосостояние общества в целом, - не имеют большого значения. Действительно важным оказалось то, что безопасные, высоко синергичные общества нацелены на распределение благ или, как она назвала это - общие блага <сифонировались> при помощи социальных институтов, тогда как опасные, низкосинергичные создавали условия для неправедной концентрации общих благ или, говоря иначе, способствовали <эффекту воронки>. Вкратце, этот эффект выражается в следующем. Все социальное устройство, все институты и законы обеспечивают такое положение вещей, что богатый становится еще более богатым, что удачливый не обязан делиться с менее удачливым, что бедность ведет к еще большей бедности. И напротив, в безопасном, высокосинергичном обществе богатство делает благодатным все окружающее его, оно <сифонирует> от удачливого к менее удачливому. Так или иначе, блага в таком обществе имеют тенденцию распространяться от богатого к бедному, а не наоборот.

вынужден был мотаться из конца в конец резервации, выручая то одного, то другого соплеменника, не сумевшего совладать с автомобилем. С моей точки зрения, этот автомобиль принадлежал всякому, кому он был нужен в данный момент и кто просил его. Само собой разумеется, что в такой ситуации богатый Тедди, единственный владелец автомобиля на всю округу, не вызывал у людей ни зависти, ни враждебности. Наоборот, его богатство доставляло соплеменникам удовольствие, было предметом их гордости и удовлетворения. Все до одного были рады тому, что у него есть автомобиль, и их удовлетворение стало бы в шесть раз полнее, если бы еще у пятерых их соплеменников появилось по автомобилю.

Религия удобная и пугающая. Есть определенные различия в религиозных институтах, которые можно описать в терминах высокой и низкой синергичности. В безопасных, высокосинергичных обществах бог или боги, духи или любые другие сверхъестественные существа обычно отличаются благожелательностью, дружелюбием, готовностью помочь. Иногда к ним обращаются с такими житейскими заботами, что в нашем обществе это было бы сочтено святотатством. Например, у каждого индейца из племени <черноногих> есть свой личный дух, опекающий его. Индеец, чтобы пообщаться с ним, должен подняться в горы, но в принципе он может вызвать его в любое время, даже, к примеру, играя в покер. Все настолько привыкли к постоянному присутствию этих персональных духов, что никого не удивляет, когда человек, у которого собрался <стрит>, останавливает игру и отходит в уголок, чтобы посовещаться с духом, стоит ему поднимать ставку или нет. А с другой стороны, в обществе опасном, низкосинергичном боги, сверхъестественные существа и духи обычно бывают страшными, карающими и т. д.

Я проверял взаимоотношение между синергичностью и качеством религиозности у студентов Бруклинского колледжа (году в сороковом). При помощи составленного мною опросника я исследовал около двадцати молодых людей на устойчивость их автономности. При этом религиозным студентам я задавал дополнительный вопрос: Представьте себе, что утром вы просыпаетесь и видите в своей комнате Господа, глядящего на вас. Какие чувства вы испытаете при этом? Студенты устойчиво автономные (которых я ставлю в параллель с безопасным обществом) чувствовали себя спокойно и уверенно, в то время как неустойчиво автономные студенты

выказывали тревогу и испуг.

Если мы поднимемся выше, от отдельной личности к укладу общества, мы сможем увидеть примерно ту же картину. Взять хотя бы христианские представления: с одной стороны мы увидим судный день и божью кару, а с другой - любовь и долготерпение Господа. Выходит, что каноны основной религии западной цивилизации представляют собой своего рода смешение безопасной и опасной религий. Пользуясь этим смешением, религиозные

властители в опасных обществах используют религию для того, что можно назвать эгоистическими целями, для своего рода личной выгоды, тогда как религиозные деятели в безопасных обществах употребляют религию для общей пользы, примерно так же, как, например, в племени зуни индейцы обращаются к своим богам для того, чтобы вызвать дождь или попросить об обильном урожае.

Подобного рода соответствия между психологическим смыслом деяния и самим действием, зависящие от степени опасности или безопасности общества, можно обнаружить в конкретных отправлениях религиозного культа, в устройстве институтов власти, в семейном укладе, в традициях взаимоотношений между мужчиной и женщиной, в месте и роли сексуальности, в способах проявления эмоциональных связей, родственных связей, дружеских связей и т. д. Если вы разовьете чутье на это соответствие (или несоответствие), то, оказавшись в любом обществе, вы сможете предсказать, чего вам следует ожидать. Ко всему вышесказанному я хочу добавить лишь одно замечание, которое может показаться немного неожиданным для нашего западного способа мышления. Любое высокосинергичное общество не оставит никакого человека в униженном состоянии, оно обязательно даст ему шанс подняться. Напротив, общества низкосинергичные не дают человеку такой возможности. Сама жизнь в таком обществе переусложнена, она унизительна и приносит человеку страдания. Ничего другого от таких обществ ожидать нельзя. В тех племенах, которые Бенедикт отнесла к опасным, человек, однажды униженный, обречен был навек остаться изгоем, не имел шанса на искупление или амнистию, тогда как в племенах, отмеченных как безопасные, у человека всегда была возможность вновь подняться на ноги, искупить старые грехи и начать жизнь сначала.

Высокий и низкий синергизм в нашем обществе

Вы должны были уже понять, что наше общество - это общество смешанного типа. Мы имеем как высокосинергичные, так и низкосинергичные общественные институты.

Взять хотя бы высокосинергичный институт филантропии, какого мне не приходилось встречать в рамках иных культур. Вообще, культура нашего общества - очень щедрая культура и зачастую очень удобная, очень безопасная культура.

Но с другой стороны, нельзя не заметить, что в нашем обществе есть такие общественные институты, которые настраивают людей друг против друга, вызывают соперничество, вынуждают нас вступать в борьбу за ограниченное количество благ. Это похоже на игру в складчину, в которой выигрыш одного обозначает проигрыш всех остальных.

Мою мысль можно проиллюстрировать простым примером, который будет понятен каждому. Я имею в виду систему градации студентов в наших колледжах согласно их оценкам. Каждому из нас приходилось оказаться в

подобной ситуации, и будет несложно понять, что чувствует человек, противопоставленный своим друзьям, в ситуации, когда их достоинства неожиданно вступают в конкуренцию с вашими личными достоинствами. Представьте, что ваша фамилия начинается с буквы Z, а оценки начали выставлять с буквы А и далее по алфавиту, при этом известно, что на класс отпущено только шесть высших оценок. Разумеется, в такой ситуации вам остается только надеяться, что ваши товарищи, которых будут оценивать раньше вас, получат плохие оценки. Каждый раз, когда кому-нибудь выставляют плохую оценку, это хорошо для вас. Каждый раз, когда кто-нибудь получает высокую оценку, это плохо для вас, потому что снижает ваши шансы получить высокую оценку. Как тут не взмолиться про себя: <Хоть бы он провалился!>?

Принцип синергизма очень важен не только для вящей объективности сравнительной социологии, не только ради дразнящих мечтаний о том, что сравнительная социология дарует нам иную, надкультурную систему ценностей, с помощью которой мы разоблачим и нашу культуру и все, придуманное ею, он дорог нам не только за то, что закладывает теоретический фундамент для грядущей Утопии, но и потому, что объясняет нам целый ряд насущных социальных феноменов технологического, индустриального общества.

Мне кажется, что еще не все психологи, и особенно это касается социальных психологов, осознали те великие и серьезные перемены, которые происходят сегодня в этой области знания. Науке, которая занялась бы этими вопросами, еще не придумано достойного названия, пока, в рабочем порядке мы будем называть ее теорией организации, или социальной психологией индустрии, или теорией предприятия и бизнеса. Всем, кого интересует данная проблематика, я советую прочитать книгу Мак-Грегора <The Human Side ofEnterprise> (114), написанную в виде учебника для начинающих. Надеюсь, что в описанной им социальной организации, построенной согласно теории Игрек, вы увидите пример высокого синергизма. Это позволит вам отчетливее понять возможность преобразования любого социального института, будь то в армии, в бизнесе или в университете, таким образом чтобы его участники были скоординированы друг с другом, видели в коллеге не соперника, но члена своей команды. За последние несколько лет мне пришлось столкнуться с несколькими такими организациями, и уверяю вас, что все они хотя бы в некоторой степени поддаются описанию в терминах высокой синергичности или в терминах безопасной социальной организации. Я надеюсь, что молодая поросль социальных психологов попытается использовать в своей работе концепцию Бенедикт, чтобы противопоставить ее доктрине, базирующейся

на принципе распределения ограниченного количества благ, на принципе <или тебе или мне>.

Также могу посоветовать вам недавно вышедшую в свет книгу Ликерта <New Patterns of Management> (78), в которой представлены результаты тщательных исследований различных аспектов этого явления, называемого нами синергизмом в индустриальной организации. В книге есть одно место, где Ликерт рассматривает <отказ от власти>, пытаясь уяснить трудный для него парадокс, состоящий в том, что хорошие мастера, настоящие лидеры, высоко оценивающиеся по реальным производственным результатам, меньше держатся за власть. Как посмотреть на тот факт, что чем меньше человек ценит власть, тем больший авторитет он приобретает? Попытка Ликерта решить этот парадокс интересна уже потому, что это попытка человека западной культуры понять явление, достаточно чуждое этой культуре.

Я могу заявить, что отныне ни один самый одаренный мыслитель не сможет сконструировать новую Утопию, не приняв концепцию синергизма. По моему искреннему убеждению, с этого момента не может существовать Утопии, или Евпсихеи (это название мне представляется более удачным), в основании которой не были бы заложены некие высокосинергичные общественные институты.

Синергизм внутри человека

Идентификация. Концепция синергизма справедлива и на уровне отдельного индивидуума, и на уровне межличностных отношений, между двумя индивидуумами. С ее помощью очень удачно раскрываются отношения уже описанной мною высшей любви (89, с. 39-41). Любовь как таковая определяется по-разному -как единство интересов, как слияние иерархий базовых потребностей, как сострадание любимому в боли и радости. Мы можем заметить, что в большинстве предложенных определений любви подразумевается некоего рода идентификация. Здесь уместно провести параллель с понятием высокого синергизма. В любви два человека организуют свои взаимоотношения таким образом, что выгода, преимущества одного из них становятся преимуществами другого, а не ущемляют его интересы.

Некоторые недавние исследования сексуальной и семейной жизни беднейших классов в нашей стране (там же, с. 61) и в Англии (142) описали то, что бъшо названо эксплуатирующими отношениями, то есть отношениями с явно низким синергизмом. В таких семьях очень важными становятся вопросы:

<кто здесь мужик>, или: <кто в доме хозяин>, или кто из двоих заслуживает большей любви, - при этом подразумевается, что тот, кто любит больше, тот чем-то обязан другому или в чем-то виноват перед ним. Все это проявления низкого синергизма, и вызваны они ограниченностью.

Общество

По моему мнению, понятие идентификации, несущее в себе фрейдовско-адлеровскую концепцию и интонации их продолжателей, может быть расширено нашим пониманием вопроса. Кажется, мы уже вправе заявить, что любовь - это своего рода рост <Я>, развитие личности, вскрытие идентичности человека. Думаю, каждый человек переживал нечто подобное во взаимоотношениях со своими детьми, с женами и мужьями, с людьми, очень близкими ему. Так бывает, когда мать желает, чтобы ее, а не ее ребенка, мучил кашель. Она чувствует себя сильной, а значит, если бы она заболела вместо него, все было бы лучше. Что это, если не полное слияние, уничтожение психологического различения между <Я> и <не-Я>? Мне думается, такой подход к явлению вносит новый оттенок в понятие <идентификация>.

Преодоление дихотомии <эгоизм-альтруизм>. Мне хотелось бы вслед за Бенедикт совершить логический прыжок в своих рассуждениях. На первый взгляд, в ее работах слишком часто сквозит прямолинейное противопоставление эгоистического и альтруистического, резкая полярность, культ дихотомии этих двух качеств. Но для меня очевидно, что, постоянно упоминая дихотомию <эгоизм-альтруизм>, она подразумевает ее преодоление в самом непосредственном смысле, в смысле сотворения иного гештальта, создания некоей духовной целостности, призванной продемонстрировать нам, что не существует противопоставления <эгоизм-альтруизм>, есть лишь не до конца понятое единство. У высоко развитых, у психологически здоровых людей, у самоактуализированных людей, - назовите их как угодно, - вы с первого взгляда обнаружите в одних случаях редкий по самоотверженности

альтруизм, и редкий эгоизм, - в других случаях. Те, кто читал работы Фромма о здоровом и нездоровом эгоизме или знаком с адлеровским понятием Gemeinschaftsgefuhl, знают, о чем я веду речь. Когда мы думаем о таких людях, каким-то непостижимым образом диаметральная противоположность этих двух качеств, их дихотомичность, грустные мысли о том, что люди не желают думать о благе человечества - все это отступает на задний план. Эгоизм и альтруизм оказываются здесь тесно переплетены между собой, питают и обусловливают один другого, вы совершенно по-иному, целостно воспринимаете это явление, которому пока не подобрано подходящего имени. С этой точки зрения высокая синергичность помогает преодолеть дихотомию, помогает добиться слияния враждующих сущностей в единое образование.

Интеграция когнитивного и конативного. Кроме всего вышесказанного, я считаю концепцию синергизма полезной для понимания психодинамики. Иногда эта польза бывает совершенно очевидна, например, если представить себе внутриличностную интеграцию как проявление высокого синергизма, а патологические варианты интрапсихической диссоциированноста - как проявление низкого синергизма.

Синергизм в обществе и в человеке 223

С помощью теории синергизма, я думаю, можно добиться большей четкости теоретических формулировок при исследованиях свободного выбора у животных и у детей. Ведь можно сказать, что эти эксперименты наглядно демонстрируют проявления синергизма или слияние когнитивного и конативного начал психического. В них создается ситуация, при которой голова и сердце, рациональное и нерациональное говорят на одном языке, ситуация, при которой стихийные импульсы индивидуума ведут его в мудром направлении. Это однозначно согласуется с концепцией гомеостаза Кэнона, с тем, что он называет <мудростью тела>.

В этой связи мне хочется вспомнить расхожее заблуждение, особенно свойственное тревожным, неуверенным в себе людям. Это странное мнение, что особенно страстное желание возникает у человека в отношении того, что вредно или неполезно для него. Вкусная пища вызывает ожирение. Здравый смысл обычно <заставляет> сделать то-то и то-то. И человек с неохотой понуждает себя подчиниться этому зануде - своему здравому смыслу, а в глубине души считает, что то, чего ему на самом деле хочется, к чему он стремится, что ему нравится, что доставляет ему удовольствие, -это обязательно неумно, нехорошо и неправильно. Но эксперименты с аппетитом, с другими ситуациями, в которых человеку предоставляется право свободного выбора, показывают, что обычно нам нравится именно то, что хорошо для нас, -разумеется, если мы понимаем, из чего выбираем, и имеем возможность выбора.

В заключение приведу поразившее меня высказывание Эриха Фромма. <Болезнь - в сущности не что иное, как желание того, чего не стоило бы желать>.

15

Вопросы для нормативного социального психолога*

Заметьте, уже в анонсе семинара звучит применимость обсуждаемых им проблем на практике, подчеркивается достижимость поставленных целей в реальной жизни, а не в пустых мечтаниях, в фантазии и грезах. Чтобы добиться этого, необходимо не просто описать хорошее общество, но и обсудить способы его построения, и тут не удастся обойти стороной политические вопросы. На будущий год я назову этот курс <Нормативная социальная психология>. Таким образом я хочу вновь подчеркнуть, что основным в нем будет эмпирический подход. Это значит, что разговор на семинаре пойдет в терминах сравнения и процентных соотношений, мы будем говорить о надежности данных, о недостающей информации, которую

необходимо получить, о необходимых экспериментах и исследованиях, - словом, мы будем говорить о необходимом и возможном. Мы не должны терять время понапрасну, занимаясь бессмысленными противопоставлениями, деля все на белое и черное, рассматривая все сквозь призму <или/ или>, примеряясь к совершенному или к недостижимому, смиряясь с неизбежным (потому что неизбежного не существует). Мы будем исходить

* Эта глава базируется на записках, изданных мною весной 1967 года в качестве пособия к семинару для старшекурсников и аспирантов Брандэйского университета. Я надеялся, что эти разрозненные мысли не только зададут проблематику обсуждаемых на семинаре предположений, выводов и проблем, но также помогут дать группе понятие о реалиях эмпирического и научного поиска.

Анонс этого семинара звучал так: <Утопическая социальная психология: семинар для аспирантов факультетов психологии, социологии, философии и других общественных наук. Обсуждение избранных утопических и евпсихических произведений. На семинаре будут подняты следующие эмпирические и практические вопросы: Насколько хорошее общество допускает человеческая природа? Насколько хорошего человека предполагает общественное устройство? Что возможно и что осуществимо? Что невозможно и что несбыточно?>

Вопросы для нормативного социального психолога

из того, что реформирование общества возможно, как вообще возможен прогресс и улучшение. Но неизбежный, неостановимый прогресс в направлении абсолютного идеала, прогресс, имеющий конечную станцию в некоем неопределенном светлом будущем, нас не будет интересовать. (Потому что на этом пути равно возможны и ухудшение условий жизни, и глобальные катастрофы.) В общем виде речь идет о неудовлетворенности существующим положением вещей. В любом случае должны быть лучшие альтернативы. Наш подход к проблеме реформирования, революционного изменения, улучшения человека и общества будет холистическим. Мы будем исходить из положения, что ни к чему соблюдать какую-то очередность в ходе этих реформ, например, сначала изменить человека, а уже потом общество, или наоборот. Мы будем исходить из того, что и с человеком, и с обществом нужно работать одновременно.

Нашей основной мыслью станет предположение, что нормативное социальное мышление останется лишь метафорой до тех пор, пока мы не примем идеи об индивидуальной цели человека, то есть до тех пор, пока мы не определимся, каков тип человека, к которому нам нужно стремиться и при помощи которого мы впредь станем судить об адекватности общественного устройства. Развивая выдвинутое выше предположение, я буду настаивать, что в основание хорошего общества положена самоактуализация всех его членов, следовательно она же должна стать первостепенной задачей любого, стремящегося к развитию общества, равно как разработка свода законоположений, нацеленных на самоактуализацию всех членов общества, и определение ценностей, ведущих к ней. (Лишь самоактуализированный человек, то есть человек, мощно и свободно идентифицирующий себя, способен трансцендировать свое <Я> и достигнуть высших уровней, уровней Бытия. Это положение неизбежно вовлекает в круг реформирования научные организации, учреждения образования и прочие общественные институты, назначение которых - способствовать самотрансценденции личности.) Единственно спорным в данном случае остается лишь вопрос: располагаем ли мы надежной, заслуживающей доверия концепцией здорового, или трансцендирующего, или идеального человека? Сама по себе идея нормативности в этом вопросе выглядит сомнительно и неоднозначно. Но возможно ли стремиться улучшить общество, не имея хоть какого-нибудь представления о том, что считать хорошим человеком?

На мой взгляд, при решении этого вопроса мы должны иметь в виду

известную автономность социальных требований (их независимость от интрапсихического строя личности, от индивидуального психологического Здоровья, от зрелости человека). Я исхожу из того, что для практического решения проблемы улучшения общества не имеет смысла поочередное улучшение людей, постепенный личностный рост одного члена общества за другим. Ведь даже лучший представитель рода человеческого, поставленный в плохие социальные и институциональные условия, не гарантирован отдур-

ных поступков. Можно так устроить социальные институты, что они будут гарантировать разгул бандитизма и поножовщины, но эти же институты, организованные на иных принципах, могут вдохновить членов общества к взаимному синергизму. То есть, само устройство общества может способствовать тому, чтобы успех каждого члена общества был выгоден всем окружающим, а не отнимал у них насущное. Таково основное мое допущение. Оно спорно и требует доказательства (83, с. 88-107).

1. Является ли норма, закон универсальной субстанцией (пригодной для всего человеческого вида), или национальной (подразумевающей политический и военный суверенитет), или субкультурной (для малых групп внутри нации или государства), или семейной, или индивидуальной? Пытаясь ответить на этот вопрос, я исхожу из того, что универсальные нормы, общие законы невозможны, пока существуют отдельные суверенные государства. Любой социальный философ, размышляя об общем нормативном пространстве, вынужден учитывать возможность межнациональных конфликтов, грозящих миру сегодня (и которые, на мой взгляд, будут неизбежны, пока существует национальный суверенитет), и он предполагает в неком отдаленном будущем существенное ограничение суверенитета отдельных государств, например в том виде, как это предлагают Федералисты Объединенного Мира. Мне кажется, что в любые времена любой социальный мыслитель, размышляющий о нормативных проблемах, будет искать решение именно в этом направлении. Но поскольку на сегодня мы вынуждены смириться с существующим положением вещей, перед нами встает задача улучшения отдельных государств в тех границах, в которых они существуют на сегодняшний день, задача улучшения их частей, вроде штатов в США, улучшения субкультурных образований, вроде еврейских или китайских общин, и, наконец, задача процветания каждой отдельно взятой семьи. Не стоит откладывать в сторону и решение вопроса о том, как конкретно взятый человек может сделать свою жизнь и свое собственное окружение более евпсихичными. На мой взгляд, все эти задачи можно решать одновременно, они не исключают друг друга ни теоретически, ни практически. (В качестве основания для дискуссии я предлагаю <The Theory of Social Improvement: The Theory of the Slow Revolution>, в моей <Eupsychian Management> (83, с. 247-260).)

2. Общество избранных. О концепции Евпсихеи см. с. 350 в <Motivation and Personality> (95). Также <Eupsychia, the Good Society> в <Journal of Humanistic Psychology> (91). Также отдельные места моей <Eupsychian Management> (83). Без всякого стеснения я хочу определить Евпсихею как общество избранных людей, в котором есть место только для психологически здоровых, зрелых, самоактуализированных людей и их семей. Если мы обратим взор на историю утопических обществ, мы заметим, что этот вопрос поднимался не всегда. Я исхожу из того, что на этот вопрос обязательно нужно дать сознательный ответ. Приступая к построению идеального общества, вам сразу же необходимо определиться, говорите ли вы о человечестве

как таковом или о небольшой избранной группе людей, удовлетворяющих предъявленным вами требованиям. Если речь действительно идет об избранной группе идеальных людей, то вы должны решить для себя вопрос, как поступать с теми, кто будет подрывать устои вашего общества. Будут ли они изгоняться или перевоспитываться? Нужно ли терпеть таких индивидуумов только потому, что однажды они оказались в числе избранных или просто были рождены членами общества? Или необходимо быть готовым предпринимать в отношении таких людей некие меры, вроде высылки, заключения в тюрьму и т. д.? Как поступать с преступниками, злодеями и т. д.? (Лично я на основании своего знания психопатологии и психотерапии, основываясь на истории попыток построения утопических обществ, считаю, что любая группалюдей, лишенная механизмов селекции, механизмов поддержания избранности ее членов, может быть разрушена индивидуумами больными или неготовыми к ее требованиям. Существующие техники отбора, имеющиеся у нас механизмы осуществления избранности представляются мне достаточно убогими, и потому я стою за то, чтобы любая общность людей, которая стремится стать Утопией или Евпсихеей, имела силы и возможности изгнать чуждых ей индивидуумов, случайно, в силу несовершенства техники отбора оказавшихся в числе избранных.)

3. Плюрализм. Понимание и использование индивидуальных различий, конституциональных и характерологических. Многие Утопии были построены на том положении, что все люди взаимозаменяемы и одинаковы. Мы должны принять как факт, что между людьми существует очень большая разница по степени образованности, по характеру, по конституции и т. д. Дозволение обществом индивидуальной неповторимости, идиосинкреатичности, индивидуальной свободы должно подразумевать точное определение пределов дозволенных индивидуальных различий. В фантастических Утопиях, создававшихся решительными людьми, не было места сумасшедшим, старикам и т. д. Скажу больше, в таких обществах зачастую в неявной, скрытой форме существовало некое нормообразующее представление о том, каким должен быть человек, представление, которое нам, с нашими знаниями о пределах нормы, кажется слишком узким. Как уместить широту нашего представления о человеке в рамки единого для всех свода правил и законов? Можно ли позволить широкий плюрализм, хотя бы в стиле и фасоне одежды, обуви и т. д.? К примеру, в Америке сейчас каждому человеку предоставлен достаточно широкий, пусть и неполный, выбор продуктов питания, чего нельзя сказать о возможности выбора стиля одежды. Утопия Фурье допускала максимальную терпимость к конституциональным различиям своих членов. Но Платон, с другой стороны, допускал только три типа человеческих существ. Какое количество человеческих типов нужно счесть разумным? Жизнеспособно ли общество, освободившееся от девиантов? Или всеобщая самоактуализация снимает эту проблему? Только то общество, которое готово принять большую часть человеческой природы (или всю, без оговорок), заслу-

живает названия Евпсихеи. Следовательно, необходимым условием такого общества станет максимальная терпимость к индивидуальности, плюрализм по отношению к характерологическим особенностям своих членов и к способам проявления их талантов. Не означает ли это в конце концов принятие идиосинкразии и девиантов? И если да, то до какой степени?

4. Индустриальное или антииндустриальное общество? Научное или антинаучное? Интеллектуальное или антиинтеллектуальное? Мы знаем много примеров утопий сельского типа, с преобладанием агрокультурного хозяйства (например, <Школа жизни> Борсоди), утопий в духе учения Торо. Многие из таких утопий создавались, имея своей целью отрыв от города, от машин, от денежных потоков, от разделения труда и тому

подобных вещей. Но насколько возможна децентрализованная индустрия, индустрия, основанная на сельском хозяйстве? Насколько в таком случае она приближает нас к даосской гармонии с окружением? Или все-таки возможен город-сад? Фабрика-сад? Или это вещи несовместимые? Неужели современные технологии с неизбежностью делают из человека раба? То здесь, то там, в разных местах спонтанно возникают некие малочисленные общности людей, которые возвращаются к земле, к натуральному хозяйству, и мы знаем, что для немногочисленной группы этот возврат возможен. Но достижимо ли это для всего человечества? Ведь доходят до нас и слухи о неких мифических коммунах, создаваемых на базе индустриальных производств, а значит, не обязательно свет сошелся клином на сельском хозяйстве и ремесленничестве.

В философии отвержения цивилизации и технологии иногда проглядывает скрытый анти-интеллектуализм, антинаучность, анти-абстрактная идея. Некоторые видят в такой философии десакрализацию, бегство от реальности, проявление социальной апатии, вызов прекрасному и человеческому естеству, ненатуральность и т. д. (82,126).

5. Централизованное, плановое социалистическое или децентрализованное анархическое общество. В какой степени допустимо планирование? В какой степени необходима его централизация? Должно ли планирование быть принудительным? Большинство мыслящих людей знают очень мало или просто ничего не знают о философии анархизма. (Я рекомендую ознакомиться с <Manas> (79).) Одним из базовых аспектов философии этого журнала является анархизм. Приверженцы этой философии стоят за децентрализацию в противовес централизации, за автономию и за личную ответственность, они не доверяют большим организациям или учреждениям, концентрирующим власть. Они не принимают принуждение в качестве механизма социального управления. Эта философия экологична и даоистична в своем отношении к природе, к реальности и т. д. В какой степени обществу необходима иерархичность структуры? Нужна ли она, например, в киббутце, или на фабрике фроммовского типа, или на кооперативной ферме, на народном предприятии и т. д.? Нужно ли в таком случае управление? Нужна ли власть? Власть, которая подхлестывала бы волю большинства? Власть, ко-

торая карала бы ослушников? В качестве примера евпсихичной <субкультуры>, лишенной строгой иерархии, можно рассмотреть научное сообщество. Оно децентрализовано, основано на доброй воле, однако его деятельность скоординирована и продуктивна, это общество располагает достаточно всеобъемлющим и эффективным этическим кодексом (который к тому же работает). А с другой стороны, устройству научного сообщества можно противопоставить Синанон (субкультуру высокоорганизованную, с жесткой иерархической структурой).

6. Вопрос дурного поведения. При описании многих утопий этот вопрос просто не затрагивается. Либо умышленно, либо нет. В таких идеальных обществах нет тюрем и нет преступников. Никто никому не причиняет вреда. Там не совершается преступлений. Но я в качестве основного постулата создания Евпсихеи принимаю тот факт, что проблема плохого, психопатологического или дурного поведения, проблема жестокости, зависти, жадности, эксплуатации, лени, греха, насилия и т. д. должна быть сознательно рассмотрена и решена. (<Вера в то, что возможен такой порядок вещей, который отменит конфликты, борьбу, глупость, алчность и зависть, - самый короткий и верный путь к страданию и безысходности>. - Дэвид Лилиенталь) Вопрос зла нельзя замалчивать, он заслуживает как интраперсонального осмысления, так и обязательного обсуждения в терминах общественных преобразований, то есть учета его психологической и социологической значимости (что означает также и учет его исторической значимости).

7. Опасность оторванного от реальности перфекционизма. Я считаю, что

перфекционизм как идея достижимости некого идеала или возможности некого совершенного решения чрезвычайно опасен. История утопий дает нам множество примеров подобных фантазий - антиреалистичных, недостижимых, не учитывающих человеческого фактора. (Такие, как <Возлюби ближнего своего, как самого себя. Если у тебя есть добро, поделись им с ближним. Все люди - братья. Никто не вправе возвеличиться над братом своим. Применение силы - всегда зло. Нет плохих людей, есть люди, которых не любят>.) В общем виде вслед за рождением подобной идеи происходит следующее: перфекционизм как стремление к изначально недостижимому неизбежно приводит к неудаче, та, в свою очередь, - к разочарованию, и в результате человек падает духом, погружается в безысходную апатию или становится враждебным ко всяческим надеждам и ко всяческим деяниям. Таким образом, перфекционизм зачастую лежит в основании активной враждебности по отношению к мечте о совершенстве. Человек, не дождавшись осуществления несбыточного, начинает считать невозможным любое улучшение.

8. Как быть с агрессией, враждебностью, борьбой, конфликтами? Можно ли искоренить их? Или агрессия и враждебность инстинктивны в некотором смысле? Какие из институтов общества поощряют агрессию? Какие минимизируют ее? Если мы считаем, что войны неизбежны, пока человече-

ство разделено границами суверенных государств, - значит ли это, что в будущем объединенном мире сила может оказаться ненужной? Будут ли армия и полиция защищать интересы будущего правительства объединенного мира? (В качестве основания для дискуссии могу предложить главу 10 <Инстинктоподобна или нет деструктивность?> из моей книги <Motivation and Personality> (95) и Приложение В.) Мой взгляд на эту проблему, изложенный в общем виде, таков: агрессия, враждебность, неуживчивость, конфликтность, жестокость, садизм без сомнения присущи человеку, мы можем увидеть это в самом ясном свете, послушав его, лежащего на кушетке психоаналитика, проникнув в его фантазии, в его сны и т. п. Я считаю, что начатки агрессивного поведения можно обнаружить у каждого человека, либо в действительности, либо в потенции. Если я встречаюсь с абсолютно неагрессивным человеком, я предполагаю, что он либо сдерживает, либо подавляет агрессию. Я считаю, что при движении невротичного или психологически незрелого человека к самоактуализации или к зрелости очень заметно меняется именно качество агрессии, что садистское, жестокое, злобное поведение - это проявление агрессии, свойственное неразвитым, невротичным, незрелым людям; но по мере личностного созревания человека, в процессе обретения им внутренней свободы присущая ему агрессивность все чаще проявляется в виде праведного возмущения, постепенно становится способом самоутверждения, способом противостоять эксплуатации и угнетению, отстаивать идеалы справедливости и т. д. По моему мнению, успешная психотерапия именно таким образом изменяет качество агрессии, то есть заставляет проявляться присущую человеку агрессивность таким образом, чтобы она служила не жестокости, нездоровому самоутверждению. Кроме того, я считаю, что вербальные проявления агрессии могут оказаться заменой агрессивному поведению. Я считаю, что организация социальных институтов может как повышать, так и снижать вероятность агрессивного поведения. Я считаю, что юношам в большей степени, чем девушкам, необходим некий одобряемый обществом способ <выпустить пар>, реализовать избыток агрессивности. Как обучить молодых людей управлять своей агрессивностью и разумно выражать ее? Как добиться, чтобы при этом и юноша получил облегчение, и не пострадали окружающие его люди?

9. Есть ли мера желанной простоты жизни? Или жизнь должна быть в меру непростой?

10. Может ли общество допустить <отдельность> отдельной личности, ребенка, семьи? Нужны ли пределы совместности, общей деятельности, общности и сообщности общественной жизни? Нужны ли пределы приватности, <позволению быть собой>, терпимости и суверенитету?

11. Нужны ли пределы долготерпению общества по отношению к своим членам? Что должно прощать? Чего нельзя простить? Что требует наказания? Насколько терпимым может быть общество по отношению к ограниченности, к лжи, к жестокости, психопатологии, преступности и тому

Вопросы для нормативного социального психолога

подобным вещам? Как должно защищаться общество от слабоумия, от старческой немощи, от невежества, от убожества и т. д.? Этот вопрос важен еще и потому, что он поднимает другой вопрос, а именно вопрос о чрезмерной защите, об ограничении в правах и установлении опеки над теми, кто не нуждается в опеке, что в свою очередь тесно смыкается с проблемой ограничения свободы мысли, дискуссий, экспериментирования, идиосинкразии и т. д. Он поднимает проблему стерильного общества, напоминает о присущем всем создателям утопий стремлении любым способом оградить свое творение от опасностей, от зла и его проявлений.

12. Насколько широкий диапазон общественных вкусов должен быть позволен? Насколько терпимо должно быть общество к тому, что им не одобряется? Возможна ли терпимость по отношению к деградации, к разрушению ценностей, к <низким вкусам>? К употреблению наркотиков, алкоголя, ЛСД, к курению? Как относиться к <желтой прессе>, к <мыльным операм> и к телевидению вообще? Если публика принимает нечто, значит, это близко к среднестатистической мечте и среднестатистической истине. Допустимо ли вмешательство общества в желания среднестатистического зрителя? Справедливо ли уравнивать в правах гениев, талантливых, творческих, способных людей с одной стороны и средних, неярких личностей - с другой? Каким должно быть государственное телевидение? Должно ли оно иметь своей целью просвещение и воспитание? Или оно будет ориентироваться на рейтинги популярности передач? Может быть, есть смысл в трех различных каналах для трех различных типов людей? Или в пяти каналах? Должны ли создатели фильмов, телевизионных шоу быть ответственными за просвещение и воспитание общественных вкусов? Чья это забота? Или это не должно беспокоить никого? Как относиться, например, к гомосексуалистам, к педерастам, к эксгибиционистам, садистам и мазохистам? Может быть, стоит дозволить гомосексуалистам домогаться детей? Должно ли общество вмешиваться в личную жизнь двух гомосексуалистов, удовлетворяющих свою сексуальность в полной приватности? Или если садист и мазохист удовлетворяют друг друга, не привлекая постороннего внимания? Можно ли позволить таким людям размещать объявления в газетах с целью найти друг друга? Можно ли позволить трансвестисту публичные манифестации его пристрастий? Как поступать с эксгибиционистами - наказывать их, запрещать прилюдные демонстрации или ограничиться порицанием?

13. Проблема лидера (и ведомого), способного, выдающегося, сильного, авторитетного и предприимчивого человека. Можно ли искренне восхищаться нашими (реальными) руководителями и любить их? Можно ли стать амбивалентным к чину, к должности? Как избавить лидеров от зависти, недовольства, <сглаза>? Если бы всем людям с самого рождения были предоставлены совершенно равные возможности для самореализации, то все индивидуальные различия в способностях, таланте, уме, силе и т. д. проявились бы в течение жизни. Как относиться к этой идее? И в связи с этим, должны ли

более талантливые люди, люди, приносящие большую пользу, более плодоносные поощряться за это - наградами, деньгами или привилегиями? Остается ли место в таком обществе для <серого кардинала>, для идеи, что облеченные властью люди, люди, имеющие власть, служат ей не ради денег, но, возможно, заслуживают вознаграждения нематериального, заслуживают удовлетворения более высоких личных потребностей, метапотребностей, что им должна быть предоставлена большая свобода, большая автономия, большие возможности для самоактуализации? Может быть, стоит узаконить обет бедности (или хотя бы простоты) для руководителей, для начальников? Сколько свободы можно позволить предприимчивому человеку, человеку с обостренной потребностью в достижении, организатору, зачинателю, человеку, который получает наслаждение от самого процесса инициации, человеку, который удовлетворяется властью, возможностью руководить? Как добиться естественности и доброй воли при распределении мест в субординационной иерархии? Найдутся ли при этом кандидаты в мусорщики? Как построить отношения между сильным и слабым? Между одаренным и бездарем? Как добиться уважительного, благодарного, в конце концов любовного отношения к власти (к полицейскому, к судье, к законодателю, к отцу, к вождю)?

14. Возможна ли постоянная удовлетворенность? Стоит ли ее ожидать? Чтобы понять, о чем идет речь, советую обратиться к восемнадцатой главе этой книги, которая называется <О низких жалобах, высоких жалобах и мета-жалобах>. Также рекомендую познакомиться с работами Колина Уилсона, где он говорит о St. Neot margin (159). Также с моей книгой <Work and the Nature of Man> (46). Я думаю, что в качестве исходного положения можно принять тот факт, что наслаждение практически для всех людей, вне зависимости от окружающих общественных условий, является высшим, предельным переживанием, а значит, не стоит стремиться к вечному наслаждению. Его можно сравнить с райским блаженством, с нирваной, с тем, что человек привык ожидать от счастья, от каникул, от выхода на пенсию и т. д. В пользу нашей предпосылки говорит и тот факт, что решение проблем <низшего> уровня не приносит такого большого удовлетворения, как решение проблем <высших> и ублажение <высших> потребностей.

15. Какмужчины и женщины могут приспособиться друг к другу, как им наслаждаться друг другом, как уважать друг друга? Авторами большинства утопий были мужчины. Может быть, у женщин другие представления о хорошем обществе? Большинству утопий в большей или меньшей степени, явно или неявно была свойственна патриархальность. Так или иначе, но на протяжении всей истории человеческого общества женщины считались низшими существами в сравнении с мужчинами, шла ли речь об интеллекте, об административных способностях, о креативности или о чем-то ином. Но сегодня, когда женщины эмансипированы, во всяком случае в развитых странах, когда за ними признается право на самоактуализацию, как должны измениться отношения между полами? Как должен измениться мужчина, чтобы

приспособиться к столь изменившейся женщине? Сможет ли он преодолеть в себе приверженность к простейшей иерархии, когда один пол доминирует над другим? Каким будет евпсихичный брак, брак между самоактуализированным мужчиной и самоактуализированной женщиной? Какие функции, какие обязанности будут возложены на женщин в Евпсихее, на какой работе они будут заняты? Какие изменения претерпит сексуальная жизнь? Что будут означать понятия <мужественность> и <женственность>?

16. Проблема институализированной религии, персональной религии,

<духовной жизни>, ценностей, метамотивированной жизни. Все известные нам культуры имеют в своем основании ту или иную религию, и наверное, так было всегда. Сегодня впервые появляется возможность положить в основание общества нерелигиозное, или гуманистическое, мировоззрение, основать общество, которое было бы терпимо к неинституализированному мировоззрению отдельного человека. Какого рода религиозная, или духовная, или ценностная жизнь будет достойна Евпсихеи или отдельной евпсихичной общины? Если сохранятся религии, которые ныне исповедуют отдельные общности людей, сохранятся ныне действующие религиозные институты, исторически сложившиеся религии, то как они изменятся? Чем будут отличаться способы отправления религий от сегодняшних? Как устроить воспитание и обучение детей, как привить им стремление к самоактуализации, к высокому (к ценностному, духовному, религиозному)? Как сделать, чтобы они стремились стать достойными членами Евпсихеи? Можем ли мы почерпнуть что-то из опыта других культур, из литературы по этнографии, из опыта устройства высокосинергичных культур?

17. Как будет реализована потребность в интимности? Каковы будут семьи, братства, товарищества, партнерские отношения? Есть одна потребность человека, которая, по всей вероятности, имеет инстинктивную природу. Я имею в виду потребность в принадлежности, в корнях, потребность в тесной привязанности и близости. Такую потребность могут удовлетворить группы, связанные общей жизнью или общими интересами. Совершенно ясно, что это должны быть небольшие группы, состоящие не из ста и даже не из пятидесяти человек. Сложно представить чувство близости и привязанности между миллионами людей, и потому любое общество должно основывать свою структуру, начиная с малых общностей. В рамках нашей культуры, по крайней мере в рамках городской культуры, эту потребность удовлетворяют в основном семейные, родственные узы. Кроме этого существуют разнообразные религиозные общины, землячества, братства. На занятиях тренинговых групп и групп встреч одна из основных задач, которой добиваются терапевты, состоит в достижении искренности, взаимопомощи, честности между участниками; все усилия там направлены на создание дружеской атмосферы, в которой каждый смог бы свободно выражать себя и "чувствовать свою связь с другими. Можно ли каким-то образом узаконить подобное отношение людей друг к другу? Современное индустриальное об-

щество вынуждает людей переезжать с места на место, становиться мобильнее. При этом обрубаются корни, рвутся связи. Но насколько это неизбежно? Можно задаться и таким вопросом - должны ли подобные малые общности людей обязательно состоять из представителей разных поколений? Или это могут быть группы ровесников? Но мы знаем, что дети и подростки неспособны к полноценному самоуправлению (конечно, если их не готовить к этому специально). В таком случае, насколько допустимо создание молодежных или детских групп, организованных без участия взрослых и существующих по своим законам, в соответствии со своим комплексом ценностей, без отцов, без матерей, без старших?

Проблема: возможно ли чувство близости без секса?

18. Помощь во благо и помощь во вред. Благой отказ от помощи (даоистичное невмешательство). Бодхисаттва. Предположим, что в нашем идеальном обществе сильный будет помогать слабому, во всяком случае будет обязан помогать. Тогда необходимо понять, в чем может состоять эта помощь (слабому, бедному, менее способному, менее умному)? Как помочь человеку стать сильнее? В какой мере можно лишать человека автономии, в какой степени дозволительно сильному и старшему взять на себя ответственность за слабого и младшего? В чем может выражаться помощь богатого бедному? Как богатая нация может помочь бедной? Чтобы

было более понятно, о чем мы говорим, давайте определим Бодхисаттву как человека, который а) хочет помогать другим людям, б) считает, что он может помочь, потому что он более зрелый, более здоровый, более <вочеловеченный>, в) знает, когда следует быть даоистичным и невмешательным, то есть отказаться от помощи, г) предлагает человеку принять его помощь, так ставит вопрос, что человек всегда вправе сам выбрать, нужна или не нужна ему помощь, д) считает, что его собственный личностный рост осуществляется только посредством помощи другим. Или наоборот: для того, чтобы иметь право помогать другому человеку, нужно самому стремиться стать лучше. Тут есть проблема: сколько людей, не стремящихся помочь другим, может позволить себе хорошее общество? Речь идет о людях, которые устремлены к своему личному спасению, об отшельниках, медитирующих в уединенных пещерах, о попрошайках на паперти, о людях, бегущих от общества, живущих по своим законам?

19. Институализация секса и любви. У меня создается впечатление, что наша цивилизации сейчас движется к тому, что сексуальная жизнь будет начинаться уже в подростковом возрасте, без всякой связи с браком или иными институализированными узами. Известно, что в некоторых <примитивных> обществах происходит примерно то же самое - абсолютный промискуитет до брака и строгая или нестрогая моногамия после. По моему мнению, в этих культурах супруги выбирают друг друга, руководствуясь скорее не сексуальной привлекательностью партнера (секс десакрализован и свободен), будущие супруги движимы личными предпочтениями и вкусами, атак-

же тем, как определена роль супруга (супруги) в рамках их культуры, - пригодностью для деторождения, удобством в смысле принятого разделения труда на мужской и .женский и т. д. Насколько верно мое предположение? Если оно справедливо, то каких последствий нам стоит ожидать от указанных мною тенденций? Уже сегодня мы принимаем как нормальные чрезвычайно разнообразные сексуальные желания и очень изощренные способы их удовлетворения, особенно у женщин (я имею в виду нашу культурную среду). Было бы глупостью считать, что отношение к сексуальности разных людей одинаково и что все люди сильно сексуальны. Возможно ли принять в хорошем обществе подобную широту во взглядах на сексуальность?

Сексуальность, любовь, семья сегодня стремительно меняются, это всеобщее явление, которое затрагивает и многие сексуально-утопические сообщества, такие, как промискуитетные группы, групповые браки, <обменные клубы>, приверженцев незарегистрированных браков и т. д. (Рекомендую ознакомиться с романами Роберта Риммера, посвященными этим проблемам.) Уже предложены и опробованы на практике многие виды преобразований. Нам пока мало известно о результатах подобных <экспериментов>, но когда-нибудь они станут общим достоянием, и мы обязательно рассмотрим их.

20. Проблема выбора хорошего лидера. Можно вспомнить такие общности людей, например, подростковые группировки, которые словно нарочно выдвигают в лидеры худшего, а не лучшего из своих рядов. Иными словами, они выбирают для себя такого вожака, который поведет их в никуда - к распаду и развалу, к поражению, а не к победе. Зачастую их лидерами становятся параноидные типы, психопатические личности, хвастуны. Любое хорошее, стремящееся к развитию общество должно научиться выбирать себе таких вождей, которые вели бы их к развитию, тех, чьи реальные достижения, таланты и возможности убедительно свидетельствуют о готовности к этой тяжкой миссии. Как помочь людям сделать правильный хороший выбор? Какие политические структуры

способствуют выдвижению на высокий пост, например, параноика? Какие политические структуры препятствуют этой опасности или в состоянии предотвратить неверный выбор?

21. Каков социальное устройство будет способствовать вочеловечиванию каждого члена обгцества? Так можно сформулировать основной вопрос, встающий при ценностном подходе к равноправному изучению личности с одной стороны и культуры - с другой. Здесь стоит вспомнить о новых данных, которые приводятся в последних трудах по социальной психиатрии, а также труды, посвященные ментальной и социальной гигиене, эксперименты в области групповой психотерапии и достойные Евспихеи образовательные учреждения вроде Исаленовского института. Это та высота, на которую нужно поднять вопрос о том, как сделать школьный урок более евпсихичным, - как сделать евпсихичными школы, университеты, образование в целом, - и далее о каждом из социальных институтов. Основные

принципы евпсихичного управления (или теории Игрек) должны служить образцом для нормативной социальной психологии. В соответствии с ними общество и все его институты определяются как <хорошие> в том случае, если они способствуют вочеловечиванию своих членов, и они же определяются как <плохие> или психопатогенные, если они принижают, умаляют человека. Вопросы социальной и индивидуальной патологии, вне всякого сомнения, нужно обсуждать именно с этой точки зрения, как, впрочем, и со всех остальных точек зрения.

22. Обязательно ли здоровое общество -лучший путь к самоактуализации? (Обратите внимание па заметки о евпсихичном производстве, о Синаноне, о вольных сообществах и т. д.) Существует расхожее мнение, что интересы отдельной личности обязательно впадают в противоречие с интересами группы, учреждения, организации, общества или даже с интересами цивилизации как таковой. История религии рассказывает о множестве расколов, когда личное богопостижение, незаконопослушное озарение противопоставляло провидца церкви. В таком случае, может ли церковь благоприятствовать индивидуальному развитию? А школа? Промышленное производство?

23. Как <идеализм> соотносится с практикой, с <материализмом>, с реальностью? По моему мнению, низшие базовые потребности оказываются мощнее потребностей более высокого уровня, которые в свою очередь должны быть удовлетворены прежде, чем метапотребности (высшие ценности). Это приводит нас к выводу, что <материализм> берет верх над <идеализмом>, но в то же время это означает, что и то, и другое реально существует, является объективной психологической реальностью, которую непременно нужно учитывать при построении любой Евпсихеи, любой утопии.

24. Многие утопии предстают перед нами как сообщества исключительно разумных, здоровых и трудолюбивых граждан. Но любой человек однажды состарится, может заболеть, ослабнуть, стать нетрудоспособным. Кто тогда позаботится о нем?

25. Я считаю, что номере того, как мы будем избавляться от социальной несправедливости, все более важное значение будет принимать <биологическая несправедливость>, генетическое, пренатальное и постнатальное неравенство, состоящее в том, например, что один ребенок рождается со здоровым сердцем, а другой с больным. Это, конечно же, несправедливо. Также несправедливо, что один талантливее, умнее, сильнее или красивее другого. Может статься, что биологическая несправедливость окажется более оскорбительной, чем социальная, - при

социальной несправедливости виновато окружение, при биологической же - только сам человек. Чем может помочь человеку в этом случае хорошее общество?

26. Будет ли хорошее общество нуждаться в невежестве, в подтасовке фактов, в сокрытии истины, в цензуре, в неосведомленности своих членов, хотя бы частично? Можно ли утаивать правду в целях лучшего уп-

Вопросы Оля нормативного социального психолога

237

равления группой, например? Диктатуре, похоже, жизненно необходима некоторая доля лжи, неважно, во благо она или нет. Какого рода правду нужно счесть опасной, например, для молодежи? Помните, что демократия по Джефферсону нуждается в полном доступе к правде.

27. Во многих утопиях, как в реально существующих, так и в выдуманных, есть место для правителя -мудрого, благожелательного, проницательного, сильного, эффективного лидера, короля-философа. Хорошо ли это? (Таков Фрэйзер в работе СКННЧера<Walden Two> (140).) Кто будет назначать или выбирать этого идеального правителя? Как уберечься от опасности делегирования власти в руки тирана? Можно ли от этого уберечься? Представьте, что однажды правитель умирает, что дальше? Может быть, возможна жизнь общества и без правителя? Насколько возможна децентрализация власти, раздел ее между отдельными, не управляемыми лидерами, группировками?

28. Некоторые из успешных утопических сообществ прошлого и настоящего, такие, например, как Брудерхоф, предусмотрели в рамках своей культуры ритуалы, предполагающие искренность, тайную или публичную исповедь, способы обсуждения членами общества друг друга, инструменты взаимной честности, правдивости и поддержки. Сегодня мы можем пронаблюдать'работу таких ритуалов и механизмов на примере тренинговых групп (групп встреч) Синанона, на примере подобных им групп евпсихичных (построенных согласно теории Игрек) фабрик и индустрии, на примерах различного рода психотерапевтических групп. См.: выпуски <Esalen> (32);

<The Tunnel Back: Synanon> (164); <Eupsychian Management>, pp. 154-187 (83); <The Lemon Eaters> (141); последние номера <Journal of Applied Behavioral Sciences> (56) и <Journal of Humanistic Psychology> (57).

29. Как сочетать энтузиазм и скептический практицизм? Мистицизм с бытовой прозорливостью и хорошим чутьем реального? Идеализированные, перфекционистские, а следовательно, недостижимые цели (которые необходимы, чтобы задать направление развития) с известным добродушием по отношению к несовершенным средствам достижения этих целей?

16

Синанон и Евпсихея'

Прежде всего, чтобы быть правильно понятым, должен признаться, что я был от многого огражден в этой жизни. Я почти ничего не знал о том, что происходит здесь, и приехал сюда для того, чтобы понять, как живут люди, чья жизнь не так безмятежна, как моя собственная. Я предчувствовал, что мне найдется чему поучиться здесь. Но и мой взгляд на вещи может оказаться полезным вам, ибо моя наивность позволяет мне увидеть то, к чему, возможно, уже притерпелся ваш взгляд, и заметить то, чего вы, быть может, просто не замечаете. Возможно, я смогу оказаться вам полезным, просто поделившись с вами чувствами, которые я испытал здесь, и задав вам вопросы, которые у меня возникли.

Поле моей деятельности - общая и экспериментальная психология. В прошлом я занимался еще и психотерапией, но та психотерапия совершенно не походила на то, что я увидел здесь, - я использовал совершенно иные подходы и работал с совершенно другим типом людей: со студентами колледжа, с людьми обеспеченными и привилегированными. Я год за годом приближался к тому, чтобы обрести максимально возможную бережность в обращении с людьми, я старался быть деликатным и мягким, я обращался с человеком как с чашкой из дорогого фарфора, мне казалось, что человек не сможет снести малейшей неуклюжести в обращении с ним. Естественно, что, оказавшись здесь, я не смог пройти мимо очевидных свидетельств ошибочности такого моего подхода к человеку. Все, что мне довелось прочесть о Синаноне, как и то, что я увидел вчера вечером и сегодня днем, разрушает мое видение человека в образе хрупкой фарфорофой чашки; я начинаю ду-

* Эта глава основана на беседе, которая произошла 14 августа 1965 года, с обитателями Дэйтоп Виллэдж, одного из филиалов Синанона в Стэйтен Айленд, Нью-Йорк. Синанон - сообщество, организованное бывшими наркоманами для лечения наркомании.

мать, что не стоит так уж страшиться возвысить голос, ни к чему бояться травмировать человека или причинить ему боль, я прихожу к выводу, что мои мысли о весомости резкого слова, убеждение, что слово может вызвать у человека слезы, может обидеть его, может даже довести до самоубийства, - все эти мысли и убеждения, возможно, устарели.

Насколько я понял, вы, приступая к групповому занятию, исходите из того, что человек скорее очень и очень прочен, нежели хрупок, что он может снести очень и очень многое, что лучше напрямую обращаться к нему, чем подолгу ходить вокруг да около, деликатничать и искать обходных путей. Вы исходите из того, что проблему лучше решать немедленно, так сказать, сразу ухватывая быка за рога. Такого рода терапию я бы назвал <терапией без дураков>. Она разрушает защитные барьеры, обесценивает рационализации, показывает лицемерие двусмысленностей, масок и пустой учтивости, столь любезных светскому обществу. Я бы сказал, что мир уже ослеп на один глаз, но то, что я видел здесь, - не что иное, как восстановление зрения. На занятиях ваших групп люди не прячутся за масками. Они сбрасывают их, они перестают говорить обиняками, отказываются от ненужных экивоков.

Я спрашивал, отчего так происходит, и мне ответили, что так нужно. Разве кто-нибудь покончил илипопытался покончить с собой? Нет. Разве ктонибудь сошел с ума от столь грубого лечения? Нет. Я могу утверждать это на своем опыте. Наш вчерашний разговор получился прямым и предельно откровенным, и в то же время чрезвычайно полезным для меня. Все увиденное мною противоречит моему опыту, но очень важно для меня как для психолога-теоретика, пытающегося понять сущность человеческой природы. Я вновь задаю себе вопрос о природе человека как вида. Каковы пределы человеческих возможностей? Сколько могут вынести люди? И самое главное - сколько они могут вынести правды? В какой мере она полезна человеку, в какой мере губительна для него? Мне вспоминаются строки Элиота: <Человек слишком слаб, чтобы вынести / Слишком много дневного света>. Элиот предполагает, что человек не в состоянии вынести реальность в ее истинном, неприкрытом виде. Но опыт ваших групп доказывает, что люди не только в состоянии вынести свет истины, но и то, что истина может быть полезной, целительной для них. Правда дает человеку импульс. Это бесспорно, пусть даже при этом она причиняет ему боль.

Один мой знакомый, которого очень заинтересовал феномен Синанона,

рассказывал мне такой случай. Его друг, наркоман, побывал здесь и в первый раз за всю свою жизнь понял, что такое чувство близости, что такое настоящая дружба и настоящее уважение. Впервые в жизни он мог быть откровенен и честен; впервые в жизни он осознал, что может быть самим собой и люди не убьют его за это. Это было восхитительное чувство: чем больше он становился самим собой, тем больше он нравился людям. Он сказал нечто такое, что глубоко поразило меня. Он постоянно вспоминал о своем друге, которого очень любил и которому, по его мнению, было бы

полезно испытать то же, что испытал он. Вот как он, на первый взгляд безумно, выразил свое желание: <Как жаль, что ты не наркоман. Если бы ты был наркоманом, ты тоже смог бы побывать в этом замечательном месте>. Понимаете, в каком-то смысле ваша жизнь напоминает жизнь утопического общества, вы живете в маленьком мире, оторванном от остального мира;

отношения между вами достигают предельной откровенности и честности, а значит, и уважительности, то, что вы делаете здесь, вы делаете вместе, как одна команда.

Еще одна мысль поразила меня во время моего пребывания здесь. Может быть, именно в вашем сообществе заключены элементы по-настоящему хорошего общества, может быть, безумен весь остальной мир? Много лет тому назад я работал с <черноногими> индейцами. Это чудесные люди. Они были мне любопытны, я прожил в их племени некоторое время и неплохо узнал их. Однако там же мне привелось пережить весьма занятное по сути откровение. Я приехал в резервацию с представлением об индейцах как о чем-то непохожем на нас и чудном, вроде коллекции бабочек на полке энтомолога. Постепенно ко мне приходило понимание истинного положения вещей. Они оказались обычными, разве что славными, людьми, чего никак нельзя было сказать о белых людях, живших вместе с ними, - чем больше я узнавал их, тем тверже укреплялся в чувстве, что более мерзких подонков я в своей жизни еще не встречал. Это было парадоксальное чувство. Кто здесь кого опекает? Кто здесь врач, а кто пациент? Все смешалось в индейской резервации, и то же самое можно сказать и о вашем маленьком хорошем сообществе. Я думал, что иду в ортопедическую лабораторию, а попал в цветущий сад.

Еще одна мысль пришла ко мне во время нашего сегодняшнего разговора за обедом. Все происходящее здесь поднимает чрезвычайно важный вопрос о том, что вообще нужно людям. Мне представляется вполне очевидным, что человек как вид нуждается в очень немногих и очень простых вещах. Во-первых, человеку нужно чувство безопасности, а маленькому человеку нужно ощущать заботу, что равно для него чувству защищенности. Вовторых, человеку необходимо чувство принадлежности - семье, клану, группе - он должен ощущать, что он часть чего-то, и должен знать, что это его право неотъемлемо. В-третьих, человек нуждается в любви, ему необходимо чувствовать, что он любим и заслуживает этого. И в-четвертых, ему необходимо уважение и чувство собственной значимости. И это все. О психологическом здоровье, о зрелости и силе, о взрослении и креативности можно рассуждать главным образом как о последствиях этих чувств. Можно представить себе эти чувства как своего рода витамины, без которых организм не может развиваться нормально. Допустив это, мы поймем, что большая часть американцев страдает от недостатка этих витаминов. Изобретаются разнообразные уловки и ухищрения, чтобы скрыть от человека горькую истин)' о том, что средний американец не знает настоящей дружбы. Очень немногие

люди имеют рядом человека, которого с психологической точки зрения можно было бы назвать другом. Супружеская жизнь большинства американцев также не соответствует идеалу. Можно утверждать, что все насущные проблемы человечества, такие как неспособность противостоять алкоголю, наркотикам, преступности, неспособность противостоять чему бы то ни было, - все это следствие неудовлетворенности основных психологических потребностей. И вот вам вопрос: обеспечивает ли Дэйтоп своих обитателей этими психологическими витаминами? Сегодня утром, прогуливаясь здесь, я пришел к положительному ответу. Давайте еще раз вспомним, что это за витамины. Прежде всего - безопасность, то есть вы освобождаетесь здесь от тревоги; затем чувство причастности, то есть здесь вы принадлежите некой общности; третье - любовь, каждого здесь любят и принимают таким, какой он есть; и наконец - уважение. Не в том ли секрет успеха Дэйтопа, что здесь создана атмосфера, в которой названные мною чувства становятся возможными?

Я получил здесь множество впечатлений, у меня зародились новые мысли. Я задавал вам тысячу вопросов, проверяя тысячу возникших у меня предположений, но, возможно, все мои вопросы и предположения были об одном. Сейчас я попытаюсь это сформулировать. Скажите, вы полагаете, что подобная честность в обращении с человеком, подобная прямолинейность, порой похожая на жестокость, может служить основанием для того, чтобы человек почувствовал себя защищенным, почувствовал себя любимым и уважаемым? Ведь подобное обращение причиняет боль, оно не может не причинять боли. Каждый из вас испытал ее. Скажите, вы считаете это полезным? Я присутствовал на одном таком заседании. Мечи были обнажены, о деликатности не было и речи. Разговор был очень прямым, откровенным и резким. Возьмем хотя бы его: вы думаете, он удался? Это первый вопрос, на который мне очень хочется получить прямой ответ. Другой вопрос касается того, дает ли подобный стиль общности - когда все делается сообща, когда любая тема доступна для обсуждения - дает ли это человеку именно то чувство причастности, о котором я говорил? Возникает ли это чувство сразу или приходит постепенно? Мне показалось, что замеченная мною нарочито брутальная искренность не только не оскорбляла людей, но за ней предполагалось некое, совершенно особенное уважение к личности. Вы склонны обсуждать все так, как вам это видится, как это есть на самом деле. И это может оказаться основой уважения и дружбы.

Мне припоминаются давние рассуждения одного психоаналитика. Это было давно, когда понятия групповой психотерапии еще не существовало. Он тоже ратовал за искренность подобного толка. Правда, тогда его рассуждения звучали дико. коллеги смотрели на него как на жестокого варвара. Вот его слова: <Я заставляю своего пациента стать настолько тревожным, насколько он сможет вытерпеть эту тревогу>. Вы понимаете? Насколько он сможет вытерпеть. Он устраивает пациенту хорошую встряску, и чем мощ-

нее будет эта встряска, тем быстрее пациент начнет выздоравливать. В свете сегодняшнего дня эти его слова не кажутся мне такими уж дикими.

Это возвращает меня к моим размышлениям об образовании и заставляет думать о Дэйтопе как о модели образовательного учреждения. Дэйтоп в данном случае выглядит как оазис, как локальное хорошее сообщество, которое дает своим членам то, что должно давать, но не дает, человеку любое <нормальное> сообщество. В конечном счете дэйтопский опыт обязательно поднимает вопрос о нашей системе образования. Наша

культура, несомненно, должна осмыслить этот опыт и использовать его. Ведь образование это не только книги и не только умные речи. Уроки, которые дает человеку пребывание в Дэйтопе, образовательны в гораздо более широком смысле, ибо здесь человек учится быть хорошим взрослым человеком.

ПРИМЕЧАНИЕ: Начиная с этого момента, между доктором Маслоу и жителями Дэйтопа завязалась весьма оживленная дискуссия. К сожалению, многие чрезвычайно интересные высказывания участников дискуссии не были записаны на пленку, так что следующие несколько страниц содержат только те из комментариев доктора Маслоу, которые оказались достаточно развернутыми и достаточно независимыми, чтобы их можно было понять вне контекста дискуссии. - Прим. ред. первого изд.

О Дэйтопе и о теории самоактуализации. В принципе, каждый человек может добиться самоактуализации. Если мы видим, что этого не происходит с каждым, значит, нечто стопорит этот процесс. То, что мне довелось увидеть здесь, подталкивает меня к мысли, что стремление к зрелости, к ответственности, к лучшей жизни настолько присуще человеку, что ради него он готов вынести даже жесткую и неприкрытую правду, которую здесь столь решительно обрушивают на него. Пусть не сможет каждый, но по крайней мере некоторые смогут. Я видел, как люди преодолевают боль и стыд, и это заставляет меня думать, что потребность в актуализации своего <Я> гораздо более насущна для человека, чем я когда-либо предполагал. Понятно, что здесь собрались именно такие люди, которые смогли преодолеть себя, смогли пройти через это. А те, которые помогут, как быть с ними? Сколько их, тех, которых подобная искренность отпугнула, которым она показалась слишком болезненной?

О воспитании ответственности. По-вашему выходит, что для становления хорошего взрослого человека нужно заставить его снести самую тяжкую боль, заставить его научиться превозмогать ее и бороться с нею. Нужно дать человеку возможность самому преодолеть эту боль, а не ублажать его, не оберегать и не помогать ему в этом. Разумеется, при этом можно дойти и до крайности - например, совсем отвернуться от человека, но мы пока не будем говорить об этом. Мне кажется, то, что я видел здесь, нацелено именно

на воспитание у человека чувства ответственности. Вы не обделяете человека и крупицей отмеренной ему ответственности, - если человек должен сделать что-то, то он должен сделать это сам. И никакие оговорки здесь невозможны.

Могу пояснить свою мысль на примере <черноногих> индейцев. Это сильные люди, с очень сильно развитым чувством собственного достоинства, и очень храбрые воины. Они отличаются силой характера, они многое могут вынести. Я думаю, что причиной тому принятое у них уважительное отношение взрослых к детям. Я приведу вам только два примера. Мне припоминается малыш, совсем кроха, только-только научившийся ходить. Как-то с группой индейцев я сидел в хижине и видел, как он пытается открыть дверь хижины и выйти наружу. Дверь была большой и тяжелой, и у него явно не хватало сил. Как поступил бы в подобном случае взрослый американец? Он подошел бы и открыл дверь. Но индейцы в течение получаса сидели и невозмутимо наблюдали, как ребенок сражается с дверью. Он потел и хныкал, он весь извелся, но в конце концов справился. И тогда все взрослые дружно похвалили его. Они похвалили его за то, что он смог-таки сделать это сам. Можно сказать, что индейцы отнеслись к этому малышу с большим уважением, чем я, американец.

Другой пример. В том индейском племени был один мальчик, который сразу очень понравился мне. Ему было лет семь или восемь. Когда мне привелось познакомиться с ним поближе, я узнал, что он богатый ребенок - по их, индейским меркам. У него было несколько лошадей, стадо скота и, кроме того, аптечка с лекарствами, которые для индейцев представляют особую ценность. И вот, нашелся один индеец, который захотел купить у Тедди его аптечку, самое ценное из его имущества. Отец Тедди потом рассказывал мне, как отреагировал мальчонка на это предложение, - не забывайте, что ему было всего семь или восемь лет. Он повел себя следующим образом. Он ушел из селения в открытую степь, чтобы предаться медитации. Он отсутствовал два или три дня, он спал там под открытым небом, совершенно один, и все это время размышлял. Он не попросил совета у отца или матери, они не говорили ему, как следует поступить. Через два-три дня он вернулся в селение и объявил всем о своем решении. А теперь представьте себе то же самое с вашим семилетним сыном.

О новой социальной терапии. Эта моя мысль может представить для вас даже профессиональный интерес. Сейчас складывается образ новой профессии - профессии для активного человека, которая потребует скорее практиче ского опыта, нежели книжных знаний. Она будет сочетать в себе работу духовного наставничества и учительский труд. Такого активного человека должны в первую очередь интересовать люди. Он должен будет непосредственно, а не на расстоянии работать с людьми, и он должен очень много знать о человеческой природе. Я предлагаю назвать такого специалиста <со-

циальным терапевтом>. Я заметил, что в последние два года такого рода деятельность постепенно развивается, и люди наиболее успешные в ней не обязательно имеют степень доктора философии и вообще какую-нибудь степень; это люди, которые имеют большой жизненный опыт, люди, знающие жизнь. Они знают то, о чем они говорят. Они знают, например, в каких случаях следует оказать давление на человека, а в каких случаях - действовать медленно и осторожно.

Необходимы люди, которые смогли бы работать с одной третью населения Америки и примерно с 98 процентами остальных жителей земного шара, которых можно назвать <непривилегированными>, люди, которые смогли бы научить неграмотных чтению, которые могли бы помогать другим людям становиться зрельми и ответственными и т. д. Пока таких людей очень мало. У меня складывается впечатление, что в этой ситуации традиционное академическое обучение не сможет оказать нам серьезной помощи. В настоящее время многие из этих обязанностей возложены на плечи социальных работников, но, если я что-то знаю о подготовке среднего социального работника, то они, как правило, плохо понимают, с чем имеют дело. Они не знают о проблемах, с которыми им приходится работать, в том смысле, что жизнь не преподала им этих уроков, не дала им этого опыта. Поэтому разумнее было бы хотя бы отчасти укомплектовать эти новые социальные агентства людьми, умудренными опытом, а не лекциями. Именно с этой точки зрения, как мне кажется, Дэйтоп представляет особый интерес, потому что это - учреждение, организованное людьми, прошедшими суровую жизненную школу. Вы знаете о чем и как говорить с людьми, оказавшимися с вами в одной лодке. Это - серьезная работа, и она может стать самостоятельной профессией.

О социальной революции. Я могу с полчаса приводить вам примеры и доказательства тому, как социальная революция происходит сейчас в самых различных сферах. Меняются церкви, меняются религии. Это революция. Есть сферы деятельности, которые изменяются к лучшему

быстрее прочих, но и прочие тоже изменяются к лучшему, меняются в том же евпсихичном направлении, в направлении вочеловечивания человечества. Это - направление к человечеству, состоящему из людей настолько сильных, креативных и радостных, какими они только могут быть, из людей, радующихся жизни, психологически и физически здоровых. Можно говорить о евпсихичной религии, и она зарождается на наших глазах. У меня есть книга <Eupsychian Management> (83), в ней говорится в целом о производстве, о труде, о предприятиях и тому подобных вещах. В этой сфере тоже происходят революционные изменения. Есть предприятия, на которых труд организован так, что он благоприятствует, а не вредит природе человека. При такой организации труда человеческая природа прирастает величием, а не унижается.

Появляются книги, статьи и исследования, посвященные браку, любви и сексу. Все они указывают на некий идеал, на направление, в котором мы

движемся к такому величию человека, какого он достоин, к таким вершинам его развития, на какие он только способен.

Нельзя не согласиться, что пока основная часть общества не ощущает этого движения. Но мы видим такое множество провозвестников этого роста и движения к лучшему, что можем смело смотреть в будущее. Поверьте, не только здесь и сейчас идет разговор об этих вещах. Таких мест множество. Мы не знаем о них только потому, что они развиваются сами по себе. Но если вас осеняет блестящая идея, если вы совершаете чудесное открытие, то можете быть уверены - то, что состряпали вы, стряпается сейчас и где-то в другом месте. Ибо все, что делается людьми, это отклик на происходящее вокруг, и всегда найдутся другие, столь же сенситивные люди55, которые услышат этот призыв окружающего.

То же самое происходит и в образовании. Думаю, это несложно - собраться всем вместе, свалить в кучу весь нажитой опыт старого образования, и хороший, и плохой, и наглядно показать проклятую сущность этой системы. Но мы можем построить и новую, хорошую систему образования. У нас уже есть отдельные наработки и предложения. Да, наши предложения революционны, да, перемены будут подобны взрыву! Зато новая система образования будет обращена к самой природе человека, к человеческим потребностям, к человеческому развитию, а не к обветшавшему за тысячелетия наследию человечества.

Очень трудно рассуждать о евпсихичном обучении. Мне представляется, что вы можете внести свой вклад в решение этой проблемы, если будете видеть в вашей деятельности своеобразный пилотный эксперимент. Действуйте так, словно весь мир заглядывает к вам через плечо, любопытствуя, к чему приведут ваши усилия, - что работает, что не работает, что хорошо и что плохо, что удалось и что не удалось.

Мы можем позволить себе подобные эксперименты отчасти потому, что Соединенные Штаты - богатейшая страна в мире. У нас с вами есть возможность сидеть здесь и обсуждать эти проблемы вместо того, чтобы собирать рис или предпринимать что-то другое для своего выживания. Я не скажу, что это роскошь, но все же мы с вами можем сидеть здесь и разговаривать, тогда как в другом месте, и таких мест на земном шаре очень много, мы не имели бы возможности так много времени тратить на разговоры, потому что просто умерли бы с голоду. В этом смысле вся наша страна представляет собой полигон для великого пилотного эксперимента. Вы можете рассматривать вашу часть этого глобального эксперимента как назидание окружающему или, пользуясь биологической метафорой, видеть в своем труде верхушечную, растущую часть побега. По сравнению со всем остальным миром мы с вами, если смотреть на вещи

оптимистично, - верхушечная часть побега. Если посмотреть на это дело пессимистично, то нам никуда не деться от факта, что большая часть общества, похоже, представляет собой омертвевшую часть побега. Наше общество в массе своей

традиционно, конвенционально, отстало. Проповедуемые им моральные устои были хороши для 1850 года. Как посмотреть на все это - в конце концов зависит лишь от настроения. Но в любом случае от этого нельзя отворачиваться, как нельзя высокомерно заявлять, что перед нами болото. Как знать, может быть, именно это болото окажется той самой верхушечной, растущей частью побега.

О группах встреч. Позвольте поделиться с вами одним наблюдением. Я побывал здесь только на одном групповом обсуждении - вчера вечером - и я не представляю, каково бы мне пришлось, если бы я жил так всю жизнь. Никто никогда за всю мою жизнь не говорил со мной столь прямо и откровенно. Ваш мир разительно отличается от конвенционального мира университетской профессуры. Факультетские собрания совсем не похожи на эти встречи. Они ни черта не дают, и я всегда стараюсь избежать их. Представьте себе, все там настолько вежливы, что от них не услышишь даже <фи!> Я вспоминаю, как однажды долго размышлял об одном профессоре и неожиданно для себя понял, что он не сможет произнести слово <дерьмо>, даже если завязнет в нем по шею. Здесь же все устроено совершенно иначе, и это потрясло меня вчера. В том мире, в котором живу я, все люди предельно вежливы, их страшит конфронтация. Ты чувствуешь себя в окружении полчища старых дев, - я разумею здесь и старых дев мужского пола. Как было бы замечательно, если бы вы вдруг оказались на каком-нибудь из наших факультетских собраний и показали бы им, что такое настоящая дискуссия. Вы бы всех там поставили на голову. И мне кажется, это было бы нам на пользу.

Главный практический вопрос. Эти мои рассуждения снова заставляют меня поднять вопрос, который я уже успел всем здесь задать. Это очень важный вопрос, и мне показалось, что у вас пока нет на него ответа. Он заключается в том, почему некоторые люди остаются здесь, а некоторые уходят? Он важен еще и вот почему: если ваш опыт положить в основание образовательного учреждения, то насколько он окажется хорош, а если хорош, то для какой части населения? Какой части населения вы сможете быть полезны? Для какой части населения ваши методы не подойдут? И я скажу, что в этом нет греха, не ошибается только тот, кто не работает.

Вы, живущие здесь, преодолели внутренние барьеры, преодолели страх. Но что вы думаете о тех людях, которые не могут победить страх? Чем они отличаются от вас? Это сугубо практический вопрос. Рано или поздно вы выйдете отсюда и где-нибудь, в другом месте, в будущем создадите учреждение, подобное этому. Вас должна беспокоить проблема повышения процента остающихся у вас людей.

О психотерапии. Та же самая проблема стоит перед психоанализом, перед индивидуальной психотерапией. На основании своего опыта психотерапевты выработали мнение, что именно прямолинейность отпугивает пришедших к ним за помощью людей. Руководствуясь этим убеждением, они чрезвычайно мягко обращаются с людьми, и зачастую проходит несколько , Щу

месяцев, прежде чем они всерьез начинают понимать проблему пациента. Там принято сначала наладить взаимоотношения и только затем брать на

себя смелость оказать некоторое давление на пациента. Это в корне противоположно тому, что делаете вы: здесь никто не собирается ждать шесть месяцев, интенсивная терапия начинается сразу с порога. Естественно, что у меня возникает вопрос - какая тактика лучше, и для кого, и для какой части пациентов? По сравнению с размеренным течением психоаналитических сеансов кажется, что здесь все происходит молниеносно.

Вот еще о чем это мне напомнило. Я убежден, что немного пользы в том, чтобы давать людям правду. С этим убеждением я вырос и им пользовался в своей психотерапевтической практике. Правду нельзя давать, нужно помогать человеку открывать ее самому. Это не может прийти сразу или слишком быстро, потому что правда далеко не всегда бывает приятна. Человек открывает ее и смиряется с ней постепенно. Должен прямо сказать, что происходящее здесь походит на то, как если бы правду <выдергивали> из человека и швыряли ему в лицо. Тут никто не ходит за ним восемь месяцев в ожидании, пока он разродится своей правдой. Но люди, остающиеся здесь, как-то выносят это, и похоже, это идет им на пользу. Это противоречит всей теории психиатрии.

О самопознании и работе в группе. Каким-то образом обсуждение на группе помогает человеку. Никто, между прочим, точно не знает, почему так происходит. Все, что известно, так это то, что оно приносит пользу. Я еще до конца не разобрался в той массе впечатлений, которую получил от нашей вчерашней беседы. Я пока не знаю, что мне делать с ними, - видимо, нужно время, чтобы привести их в систему. Единственное, что я-понял наверняка, в чем я теперь твердо убежден, это в том, что за один вечер можно сделать с человеком то, чего психоанализ не добьется за сотню лет. Это воистину может стать откровением - беседа о том, кто ты есть, каким ты кажешься другому, и тут же еще шесть человек соглашаются с тем, что ты производишь именно такое впечатление. Наверное, просто невозможно понять, кто ты есть, невозможно сформировать свою идентичность, пока не узнаешь, каким тебя воспринимают люди. Это нечто новое для меня. Психоанализ еще не сделал такого допущения. Там не принимается в расчет, каким тебя видят окружающие. Там имеют дело с твоими потрохами, внутренностями, с твоими фантазиями и снами.

У меня возникло чувство, что, останься я подольше в этой группе, я бы узнал о вещах, о которых раньше и не думал. Я бы, наверное, обрел о себе знание, подобное тому, что дает просмотр съемок скрытой камерой - я понял бы, каким меня видят окружающие меня люди. Я смог бы оценить это новое для меня знание, поразмыслить о нем, задаться вопросом, правы эти люди или не правы. Насколько они правы? Уверен, что это помогло бы мне лучше узнать себя. Такое самопознание было бы полезно в поиске своей идентичности.

Нужно превозмочь боль, и ты получишь радость от нового знания о самом себе. Ведь всегда лучше знать, чем гадать и терзаться сомнениями. <Может быть, я плохой, и он поэтому не разговаривает со мной? Может, я не нравлюсь им, и они поэтому так обращаются со мной?> Для обычного человека жизнь - сплошная череда таких <может быть>. Он не знает, почему люди улыбаются ему или почему не улыбаются. Очень приятно освободиться от предположений и сомнений. Очень приятно что-то знать наверняка.

17

О евпсихичном управлении

Основной вопрос евпсихичного управления - вопрос о том, какие виды труда, какие типы контроля, какие формы поощрения и вознаграждения будут способствовать здоровому росту человеческой природы, не будут препятствовать ее полному и разностороннему воплощению. То есть, какие условия труда лучше всего будут способствовать самореализации личности. Но мы можем по-иному повернуть этот вопрос, можем спросить иначе: как лучше использовать людей на благо целям и ценностям процветающего общества, члены которого живут нормальной, здоровой жизнью, полностью удовлетворяя свои базовые потребности - потребность в пище, одежде, жилище и прочие? Как нужно обращаться с ними? Какие условия необходимо создать, какие стимулы, материальные и нематериальные, нужно использовать для того, чтобы люди работали лучше?

Евпсихичные условия труда зачастую идут на пользу не только работнику, - они бесспорно добавляют здоровья и энергии предприятию, повышают качество и увеличивают количество производимого продукта или оказываемых услуг.

Таким образом, можно по-новому рассмотреть проблему управления (на любом предприятии и в любом обществе), а именно: каким образом организовать социальные условия, чтобы цели индивидуума совпадали с целями организации? В каком случае это возможно? Когда невозможно? Когда вредно? Каковы силы, способствующие синергизму общественного и индивидуального? Какие силы, наоборот, усиливают антагонизм между обществом и индивидуумом?

Эти вопросы со всей очевидностью затрагивают самые существенные, самые основные аспекты жизни общества и человека, самые существенные аспекты социального, политического и экономического устройства и даже философию в целом. Таким же образом я, например, в своей работе <Psychology of Science> (81) доказывал, что новой, гуманистической науке

необходимо и возможно преодолеть ограничения, навязываемые ей внеценностной, механистической мод елью науки.

С этой точки зрения справедливо будет и рассуждение о том, что классическая теория экономики в ее нынешнем виде базируется на неадекватном понимании человеческой мотивации56 и потому тоже должна кардинальным образом измениться. Для этого ей надо всего лишь принять за реальность высшие человеческие потребности, включая потребность в самоактуализации, стремление и любовь человека к высшим ценностям. Я уверен, что то же самое верно и в отношении политологии, социологии и всех других социальных и гуманистических наук и профессий.

Я говорю все это для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что проблема управления заключается вовсе не в изобретении новых приемов менеджмента, не в хитрых уловках или остроумных техниках, с помощью которых можно будет заставить людей лучше делать то, что им не нужно. Теория управления не может быть руководством по эксплуатации человека человеком.

Нет, проблема скорее заключается в том, что ныне мы можем наблюдать прямое столкновение набора ортодоксальных ценностей с новой системой ценностей, которая оказывается на поверку не только более эффективной, но и более истинной. В этом столкновении мы можем видеть некоторые из поистине революционных последствий, расцвет которых нам предстоит пережить, если мы признаем, что человеческая природа недооценивалась, что человек имеет высшую природу, которая так же <инстинктоподобна>,

как и его низшая, и что именно в этой высшей природе человека рождается потребность в осмысленном труде, в ответственности, в креативности, потребность в добросовестности и точности, потребность делать стоящее дело и делать его хорошо.

Достаточно понять это, и мы согласимся, что говорить о вознаграждении за труд, имея в виду только <зарплату>, <премию> и прочие способы материального поощрения, становится уже невозможно. Разумеется, базовые потребности могут быть подкуплены деньгами, но стоит перейти некий рубеж, стоит удовлетворить их, и оказывается, что людей интересуют и более высокие формы <вознаграждения>, такие как чувство общности, любовь, уважение, самоуважение, почет, такие как возможность для самоактуализации, для постижения высших ценностей - правды, красоты, совершенства, справедливости, порядка, законности и т. д.

Бесспорно, здесь есть о чем поразмыслить не только марксистам или фрейдистам, но также и политикам, и военным, и самым большим начальникам, и даже либералам.

18

О низших жалобах, высших жалобах и мета-жалобах

Основной принцип, определяющий отношение человека к труду, можно сформулировать примерно так. Люди могут жить на разных уровнях мотивационной иерархии57, то есть могут жить высокой жизнью и низкой жизнью; они могут влачить существование на грани выживания где-нибудь в трущобах, или судьба дарует им жизнь в евпсихичном обществе, дарует им удовлетворение потребностей низших уровней, так что они смогут жить более высокой жизнью и размышлять о поэзии, о математике и тому подобных вещах.

Есть различные способы определения мотивационного уровня жизни. Например, можно понять, на каком уровне живут люди, исходя из того, над чем они шутят и что им кажется смешным. Человек, живущий на низшем мотивационном уровне, зачастую находит смешное в жестокости, - его может развеселить, например, рассказ о пожилой женщине, которую покусала собака, или о городском идиоте, которого дразнят дети. Примером иного типа может послужить линкольновский юмор, философский и поучительный. Он вызывает скорее мягкую улыбку, нежели гомерический хохот, в нем нет и намека на жестокость. Этот, более высокий тип юмора будет непонятен человеку, живущему на низшем мотивационном уровне.

Проективные тесты могут показать нам, каким образом мотивационный уровень находит выражение во всевозможного рода симптомах и экспрессивных актах. Как известно, при помощи теста Роршаха можно обнаружить, к чему стремится человек, чего он хочет, что ему нужно, чего он жаждет. Мы знаем, что удовлетворенные базовые нужды имеют тенденцию вытесняться из сознания, исчезать в подсознании. В каком-то смысле они перестают существовать для человека, во всяком случае они уже не представлены в его сознании. Они уступают место тому, к чему человек стремится, чего он хочет, что ему нужно, тому, что ждет человека впереди, на более высоком уровне мотивационной иерархии. Концентрация именно на этих,

Общество

более высоких потребностях показывает, что все низшие потребности удовлетворены, но она также свидетельствует о том, что потребности еще более высокого порядка, те, что не попадали в сферу стремлений человека, пока невозможны дчя него, не стали для него реальностью, так что человек даже не задумывается над ними. Вот к каким выводам может привести нас тест Роршаха. Примерно о том же можно судить, анализируя сны.

На эту же логику опирается и моя мысль о том, что уровень жалобы - а ведь жалоба есть не что иное, как выражение желаний и стремлений человека - может служить индикатором мотивационного уровня, на котором живет человек; если, например, изучить уровень жалоб на каком-то конкретном предприятии, то при достаточно представительной выборке можно сделать обоснованный вывод об уровне здоровья этого предприятия.

Например, возьмем рабочих, работающих на неком <трущобном> предприятии с авторитарным стилем управления, рабочих, для которых обыденной реальностью стали страх, бедность и даже голодная смерть. Эти обстоятельства определяют выбор работы, поведение их начальников и покорность, с которой люди терпят жестокое обращение. Если кто-то из них и осмелится жаловаться, то его жалобы будут о том, что не удовлетворены его базовые потребности, низшие в мотивационной иерархии. Жалобы низших уровней - это жалобы на холод, сырость, опасность для жизни, усталость, плохое жилье, на отсутствие или нехватку биологически насущных вещей.

Разумеется, если в современном индустриальном обществе вы слышите подобные жалобы, то это показатель чрезвычайно плохого управления и чрезвычайно низкого уровня жизни. Сегодня на среднестатистическом предприятии вряд ли вам доведется услышать жалобы такого рода. Они позитивны, потому что в них проявляются желания людей, стремление иметь больше того, чем им доступно сейчас, - но эти желания оказываются все на том же низком уровне. Так, мексиканский рабочий, высказывая недовольство с мотивационного уровня безопасности, будет жаловаться на то, что несправедливо уволен, или что не может планировать свой семейный бюджет, потому что не знает, как долго продержится на этой работе. Он может жаловаться на опасные условия труда, на притеснения начальства, на унижения, которые ему приходится терпеть, чтобы не потерять работу, и т. д. Я думаю, что можно назвать низкими жалобами такие, которые идут от биологического уровня, от уровня безопасности, возможно, те, которые происходят от уровня стадности или принадлежности к неформальной социальной группе.

Уровни более высоких потребностей находятся в сферах признания и самоуважения; на этих уровнях для человека становятся важными проблемы гордости, автономности, самоуважения, уважения со стороны окружающих, актуальными становятся чувства собственной значимости, поощрения, похвалы, доверия от окружающих. Жалобы с этого уровня главным образом будут касаться того, что нечто наносит ущерб гордости человека, угрожает его самооценке или роняет престиж. Теперь, раз уж мы добрались до мета-

жалоб, я должен пояснить, что такое мета-мотивы и какую роль они играют в жизни самоактуализирующегося человека. Они отличны от прочих мотивов, их можно определить как высшие ценности. Эти мета-потребности, потребности в совершенстве, справедливости, красоте, правде и прочем проявляются на производстве, например, когда мы слышим жалобы на неэффективность производства (при этом зачастую неэффективность никак не отражается на кармане недовольного). По существу такой сотрудник делает заявление о несовершенстве мира, в котором ему приходится жить (подчеркну - эта жалоба не эгоистична, она носит имперсональный характер, если хотите, даже альтруистический). Другой человек может сетовать на то, что его лишают информации, что он не знает всей правды, всех фактов, или высказывать недовольство иными вещами, препятствующими его общению с миром или нарушающему взаимоотношения с ним.

Это желание правды, честности, стремление к полноте мировосприятия также является скорее мета-потребностью, нежели <базовой> потребностью, и люди, которые могут позволить себе роскошь высказывать жалобы такого уровня, живут на очень высоком мотивационном уровне. В циничном обществе, в обществе, управляемом ворами, тиранами или мерзкими людьми, вы не услышите подобных жалоб, все жалобы будут исходить от более низких уровней. Другой пример мета-жалоб - жалобы на несправедливость; мне часто приходилось встречать их в протоколах опросов работников вполне благополучных предприятий. Они могут жаловаться на несправедливость даже в том случае, если она выгодна им с материальной точки зрения. Еще один пример мета-жалобы - жалоба на то, что добро не ценится, что побеждает зло, то есть, в сущности, опять-таки жалоба на несправедливость.

Другими словами, все настойчиво говорит нам за то, что люди будут жаловаться всегда. Нет райских кущ, нет райского блаженства, нет рая как такового, есть лишь краткий миг довольства. Как ни удовлетворяй потребности человека, никогда не будет так, чтобы он на чем-то успокоился. Смирение в удовлетворении само по себе отрицает величие промысла человеческой природы, ибо смирение означает, что нет совершенства более совершенного, чем достигнутое, что нет высот, к которым можно было бы устремиться, - а это, конечно же, чепуха. Невозможно представить миллионы лет дальнейшего развития человека, вновь и вновь устремляющегося к уже достигнутому совершенству. Человеческое существо всегда будет способно взалкать, какое бы удовлетворение, блаженство, удача ни постигли его. Да, человек будет абсолютно счастлив, но лишь некоторое время. А затем, привыкнув к достигнутому, он забудет, как жадно стремился к нему, и устремит свои помыслы в будущее к еще большему совершенству, в очередной раз постигая нетерпеливым умом, что все могло бы быть куда как лучше. В этом процессе мне видится вечность, мне кажется, что такое будет происходить с человеком и завтра, и всегда (160).

Я хочу акцентировать внимание на этом положении, потому что, судя по литературе, затрагивающей проблемы менеджмента, именно с ним связана большая часть разочарований, именно оно повинно в крахе иллюзий и даже в отказе от философии просвещенного менеджмента и возврате к авторитарным формам управления, потому что в нем причина тому, что никакое, даже самое разумное управление не может добиться полной удовлетворенности работников, обязано выслушивать непрекращающиеся жалобы сотрудников даже тогда, когда налицо явное улучшение условий труда и жизни. Но теперь мы знаем, что согласно теории мотивации не стоит ждать прекращения жалоб, можно рассчитывать лишь на то, что жалобы будут становиться все более высокими, перемещаясь с низшего уровня потребностей на более высокий, а с высокого - на мета-уровень. Это согласуется с описанным мною принципом бесконечности мотивации, согласно которому по мере улучшения условий мотивация смещается на все более высокие уровни. Это согласуется в то же время и с моей теорией уровней фрустрации. Я отказался от примитивного понимания фрустрации как исключительно негативного состояния, я утверждаю, что фрустрация имеет некую иерархичность и что переход от низшего уровня фрустрации к более высокому - благой знак, удача, симптом счастливой судьбы, хороших социальных условий, личностного созревания и т. д. Если жители моего города недовольны программой благоустройства, если женщины создают комитеты, чтобы выразить протест дурному уходу за розами в городском парке, - это чудесно, потому что показывает нам высоту фрустрации, которой наполнена жизнь недовольных. Если вас огорчают чахнущие в городском парке розы, это значит, вы сыты, у вас есть крыша над головой, вам не угрожает бубонная чума, вы не боитесь, что в ваш кубок с вином подсыплют яд, это означает, что полиция и пожарная

дружина хорошо делают свое дело, что хорошо работают школы, хороши местные политики, - то есть нет повода для более примитивной фрустрации. Вот в чем смысл моей теории: недовольство высшего уровня нельзя рассматривать как любое другое недовольство; с его помощью мы можем выявить более низкие недовольства, которые были удовлетворены прежде, чем стало возможным это, более высокое, недовольство.

Если просвещенный, умный менеджер примет мой взгляд на вещи, то он будет готов понять новый, более высокий уровень жалоб и фрустрации у своих подопечных, возникающий в ответ на улучшение условий, не станет рассчитывать на то, что с улучшением условий наступит благодать и придет конец всякому недовольству. Он не станет попусту огорчаться и чувствовать себя обманутым, он не обозлится на человечество за то, что его подчиненные продолжают роптать, несмотря на все усилия, деньги и хлопоты, вложенные в улучшение условий их труда. Он должен задать себе вопрос:

с каких мотивационных высот звучит этот ропот? Поднялись ли жалобы на более высокий мотивационный уровень? Это все, чего он может ожидать от своих трудов, все, чего он должен научиться ждать. Это единственное мерило

эффективности затраченных им усилий, и эте единственное, на что он может рассчитывать. Но по моему мнению, добившись успеха в этом, наш менеджер вправе испытать прилив счастья, а не просто тихую радость.

При этом нужно быть готовым решить несколько специфических проблем. Одна из них - что называть справедливостью и несправедливостью? Понятно, что жалобы зачастую вызваны сопоставлением того, что дано человеку, с тем, что дано окружающим, сравнением себя с другими. Человек обижается, например, на то, что у кого-то лучше освещено рабочее место, более удобное кресло, более высокая зарплата и так далее. Недовольство может быть вызвано до крайности мелкими, незначительными обстоятельствами - человек может сравнить размер своего стола с размером стола соседа или вспоминать, сколько цветов преподнесли ему на юбилей сотрудники, и прочее. Зачастую нам придется выносить суждение ad hoc, определяя, счесть ли эту конкретную жалобу рожденной неудовлетворенной метапотребностью в справедливости или же она происходит с более низкого уровня, от потребности в доминировании, является способом обойти коллегу, оттолкнув его локтем, проявлением карьеризма. В книге Далтона приведено несколько примеров разных жалоб и показывается, что их причиной может быть даже неудовлетворенная потребность в безопасности. Мне припоминается один пример из этой книги. Сотрудники заметили, что если секретарша начальника вдруг становится холодна к кому-то и старается не замечать его, значит, его ждет скорое увольнение. Иначе говоря, в каждом конкретном случае нам придется догадываться о том, какой уровень мотивации стоит за той или иной жалобой.

С другой специфической проблемой нам придется столкнуться при попытке проанализировать значение денег для мотивации. Деньги могут оказаться вовсе не представленными в мотивационной иерархии. Пли могут быть связаны с низким уровнем ценностей, или со средним, или с высоким, или даже с уровнем мета-ценностей. Когда я пытался точно привязать тему денег в жалобах к конкретному уровню потребностей, то почти всегда либо терпел неудачу, либо замечал возможные разночтения и, сочтя, что такие жалобы невозможно добросовестно ранжировать, вычеркивал их из общего списка.

Несомненно, будут и другие трудные в оценке ситуации. Наверное,

разумнее всего при столкновении с такими данными не пытаться оценить их, а отбросить их как невозможные к использованию. Конечно, если иметь время и силы на огромное, тщательное и персональное исследование проблемы, можно вернуться к этим данным, заново пристрастно проинтервьюировать людей и в конце концов разобраться, к какому именно мотивационному уровню относилась сомнительная жалоба, например, жалоба на нехватку денег. Но в рамках реального исследования такой идеализм недостижим и невозможен, в нем просто нет необходимости. Это трижды верно, если мы в экспериментальном исследовании пытаемся выработать общий критерий для оценки разных предприятий, например, для завода, отли-

чающегося хорошим менеджментом, и для завода, отличающегося плохим менеджментом.

О действительно плохих условиях. Не стоит забывать, насколько кошмарными могут быть условия на самом деле. Учебники по менеджменту не дают нам примеров действительно плохих условий труда и жизни, с которыми приходилось столкнуться любому, кто вынужден был перебиваться случайными заработками или согласиться на работу, не требующую высокой квалификации, не дают примеров условий, максимально приближенных к боевым. Может быть, в качестве крайней метки на этой шкале стоит принять условия жизни военнопленного, заключенного или узника концентрационного лагеря. Или представить себе маленькое, на одного-двух наемных работников предприятие, вторгшееся в высококонкурентную и жестокую сферу бизнеса, где на счету каждый цент, где хозяин может получать прибыль, только сдирая три шкуры со своих работников, доводя их до изнеможения, выжимая из них все соки так долго, как только они смогут вынести. Не стоит обманывать себя, называя крупные корпорации, отличающиеся относительно плохим менеджментом, <корпорациями с плохими условиями труда>; условия на них не такие уж плохие. Тут имеет смысл вспомнить, что 99 процентов населения земного шара много бы дали за то, чтобы получить работу в худшей из этих корпораций. Чтобы иметь возможность сравнения, мы должны иметь примеры более разнообразные. Думаю, для целей подобного исследования полезно уже сейчас начать подбирать коллекцию примеров действительно плохих организаций.

Еще одна сложность. Есть побочное следствие хороших условий жизни, которое только сегодня становится очевидным и которое очень удивило меня, когда я впервые столкнулся с ним. Оно заключается в том, что хорошие условия с одной стороны способствуют развитию большинства населения, но с другой стороны оказывают плохое, даже пагубное влияние на отдельных членов общества. Например, неприкосновенность личности, дарованная представителям власти, приводит к предосудительному поведению облеченных властью людей. Или свобода в принятии решений, отсутствие запретов и связанное с этим повышение личной ответственности за дело заставляют людей зависимых и пассивных тревожиться и испытывать страх. Я не так уж много знаю об этом парадоксе, потому что заметил его только в последнее время. Но при исследованиях подобного рода его нужно обязательно иметь в виду. Прежде чем мы попытаемся дать ему объяснение, прежде чем мы возьмемся проводить какие бы то ни было эксперименты, необходимо аккумулировать как можно больше конкретных его описаний. Представьте себе проблему следующим образом. Предположим, что большая часть населения близка к некой психопатологической крайности, - например, люди с легкостью готовы стащить что ни подвернется под руку. Но они живут и работают в обстановке строгого контроля, за ними все время присматривают, и искушение, как и сами дурные наклонности, не осознаются ими. И вот однажды

www.koob.ru

некий банк решил объявить <день доверия>: отключил сигнализацию, дал выходной охранникам и во всем положился на своих сотрудников. В такой ситуации на десять или двадцать служащих обязательно найдется один, - я на самом деле не знаю соотношения, - который испытает искушение чтонибудь стащить. Обязательно найдется и такой работник, который не сможет побороть этого искушения и поддастся ему.

Не надо думать, что хорошее отношение к человеку, хорошие условия неизбежно побудят всех без исключения людей к росту и самоакгуализации. От некоторых невротиков этого не приходится ждать. Совсем не обязательно это и для людей с определенной конституцией и темпераментом. Наконец, некоторую, небольшую долю краж, проявлений садизма и прочих язв человеческой природы можно списать именно на <хорошие условия>, на соблазн, в который оказался введен человек, полностью предоставленный своей чести и совести. Мне вспоминается в связи с этим принцип <полного доверия>, применявшийся в Корнуэльском университете, когда я учился там на последних курсах в 1926-1927 годах. Принцип настолько поразил воображение студентов, настолько польстил им и доставил столько удовольствия, что для девяноста пяти процентов их он прекрасно работал. Но на каждом из экзаменов обязательно один-два или даже три процента студентов пользовался им, чтобы списать, обмануть, сжульничать. Для них этот принцип не работал. Похоже, этот принцип <полного доверия> все же не стоит распространять на ситуации, где искушение слишком велико, где ставка слишком высока.

Все описанные мною идеи и техники в принципе можно применить и в иных социально-психологических ситуациях. На примере колледжа, изучив жалобы профессорско-преподавательского состава, представителей администрации и студентов, оценив мотивационный уровень их недовольства, мы сможем судить о степени просвещенности этого колледжа. В этой ситуации перед нами предстанет вся иерархия недовольства, иерархия потребностей, которые не находят удовлетворения. Этот же подход будет достоверен при исследовании супружества; с его помощью можно, основываясь лишь на жалобах супругов, даже оценить успешность конкретного брака или, вернее сказать, степень его здоровья или нездоровья. Мы поймем, что может значить для супружеской жизни, если жена жалуется на то, что муж забыл подарить ей к празднику цветы, или что он никак не запомнит, сколько ложек сахара нужно класть в ее кофе, и в то же время не высказывает претензий по поводу разбитого носа или выбитых зубов. То же самое верно ив отношении Детей, пеняющих на своих родителей. И в отношении детей, недовольных своей школой и своими учителями.

Думаю, я вправе сделать вывод о том, что здоровье или уровень развития любой организации в принципе можно оценить при помощи этой техники - техники исследования недовольства и жалоб, техники определения места этих жалоб в общей мотивационной иерархии. При этом не стоит забывать, что какими бы хорошими ни были брак, школа, колледж или родители,

человек всегда будет устремлен к лучшему, а значит, всегда будет высказывать недовольство. Кроме того, жалобы необходимо подразделять на позитивные и негативные. Негативными я называю жалобы на то, что не удовлетворены, находятся под угрозой или в опасности низшие его потребности, даже если прежде, когда им ничто не угрожало, человек не замечал их или считал их удовлетворенность само собой разумеющейся. Недовольство такого рода более резкое и более острое, чем позитивное. Например, если вы спросите человека, чем хорош его дом или место его

работы, он вряд ли расскажет вам, что в его доме есть полы и поэтому у него всегда сухие ноги, или что в его рабочем кабинете нет клопов и тараканов. Он считает все это само собой разумеющимся и не включает в список достоинств. Но какой крик он поднимет, если какое-нибудь из этих само собой разумеющихся условий вдруг будет нарушено! Иначе говоря, удовлетворение низших потребностей не ценится человеком и не вызывает у него чувства благодарности судьбе, но стоит ему ощутить угрозу их отправлению, как они становятся источником бурных жалоб. А с другой стороны, кроме негативного недовольства, мы можем говорить о позитивном недовольстве, или о позитивных жалобах, или о предложениях по исправлению неудовлетворяющей ситуации. Они, как правило, обращены к тому, что находится выше насущного в мотивационной иерархии, к тому, что впереди, к следующей манящей цели.

По моему мнению, первым шагом к использованию метода изучения жалоб должен стать сбор образцов крайних проявлений дурного управления и дурных условий жизни. Могу привести пару примеров. Так, один обойщик мебели как-то признался мне, что порой ему хочется просто убить своего хозяина, и что он продолжает работать на него только потому, что не может найти подходящую работу. Проблема состояла в том, что его хозяин не желал обращаться к нему по имени, а вместо этого подзывал к себе свистом. Хозяин знал, что это оскорбительно для работника, но, скорее всего, умышленно продолжал так поступать, заставляя обойщика злиться все больше и больше. Приведу еще один пример, на этот раз из моего личного опыта. Еще в студенческие годы я решил подзаработать на летних каникулах в ресторане курортного отеля. Я подписал контракт на все лето, согласно которому должен был работать официантом (это было примерно в 1925 году), и затем направился в отель. Однако в первый же день меня поставили на место помощника официанта, я должен был собирать посуду со столов и относить ее в мойку. Эта работа оплачивалась гораздо ниже, чем работа официанта, и кроме того, там не предполагалось чаевых. Я оказался в ловушке - у меня не было денег, чтобы вернуться домой, а искать другую работу на лето было уже поздно. Хозяин пообещал мне, что скоро переведет меня в официанты, и я поверил ему. Как помощник официанта я работал за смехотворную зарплату - чтото около двадцати долларов в месяц без всяких чаевых. Я обязан был выходить на работу ежедневно, без выходных, и трудиться по четырнадцать часов в день. В довершение всего хозяин попросил персонал взять на себя дополни-

тельную работу по приготовлению салатов, сказав, что человек, который должен был готовить их, отпросился на день-другой. Мы несколько дней беспрекословно делали эту работу, прежде чем решились спросить у хозяина, когда же объявится долгожданный специалист по салатам, и он пообещал, что тот придет уже завтра. Вся эта волынка тянулась около двух недель, пока наконец всем нам не стало ясно, что хозяин просто дурачит нас, стараясь таким образом сэкономить пару долларов.

К дню Независимости в отеле собралось много отдыхающих, и нам было ведено приготовить какой-то немыслимый торт. Торт получился великолепным, но приготовление его заняло уйму времени, все сотрудники вынуждены были задержаться до глубокой ночи. Мы договорились безропотно исполнить приказ, но на следующий день, когда пришло время праздничного обеда и официанты разнесли первую перемену блюд, весь персонал дружно, как один человек, объявил, что работать на этого сквалыгу больше не будет. Конечно, со стороны работников это была великая жертва, потому что в разгар сезона в курортном городе трудно было подыскать хорошую работу, да и вообще какую-нибудь работу, однако мы горели такой ненавистью к работодателю и так страстно желали отомстить ему, что я до сих пор, хотя прошло уже тридцать пять лет,

испытываю восторг от того нашего поступка. Вот что я имею в виду, когда говорю о плохих условиях труда и об условиях,

приближенных к боевым.

Что ж, имея разнообразные описания столь дурного обращения работодателей со своими работниками, мы сможем показать иным недовольным, что на их предприятии все не так уж и плохо, что им в известном смысле повезло (чего они не замечают, считают само собой разумеющимся, нормальным). В принципе, если иметь под рукой перечень действительно невыносимых условий труда, мы можем даже не обращаться к ним с просьбой пожаловаться, а вместо этого спросить: может, на предприятии есть клопы? Может, рабочие мерзнут? Или наоборот страдают от жары? Не шумно ли у них? Нет ли опасности для здоровья? Может, они вынуждены всю смену дышать вредными парами химикатов? Не жестоко ли с ними обращаются? Есть ли у них на работе служба охраны труда? Не велик ли процент трудовых увечий?, и т. д. и т. п. Я думаю, что любой человек, которому будет представлен список из двухсот подобных вопросов, должен осознать, что отсутствие подобных кошмаров -уже само по себе благо.

Часть VI

Высшее постижение

19

Заметки о наивном познании

Одно из значений японского слова соно-мама - <особость>. (О сономама смотри в книге Судзуки <Mysticism: Christian and Buddhist> (144), на страницах 99 и 102.) Буквально оно означает свойство, отличающее данное явление или предмет от всех прочих. Мы говорим именно о таком свойстве, когда произносим <тигриный> (свойственный, принадлежащий тигру), <бетховенский>, <американский>. Они относятся к разряду специфических или характерных определителей основного качества, гештальта объекта, которые обеспечивают отдельное существование данного объекта, дают ему его индивидуальную идеографическую природу, обособляют его от всего остального.

Старое психологическое понятие <quale> обозначает то же самое, что <особость> по отношению к ощущениям. <Quale> - это качество, которому невозможно дать определение, которое невозможно описать, но именно благодаря ему красный цвет отличается, например, от голубого. Это сущность красноты красного, которая и составляет его <особость>, которая отличает его от голубого.

Мы имеем в виду нечто подобное в отношении людей, когда говорим:

<Это по нему!> Мы подразумеваем в этой краткой фразе, что <этого> можно ожидать от него, что <это> согласуется с его природой, что <это> ему по душе, характерно для него и т. д.

Судзуки на с. 99, где он впервые определяет понятие соно-мама, говорит об унитивном сознании, о <жизни в свете вечности>. Он утверждает, что Уильям Блейк имел в виду именно <соно-мама>, когда писал: <Здесь каждый миг стреляет вечность и бездна бьется в кулаке>. Здесь Судзуки очень близко подходит к мысли, что постижение особости, или постижение соно-мама, сродни познанию бытия, или высшему постижению (89), и подчеркивает при этом, что соно-мама, как взгляд на вещи в их особости, не что иное как конкретное восприятие.

Высшее постижение

Описания Гольдштейном больных с повреждениями мозга (39), вызывающими редукцию к конкретному, очень похожи на описание <особо сти> у Судзуки (например, когда Гольдштейн описывает редукцию цветового зрения и потерю способности к абстрагированию). Люди с повреждениями мозга видят каждый оттенок в его <особости>, они не в состоянии отнести этот оттенок к какому-либо общему континууму, не категоризируют его как оттенок, в котором больше или меньше того или иного цвета, не ощущают его как более зеленый или менее зеленый, но предельно обособляют его, воспринимают его как полноправный цвет, обладающий предельной особостью, не имеющий аналогов или образцов для сопоставления, не выделяют некую более общую категорию цвета - зеленый или голубой. Это то, что я понимаю как один из элементов особости (несравнимость). Если я прав в подобном толковании болезни, то мы должны быть чрезвычайно осторожны, чтобы не перепутать описанную Гольдштейном редукцию к конкретному, к вторичному, со свежим и конкретным восприятием здорового человека, не редуцированного к конкретному. Более того, мы обязаны четко отделить подобное редуцированное восприятие от познания бытия, или высшего постижения, потому что познание Бытия - это не только познание конкретной особости того или иного предмета или явления, но также и познание абстрактной особости, в различных значениях слова <абстрактность>, а в предельных выражениях - постижение всего космоса.

Стоит также провести грань между описанным выше способом восприятия и высшим переживанием (89) как таковым, или переживанием сатори, как называет его Судзуки. Например, высшее переживание всегда сопровождается постижением Бытия, но Бытие постижимо также и помимо высшего переживания; зачастую познанию Бытия способствует трагический опыт или даже познание зла. Для этого нужно провести различие между двумя типами предельных переживаний, между двумя способами познания Бытия. С одной стороны перед нами предстает космическое познание, о котором писал и Бьюк (18), и некоторые мистики. Этот тип познания направлен на весь космос, познающий человек видит взаимосвязь всего со всем, не исключая из общей череды предметов и явлений самого себя. Мои испытуемые описывали мгновения космического познания примерно такими словами:

<Я понимал, что принадлежу универсуму, я видел свое место в нем. Я ощущал свою значимость, но при этом понимал, как я мал и ничтожен. Одновременно я испытывал смирение и гордость>. Или: <Я отчетливо ощущал себя необходимой, неотъемлемой частицей Вселенной, я не был сторонним наблюдателем, я принадлежал ей и был неотделим от нее. Я не смотрел на нее сквозь черную бездну, наоборот - я был в ее центре, принадлежал ей как полноправный член семьи, не как приемыш или пасынок, не как прохожий, заглядывающий в окно>. Таков этот тип предельного переживания, способ постижения Бытия, и его обязательно нужно отличать от другого, завороженного восприятия, при котором сознание человека сужается до особости

Заметки о наивном познании

объекта или даже отдельной его части, например, картины или лица, ребенка или дерева, при котором остальной мир и собственное <Я> перестают существовать для человека. Поглощенность и завороженно сть объектом при этом настолько сильны, весь мир настолько забыт, что здесь недалеко и до со стояний транец енденции. Человек перестает осознавать себя, его <Я>, весь окружающий его мир, кроме заворожившего его объекта, уходит в небытие, объект становится целым космосом. Человек воспринимает объект как целостный мир. В такие мгновения для него существует только он, и больше ничего. А потому законы познания,

выработанные ранее для познания всего мира, в такие мгновения человек переносит на восприятие этого отдельного, вычлененного из мира объекта, заворожившего его, ставшего для него всем миром. Таковы два разных типа предельных переживаний. Судзуки, рассуждая о них, не проводит между ними четкой границы. В одном месте он говорит, что, глядя в крошечный цветок, можно увидеть Вселенную. А в другом рассказывает о религиозно-мистическом опыте сатори как о пути к слиянию с Богом, с Высшим, или с Универсумом.

Такая очарованность, сужающая взгляд на мир, подобна шорам на глазах, сродни состоянию муга. В состоянии муга вы погружены в свое занятие с полной беззаветностью, вы не в состоянии думать о чем-либо ином, вы не колеблетесь, не осмысляете критически, не сомневаетесь, вы не поддаетесь воздействию посторонних внутренних и внешних препятствий. В этом состоянии возможна чистейшая, совершеннейшая, абсолютная спонтанность поступков, на которые не в силах повлиять никакие запреты. Такая спонтанность, такая полная свобода возможна только в тех случаях, когда человек отрешается от своего <Я>, забывает о себе.

Состояние муга часто путают с состоянием сатори. В литературе по дзэн-буддизму состояние муга обычно описывается как полная поглощенность каким-то делом, неважно каким, пусть даже и колкой дров, лишь бы кольщик работал с усердием и от души. Но в то же время дзэн-буддисты говорят о нем как о мистическом опыте единения с космосом. Мы же все-таки будем понимать, что эти два состояния в определенном смысле весьма различны.

Так же критически стоит отнестись к нападкам дзэн-философии на абстрактное мышление. Мы не можем согласиться с утверждением, что ценность представляет лишь конкретная особость, что абстрагирование любого рода пагубно. Следуя этому убеждению, мы рискуем впасть в добровольную саморедукцию к конкретному, вплоть до очевидно дурных последствий, прекрасно описанных Гольдштейном.

Очевидно, что мы, психологи, не можем конкретное восприятие счесть единственным источником истины, единственным благом, не можем абстрактное познание счесть абсолютным злом. Мы всегда должны помнить, что самоактуализированный человек способен как к конкретизации, так и к абстрагированию, в зависимости от того, чего требует от него ситуация, должны помнить, что ему по душе как первое, так и второе.

Высшее постижение

В книге Судзуки на странице 100 приведен замечательный пример, который прекрасно иллюстрирует эту последнюю мысль. Там описан маленький цветок, предстающий перед автором как в его особости с одной стороны, так и в его богоподобии, преисполненности небесным изяществом, осиянности светом вечности и так далее и тому подобное - с другой стороны. Очевидно, что цветок воспринимается не только в его конкретной особости, но в то же время как Вселенная, не требующая обязательного учета прочих компонентов для постижения ее величия. Постигается его высшая, символическая, вселенская сущность, цветок становится цветком в себе, а не цветком самим по себе. Ведь только когда цветок представлен наблюдателю как цветок в себе, возможны рассуждения обо всех этих вещах, вроде вечности, таинства Бытия, неземного изящества и т. п., только тогда он видится в свете высшей реальности; говоря иными словами, постижение цветка подобно взгляду через него в высшую реальность.

Продолжая говорить о цветке, Судзуки критикует Теннисона за то, что лирический герой одного из известных его стихотворений срывает цветок, использует его как объект для размышлений и абстракций и в конечном

счете грубо расчленяет его. Судзуки порицает его за это. Он приводит Теннисону в пример японского поэта. Тот не сорвал цветка, не искалечил его. Он оставил его там, где нашел его. Вот высказывание Судзуки со с. 102: <Он не вырывает цветок из всеобщности его окружения, он постигает соно-мама цветка, не цветок сам по себе, но ситуацию, в которой он находится, - ситуацию в самом широком и глубоком смысле этого слова>.

На с. 104 Судзуки обращается к Томасу Трейне. Первая цитата хорошо иллюстрирует понятие <унитивное сознание>, как слияние высшей реальности с насущной реальностью. Так же удачна вторая цитата на этой же странице. Но начиная со с. 105 мы сталкиваемся с полным сумбуром. Здесь Судзуки начинает говорить о состоянии <наивности>, разумея под ним унитивное сознание, слияние вечного с преходящим, сближая унитивное сознание с первичной наивностью ребенка по Трейне. Для Судзуки как унитивное восприятие, так и первичная наивность одинаково похожи на возвращение в райские кущи, в Эдем, в те времена, когда с древа познания добра и зла еще не был сорван первый плод. <Мы вкусили запретный плод с древа познания добра и зла, и это привело нас к постоянной привычке интеллектуализирования. Но по сути нам никогда не забыть, откуда родом эта наивность>. Судзуки считает эту библейскую, христианскую наивность тождественной <бытию соно-мама>, то есть способности созерцать особость. Мне кажется, что это очень серьезная ошибка. Христианский страх перед познанием, ярко выраженный в библейской легенде о потерянном в результате познания райском блаженстве, жив и по сей день. Сегодня он выражается в антиинтеллектуализме, в боязни познания, в боязни ученых и т. п., в предубеждении, что вера, смирение и простота, то есть наивность в духе Франциска Ассизского, всяко праведнее заведомо лукавого интеллек-

туального познания. В христианской традиции мы можем встретить отголоски убеждения, что наивность и интеллект взаимно исключают друг друга, что знания мешают простой и наивной вере, а поскольку вера заведомо важнее и полезнее знаний, следовательно, учиться вредно, быть ученым опасно или даже пагубно для души, и так далее и тому подобное. Я могу утверждать, что подобные взгляды проповедуются во всех известных мне <примитивных> сектах. Все они подозрительно относятся к знанию любого рода, утверждая, что знание <дано Богу, но не человеку>*.

Но невежественная наивность отличается от наивности мудреца, от искушенной наивности. Более того, конкретное восприятие ребенка и его способность воспринимать вещи в их особости совершенно определенно отличаются от конкретного восприятия и восприятия особости самоакгуализированного взрослого человека. Они диаметрально отличны хотя бы по следующей причине. Ребенок отнюдь не редуцирован к конкретному, он просто-напросто еще не дорос до абстрактного. Он наивен, потому что несведущ. Его наивность в корне отличается от <вторичной наивности>, как я назвал ее, от наивности мудрого, самоактуализированного, старого человека, который познал мир, познал все его пороки, несуразности, слабости, ссоры и слезы и однако смог подняться над ними, смог прийти к унитивности восприятия, дающей ему видение высшей реальности, видение красоты Вселенной сквозь мразь и морок пороков, слабостей и слез. За несовершенствами мира и даже в самих несовершенствах он видит совершенство. Это в корне отличается от наивности несведущего ребенка, описанной Трейне. Наивность ребенка определенно иная, чем наивность святых и мудрецов, людей, познавших вкус грубой реальности, живших с ней и боровшихся с ней, страдавших от нее и вопреки всему поднявшихся над ней.

Эта взрослая наивность или наивность самоактуализированного человека в некоторых отношениях тождественна или даже синонимична унитивному сознанию, слиянию и интеграции реальности высшего Бытия и насущной реальности. Стремление к подобного рода наивности дает нам здоровое, реалистическое, доступное познанию, вполне человеческое совершенство, которого сильные, мощные и самоакгуализированные личности действительно могут достичь, идя по пути глубинного познания насущной реальности. Это познание в корне отличается от детского познания Бытия. Ребенок еще ничего не знает о мире, его наивность резонно было бы назвать невежественной. Его внутреннее мироощущение отличается от религиозного мироощущения, свойственного в том числе и самому Трей-

* Я подумал - а не означает ли <познание добра и зла> из библейской легенды старое доброе сексуальное <знание>, не означает ли символическое поедание яблока обнаружение запретной сексуальности, потерю наивности не в традиционной интерпретации, а в виде грубой и прямой потери невинности? Может быть, здесь стоит поискать истоки традиционной христианской антисексуальности?

не, от мироощущения, в котором отрицается все, что касается насущной реальности (отрицается во фрейдистском смысле). Такие люди смотрят вокруг и не желают видеть ее. Они не признают ее. Такого рода нездоровое, фантазийное восприятие принимает только <высшее>, а <низшему> отказывает даже в праве на существование. Оно нездорово именно потому, что фантазийно, - иначе говоря, отрицательно, по-детски невежественно, не признает знания и опыта.

Это все равно, что попытаться отделить высокую нирвану от низкой нирваны и объявить низкую недостойной нашего внимания, все равно что отделять высшее единство от низшего (93), высокую регрессию от низкой, здоровую от нездоровой. Некоторые религиозные люди поддаются искушению подменить познание высшего, познание Бога и высшего Бытия регрессией, детским, невежественно-наивным постижением мира. Когда мы слышим призывы вернуться в Эдем, в те времена, когда человек еще не вкусил яблока с древа познания добра и зла, мы должны понимать, что нас призывают к регрессии. В их устах очень буквально звучит высказывание: <Много знания приносят много печали>. Следуя их логике, нужно понимать это так:

лишь глупец и невежда достоин счастья, ему принадлежит царство небесное, ибо он избавлен от слез и страданий.

Но если уж вести речь о детстве и наивности, то здесь как нигде уместно сказать, что <домой возврата нет>. Человек не можетрегрессировать, взрослый не может вернуться в детство. Невозможно зачеркнуть прожитые годы, невозможно снова стать наивным; если вы не зажмуривались и не затыкали уши всю жизнь, вы не сможете убедить себя, что ничего не видели и ничего не поняли. Познание необратимо, опыт необратим, - именно в этом смысле домой возврата нет. Человек не в состоянии регрессировать к детской наивности, сколько бы он ни юродствовал и ни притворялся беспомощным. Если уж вы взрослый человек, то не стоит желать себе нового детства, как не стоит требовать в железнодорожной кассе билет до Эдема, потому что никто не продаст вам его. Взрослому человеку заказан этот маршрут, и все, что ему остается, - это устремляться вперед, расти и взрослеть, постигать наивность <вторичную>, наивность умудренной старости, проникаться унитивным мироощущением, которое единственно в состоянии дать человеку возможность познавать высшее через насущное. Единственный путь расширения насущной реальности, выхода за ее пределы - путь истинного знания, путь личностного роста и взросления.

Еще раз сформулирую, что мы имеем дело с тремя разновидностями конкретного восприятия. Во-первых, мы говорим о конкретном восприятии людей, редуцированных к конкретному, в случаях, например, поражений головного мозга. Во-вторых, мы говорим о восприятии ребенка, не доросшего до понимания абстрактного. И в-третьих, о восприятии здоровых взрослых, о такой разновидности конкретного восприятия, которая благополучно уживается со способностью к абстрагированию.

Заметки о наивном познании

269

То же самое можно сказать и о природном мистицизме по Вудвортсу. Вряд ли стоит принимать детское восприятие в качестве образца для самоактуализации, для высшего постижения, для постижения конкретного или постижения сою-мама, для постижения особости, - не стоит хотя бы потому, что ребенок не перерос абстрактного, он просто не дорос до него.

Обсуждая работы Экхарта, Судзуки и многих других авторов религиозного толка, необходимо отметить, что их определение унитивного сознания, которое является по сути слиянием вечного и преходящего, отрицает преходящее как таковое. (Смотри на с. 111 цитату из Экхарта, где он говорит о <сиюминутном>.) Эти авторы склонны считать истинной реальностью только священное, вечное или божественное, они вплотную приближаются к тому, чтобы отказать миру в реальности. Они не признают священного, вечного и божественного в преходящем, не признают, что сакральное можно и нужно видеть в мирском и через мирское, что высшую реальность можно и нужно видеть в насущной реальности. Я бы добавил, что ее просто невозможно увидеть каким-то иным образом, ибо высшая реальность лежит не за семью морями, не в ином мире, она не аристотелевский <немир>. Мир един и единственен, и то, насколько в человеке уживается высшее и обыденное, на самом деле зависит лишь от его способности воспринять мир с точки зрения вещей высшего порядка и одновременно во всей его обыденности. Прими мы иной подход, и тут же окажемся в ловушке. Мы начнем рассуждать о иных мирах и в конце концов опустимся до басен о боге, сидящем на облаках, о некоем рае, который в принципе осязаем и ощутим, но который просто существует где-то в другом месте. Мы примем религию в ее потусторонности и сверхъестественности, мы смиримся с ее нездешней, чуждой нам природой, отберем у нее гуманистическую и естественнонаучную составляющие.

Я понимаю, что когда я говорю о высшей реальности и о насущной реальности, может создасться впечатление, будто речь идет о двух отдельных реальностях в актуальном физическом пространстве и в актуальное физическое время, о разных, независимых друг от друга реальностях. Поэтому было бы лучше говорить о двух типах восприятия, двух типах познания, двух способах мироощущения. Также было бы правильнее говорить не об унитивном сознании, а об унитивном мироощущении. Таким образом мы избежим путаницы в рассуждениях о постижении высшего и обыденного, вроде той, которую нельзя не заметить далее у Судзуки, когда он заводит речь о переселении душ, о инкарнации и реинкарнации, и о прочих подобных вещах. Таков может быть крайний результат принижения мироощущения до полной предметности. Если же представить себе эти два типа познания как два мироощущения, тогда <переселения душ> просто не потребуются. Ведь нам же не приходит в голову говорить о переселении душ, когда мы слышим о человеке, который постиг суть музыкальной гармонии и по-новому услышал симфонию Бетховена. Мы понимаем, что симфония Бетховена обладает величи-

270

Высшее постижение

ем и гармонией независимо от проникновенности слушающего, что в данном случае слушающий просто обрел слух, и теперь, обретя иное мироощущение, иное понимание музыки, он в состоянии постичь эту симфонию, потому что теперь он знает, что нужно слышать и как нужно слушать, теперь он в состоянии понять величие и гармонию музыки Бетховена, понять, что она говорит, о чем хочет поведать ему.

20

Дальнейшие заметки о познании

Характеристики высшего познания и насущного познания' Высшее постижение Насущное познание

1. Полное, завершенное, самодостаточное, унитарное. Космическое познание по Бьюку, при котором вселенная воспринимается предельно целостно, в неразрывной связи с познающим, как его неотъемлемая часть; или иначе - человек, объект, часть представленного познающему мира видится как единая и единственная целостность, все остальное словно перестает существовать. Постижение цельное и целостное. Целостность постигаемого мира - или объекта.

2. Абсолютное, полное, сконцентрированное; поглощенность, завороженность, сфокусированное внимание; тотальное внимание;

1. Частное, неполное, не самодостаточное, в связи с иными, непредставленными восприятию объектами и явлениями.

2. Внимание обращено лишь на то, что имеет отношение к делу. Четкое разделение фигуры и фона. Объект представлен во взаимоотно-

* Перепечатывается с исправлениями из главы 6 в <Toward a Psychology of Being> (89). Также смотри главу 7 о характеристиках познающего Бытие в высших пережива-

272

Высшее постижение

тенденция к объединению фигуры и фона. Детализированное; многостороннее. <Заботливое>, всеобъемлющее, интенсивное, с полной включенностью. Психическая энергия полностью сконцентрирована в одном канале. Равноценность всех аспектов, безотносительность.

3. Не сопоставляющее (в духе ДоротиЛи). Объект представление?' se, как вещь в себе, как нечто, не хуже и не лучше чего-либо другого. Единственный член своего класса (в духе Гартмана).

4. Объект не соотносится с познающим.

шениях со всем остальным миром, как часть мира. Категоризация и рубрификация; ценность отдельных аспектов; внимание направлено лишь на отдельные свойства; каузальное, одностороннее восприятие,

3. Включающее объект в континуум или в череду объектов, явлений; объект сравнивается, оценивается, взвешивается. Член некоего класса, образчик, представитель.

4. Объект соотносится с потребностями человека, познающий выявляет, насколько <хорош> объект, для чего может быть использован, полезен, опасен и т. п.

5. Обогащает объект. Делает его более привлекательным. <Внутреннее

богатство объекта>.

6. Не обусловленное, не мотивированное, бесцельное. Объект не имеет отношения к потребностям человека, поэтому независим, своеволен.

7. Центр постижения переносится на объект. Познающий самозабвенен, самотрансцендентен, неэгоистичен, непредубежден. Познающий идентифицируется с познаваемым объектом и сливается с ним. Высшая поглощенность постижением и погруженность в

5. Обедняет объект, усекает и конкретизирует его богатство, делает менее интересным, менее привлекательным, истощает способность объекта требовать внимания к себе. Познание влечет за собой скуку.

6. Обусловленное, мотивированное. Объект рассматривается с точки зрения удовлетворения неких насущных потребностей, с точки зрения практической пользы.

7. Эго выступает в роли организатора познавательного процесса, его центра и диктатора, Эго проецируется в восприятие. Фактически воспринимается не объект как таковой, но объект, трансформированный восприятием.

Дальнейшие заметки о познании

273

него, растворение <Я> постигающего, процесс постижения организован вокруг объекта как центрирующей и организующей точки. Объект чист от <Я> постигающего, не заражен им, не запутан. Самоотречение.

8. Объекту дозволено оставаться самим собой. Постижение смиренное, рецептивное, пассивное, неопределяющее, нетребовательное. Невмешательно в духе даосизма. Согласие с ним, как он есть, и принятие его таким, как он есть.

9. Является целью для самого себя, само себя утверждает и подтверждает. Интересно само по себе. Самоценно.

8. Активно придает форму объекту, упорядочивает и производит отбор. Познающий приспосабливает объект, реорганизует его связи. Он работает над ним. Это утомительный процесс, в отличие от высшего постижения, которое, наоборот, снимает утомление. Целеустремленность, напряжение, усилие. Воля и контроль.

9. Является средством, инструментом, не имеет ценности само по себе, ценность и цель лежат вовне, познание нужно для чего-то иного, познание как приобретение билета до конкретной станции.

10. Оторвано от времени и пространства. Вечное и универсальное. <Мгновенье тянется как день, а дни мелькают как мгновенья>. Познающий дезориентирован во времени и пространстве, не осознает окружающего. Познаваемый объект исключен из всего окружающего. Исключен из течения времени.

10. Тесно связано со временем и пространством. Преходяще и локально. Представлено в тесной связи с историческим процессом и обстоятельствами физического мира.

11. Характеристики Бытия постигаются как высшие ценности.

11. Насущные ценности - это ценности-средства, такие как польза, желательность и нежелательность. соответствие насущным намерениям. Постигающий взвешивает, оценивает, сравнивает, оправдывает и

приговаривает, одобряет и осуждает.

274

Высшее постижение

12. Абсолютное (потому что происходит вне времени и пространства, потому что объект оторван от фона, потому что per se, потому что весь остальной мир и история забыты). Может сопровождаться восприятием процесса восприятия и трансформаций его, текущей произвольной реорганизацией внутри восприятия, - но только непосредственно внутри восприятия.

13. Приводит к разрешению дихотомии, противопоставления, конфликта. Все части постигаемого объекта существуют одновременно и равноправно, наполнены смыслом и необходимы, их совокупность воспринимается как высшее единство, высшая интеграция, подчиняющаяся законам целого.

14. Конкретно (и абстрактно). Одновременно во всех аспектах. Потому неизъяснимо (житейским языком), его возможно описать лишь целостно, языком поэзии, искусства и т. д., но и в этом случае описание будет понятно только тому, кто имел опыт подобного постижения. Опыт главным образом и в основном эстетический (в нортроповском духе). Отказ от предпочтений и селекции. Восприятие объекта в его особости (необходимо отличать от конкретного детского восприятия, от восприятия ограниченного взрослого человека и от восприятия людей с поражениями мозга, хотя бы потому, что оно не отрицает способности к абстрагированию).

12. Относительное, потому что соотносится с историей, культурой, характерологией, локальными ценностями, с интересами и потребностями человека. Преходящее познание. Реальность объекта весьма субъективна: иной познающий сотворит новую, свою реальность. Объект переносим из одной совокупности объектов в другую, то есть объект может быть фрагментом иных совокупностей.

13. Подчинено аристотелевской логике. Части представлены отдельно, не связанными друг с другом, отличными друг от друга, зачастую антагонистичными, враждебными друг другу.

14. Исключительно абстрактно. Категоризирует, рубрифицирует, схематизирует Классифицирует. <Редукция к абстрактному>.

Дальнейшие заметки о познании

275

15. Объект идеографичен, конкретен и уникален. Его классификация невозможна (кроме как для его абстрактных аспектов), потому что он - единственный член своего класса.

15. Объект номотетичен, подчиняется общим, статистическим законам.

16. Вызывает более тесный динамический изоморфизм между внутренним миром познаваемого объекта и внутренним миром познающего человека. Постигая сущность бытия, человек одновременно приближается к пониманию своего собственного бытия, и наоборот.

17. Познаваемый объект сакрален, священен, <особен>. Он требует почтения, поклонения, благоговения.

18. Мир и собственное <Я> зачастую (хотя и не всегда) представлены как забавные, комичные, смешные, абсурдные; но одновременно - пронзительные, мучительные. Смех (сквозь слезы). Философский смех.

Мир, человек, ребенок и т. д. воспринимаются как мучительно-прекрасные, абсурдные, очаровательные, чудесные. Как смеха достойные (смеха сквозь слезы). Преодоление дихотомии комичного и трагичного.

19. Объект и познающий не разменны и не заменимы. Никем и ничем.

16. Ослабление изоморфизма.

17. Объект <нормален>, повседневен, обычен, знаком, в нем нет ничего особенного; отчужден.

18. Если допускает смешное, то в ограниченных дозах. Не путает серьезное с забавным. Враждебный юмор, отсутствие юмора. Важность и солидность.

19. Заменимы и части познаваемого объекта, и сам объект.

276

Высшее постижение

Наивное восприятие (как аспект высшего постижения)

Для наивного человека все одинаково возможно, все одинаково значимо и интересно. Лучший способ понять это - посмотреть на что-нибудь глазами ребенка. Возьмите слово - для ребенка оно не значит ничего. Только то, что привлекает его внимание, что блестит и притягивает в данную минуту взгляд, представляется важным для него. Похоже, что ребенок способен только на самое элементарное структурирование, на самую элементарную дифференциацию окружающего мира (когда что-то выступает на передний план как фигура, а что-то отступает на задний план и становится фоном).

Детское восприятие ничего не ожидает, не предвосхищает и не предвкушает, у него в каком-то смысле нет будущего, потому что ребенок всецело <здесь и сейчас>, он не задумывается о неожиданностях и не способен разочароваться. Любое событие для него равновероятно. Это в известном смысле <совершенное> ожидание, оно созерцательно, оно не предъявляет к бытию никаких требований, не ждет, что произойдет то, а не произойдет это. Оно не строит прогнозов. Отказ от предсказаний лишает его беспокойства, тревог, нетерпения, дурных предчувствий. Возьмем, к примеру, детскую реакцию на боль. Она тотальна и несдержанна, она неподконтрольна. Весь детский организм вопит от боли и ярости. Отчасти это можно понять, как непосредственную реакцию ребенка на момент <здесь и сейчас>. Его реакция такая бурная, потому что ребенок не может ждать будущего, не умеет готовиться к нему, не умеет проигрывать ситуацию и предвосхищать. Он не знает, что ждет его в будущем и не порывается узнать (<Я не могу ждать>). Тут определенно нет нетерпения.

Ребенок полностью и безоговорочно принимает все, что бы ни происходило. Память у него коротка, физически коротка, ему мало что есть вспомнить, и он не подвержен искушению привнести свое прошлое в настоящее или в будущее.

Все это способы определения конкретного восприятия, постижения Бытия (ребенком), и также постижения бытия (в виде проблесков и зарниц понимания), свойственного умудренному опытом взрослому, который смог достичь <вторичной наивности>. Это имеет прямое отношение к моей концепции креативной личности, которую я описываю как личность <здесь и сейчас>, личность без будущего и прошлого. Теперь я могу сформулировать это так: <Креативный человек наивен>. Наивность следует понимать как способность взрослого человека по-детски воспринимать,

думать и реагировать. Именно эта детская наивность восстановлена во <вторичной наивности> мудрого взрослого.

С другой стороны, наивность можно понимать как прямое, непосредственное восприятие высших ценностей. Точно как в сказке Андерсена, где лишь ребенок смог увидеть наготу короля, в то время как взрослые словно

Дальнейшие заметки о познании

277

потеряли способность видеть и убеждали друг друга, что король одет в прекрасное платье (это очень похоже на эксперименты Аша (7)).

На поведенческом уровне наивность проявляется в виде самозабвенной спонтанности, поглощенности или завороженно ста, в отказе от самоотчета, в отказе от собственного <Я> и выходе за его границы. В этом случае поведение полностью подчинено заинтересовавшему, заворожившему человека явлению, которое внеположно по отношению к его <Я>. Человек уже не стремится <произвести впечатление>, он бесхитростен, его поступки не имеют за собой задней мысли, он не думает о том, что действует на виду, что за ним могут наблюдать. Его поведение полностью подчинено переживанию, оно не ищет некой интерперсональной эффективности.

Часть VII

Трансценденция и психология Бытия

21

Различные значения трансценденции

1. Трансценденция как утрата самоосознания, самоотчета и самоконтроля по типу деперсонализации. Она сродни самозабвенности, сопутствующей крайней степени концентрации внимания, поглощенности, завороженности. Медитация или концентрация на чем-то внеположном по отношению к наблюдателю и его психическому может вызвать самозабвенно сть, а следовательно утрату самоосознания, то есть трансценденцию Это, сознательного <Я>.

2. Трансценденция метапсихологического толка. Трансценденция собственного тела, собственных плоти и крови на пути идентификации с высшими ценностями, когда само <Я> сродняется с ними.

3. Трансценденция времени. В качестве примера приведу скучные университетские церемонии. Мне часто приходилось участвовать в них, подолгу выстаивать в нелепом профессорском облачении, и всегда я чувствовал тоску и досаду, пока однажды не ощутил странного озарения, не осознал себя неким вневременным символом. Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был

олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя.

Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы.

Можно трансцендировать время и усердным трудом во благо грядущих поколений и продолжателей полезного и важного дела. Об этом размышляет на пороге смерти герой романа Аллена Уилса <The Seeker>, когда думает, что лучшее, что он смог бы сделать в своей жизни, - посадить и вырастить дерево для своих потомков.

4. Трансценденция культуры. Самоактуализированный человек, или, говоря точнее, самоактуализированный человек, совершивший трансценденцию, универсален. Он принадлежит человечеству. Его питает определенная культура, но он поднимается над ней, во многом он независим от нее. Такой человек относится к взрастившей его культуре, образно говоря, также, как дерево относится к почве, взрастившей его, - ветви его устремлены ввысь, к солнцу, они стремятся прочь от своих корней. Я уже упоминал об устойчивости самоактуализированных людей к воздействиям окружающей их культурной среды. Такой человек может оценить взрастившую его культуру отчужденно и беспристрастно. Его взгляд на культуру сродни психотерапевтическому эффекту, когда человек переживает некое состояние и одновременно наблюдает за ним критическим, редакторским, отрешенным, беспристрастным взглядом, может подвергнуть его критике, одобрить или осудить, управлять им, а потому изменять его. Отношение самоакгуализированного человека к своей культуре, к тем ее составляющим, которые он сознательно принял, в корне отличается от слепой, бездумной, неосознаваемой, несведущей, некритичной и полной идентификацией с культурной средой и ее традициями.

5. Трансценденция прошлого. Человек может двояко относиться к своему прошлому. Он может относиться к нему трансцендентно, когда прошлое предстает перед ним как объект высшего постижения. Он перерастает свое прошлое, включает его в пределы своего настоящего <Я>. Он постигает свое <Я> и потому прощает его. Он не терзается раскаянием, виной, стыдом, сожалениями, смущением и тому подобными чувствами.

Такой подход к прошлому отличен от взгляда на прошлое как на нечто, что человек не в состоянии был изменить, где он выступал как пассивное начало, влекомое внешними обстоятельствами. В определенном смысле это означает смиренное порицание своего прошлого. И в то же время человек соглашается с тем, что его прошлое будет и впредь определять его поведение, его настоящее.

6. Трансценденция <Я>, Эго, эгоизма, эгоцентризма и т. д. Подразумевает отклик на требования внешнего, на те задачи, обстоятельства, обязанно-

ста, ответственность, которые диктуют нам другие люди и внеположный по отношению к нашему <Я> мир. Добросовестное исполнение человеком

обязанностей, возложенных на него обществом, можно рассматривать в аспекте вечности, можно представить его как преодоление человеком своего <Я>, потребностей своего <Я>. В конечном счете все это, конечно же, - лишь одна из форм метамотивации и идентификации с тем внешним, что <взывает> к человеку и требует внимания к себе. Это сенситивность к экстрапсихической необходимости. Это отношение к внешнему в духе даосизма. Когда мы говорим о <гармонии с природой>, мы имеем в виду смирение, рецептивность, отзывчивость к ее просьбам и требованиям, не просто сосуществование с ней, но полное приятие ее, кровное родство и полную гармонию.

7. Трансценденция как мистический опыт. Переживание мистического слияния с чем-то - будь то человек, космос или нечто в пространстве между человеком и космосом. В данном случае я говорю именно о том мистическом опыте, который подробно и разносторонне описан религиозными мистиками.

8. Трансценденция смерти, боли, болезни и т. д. Приходит к человеку, способному примириться с необходимостью смерти, боли и тому подобными вещами. С точки зрения олимпийских богов все это необходимо, и все это может быть понято как необходимое. Если человек приходит к такому отношению к вещам, например, при помощи высшего постижения, то мысли о смерти и болезнях уже не будут вызывать такой горечи, негодования, злости и возмущения, как прежде.

9. (Во многом перекликается с вышеописанным.) Трансценденция как принятие мира таким, как он есть, как разрешение ему быть самим собой. Даосистское, в ущерб низшим потребностям своего <Я>. Преодоление собственных эгоистических, ограниченных пределами своего <Я> нужд, преодоление эгоцентрического способа оценивания экстрапсихической реальности, обозначения ее как опасной или безопасной, съедобной или несъедобной, полезной или бесполезной и т. д. В этом заключается основной смысл призыва <объективно познавать мир>. Это необходимейший аспект высшего постижения. Высшее постижение подразумевает преодоление Эго, своих низших потребностей и эгоизма.

10. Трансценденция полярности <мы-они>. Трансценденция закона лукавого перераспределения благ, при котором успех одного обозначает неудачу другого. Предполагает повышение уровня синергизма (интерперсонального синергизма, синергизма социальных институций и культур).

11. Трансценденция базовых потребностей (достижима либо посредством удовлетворения этих потребностей и заменой их на высшие, либо посредством отказа от их удовлетворения, уничтожения их). Понятие <Трансценденция базовых потребностей> равносильно высказыванию, что человек становится <главным образом метамотивированным>. Означает идентификацию с высшими ценностями.

12. Любовь-идентификация как форма трансценденции, будь то любовь к ребенку или к другу. То же, что <антиэгоизм>. То же, что Трансценденция эгоистического <Я>. Предполагает расширение круга идентифицируемых объектов, генерализацию идентификации вплоть до идентификации со всем человечеством. Может быть определено как <объемлющее Я>. Естественный предел такого рода трансценденции - идентификация со всем человеческим родом. Может быть определено в интрапсихических, феноменологических терминах, например, когда речь идет о понимании человечества как всеобщего братства, а самого себя - как одного из братьев.

13. Все примеры Энджиела, где говорится о гомономности, как о высокой,

так и о низкой (5).

14. Воспарить над пороком. Способность пройти по грязи и не замараться. Способность оставаться праведником в вертепе. Преодолеть ангажированность -значит остаться выше соблазна, остаться беспристрастным, не поддаться давлению. Воспарив над пороком, человек в состоянии преодолеть зависимость, рабство и тому подобные вещи, так же как Франкл, Беттельхайм и другие нашли в себе силы трансцендировать даже жизнь в концентрационном лагере. В качестве примера хочу рассказать о фотографии с первой страницы <New York Times> за 1933 год. На фотографии был изображен старый бородатый еврей, которого везли по Берлину в мусороуборочной машине на глазах ликующей толпы. Глядя налицо старика, мне казалось, что он сострадает злобной публике, я видел в его тазах жалость к этим людям и прощение, я понимал, что он смотрит на них, как на несчастных, увечных и недочеловечных. По его лицу я мог сказать, что он отрешенно воспринимает их пороки, их невежество, тупость, незрелость, даже несмотря на то, что все эти пороки унижали и ранили его непосредственно. Воспарить над пороком в такой ситуации не так-то просто. И все же человеку это доступно. Человек в состоянии оглядеть то, что творится с ним, саму ситуацию и себя в ее центре объективно, беспристрастно, с величайшей имперсональной или надперсональной высоты.

15. Трансценденция чужого мнения, Трансценденция отраженных оценок. Такого рода Трансценденция означает самоопределяемо сть <Я>. Она означает, что человек не боится непопулярности, что он автономен, его <Я> само принимает решения. Такой человек может поступать так, как считает нужным, умеет быть самим собой, никогда не позволит манипулировать собой, не поддастся искушениям. Все это свойства скорее нонконформиста, нежели покладистого человека, они отчетливо выявлены в экспериментах Аша. Такой человек не склонен быть предсказуемым, он желает оставаться свободным в исполняемой им роли, то есть оставляет за собой право выйти за пределы отведенной ему роли, право быть человеком, а не актером. Он целеустремленно сопротивляется навязываемым ему обществом мнениям и убеждениям, пропаганде, социальному давлению, диктату большинства и т.д.

Различные значения трансценденции

285

16. Трансценденция фрейдовского супер-Эго, сопровождающаяся формированием сущностного сознания, сущностной вины, заслуженного и продуктивного раскаяния, сожаления, стыда.

17. Трансценденция собственной слабости, зависимости. Отказ от роли ребенка. Человек становится сам себе отцом и матерью, он уже не только сын или дочь, он науча ется быть сильным и ответственным, а не только зависимым, преодолевает слабость и поднимается к силе. В каждом из нас одновременно сосуществуют обе эти тенденции, так что в значительной степени вопро с заключается только в степени их представленноеТ. Но мы знаем, что в отношении некоторых индивидуумов с большой долей уверенности можно сказать, что они изначально слабы, что их отношения с другими людьми строятся как отношения слабого к сильному, что присущие им механизмы адаптации, механизмы совладания с трудностями, защитные механизмы являются ничем иным, как защитными механизмами слабого человека в окружении сильных. То же самое можно сказать и об отношениях зависимости и независимости, безответственности и ответственности. Это все равно что выбор - быть человеку пассажиром или капитаном на корабле.

18. Трансценденция актуальной ситуации в духе Курта Гольдштейна (3 9) - это способность <относиться к наличной ситуации не только как к актуальной, но одновременно и как к возможной>. Это способность

подняться над привязанностью к стимулу, над привязанностью к ситуации <здесь и сейчас>, способность выйти за пределы действительного. Таким образом можно преодолеть гольдштейновскую редукцию к конкретному. Иначе говоря, это умение подняться от реальности актуального к реальности возможного.

19. Трансценденция дихотомий (полярностей, противоположностей <белое-черное>, <либо-либо>). Способность подняться над дихотомией на уровень наджитейской целостности, преодолеть атомизм и достичь более высокой интеграции, объединить частности к общему, интегрировать их. Естественным пределом здесь выступает холистическое, целостное постижение космоса. Эта Трансценденция абсолютна, но любой шаг по направлению к ней сам по себе является трансценденцией. В качестве примера можно рассмотреть любую из дихотомий - эгоизм против альтруизма, мужественность против женственности, родитель против ребенка, учитель против ученика и т. п. Все они могут быть преодолены, и в результате с новой, более высокой точки зрения их взаимные нетерпимость, противопоставление, закон лукавого распределения благ перестанут существовать, человек сможет понять, что эти на первый взгляд взаимоисключающие противоположности могут быть сведены к некоему единству, более реалистичному, более истинному, более соответствующему актуальной реальности, нежели видевшаяся ему полярность.

20. Трансценденция насущной реальности к высшей реальности. (Сродни любому другому виду трансценденции. В сущности, все они в чем-то сродни.)

21. Трансценденция собственной воли (<не моя воля будет исполнена, но высшая>). Склонить голову перед своим предназначением, перед своей судьбой, стать с ней одним целым, возлюбить ее - в духе учения Дао или Спинозы. Принять с любовью то, что предначертано тебе. Собственно, это и значит - подняться над своей личной волей, довериться высшей воле, принять ее владычество, нуждаться в нем.

22. Если мы говорим <Трансценденция>, то это можно понять также как способность подняться над собой, то есть сделать нечто лучше, чем дозволяли тебе твои способности, или лучше, чем ты делал это прежде, например, быстрее, чем обычно, пробежать дистанцию, или стать более умельм танцором, пианистом, плотником.

23. Трансценденция означает стремление к святости или богоподобию, стремление стать лучшим человеком, чем просто человек. Я бы не хотел, чтобы эти слова истолковали как призыв стремиться к сверхчеловеческому или мистическому. В настоящий момент я рассматриваю понятия <метачеловеческое> или <высокочеловеческое> для обсуждения этих явлений; мне хочется подчеркнуть, что эти высокие или даже божественные порывы являются частью природы человека, хотя и не всегда очевидной частью. Но в любом случае, это потенциал роста человека.

Нужно подняться над дихотомизированным национализмом, патриотизмом, этноцентризмом с присущими им полярностями - <они против нас>, <мы и они>, над комплексом Ардри (6) <друг-враг>. Приведу в качестве примера маленького мальчика, описанного Пиаже, который не мог представить себя одновременно швейцарцем и женевцем. Он мог принять на себя роль либо только швейцарца, либо только женевца. Понятно, что для большей интегративности, для того, чтобы объять большее, причислить себя к более высшему классу, требуется особое развитие, особое устройство души. Но в то же время мой домашний национализм, мой патриотизм, любовь к взрастившей меня культуре ни в коем случае не умаляют мой

высший, интегративный патриотизм по отношению ко всему человеческому роду и ко всем нациям. В действительности высший патриотизм, любовь к общечеловеческому являются не просто более интегративными, но и более здоровыми, более человечными, нежели местечковый патриотизм, зачастую принимающий формы антагонизма и неприятия соседей. Я не утверждаю, что плохо быть хорошим американцем, я сам прекрасно понимаю, что я должен быть хорошим американцем (это моя культура, я в ней вырос, я никогда не смогу отмахнуться от нее, да и не хочу отмахиваться от нее для того, чтобы стать гражданином мира). Наоборот, я хочу подчеркнуть, что гражданин мира с убеждениями абсолютного космополитизма, без родины и корней, будет куда как худшим гражданином мира, нежели человек, впитавший в себя чувства родства, родины, родного языка и национальной культуры. У человека, знающего, что такое родина, удовлетворена одна из основополагающих человеческих потребностей, потребность в принадлежности, - а ведь именно на ее

основе и строится здание более высоких потребностей и метапотребностей. Потребность в принадлежности ко всему роду человеческому не означает отмену более низких потребностей, для ее удовлетворения необходимо эти, более низкие потребности, удовлетворив, включить в иерархическую интеграцию. И тогда человека будут радовать культуры иных народов, их национальные особенности, очарование национальных ресторанов с их неповторимой кухней, путешествия в другие страны, культурологические изыскания ученых и т. д.

24. Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, переживший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и заживет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее <плато-познанием>58. Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может <зачеркнуть> постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме. Однажды прозрев, человек, как правило, продолжает зрячую жизнь, то есть он продолжает постигать бытие ежеминутно, в повседневном стремлении времени, -разумеется, если хочет этого. Это спокойное высшее постижение, или плато-познание, подконтрольно человеку. Человек может по своему желанию включать его и выключать.

Экстатическое достижение вочеловеченности, или завершенности, или Бытия, если человек ставил перед собой такую цель, является ярким примером трансценденции.

25. Достижение даосской (на высшем уровне) объективности в трансценденции, объективности невовлеченной, нейтральной, невмешательной, наблюдательной (такая объективность сама по себе является трансценденцией нехватки объективности, вызванной эгоцентричностью или ущербной незрелостью).

26. Трансценденция разъединенности действительного и ценностного. Слияние действительного и ценностного, факта и значения в одно целое (см. главу 8).

27. Трансценденция негативного (зла, боли, пороков, смерти и т. д.). Мы отмечаем подобную трансценденцию в описаниях высших переживаний, при которых мир воспринимается исключительно позитивно, человек смиряется с постижимым злом. Те же механизмы при трансценденции запретного, нежеланного, отрицаемого, недозволенного.

28. Трансценденция пространства. В простейшем виде проявляется как крайняя поглощенность чем-то, настолько сильная, что человек отрешается оттого, где он находится. Но представим и более высокий уровень трансценденции, как в случае идентификации со всем человечеством, когда люди, живущие на другом континенте, на другой стороне земного шара, ощущаются братьями, частью самого просветленного человека, так, словно они находятся рядом. Подобный взгляд на вещи справедлив и для процесса интроекции высших ценностей настолько, насколько они повсеместны. Таким образом и человеческое <Я>, определяемое высшими ценностями, также становится повсеместным, не привязанным к конкретному местоположению в пространстве.

29. Трансценденция усилий и борьбы, желаний и надежд, любых устремлений и позывов; перекликается с несколькими из описанных выше видов трансценденции. В самом очевидном проявлении она выражается в светлой радости от удовлетворения потребности, от того, что сбылись и воплотились надежды, от того, что стремление благополучно разрешилось, а путешествие закончилось. Эта же Трансценденция проявляется, когда человек <доверяется происходящему> или, по меткому выражению миссис Гаретт, <беспечен, как бог>. Это глубоко даосское разрешение времени течь, а событиям происходить, отрицание принуждения, чувство совершенного счастья и растворения в покое, неустремленности, неволении, безжеланности, невмешательстве и отказе от управления. Это Трансценденция амбиций и тщеславного достижения. В этом состоянии нет отказа от обладания, скорее это чувство полного обладания, когда всего вдоволь, когда не испытываешь нужды напрягаться и добиваться своего. Когда возможно полностью отдаться переживанию счастья, радости, удовлетворенности от того, что у тебя есть. С благодарностью и признательностью. Переживание удачи, везения, благосклонности фортуны, беспричинного и безвозмездного благоволения судьбы.

Свершенное Бытие по сути означает именно трансценденцию средств, средств в самых разнообразных аспектах. Но эта мысль требует тщательного объяснения.

30. Для нашего исследования, равно как и для психотерапевтических целей, необходимо четко разграничивать частные разновидности трансценденции, такие, например, как трансценденцию страха как победу над ним и трансценденцию страха как достижение мужественности (что явно не одно и тоже).

31. Мне кажется полезным понятие космического сознания по Бьюку (18). Это особое феноменологическое состояние, при котором человек каким-

то образом постигает весь космос в целом или постигает его целостность и внутреннюю взаимосвязь всех его составляющих, включая самого себя. Космическое сознание дает человеку чувство, что он по праву принадлежит космосу. Что он - член вселенской семьи, не пасынок и не приемыш, не сторонний наблюдатель. Он ощущает свою ничтожность перед вселенским величием, но одновременно и свою важность, поскольку он - равноправная и неотъемлемая часть вселенной. Вселенная в каком-то смысле и в какой-то мере представлена им, он не посторонний в ней, он не гость. В космическом сознании чувство принадлежности играет особую роль, поскольку оно противопоставляется чувству остракизма, изоляции, одиночества, отверженности, утраты корней, утраты родины и дома. Пережив мгновения космичности сознания, человек, очевидно, уже никогда не утратит это чувство принадлежности, чувство, что он пришел в эту жизнь по праву, что для него здесь уготовано именно его место и т. д. (Выше я противопоставлял этот тип высшего постижения другому, при котором сознание сужается до размеров точки, как бывает при полной, интенсивной поглощенности, завороженности человека другим человеком или явлением, при котором завороживший человека объект становится для него целым миром, космосом. Я назвал его завороженным типом высшего переживания и высшего постижения.)

32. Мне кажется, что отдельно нужно выделить трансценденцию особого рода - трансценденцию как интро екцию человеком высших ценностей и идентификацию с ними, подчинение собственных желаний и поступков именно этим высшим ценностям.

33. К индивидуальным различиям между людьми можно относиться по-разному. Высшее отношение к ним - осознать их, согласиться с ними, научиться радоваться им и в конце концов испытать благодарность перед природой за ее изобретательность. Говоря иначе, можно постичь ценность индивидуальных различий между людьми и изумляться им. Такое отношение по праву можно назвать высшим, и потому я включаю его в список разновидностей трансценденции. Но сюда же я включаю и трансценденцию иного рода, результат которой отличен от хвалы природе за ее изощренность. Я говорю о способности подняться над индивидуальными человеческими отличиями в постижении высшей человечности, в постижении принадлежности всему человеческому роду. При этом познается сущностное в человеке, то, что способствует идентификации со всеми, столь различными людьми, что объединяет всех людей как братьев и сестер. В результате такого познания, такой трансценденции предубеждение к индивидуальным различиям между людьми и к различиям между полами преодолевается иначе. Человек, прошедший этой тропой трансценденции, продолжает осознавать эти отличия, но в моменты, когда они становятся несущественными, когда актуальными становятся более универсальные человеческие качества, когда становится важным сходство людей, он в состоянии отрешиться от них и не принимать в расчет.

34. Для построения теории особую важность имеет Трансценденция пределов человеческих возможностей, Трансценденция человеческого несовершенства, слабости и ограниченности. Она достижима как посредством острого высшего переживания человеческого совершенства, так и посредством плато-познания. В этих состояниях человек может ощутить себя вершиной творения, богом, совершенством, сутью Бытия, Творцом (а не тварью), святым, богоподобным. Это можно назвать трансценденцией обыденной повседневной человечности, или метачеловечностью, или еще как-нибудь в том же духе. Результатом такого рода трансценденции может быть актуальное феноменологическое состояние, или способ постижения, или предельное расширение философского познания или идеи - вроде платоновских сущностей. В мгновения таких острых переживаний или при плато-познании человек

обретает совершенство или представляет себя совершенным, он способен все возлюбить и принять, он способен простить даже зло, причиняющее ему страдания. Он в состоянии согласиться с тем, что есть, и сказать, что это хорошо. Он может ощутить некий человеческий эквивалент божественных сущностей - всеведения, всемогущества, вездесущности (то есть, в такие моменты человек становится отчасти богом, святым, мудрецом, мистиком). По моему мнению, лучшим словом, которое могло бы передать высшую сущность происходящего с человеком в такие мгновения и одновременно подчеркивало бы очень человеческую природу этого явления, будет <метачеловечность>.

35. Трансценденция человеком своего кредо, своей системы ценностей, своих убеждений. Об этом стоит поговорить отдельно, учитывая ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в психологии. Я уже писал о заблуждении, которому подвержены многие ученые, считая, что существующие на сегодняшний день три психологии взаимно исключают друг друга. Повторю, что гуманистическая психология не столько исключает фрейдизм и позитивизм, сколько объемлет их, это эпи-фрейдистская и эпи-позитивистская наука. Две других психологии не столько ошибочны или неточны, сколько ограниченны и частны. Их основные идеи прекрасно вписываются в более объемную и более приветливую структуру гуманистической психологии. Бесспорно, интеграция их воззрений в единую структуру обязательно в чемто трансформирует их, в чем-то уточнит, в чем-то поправит, но однако сохранит их существенные, хотя и частные, достижения. На нашу беду на пути взаимопонимания между интеллектуалами зачастую встает тот самый комплекс <друг-враг>, в котором преданность Фрейду или Кларку Халлу, Галилею, Эйнштейну или Дарвину проявляется как своего рода местечковый патриотизм, как подростковое братство, собирающееся не столько для того, чтобы объединиться по интересам, сколько для того, чтобы противостоять всем остальным. Гуманистическая психология - это особый случай приветливого объединения, иерархической интеграции и холизма. Ее подход мог бы быть полезен не только для психологов, но и для философов, для всех ученых и для

Различные значения трансценденции

291

интеллектуальной жизни как таковой. Сейчас стало принято говорить о так называемых <научных школах>. И пример гуманистической психологии предлагает ученым выбор - либо дихотомия и борьба <научных школ>, либо интеграция и содружество.

Заявление по существу вопроса. Трансценденция относится к высшим, к самым интегративным, холистическим уровням человеческого сознания, поведения и отношений. Трансценденция в данном случае выступает не как средство, а как результат, приближающий человека к собственной человечности, к его окружению, к человечеству в целом, к другим видам, к природе и космосу. (Холизм в смысле иерархической интеграции возможен так же, как изоморфизм когнитивного и ценностного.)

22

#Теория Зет

С недавних пор я нахожу полезным различать два типа самоактуализированных людей (может быть, вернее было бы говорить о двух качествах самоактуализации). К первому типу принадлежат люди, обладающие несомненным психологическим здоровьем, имеющие небольшой опыт трансцендентных переживаний или вовсе не имеющие такого опыта. Ко второму я отношу людей, в жизни которых трансцендентные переживания занимают важное или даже центральное место. Яркими представителями первого типа я бы назвал миссис Элеонору Рузвельт и, возможно, Трумэна

и Эйзенхауэра. Ко второму типу можно отнести Олдоса Хаксли и, возможно, Швейцера, Бубера и Эйнштейна.

К сожалению, начиная с этого момента, я уже не могу быть столь же аккуратным в теории, как прежде, потому что среди людей, имевших трансцендентные переживания, наряду с психологически здоровыми, самоактуализированными людьми мною были обнаружены также люди, которых я бы не смог назвать абсолютно здоровыми или самоактуализированными. У меня сложилось впечатление, что мне удалось выявить ту или иную степень трансценденции у очень многих людей, и не все они были самоактуализированными согласно моему определению. Я не исключаю того, что, отработав технику выявления трансцендентных переживаний, улучшив концептуальный аппарат, мы обнаружим следы трансценденции у еще более широкого круга людей. Что делать, - в конце концов сейчас я делюсь с вами лишь своими личными впечатлениями, вынесенными из очень предварительного исследования. Поэтому пока я могу лишь с большой вероятностью предположить, что мы обнаружим следы трансцендентного постижения не только у самоакгуализированных людей, но и у людей, отличающихся высокой креативностью, у одаренных людей, у людей высокообразованных, у сильных личностей, у могущественных и ответственных политиков и руководителей, у исключительно хороших (добродетельных) людей и у <героев>, которые преодолели ангажированность, не поддались на лукавство пропаганды, но смогли черпать из нее силу.

Теория Зет

293

Этой группой людей во многом, если не во всем, движет кураж, поэтому я называю их <жадными до жизни>, в отличие от <скучающих от жизни> (85). Жизнелюбы всегда скажут <да>, когда <скучающие от жизни> скажут <нет> (15 9). <Жадные до жизни> позитивно смотрят на жизнь, а их унылые антагонисты - негативно (смотри у Рича), одни устремлены к жизни, а другие не испытывают ничего, кроме отвращения к ней или раздражения от нее.

Возвращаясь к нашему делению достигших трансценденции людей на два типа, можно отметить, что первый тип объединяет в себе более практичных, более реалистичных, приземленных, более приспособленных к жизни, более <светских> людей. Такие люди живут в мире <здесь и сейчас>, в мире, который я называю насущной реальностью, в мире обыденных человеческих дотребностей и обыденного человеческого познания. В соответствии со своим мировоззрением они оценивают людей или явления главным образом в практическом, конкретном ракурсе, с точки зрения <здесь и сейчас>, в прагматическом ключе. Для них важно, насколько объект удовлетворяет какую-то из их потребностей или фрустрирует ее, то есть насколько он полезен или бесполезен, опасен или безопасен, насколько он значим по отношению к их личности.

<Польза> в этом контексте может быть понята и как польза для выживания, для благоденствия, и как польза для достижения самоактуализации, для освобождения от низших потребностей. Если рассуждать о <пользе>, как понимают ее эти люди, в принятых нами терминах, она является движущей силой их жизни и их точкой зрения на мир. С одной стороны, эта <польза> диктуется им иерархией нижележащих физических и психологических потребностей (потребностей в физическом выживании, в безопасности, в принадлежности, в дружбе, в любви, в уважении, в оценке, в самоуважении и чувстве собственной значимости), но с другой - она подчиняется также и потребности в актуализации личных, присущих только этому конкретному человеку потенциалов (то есть потребности в идентичности, в реализации собственного <Я>, в индивидуальности, в уникальности, в самоактуализации). То есть эта <польза> устремлена не только к удовлетворению видовых, низших

человеческих нужд, но и к воплощению собственных идиосинкратинеских потенциалов данного человека. Такие люди живут в той данности, которая им предложена, и реализуют себя в ней. Они управляют окружающим их миром, используют его для своего и общего блага, как, например, это Делают политики (психологически здоровые) и люди с практической жилкой. Этот тип объединяет скорее деятельных людей, нежели созерцательных или мыслителей, такие люди скорее активны и прагматичны, нежели эстетичны, они скорее будут познавать реальность и испытывать ее, чем предаваться эмоциям и переживаниям.

Второй тип людей, достигших трансценденции, в отличие от вышеописанного, гораздо чаще прикасается к высшей реальности, более поглощен

метареальностью, то есть реальностью высших целей и высших ценностей (85). Такие люди чаще подчиняют свою жизнь метамотивам, их сознание более унитивно, им свойственны более или менее частые <плато-переживания> (Асрани), для них не в диковинку высшие переживания (мистические, сакральные, экстатические), сопровождаемые озарениями, инсайтами или прозрениями, их взгляд на мир и их поведение время от времени или даже постоянно подчиняется высшим переживаниям.

О первом типе трансцендировавших людей, о <просто-здоровых> самоактуализированных личностях с полным правом можно сказать, что они во всем соответствуют лучшим пожеланиям теории Игрек Мак-Грегора (83). Но что касается второго типа, индивидуумов, которые трансцендировали к самоактуализации, мы должны сказать, что они не только соответствуют им, но и превзошли их. Говоря в принятых у нас терминах, можно сказать, что они трансцендировали теорию Игрек и поселились в мире, который я собираюсь описать в своей теории Зет. Название теории нравится мне своей краткостью, тем, что оно пребывает в том же континууме, что и теория Икс и теория Игрек, и тем, что вместе с ними формирует строгую, завершенную иерархию.

Очевидно, что, подходя к построению этой теории, нам придется иметь дело с экстраординарными и очень сложными вопросами, вплоть до проблемы жизненной философии. Обширное и дискурсивное рассмотрение этих вопросов привело бы нас к необходимости издать отдельную книгу или даже ряд книг, посвященных этой теме.

Мне подумалось, что для начала можно сформулировать основные положения новой теории в сжатом виде, в таблице 1. Я взял за основу очень удобную сводную таблицу Кейта Дэвиса (27) и расширил ее. Все, добавленное мною, выделено курсивом. Вряд ли это можно назвать легким чтением, но думаю, что всякий, кто действительно интересуется данной проблемой, сможет почерпнуть в этой таблице немало полезного для себя. Тем же, кто интересуется более развернутым рассмотрением теории Зет, советую обратиться к иным работам, указанным в библиографии.

И еще одно, последнее предостережение. Необходимо отметить, что принятое в таблице иерархическое размещение по уровням оставляет открытой сложную и пока неразрешенную проблему - насколько перекрывают друг друга или насколько взаимосвязаны следующие прогрессии и иерархичные ряды:

1. Иерархия потребностей (выстроенная по принципу хронологической последовательности кризисов по Эриксону, или в каком-то конкретном возрасте).

2. Прогрессия базовых нужд от младенчества через детство, юность,

взрослость, к старости.

3. Ряд биологической, филогенетической эволюции.

Теория Зет 295

4. Ряд от болезни (от ущербности, задержки развития) к психологическому здоровью и полной человечности.

5. Ряд от жизни в плохих условиях среды к жизни в хороших условиях.

6. Ряд от <конституционально увечного> человека (в биологическом смысле) к <хорошей особи>, выражаясь языком зоологов.

Очевидно, что сложности такого рода еще больше размывают понятие <психологическое здоровье> и дают дополнительные основания использовать вместо него понятие <вочеловеченность>, которое с легкостью объемлет вышеописанные смысловые ряды. С тем же успехом вместо таких понятий, как <незрелость>, <несчастье>, <болезнь>, <врожденные дефекты>, <обделенность>, мы можем говорить о <недочеловечности>. Это понятие включает в себя любое из вышеупомянутых.

Различия (в степени) между людьми, достигшими трансценденции, и <просто здоровыми> людьми

Самоакгуализированные люди, как не имеющие опыта трансценденций, так и имеющие таковой (или представители соответственно Теории Игрек и Теории Зет), на первый взгляд должны быть похожи во всех характеристиках, свойственных самоактуализированным личностям (95), за одним очевидным исключением. <Просто здоровым> людям не знакомы высшие переживания и то, что Асрани назвал плато-познанием (спокойное и созерцательное постижение Бытия, в отличие от экстатического постижения), или по крайней мере они переживают их реже, или не с такой интенсивностью, или они значат для них меньше, чем для людей, достигших трансценденции.

Но у меня сложилось впечатление, что это различие между ними не единственно, что их отличает друг от друга следующий ряд качеств, которые выражены у трансцендировавших людей и не выражены или гораздо слабее выражены у <просто здоровых>.

1. Для людей, достигших трансценденции, высшие переживания и плато-познание становятся самым важным в их жизни, мгновениями взлета, самым ценным аспектом и свидетельством их земного бытия.

2. Они ясно, просто, естественно и безотчетно могут изъясняться на языке высшего Бытия, языке поэтов, мистиков, пророков, глубоко религиозных людей, людей, живущих в мирах платоновских идей, Спинозы и вечности. Поэтому им лучше понятен смысл притч, иносказаний, парадоксов, музыки, искусства, невербальных коммуникаций и т. д. (Это предположение легко проверяемо.)

организаций Уровни развития в соотнесении с другим! переменными* '-<? иерархическими Таблица 1 Зависит от:Руководство ориентировано на: Подчиненные ориентированы на:Психологический результат для под чиненных:Подчиненные стремятся к удовлетв(рению следующих потребностей:Моральное состояние:Теории Мак-Грегора:Иерархическая модель класснфика ции потребностей по Маслоу:Факторы Херцберга: Тезис В.Х. Уаига:Управленческая решетка Блейка у. Мултона:Мотивационное окружение: Мотивацнонный стиль:Стиль управленческой власти:Модальный уровень личностного развития:Образ мужчины: Объективность:Политика:

Религия: I. АвтократическийСияыВласть Полное подчинение?- Личностная зависимость >- Обеспечение средств к существовани НедовольствоВ соотнТеория Икс - ФизиологическиеОпекас 9,1Внешнее НегативныйАвтократическийХозяинНечто для использования. Взаимозаменяем. Безличностен. ХозяинОтчуждена; во владении; не идентифицирована; власть объективности; объективное рассмотрениеРабство; обладание Бог карающий II. Опекающий (административно-хозяйственный)Экономических ресурсовМатериальное поощрение БезопасностьЗависимость от организации ю Поддержка и опека Удовлетвореностьесении с другими идеями:Потребности в безопасностиПоддержка Администратор 3,5ВнешнееГлавным образом нейтральный по отношению к работеНачальник. Отец. ГлаваПитомец. Ребенок. Кукла или великодушный диктаторУправление Бог-отец III. Поддерживающий (мотивационный)ЛидерстваПоддержку ИсполнительностьУчастие Порядок МотивированностьТеория Игрек Потребаостн в социальных связяхМотивационный6,6Внутреннее ПозитивныйУчаствующийРавенство в незрелостиПартнер для взаимной выгоды и взаимного удовлетворения. Любовь -нужда, на уровне удовлетворения потребностиСоюзничество для взаимной выгодыЛюбящая добротаЛюбящая доброта; взаимное удовлетворение IV. Коллегиальный. Тесное сотрудничествоВзаимного вкладаИнтеграцию ОтветственностьСамодисциплина Самореализация Приверженность делу и командеПотребности в самоуважении Мотавапнонный8,8Внутреннее ПозитивныйЗдоровый. ЗрелыйКаждый мужчина - генерал. Сильная личность. Альянс независимых личностей. Реальное <Я>. СамоактуализацияВысшая любовь-слияние-объектив-ностъКаждый - сенатор, каждый - генерал. Полный суверенитетГуманизмВзаимное уважение; равенство, высшая любовь(?}; полный суверенитет Этическая экономика: моральная эко- V. Организация теории Зет. Трансцендирование организацииПосвященности Бытию и высшим ценностям СотрудничествоВосхищение. Любовь. Признание сложившегося верховенства Преданность. СамопожертвованиеМетапотребности; высшие ценности Приверженность высшим ценностямТеория Зет Метапотребности: высшие ценностиСлияниеВставший выше оценок. Первейший. Превосходный. Имперсональный. трансперсо-нальный. вплоть до отказа от властиТранец ен дировавший. Вышедшийза пределы <Я> на высшиеуровни. Трансперсоналъ-ный Святой, Мудрец, Политик, Исследователь. Мистик, Бодхисаттва. Великий человек. Самопожертвование и имперсо-нальностъ. Гераклита в ский типДаосская объективность; трансцендентная объективность; невмешательная объективность. Любовная объективностьВысшая политика; анархия; высшая смиренность; децентрализация. Беспристрастность; трансличностность Трансгуманизм (космоцентризм, а не го-Высшая любовь; слияние; непринужденность, расслабленность

* Автор использовал в качестве основы таблицу Кейта Дэвиса из <Human relations at work> 1967 г., добавления автора отмечены курсивом.

организаций Уровни развития в соотнесении с другимь переменными t иерархическими Таблг ща 1 (окончание) Экономика:Уровень науки: Уровень ценностей:Метод: Страх-храбрость:Степень человечности:Вектор развития: Совершенство: Психологическое здоровье: Образование:Уровни психотерапевта и психотерапии, уровни помощи:Секс:Коммуникативный стиль, илиуровень: Уровень жалоб:Зарплата, вознаграждение, поощрение: I. АвтократическийБорьба за выживание. Материализм Экономика низших потребностейПредметная, вещная наука Отсутствие ценностейАтомистический, дихотомизиру! СНедочеловечност РегрессВочеловеченностъ- - - -. Научение~ ~ ~ ~-~- --- -Внешнее Механик; хирургГрязный, жестокий; удовольствие для одного, быстротечный; эксплуатирующий (партнера)ПриказыНизкий Материальные вещи. имущество II. Опекающий (административно-хозяйственный)и. Благожелательное обладание собственностью; обязанности собственникаИнфра человеческая наука - - - - Инфрачеловеческие

<ценности>·- - -ющии, редуцирующий, анализирующий'; остановка развития- --- Начало прогресса. Рост~---------^ Назидательное обучениеобучение---,-Ветеринар: старший; авторитет (внушает страх и доверие); отдает приказы<Естественно десакрализован-ный>ПриказыСреднийБезопасность в настоящем и будущем ??. Поддерживающий (мотив ационный)Демократическая, партнерская, экономика высших потребностей----- Гуманисты ----- - Гуманистиче------- -* Нерархі --------- ^Храб- - -^Все более высокая степень л Взаимное обучениеБлагожелательный и всемогущий отец (излучает любовь и вызывает любовь; заботливый, но непостижимый). Зеркало Секс-яюбовь. Экстаз. РадостьДружба. Привязанность. Чувстве групповой принадлежности IV- Коллегиальный. Тесное сотрудничествономика; учет социальных факторовческая наука- --------> ские ценности- --------*теская интеграция. Синергичный, инпи 'ipocmb--------- -·* ВочеловеченностьКоровья и человечности- - - - - -Сущностное обучение. Научение импровизации. Способность соотеет-^ствовать незнакомой ситуацииЭкзистенциальный, отношения коллегиальные, <Я-Ты>; старший брат. Помогает найти идентичность, судьбу, ценности Сакральный; дорога в рай; секс как тантраВзаимностьВысокий> Гордость. Положение. Слава. Похвалы. Почести. Свобода. Самоактуализация V. Организация теории Зет. Трансцендирование организацииАнархия; децентрализация; высшие ценности как эквивалент денег. Духовная экономика. Экономика метапотребностей. Трансперсональная экономика.Трансчеловеческая наука; космоцентризм, трансперсональный ученый Трансчеловеческие ценности. Высшие ценности, или ценности Бытия. Космичные ценности '^ративный ^Трансценденция храбрости и страха. Выход за пределы страха и храбростиТрансчеловечность; трансперсональ-ностъТрансчеловеческие обучение. Обучение личностное, даоистичное. Гераклитовс-кий тип. <Не моя воля, но твоя>. Самопожертвование. Согласие со своей судьбой. Обязанность. ОтветственностьДаоистичный наставник. Консультант. 1'уру. мудрец, невмешательный. ииущий высшие ценности. Бодхисаттва. Грусть-любовь-сострадание Несущий райское блаженство. Транс-сексуальная эротикаВысший языкМета-жало быВысшие ценности: справедливость, красота, правильность, совершенство, правда и т.д. Высшие переживания. Плато-переживания

3. Они воспринимают мир унитивно, или сакрально (то есть умеют видеть сакральное в мирском), они умеют увидеть святое в окружающих их предметах и явлениях одномоментно с повседневным и обыденным. Эта сакрализация, причащение к вечности происходит у них своевольно. Она не отменяет отчетливое ощущение обыденной реальности, но дополняет его. (Здесь очень подходит дзэн-буддийское <ничего особенного>.)

4. Они метамотивированы более направленно и более осознанно. То есть высшие ценности и Бытие они воспринимают в их действительности и высшем смысле; совершенство, правда, красота, добродетель, целостность, преодоление дихотомии, радость жизни и прочее (85) являются их основными и самыми важными мотивами.

5. Иногда кажется, что они умеют каким-то образом распознавать друг друга с первого взгляда, и между ними мгновенно, буквально с первой встречи возникает почти интимное взаимопонимание. Между такими людьми возможно не только вербальное, но и невербальное общение.

6. Они более ответственно относятся к прекрасному. Они склонны видеть прекрасное во всем окружающем их, включая высшие ценности, или, лучше сказать, они скорее, чем другие люди, увидят в окружающем прекрасное, или скорее других людей откликнутся на прекрасное, считая красоту единственно достойной внимания, или разглядят прекрасное в том, что не

принято считать таковым согласно общественному мнению, в общепринятом смысле. (Я излагаю эту мысль не совсем четко, но пожалуй пока у меня вряд ли может получиться лучше.)

7. Они более холистичны к миру, чем <просто здоровые>, практичные люди (которые тоже холистичны в том же самом смысле). Для них человечество едино и космос един, таких разъединяющих понятий, как <национальный интерес>, <религия моих дедов>, <разность между людьми в степени интеллекта> либо не существует для них, либо их разъединяющий потенциал успешно преодолен. Если мы с вами только начинаем с трудом осознавать как политическую необходимость (самую настоятельную на сегодняшний день) идею о всечеловеческом братстве, если мы очень постепенно подходим к мысли, что национальный суверенитет (как право развязать войну) - это лишь разновидность политической глупости или незрелости, то людям, достигшим трансценденции, такое мировоззрение просто свойственно, оно естественно и само собой разумеется для них. Им труднее представить себе вещи иначе, в нашем <нормальном>, глупом и незрелом, ключе, хотя они могут понять и такую точку зрения.

8. Предшествующее положение о холистическом восприятии самоактуализированных людей, склонных к трансценденции, вплотную смыкается с тезисом о присущей им тенденции к синергизму - интрапсихическому, интерперсональному, интракультурному и интернациональному. Я не могу широко развернуть здесь это положение, это заняло бы слишком много места. Вкратце - и, наверное, не слишком вразумительно -

Теория Зет

можно сказать, что синергизм трансцендирует дихотомию между эгоизмом и неэгоизмом и включает их обоих в единое, более общее понятие. Это трансценденция конкуренции, закона лукавого распределения благ, где обязательно есть победивший и проигравший. Заинтересованному читателю советую обратиться к более объемному труду на эту тему (83).

9. Таким людям, безусловно, легче трансцендировать Эго, <Я>, свою идентичность, и они более успешны в этом.

10. Такие люди, какивсе, пришедшие к самоактуализации, вызывают у окружающих любовь, но кроме любви зачастую - чаще, чем другие - они вызывают благоговейный трепет, кажутся <не от мира сего>, богоподобными, святыми в средневековом смысле, они почитаемы и внушают <ужас> в смысле непостижимости и изумления. Глядя на таких людей, мне зачастую хотелось воскликнуть: <Это великий человек!>

11. Описанные выше качества людей, достигших трансценденции, позволяют им гораздо лучше приспосабливаться к новшествам и переменам, нем <просто здоровым>, которые в свою очередь предпочитают целеустремленно и хорошо делать знакомое им дело, <свое дело>. В данном случае трансцендентные переживания и озарения позволяют отчетливее видеть и конкретнее осознавать высшие ценности, идеал, совершенство, то, что должно быть, что, возможно, существует в потенции и следовательно воплоти-

мо.

12. Меня настойчиво преследует ощущение, что люди, достигшие трансценденции, не столь <счастливы>, как <просто здоровые>. Они могут быть более экстатичны и более увлечены, они в состоянии испытывать более высокое <счастье> (пожалуй, <счастье> в данном случае - слишком слабое слово), в отличие от простого счастья <просто здоровых> людей. Но порой у меня складывается впечатление, что одновременно со счастьем

они испытывают своего рода космическую печаль, высшую грусть, досаду по поводу глупости людей и легкости, с которой те идут на уступки себе, по поводу их слепоты, их жестокости друг к другу, их ограниченности. Зачастую эти переживания могут затмить даже светлое чувство от прикосновения к вечности. Скорее всего, источником подобной грусти служит контраст между тем, что есть на самом деле, и тем идеальным миром, который столь отчетливо видится им и кажется столь достижимым. Это та плата, которую им приходится платить за непосредственное провидение красоты и божественных возможностей человека, за счастье знать, что возможна полная победа добра над злом, что возможно лучшее устройство мира - мира, в котором будут общечеловеческое правительство, синергичные социальные институты, образование, стремящееся к развитию человека, а не к повышению его IQ, не к научению конкретным навыкам и знаниям, и т. д. Любой человек, имевший трансценденции, может сесть и за пять минут составить конкретный план, как добиться всеобщего мира, братства и счастья, выписать человечеству рецепт достижения благоденствия, причем абсолютно практический, абсолютно

достижимый. Видя, что почти ничего из необходимого не делается, а если гдето делается, то настолько неспешно, что, кажется, скорее наступит конец света, чем свершение желаний, они не могут не печалиться, не могут не сердиться и не сетовать. Несмотря на то, что в конечном итоге они <оптимисты>.

13. Как ни определять самоактуализированного человека, ему никуда не деться от глубокого конфликта, вызываемого его собственной <элитарностью>, избранностью, - в конце концов, по каким бы показателям ни сравнивать их с другими людьми, они заведомо будут лучше. Подобного рода конфликт с большей легкостью разрешают или, по крайней мере, успешнее управляют им люди, достигшие трансценденции, в отличие от <просто здоровых>. В этом им помогает их способность одновременно присутствовать как в высшей, так и в повседневной реальности, способность с легкостью увидеть сакральное в каждом человеке. С одной стороны, они без особого труда готовы согласиться с бесспорностью и необходимостью сопоставления одного человека с другим по критериям повседневного, с легкостью признают <элитарность> обыденного в человеке (в самом деле, иногда необходимо выбрать для работы по дому лучшего плотника и отказаться от худшего; бесспорно, что существует принципиальное отличие полицейского от преступника, больного от врача, честного от плута, умного от идиота). А с другой стороны - они отдают себе отчет в беспредельной и равной, несравнимой ни с чьей, сакральноеТ каждого человека. Карл Роджерс применял на практике понятие <безусловно позитивного отношения> к пациенту, понятие, a priori необходимое для успеха психотерапевтической работы. Наше уголовное право запрещает <жестокие и изощренные> наказания преступника. Это значит, что какое бы злостное и тяжелое преступление ни совершил человек, за ним все-таки оставляют право на минимальное уважение, которого заслуживает хотя бы его человеческое происхождение. А религиозные деятели, как известно, любят повторять, что <каждый человек - дитя Божье>.

Святость человека, святость всего живого и даже неживого, если это неживое прекрасно, настолько очевидна и естественна для каждого, достигшего трансценденции, что он вряд ли хотя бы на мгновение сможет забыть об этом. Святость настолько пронизывает его высокое, богоподобное отношение к повседневности, что он вправе осуждать и наказывать, сравнивать и недовольствовать. Но при этом он никогда не будет высокомерен, никогда не воспользуется слабостью, глупостью или неумелостью ближнего, несмотря на то, что глубоко практически познал

иерархию и приемы, присущие обыденности. Мне кажется полезным остановиться на этом парадоксе. Самоактуализированный человек, достигший трансценденции, зная о своей избранности, о том, что ему доступно высшее, что он по сути <старший>, всегда будет относиться к <младшему> как к брату, как к члену семьи, которого нужно любить и о котором нужно заботиться, невзирая на его помыслы и поступки, просто хотя бы потому, что тот не чужой ему. Но при этом он вправе быть ему и строгим отцом, и старшим братом, он не обязан ограни-

чиваться ролью всепрощающей матери или сентиментального папаши. Его наказание сослужит младшему хорошую службу, это своего рода божья кара, исполненная бесконечной любви. Если мы посмотрим на проблему наказания с точки зрения трансценденции, то обязательно увидим, что наказание всегда идет на пользу виновному, оно фрустрирует его, запрещает ему, а это, конечно же, лучше для преодоления, чем похвала и ласка.

14. У меня сложилось впечатление, что достигшие трансценденции показывают даже более отчетливо выраженную положительную корреляцию, чем обычные абсолютные значения отрицательной корреляции между познанием и причащением к таинству. Научное познание принято рассматривать как процесс, уменьшающий меру таинственного и уничтожающий страх, поскольку для большинства людей таинственное служит источником страхов. Обычно люди тянутся к знаниям, чтобы избавиться от страха (89).

Но человека, имевшего высшие переживания, а особенно достигавшего трансценденции, как и вообще любого самоактуализированного человека, таинственное притягивает, оно скорее будоражит его, а не пугает. Знакомое, хорошо известное нагоняет на него скуку, сколь бы полезным и нужным с практической точки зрения оно ни было. Человек, имевший предельные переживания, благоговеет перед тайной, трепещет перед святым, для него эти чувства служат скорее наградой, нежели наказанием.

Я слышал от многих ученых, которые безусловно были креативными личностями, что чем глубже они познают предмет своей науки, тем более яркие экстатические состояния им доводится переживать. Им знакомо чувство самоуничижения, ничтожности и невежества, они знают, что такое дрожь слабого человека перед лицом безмерного универсума, оторопь птахи, затерянной в небесах, детское изумление, - и то, как все эти ощущения сочетаются в непомерный восторг перед вселенной, воспринимаются как щедрый дар судьбы.

Из этого чувства ученые, достигающие высших трансценденций, черпают смирение, оно дает им мужество признать собственное <невежество>, и оно же дарует им величайшее счастье. Мне кажется, что каждый из нас переживал нечто подобное, например, ощущал себя ребенком, но человек, достигший трансценденции, судя по всему, чаще испытывает этот восторг, глубже проникается им и дорожит им, как самым ценным в жизни. Это относится как к ученым, так и к мистикам, как к поэтам и художникам, так и к промышленникам и политикам', к матерям и ко многим другим группам и типам людей. В общем виде, в качестве теории познания и науки, в качестве рабочей гипотезы, требующей проверки, я готов заявить следующее: на высших уровнях развития человечно ста познание скорее позитивно, нежели негативно, процесс постижения коррелирует со все более углубляющимся чувством причастности к тайне и священным трепетом, с самоуничижением и с абсолютизацией человеческого

невежества, с желанием положить себя на алтарь познания.

15. Люди, достигшие трансценденции, на мой взгляд, не так боятся безумия, не страшатся <сойти с ума>, как, может быть, другие самоактуализированные личности. Это тот признак, по которому можно выделить в общей толпе творца (несмотря на то, что на первый взгляд творец порой кажется безумным или сумасшедшим). Я предположу, что самоактуализизованные люди больше по сравнению с другими ценят креативность и потому более эффективно распознают ее (и поэтому из них должны получаться хорошие менеджеры по персоналу, специалисты по отбору кадров и советники). Однако, чтобы ставить креативность превыше всего, необходимо такое величие духа и такой опыт трансценденции, который был свойствен, например, Уильяму Блейку. Естественно, можно предположить и особую чуткость таких людей

к <помешательству> не креативного толка, на мой взгляд, более распространенному.

Все эти мысли следуют из общей логики рассуждений, но пока не подтверждены экспериментально. Поэтому я предлагаю принять их в качестве легко проверяемой гипотезы.

16. Из общей логики рассуждений следует и тезис о том, что люди, достигшие трансценденции, более спокойно должны относиться к злу как таковому. Они понимают неизбежность того, что время от времени зло берет верх над добром, понимают его необходимость, холистическую необходимость, в <высшем>, богоподобном и олимпийском смысле. Такое отношение к злу подразумевает лучшее понимание причин, его порождающих, и позволяет одновременно и сострадать ему, и решительно вступать с ним в борьбу, не терзаясь амбивалентностью и сомнениями. Это звучит как парадокс, но вдумавшись, можно понять, что здесь нет никакого противоречия. В данном случае <лучшее понимание> означает не слабость, но силу, порождает не сомнения, амбивалентность и жалость, но решительность, помогает человеку действовать быстро, уверенно и эффективно. Я утверждаю, что человек может сострадательно бороться со злом, если это необходимо.

17. Я предполагаю за людьми, достигшими трансценденции, еще одну парадоксальную претензию - они, пожалуй, настойчивее прочих склонны считать себя воплощением таланта, инструментом трансперсонального, временным хранилищем знаний, умений, авторитета и эффективности. В данном случае речь идет об особом типе объективности, об особом способе отношения к себе, которое люди, несведущие в трансценденции, склонны счесть высокомерием, апломбом или даже паранойей. Здесь мне кажется уместным привести в качестве примера отношение беременной женщины к себе и к своему еще не рожденному ребенку. Попробуйте ответить, что для

нее <Я>? Что не <Я>? Вправе ли она требовать уважения к себе, восхищаться и гордиться сама собой?

Сегодня нас озадачит заявление: <Я лучше всех справлюсь с этой работой, и потому вы должны нанять именно меня>, как и равноправное: <Вы справитесь с этой работой лучше всех, и потому вы должны сделать ее>. Но

для человека, достигшего трансценденции, трансперсональная утрата Эго естественна.

18. Вообще-то (у меня нет экспериментальных данных, подтверждающих эту мысль) такие люди более <религиозны>, более <спиритуальны>, как в теистическом, так и в атеистическом смысле. То, чего достигает человек

посредством высших и иных трансцендентных переживаний, также имеет смысл рассмотреть с точки зрения <религиозности> или <спиритуальности>. Для этого только нужно несколько более строго определить эти термины, исключив из них историческую, конвенциональную, суеверную и институциональную составляющие. Обыденное мировоззрение скорее разглядит в подобных переживаниях следы <антирелигиозности>, обличит их за то, что они убого уподобляются религиозным прозрениям, тщатся заменить их, выступают в роли апокрифических пародий на общепринятое понимание религии и спиритуализма. Парадокс здесь состоит в том, что такие еретики гораздо более <религиозны>, чем некоторые священнослужители, и мы знаем тому немало примеров и легко можем понять причины этого.

19. Между двумя типами самоактуализации есть еще одно различие, правда в отношении него я не могу с полной уверенностью сказать, что это только количественное различие, различие в степени проявленности того или иного качества. По моему мнению, люди, постигшие трансценденцию, легче трансцендируют в том числе и свое Эго, свое <Я>, свою идентичность, они в состоянии подняться даже над самоактуализацией. Чтобы обострить эту мысль, скажу: наше представление о здоровых самоактуализированных людях очень обеднено из-за того, что мы характеризуем их главным образом как людей с сильной идентичностью, как людей, знающих, кто они есть, к чему они идут, чего хотят, на что годятся, - одним словом, мы говорим о силе их <Я>, о том, что они умело и аутентично строят жизнь, сошасуя ее с собственной природой. Для людей, достигших трансценденции, такое описание оказывается крайне недостаточным. Оно верное, но неполное.

20. Я предположу- опять же в качестве впечатления и без специальных данных - что такие люди в силу их более легкого восприятия высшей реальности чаще поддаются переживаниям совершенства (особости), чем их более практичные собратья, они более подвержены полной завороженности, вроде той, что мы наблюдаем за ребенком, загипнотизированным бензиновыми кольцами в луже или дождем, струящимся по оконному стеклу, или Движениями гусеницы.

21. Трансцендировавшие люди теоретически должны быть несколько более даоистичны, а <просто здоровые> - более прагматичны. Высшее постижение придает всему окружающему оттенок чудесного, совершенного, правильного. Оно ослабляет желание воздействовать на предмет, исправлять его и вмешиваться в его самостийность, поскольку тот и так предельно .прекрасен. Оно побуждает просто смотреть на него, просто созерцать, невмешательно и пассивно.

зио

Трансценденция и психология Бытия

22. Постамбивалентность, на мой взгляд, характерна для всех самоактуализирующихся людей в целом и, может быть, немного более характерна для некоторых из тех, кто достиг трансценденции. Само по себе это понятие не даст нам ничего нового, но оно могло бы помочь связать наши размышления с концептуальным аппаратом фрейдизма. Постамбивалентность означает тотальную, всеобъемлющую и непротиворечивую любовь, принятие, экспрессивность; обычно она противопоставляется той мутной взвеси любви и

ненависти, которая сопровождает житейскую <любовь>, дружбу, сексуальность, авторитетность или властность.

23. В завершение хочу привлечь ваше внимание к вопросу <высшего расчета> и <способов оплаты>. Я не уверен, что две рассматриваемые мною группы самоактуализированных личностей принципиально по-разному относятся к нему или даже имеют сколько-нибудь отличные воззрения на

проблему оплаты труда. Для меня важно отметить сам факт существования иных разновидностей оплаты труда, кроме денежной, причем по мере приближения к всеобщему благоденствию (материальному благоденствию) и по мере вочеловечивания человечества материальная компонента теряет свое значение и первые роли все убедительнее играют высшие формы оплаты труда или мета-оплата. Скажу больше: даже в тех сферах, где деньги все еще кажутся высшим мерилом, при внимательном рассмотрении вопроса можно обнаружить, что деньги важны не сами по себе, но как мерило общественного положения, успеха, достоинства, которые в свою очередь обеспечивают любовь, восхищение и уважение окружающих.

Мое утверждение несложно проверить. Некоторое время я увлекался коллекционированием газетных объявлений с предложениями работы. В моей коллекции были объявления для профессионалов, администраторов, менеджеров, приглашения Корпуса Мира и предложения для желающих начать свое дело. Были там и объявления для менее квалифицированных работников, для <синих воротничков>. Все объявления объединяло одно - для того, чтобы привлечь кандидатов на вакантное место, предлагались не столько материальные блага, не только достойная зарплата, но и иные привлекательные условия, призванные удовлетворить более высокие потребности и даже мета-потребности человека. Речь в них шла о дружном, сплоченном коллективе, об атмосфере сотрудничества и взаимопомощи, о хороших условиях труда, о социальной защите и пенсиях, о возможности роста и продвижения по службе, о неких идеалистических перспективах, как то: возможность испытать ответственность за порученное дело, свобода, важность изготовляемого продукта, сострадание к ближнему, общая польза, работа на благо родины, возможность претворить собственные замыслы, престиж компании, возможность обучения. Иногда рекламодатели указывали в качестве достоинств даже хороший клев в тех местах, где предполагалось работать потенциальному работнику, и живописные горы, на которые можно взбираться. Корпус Мира заходит так далеко на этом пути, что указывает как достоинство

низкий уровень зарплаты, расписывает трудности и лишения, рассуждает о жертвоприношении и прочем, на что должен пойти человек, чтобы помочь другим людям.

Я исхожу в своем предположении из того, что рост психологического здоровья человечества будет способствовать возрастанию в цене этих, <высших>, типов оплаты труда, особенно если денежное вознаграждение будет достаточным и стабильным. Можно вспомнить, что большинство самоактуализированных людей работают играючи, они любят свое дело. Уже этим они вознаграждены, они служат себе на радость и получают зарплату за свое увлечение.

Если вспомнить об исследуемых мною двух группах, то между ними можно представить разве что одно небольшое различие. На мой взгляд, люди, достигшие трансценденции, в отличие от <просто здоровых> будут более активны в поиске работы, способствующей высшим переживаниям и высшему познанию.

Я завел об этом речь потому, что убежден - для того, чтобы создать Евпсихею, хорошее общество, изначально необходимо отлучить людей, способных повести за собой, от привилегий, эксплуатации, собственности, роскоши, общественного положения, власти над людьми и т. д. Единственной защитой для мастеров своего дела, для политиков и управляющих, способной уберечь их от неприязни, от бессильной зависти слабых, непривилегированных, менее способных, нуждающихся в помощи, от косых взглядов неудачников, будет не высокое денежное вознаграждение,

а низкое, компенсируемое <высшей платой> или <мета-зарплатой>. Если логика этой моей работы, как и других работ (83), верна, то такое положение вещей удовлетворит как самоактуализированных людей, так и всех остальных, оно будет препятствовать развитию взаимной неприязни и антагонизма между классами и кастами, присущих человечеству на протяжении всей его истории. Чтобы воплотить в практику эту постмарксистскую, постисторическую возможность, нам нужно лишь научиться больше ценить высокое, чем низкое, научиться более равнодушно относиться к материальной стороне жизни. Нам придется проделать эту работу по разрушению фетиша материального благополучия, придется отвыкнуть от мысли, что деньги - символ и залог успеха, уважения и любви.

По большому счету это нетрудно сделать, поскольку необходимость подобных перемен согласуется с предсознательными или не вполне осознаваемыми ценностями самоактуализированных людей. Является ли это мировоззрение более характерным или менее характерным для достигших трансценденции, еще предстоит выяснить. К слову скажу, что на протяжении всей истории человечества мистики и люди, достигавшие трансценденции, невольно тянулись к простоте, избегали роскоши, привилегий, почестей и богатства. Поэтому могу предположить, что все-таки описанное выше мировоззрение ближе им, чем другим людям. Может быть, именно поэтому так называемые

<простые люди> любили, а не боялись их, уважали, а не ненавидели. И может быть, именно поэтому подобное мировоззрение поможет нам в создании идеального общества, в котором способных и развитых людей, идеалистов высшей пробы будут избирать на высшие посты, будут уважать за высокие устремления души и альтруизм.

24. Не могу удержаться, чтобы не поделиться с вами еще одной мыслью, только-только пришедшей мне в голову. Может статься, что такие люди чем-то схожи с шелдоновскими эктоморфами, в то время как <просто здоровые> скорее напоминают мезоморфов. (Я решился упомянуть об этом только потому, что это предположение очень легко проверить.)

Эпилог

В это трудно поверить, но именно поэтому я должен недвусмысленно заявить, что в среде бизнесменов, промышленников, менеджеров, педагогов и политиков так же много людей, достигших трансценденции, как и среди религиозных деятелей, поэтов, интеллектуалов, музыкантов и других, по долгу службы предназначенных к этому и официально считающихся таковыми. Просто у каждой из указанных мною групп трансценденция проявляет свой норов, говорит на своем жаргоне, имеет свое лицо и носит свою униформу. Священник будет проповедовать трансценденцию, пусть даже он ничего не слышал о ней и не знает такого слова. А бизнесмен, с другой стороны, как правило, старательно скрывает присущий ему идеализм, свои мета-мотивы и трансцендентные переживания под маской <жесткости>, <реализма>, <эгоизма> и прочих словечек, которые я беру здесь в кавычки, чтобы нагляднее показать их наносной и защитный характер. Его истинные мета-мотивы не подавлены, а просто затаены. Мне приходилось пробиваться сквозь эту скорлупу, и скажу, что это было не трудно, обычно хватало нескольких прямых и резких вопросов.

Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление о великом множестве людей, которых я подверг исследованию (на самом деле мне довелось тщательно опросить и исследовать лишь сорок или пятьдесят человек, да с сотней-другой я либо разговаривал, либо читал их труды и

труды о них, либо изучал их, но скорее поверхностно, чем скрупулезно). То же самое я хочу сказать относительно надежности моих данных (это было скорее знакомство, предварительное исследование, нежели тщательное и всестороннее изучение, скорее первое приближение к научному познанию, нежели нормализованная, верифицированная наука, которая придет позже) и относительно репрезентативности использованной мною выборки59 (она была в основном случайной, но особый акцент я сделал на исследовании лучших людей, лучших в смысле интеллекта, креативности, характера, силы, успешности и т. п.).

Но несмотря на это, я буду настойчиво повторять, что это эмпирическое исследование, что я не пересказываю вам свои сны, а излагаю то, что

If.

Теория Зет

309

действительно наблюдал и познавал. Единственное, на что я склонен согласиться, чтобы снять некую академическую неловкость от вольности моих исследований, умозаключений и гипотез, так это назвать их преднаучными, в отличие от собственно научных изысканий (слишком для многих <наука> означает прежде всего верификацию, а не открытие). И все-таки - всякое сделанное мною в этой работе заявление в принципе проверяемо, его можно подтвердить или опровергнуть.

Часть VIII

Метамотивация

23

Теория метамотивации:

биологические корни высших ценностей

Самоактуализированные индивидуумы (более зрелые, более вочеловеченные) уже по определению выступают как люди, удовлетворившие свои базовые потребности, люди, чья жизнь управляема высшими мотивами. Ихможно назвать <метамотивированными>'.

Согласно принятому нами определению, самоакгуализированными мы называем людей, которые удовлетворили все свои базовые потребности (потребности в принадлежности, любви, уважении и самоуважении). Эти люди знают, что такое чувство принадлежности, и имеют глубокие корни. Их потребность в любви удовлетворена, у них есть друзья, они чувствуют, что их любят и что они заслуживают любви. Они знают свое место в обществе и в жизни, их уважают, они могут уважать себя и испытывать вполне обоснованное чувство собственной значимости. Можно сформулировать то же самое с негативным посылом, в терминах патологии и фрустрации базовых потребностей. В таком случае мы поймем, что самоактуализированные люди не подвержены (постоянным и длительным) тревогам, страхам, чувству незащищенности, они не мучаются от одиночества, остракизма, отсутствия корней, изоляции, не чувствуют себя чужими, отвергнутыми или ненужными, не ощущают презрения и высокомерного отношения окружающих к себе, не терзаемы унизительным чувством собственной неполноценности, никчемности, зависимости (95, m. 12).

Можно сформулировать то же самое и иначе, и я в свое время делал это. Когда в науке господствовало мнение, что базовые потребности - единственно возможный источник мотивации для человека, я счел себя вправе

Прошу воспринять двадцать восемь тезисов, выделенных курсивом в начале каждой подглавки, в качестве предположений, требующих проверки.

для лучшего понимания сути проблемы рассуждать о самоактуализированных людях как о <немотивированных> (95, гл. 15). Это позволило мне провести аналогию с восточными философиями, согласно которым здоровье воспринимается как трансценденция борьбы, трансценденция стремлений и

желаний. (В каком-то смысле то же самое можно сказать и об античных стоиках.)

Можно описать самоактуализированных людей как воплощающих себя, в отличие от людей, преодолевающих себя, можно подчеркнуть, что они спонтанны и естественны, что им легче по сравнению с другими оставаться собой. Такая формулировка была бы полезна уже потому, что оперирует терминами известной теории невроза, где невроз представлен как попытка преодоления глубинного, сущностного, биологического <Я> при помощи рассудочных (глупых и трусливых) подачек его потребностям.

Приведенные выше формулировки помогают использовать понятие <самоакгуализация> в рамках того или иного конкретного исследования. Но однажды может случиться так, что нам захочется поставить следующие вопросы: что служит мотивами для самоактуализированного человека? Какова его психодинамика? Что побуждает его к движению, к действию, к борьбе? Что движет (или ведет) такого человека вперед? Что влечет его? На что он надеется? Что его бесит, что понуждает его посвятить себя своему делу, жертвовать собой? Чем он дорожит? Что для него свято? Что он ценит, к чему стремится, чего желает? Во имя чего он может умереть (или жить)?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам понадобится обозначить различие между обычными мотивами людей, не достигших уровня самоактуализации, людей, для которых главное в жизни - удовлетворение базовых потребностей, с одной стороны, и мотивами людей, базовые потребности которых удовлетворены, людей, для которых ценно удовлетворение иных, <высших> потребностей - с другой стороны. Для удобства я буду называть эти <высшие> мотивы и потребности самоактуализированных людей <мета-потребностями>, а мотивации <высшего> порядка - <мета-мотивацией>.

(Сейчас для меня очевидно, что удовлетворение базовых потребностей еще нельзя считать достаточным условием для мета-мотивации, оно выступает лишь в качестве необходимого предварительного условия. Мне приходилось сталкиваться с испытуемыми, у которых, несмотря на очевидную удовлетворенность базовых потребностей, налицо были черты <экзистенциального невроза>, которых одолевало чувство бессмысленности, никчемности существования и т. п. У меня складывается впечатление, что метамотивация не даруется человеку сразу же с удовлетворением базовых потребностей;

иногда при исследовании приходится учитывать дополнительную переменную, названную мною <неприятием метамотивации>. А это значит, что для лучшего взаимопонимания между нами, для более осознанного построения теории самоактуализации полезно было бы расширить определение самоактуализированного человека и сказать, что он не только а) психологически

здоров, б) удовлетворил свои базовые потребности и в) позитивно использует свои возможности, но и - г) устремлен к неким <высшим> ценностям, взыскует их и преклоняется перед ними.)

II

Они посвящают себя без остатка своему делу, служат своему призванию, они знают свое предназначение, воплощенное в любимой работе

(<внеположной по отношению к их "Я">).

При исследованиях самоактуализированных людей я обнаружил, что все они без исключения (я могу говорить лишь о представителях нашей культуры) - увлеченные люди, люди, посвятившие себя любимому делу, <внеположному> по отношению к их <Я>. Они служат своему призванию, знают о своем предназначении, воплощенном в их работе. Как правило, увлеченность и преданность делу настолько сильно выражены, что язык не поворачивается называть их затертыми, утерявшими эмоциональную окраску словами. Слова <призвание>, <служение> или <миссия> кажутся блеклыми и банальными, они не в состоянии передать страстного, самозабвенного и искреннего отношения таких людей к своей <работе>. Мне кажется, что уместнее говорить о <судьбе> или о <предназначении>. А порой даже о <жертвоприношении> в религиозном смысле, о принесении себя в жертву своему делу, о возложении себя на алтарь служения делу, некой первопричине, которая лежит вне человека, которая больше человека и величественней человеческого, ради чего-то неэгоистичного, внеличностного.

Мне представляется разумным расширить присутствие понятий <судьба> и <предназначение> при описании этого феномена. При помощи этих, на первый взгляд неадекватных, понятий удачно передается чувство неадекватности, возникающее при общении с самоактуализированными людьми (как и с некоторыми несамоактуализированными), при разговоре с ними об их работе или деле (83). Это удивительное и парадоксальное ощущение взаимной любви человека и его дела, комплементарности их друг другу, чувство, что работа <сродни> человеку, что он предназначен исполнять ее, что только он может сделать ее хорошо и правильно, что он даже скучает по ней. С первых его слов мы ощущаем присутствие чего-то, вроде гармонии предназначения, или даже идеального союза, брака, свершенного на небесах, истинной дружбы, когда двое кажутся созданными друг для друга. Человек и его работа в таких случаях подходят друг другу, как ключ к замку, а замок - к ключу, они откликаются друг на друга, как струна фортепьяно откликается на чистый тон голоса, как пение сливается с музыкой в высшей

гармонии.

Что касается женщин, то все сказанное выше относится и к ним, но

несколько в ином смысле. Среди моих испытуемых была женщина, абсолютно поглощенная ролью хорошей матери, жены, домохозяйки, посвятив-

шая свою жизнь служению семейственности. Ее призвание - а ведь это можно назвать призванием - состояло в том, чтобы растить детей, составлять счастье своего мужа, поддерживать связи между многочисленными родственниками. Она была непревзойденной матерью, женой и домохозяйкой, и было видно, что это доставляет ей высшее удовольствие. Она всем сердцем любила то, что ей приходилось делать, не желала для себя иной судьбы и отдавала этому делу всю себя. Когда мы говорим о конкретной женщине, то важно учитывать, в какой степени

сочетается в ней любовь к домашнему и профессиональному труду, что именно она считает своим предназначением, что для нее любимо, важно и значимо. Глядя на некоторых женщин, мне порой кажется, что рождение ребенка само по себе может стать абсолютной самоактуализацией для них. Но чаще всего, когда я берусь рассуждать о самоактуализации женщин, я испытываю чувства смущения и неуверенности.

III

В идеальном случае позыв совпадает с призывом, <я хочу> совпадает с <я должен>.

Когда мне приходится исследовать самоактуализированных людей и я пытаюсь вычленить из единого мотива две подобных детерминанты - внутреннюю и внешнюю, у меня возникает чувство, что я пытаюсь сделать из одного волоска два. Безусловно, можно рассуждать о внутренних позывах, например, когда человек заявляет: <Я люблю детей (или живопись, науку, политику) больше всего на свете. Я очарован ими... Меня тянет к ним... Они мне необходимы...> Это мы можем назвать <позывом>, и это скорее похоже на потакание собственной слабости, нежели на исполнение обязанности. <Позыв> стоит особняком и отличен от <призыва>, который предъявляет человеку требования от имени ситуации, окружения, проблемы, внешнего мира примерно так же, как пожар <призывает> к тушению его, как беспомощный младенец требует заботы, как несправедливость взывает к благородству. Призыв обязывает нас, возлагает ответственность, вынуждает к действию невзирая на то, чем мы заняты и чего хотим. В призыве больше долженствования, обязанности, необходимости, чем желания.

В идеале (и к счастью у большинства исследованных мною испытуемых) <я хочу> совпадает с <я должен>, позыв согаасуется с призывом. И тогда сторонний наблюдатель наполняется благоговейным трепетом от обязательности человеческого предназначения, от заклятия и предначертанности судьбы, от гармонии необходимости и желания. Наблюдатель (как и сам <призванный> человек) ощущает не только благодатное <долженствование>, но и необходимость, правильность, уместность, ценность, справедливость того, что предстает его взору. Мне самому зачастую приходилось переживать этот комплекс чувствований при наблюдении такого типа единения одного с другим, слияния двух в одно.

Здесь напрашивается слово <целесообразность>, но я не решаюсь употреблять его, потому что оно подразумевает проявление воли, намеренность, работу сознания и рассудка, оно не передает той одержимости, того желания и нетерпеливого стремления подчиниться воле предназначения, безоглядного порыва навстречу судьбе и счастливого единения с ней. Ведь скорее судьба играет человеком, чем он ею, пусть даже мы не сможем забыть, что человек - творец собственного счастья и кузнец своей судьбы. В любом случае, человек должен сначала узнать ее, угадать сходство окружающего со своими неосознанными ожиданиями. Наверное, лучшими учителями при этом узнавании, при выборе, решении, предположении - или даже определении - были бы Спиноза и даосисты.

Если все-таки вам не удается постичь эти чувства интуитивно и непосредственно, попробуйте поразмышлять о том, что происходит с человеком, когда он влюбляется. Влюбленность приходит к человеку не по обязанности, не по долгу, она скорее противоречит разуму и логике. Влюбленность и произвол вступают между собой в очень непростые, но уж никак не подчиненные отношения. И если вам приходилось влюбляться, то вы вспомните, каково это - быть магнитом и железом одновременно, вспомните, насколько приятно быть одновременно и тем, и другим.

IV

Человек восхищен тем, что ему повезло, что судьба благоволит ему, но чувство может быть и амбивалентным, он может у верить себя, что не

заслуживает такого благоволения судьбы.

На примере влюбленности я могу пояснить еще один феномен, который трудно пересказать обычными словами. Я говорю о чувстве несказанного везения, удачи, благоволения судьбы, о трепете перед чудом, об изумлении своей избранностью и особого рода гордости за нее. И в то же время эти чувства удивительным образом смешиваются с ощущением человеком собственной ничтожности, с убежденностью, что судьба не по праву даровала ему те прелести и достоинства, которые он находит в объекте своей любви

без счета и остановки.'

Предчувствие несказанной удачи может пробудить в человеке всевозможные невротические страхи, усилить комплекс неполноценности, довести до полного самоуничижения, запустив механизмы встречных оценок, динамических производных от комплекса Ионы и др. Лишь поборов в себе подобное противодействие, человек сможет всем сердцем принять высшие ценности.

V

Такие люди преодолели дихотомию <работа-игра>; такие, слова как <ничегонеделание>, <хобби>, <отпуск> и т. п. имеют для них особый смысл.

О таком человеке можно с полным правом сказать: <Он делает то, что ему нравится, он воплощает в работе свое истинное "Я", самоактуализируется в ней>. Абстрагируясь и экстраполируя подобное заявление к абсолютному, совершенному случаю, можно сказать: <Этот человек лучше всех делает это дело, а это дело - лучшее в мире для этого человека, оно соответствует его талантам, способностям и интересам. Он создан для этой работы, а она для него>.

Если вы можете сказать нечто подобное о каком-либо человеке, если вы чувствуете правомерность такого высказывания, то ваши отношения с ним поневоле перемещаются в иную дискурсивную реальность, в высшую реальность (89), в реальность трансценденции, где взаимопонимание возможно только в том случае, если разговор будет идти на высшем языке (на языке Бытия, на мистическом уровне и т. д.). Так, например, совершенно очевидно, что расхожее, общепринятое противопоставление работы и игры чуждо такому человеку (80, 83). Когда он увлечен своим делом, он не сможет дать однозначного ответа на вопрос: работает он или развлекается? Работа увлекает его, его хобби - это его работа. Разве можно сказать, что человек <трудится>, когда он любит свою работу, когда она доставляет ему большую радость, чем любое другое занятие, если он с нетерпением ждет момента, когда можно будет приступить к ней или вернуться к ней после вынужденного перерыва? Разве мы можем в данном случае говорить о <труде>, если мы

привыкли обозначать этим словом некую тяжелую и неинтересную обязанность?

Что значит для такого человека слово <отпуск>? Имеет ли оно вообще хоть какой-нибудь смысл для него? Мне приходилось наблюдать таких

людей во время отпуска. Понятно, что человек в отпуске совершенно волен делать то, что ему хочется, что он отрешается от каких-либо обязательств по отношению к другим людям. Так вот - именно в отпуске такие люди самозабвенно и с головой погружаются в свою <работу>. Что же для них значит <развлечься>? Или такое слово, как <забава>? Как они <отдыхают>? Каковы их <обязанности>? Что для них <хобби>?

Какое значение имеют для них деньги, зарплата, тарифная ставка? Они делают то, что страстно любят, и еще получают за это зарплату. Разве можно представить себе большее везение, чем такая улыбка судьбы? А ведь такое или почти такое и происходит с большинством моих испытуемых. Конечно, в деньгах есть свое удобство, они необходимы для жизни. Но не в них совершенное, абсолютное и полное человеческое счастье (разумеется, речь идет о благополучном обществе и об удачливых людях). Деньги, которые они получают в кассе, - лишь малая часть их истинной <зарплаты>. Работа, позволяющая человеку приблизиться к самоактуализации (<высшая> работа, работа как образ жизни), сама по себе дает радость, и деньги в этом случае становятся своего рода побочным продуктом, эпифеноменом более сущностного везения. Подавляющему большинству людей, конечно, остается только зави-

довать, исполнять неинтересные обязанности ради заработка, а затем тратить деньги на то, что действительно интересно для них. Роль денег в высшей ре аяьности совершенно отлична от таковой в насущной реальности удовлетворения базовых потребностей.

Чтобы подчеркнуть научный характер этой проблемы, хочу сказать, что она была исследована на примере обезьян. Доказательством тому служит существование обширной литературы, посвященной исследованиям любопытства у обезьян, которое я склонен считать прародителем чисто человеческого стремления к истине и удовлетворения, получаемого от постижения истины (89). Нетрудно представить себе исследования того, как воздействуют на подобную непрагматическую активность обезьян и других животных страх, болезнь, плохие условия и тому подобные вещи. Я утверждаю, что и отдельные высшие ценности, такие как порядок, единство, правосудие, законность, совершенство, можно и нужно исследовать на животных,

на детях и т. д.

Понятно, что <высшее> выступает в роли слабейшего, его сила быстро истощается, оно не столь настырно, оно уступчиво и трудно постижимо (95, ш. 8). В отличие от <высших>, базовые потребности доминантны, даже можно сказать бесцеремонны, как более насущные для человеческого существования, для элементарного выживания и физического здоровья. Но несмотря на это, метамотивация существует, мы замечаем ее присутствие в мире природы и у подавляющего большинства окружающих нас людей. Нам не нужно для оправдания ее существования прибегать к помощи сверхъестественных сил, не нужно по той же причине, по которой мы отказались конструировать перечень высших ценностей в соответствии со своей волей или надуманными принципами, по той же причине, по которой высшие ценности не могут быть придуманы, разрешены или сотворены. Они могут быть только 'выявлены, и выявить их сможет любой, кто захочет и сумеет повторить ход моих действий и рассуждений, - а их можно повторить, с ними можно согласиться или опровергнуть их. Каждую из высших ценностей можно выявить экспериментально. Многие из этих ценностей можно заставить Проявиться публично, то есть они могут быть познаны одновременно двумя или несколькими исследователями.

Согласившись с подобным, более высоким пониманием ценностей, приняв, что феномен ценностей и в более широком смысле открыт для научного исследования, что он находится под юрисдикцией науки (гуманистической

науки) (82, 126), мы сможем обоснованно ожидать прогресса в сфере изучения ценностей. Познание высших ценностей приведет не только к более широкому охвату познанных явлений, оно откроет перед человечеством новые горизонты само совершенствования, оно даст толчок к улучшению человека и социальных институтов (83). Не стоит пугаться и вздрагивать от таких слов, как <стратегия сострадания> или <духовные технологии>, - очевидно, что созданные с помощью нового знания <высшие> стратегии и технологии

будут в корне отличаться по духу и содержанию от известных нам <низших> стратегий и технологий.

VI

Люди, работающие по призванию, идентифицируют свое <Я> с любимым делом. Работа становится определяющей характеристикой их <Я>, его частью.

Попробуйте спросить самоактуализированного, влюбленного в свою работу, человека: <Кто ты?> Я уверен, вы услышите от него ответ, сформулированный в терминах его призвания, -например: <я адвокат>, <я мать>, <я психиатр>, <я художник>. Таким образом человек невольно дает вам понять, что идентифицирует себя со своим призванием, что призвание обозначает и определяет его сущность.

Попробуйте спросить его: <Если бы ты не стал ученым (учителем, летчиком и т. д.), кем бы ты хотел стать?>, или: <Представь себе, что ты не психолог, кем бы ты стал?> Я могу предположить, что у него не будет готового ответа на подобные вопросы, он скорее растеряется, задумается или удивится. Он может рассмеяться вместо ответа, позабавленный столь странным предположением. Мне приходилось слышать ответы, вроде: <Если бы я не стала матерью (антропологом, бизнесменом и т. д.), это была бы не я. Это был бы кто-то другой. Я не могу представить себя никем другим>.

Такое же замешательство испытает любой человек, если его спросить:

<Представь, что ты не мужчина, а женщина?> (или наоборот).

В таком случае можно сделать очевидный вывод: призвание самоактуализированного человека становится определяющей характеристикой его <Я>, человек идентифицируется со своим призванием, воспринимает его как часть своей личности.

(На самом деле я даже не пытался задавать подобные вопросы людям с низко выраженной самоактуализацией. Но мне представляется, что предложенное выше умозаключение по отношению к таким людям будет не столь бесспорным. Его нельзя применить к людям, которые работают без души, и к таким, которые считают, что сколь бы ни была неприятна работа, человек без профессии - не человек.)

VII

Дело, которому посвящает себя самоактуализированный человек, можно интерпретировать скорее как воплощение или инкарнацию сущностных ценностей (а не как средство достижения неких внешних по отношению к делу целей, не как функционально автономное). Он любит свою работу (он интроецировал ее) именно потому, что она олгщетворяет эти ценности. То есть, на самом деле он любит то, что ценно для него, а не работу саму по себе.

Теория металютивации: биологические корни высших ценностей

321

Попробуйте спросить такого человека, почему он любит свою работу (или точнее, что в ней больше всего доставляет ему удовлетворение, что это за вознаграждение, которое заставляет его терпеть неизбежную рутину и смиряться с ней, какие более сущностные переживания стоят за ней), и получите самые разнообразные, интересные и ad hoc ответы, вроде тех, что я привожу и систематизирую в Таблице 1 (стр. 322-323).

Кроме них вы наверняка услышите ответы типа <отвяжись>, например:

<Я просто люблю своего ребенка, и все. Почему? Не знаю>. Или: <Мне чертовски интересно повышать производительность труда на моем заводе. Почему? Ну просто нравится>. Высшее переживание, удовольствие, достижение поставленной цели - неважно, великой или малой - не нуждаются в каком-либо подтверждении или вознаграждении. Они сами себе - внутреннее, сущностное вознаграждение.

Как-то я попытался классифицировать подобные вознаграждения, стремясь свести все их разнообразие к меньшему числу более общих категорий. Очень быстро я понял, что самыми <естественными> категориями этой классификации выступают те же самые высшие ценности в своих совершенных и несводимых к меньшему свойствах, такие как истина, красота, новизна, уникальность, справедливость, емкость, простота, добро, ясность, эффективность, любовь, честность, праведность, гармония, порядок, элегантность, рост, чистота, аутентичность, спокойствие, миролюбие и подобные им.

Работа для такого человека, по всей видимости, не может существовать сама по себе, она выступает как носитель, инструмент или воплощение сущностных ценностей. Например, адвокатская практика для него важна не сама по себе, но как инструмент достижения справедливости. Это очень тонкое отличие, которое можно сформулировать следующим образом: представьте себе адвоката, который любит закон за то, что он - воплощение справедливости, а с другой стороны - адвоката, который любит закон за то, что это - гармоничный и наполненный внутренней целесообразностью набор установлений, прецедентов и процедур, который поглощен технологией этой работы и равнодушен к целям и результатам ее осуществления. Можно сказать, что второй, отрешенный от ценностей технологист, любит автомобиль и равнодушен к быстрой езде, любит шахматы и равнодушен к победе.

По ходу исследования этой проблемы я научился различать разные способы идентификации человека с его профессией или призванием. Профессия может быть целью сама по себе, но она же может оказаться средством Достижения скрытых, подавленных целей. Если говорить точнее, выбор профессии может быть мотивирован как метапотребностями. так и базовыми нуждами или даже невротическими потребностями. Привязанность к работе может иметь несколько оснований или может быть тотально детерминирована как базовыми, так и метапотребностями в любом сочетании и с любой выраженностью каждого из мотивов. Понятно, что на Основании гордой декларации: <Я адвокат, и я люблю свою работу> нам вряд ли удастся хоть что-то постичь.

322

Метамотивация

ТАБЛИЦА 1

Мотивации удовлетворения самоактуализированных людей, как от работы,

так и по другим поводам. (Служат дополнением к удовлетворению базовых потребностей.)

Радость от достижения справедливости.

Радость от прекращения жестокости и эксплуатации.

Борьба с ложью и неправдой.

Они любят, чтобы добродетель вознаграждалась.

Они счастливы хорошему концу, хорошему завершению.

Они не выносят, когда побеждает зло и порок, и им невыносимо думать, что другие могут мириться с этим.

Они хороши в наказании зла.

Они стараются починить вещи, исправить плохую ситуацию.

Им доставляет удовольствие хорошо делать свое дело.

Им нравится поддерживать и хвалить хорошее начинание, талант, добродетель.

Они бегут от популярности, славы, почестей, известности, или по крайней мере не стремятся к ним. Эти вещи не важны для них.

Они не добиваются всеобщей любви.

Они как правило разборчивы в мотивах, и этих мотивов немного; их не так легко заставить сделать что-либо при помощи рекламы, за компанию или уговорами.

Им ближе мир, спокойствие, тишина, удобство, им не нравятся беспорядок, борьба, война и т.п. (их нельзя назвать рьяными борцами), они могут заниматься своим делом и получать от него удовольствие, не обращая внимания на бои местного и стратегического значения, разворачивающиеся вокруг них.

Они скорее практичны, трезвы и реалистичны в жизни, нежели непрактичны. Им нравится быть эффективными и не нравится быть неэффективными.

Если они вступают в борьбу, то ими движет не враждебность, не паранойя, не стремление к власти или мания величия. Их борьба обязательно служит порядку, вызвана какой-то проблемой.

Им каким-то образом удается любить мир таким, какой он есть, и в то же время стремиться улучшить его.

Несмотря ни на что они считают, что люди, природа и общество могут быть улучшены.

Они трезво смотрят как на добро, так и на зло.

Они азартны в работе.

Возможность поправить неудачно сложившуюся ситуацию уже сама по себе является для них большой наградой. Им доставляет удовольствие исправлять ситуации.

Наблюдения показывают, что им нравится иметь детей и помогать им стать хорошими взрослыми.

Они не стремятся и почти равнодушны к лести, аплодисментам, популярности, статусу, престижу, деньгам, почестям и т.п.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

323

Они умеют чувствовать благодарность судьбе за удачу, или по крайней мере всегда осознают ее.

Им присуща ответственность хозяина. Это обязанность вышестоящего, который знает и понимает больше остальных, быть терпеливым и терпимым; отцовский взгляд на окружающих.

Их привлекают тайны, нерешенные проблемы; неведомое скорее возбуждает их, нежели пугает.

Им нравится привносить закон и порядок в хаос или в бестолковицу, или в ситуацию

утраты моральных ориентиров. Они ненавидят коррупцию, жестокость, злобу, нечестность, напыщенность, фальшь,

мошенничество (и борются с ними).

Они стремятся избавиться от иллюзий, мужественно смотрят фактам в лицо. Их искренне огорчает, когда они видят, что талант пропадает зря. Они не совершают низких поступков и недовольны, когда другие совершают их. Они считают, что каждому человеку нужно предоставить возможность развить свои

способности, что все люди должны иметь равное право на самореализацию. Им нравится хорошо работать, <делать хорошую работу>, <делать то, что должно

быть сделано>. Обычно они говорят об этом, когда рассуждают о <достижении

мастерства>.

В руководящей должности для них есть лишь одно преимущество - право распоряжаться деньгами, то есть решать, какое направление требует поддержки. Им нравится направлять или отдавать деньги на дела, которые они считают важными, хорошими, стоящими. Удовольствие от филантропии.

Им нравится наблюдать, как самоактуализируются другие люди, особенно молодые,

и помогать им в этом.

Им нравится смотреть на счастливого человека и способствовать его счастью.

Они получают большое удовольствие от знакомства и общения с выдающимися людьми (отважными, честными, эффективными, <прямыми>, <крупными>, креативными и т.п.). <По долгу службы мне доводится общаться со многими прекрасными людьми>.

Им нравится брать на себя ответственность (за дело, которое они могут сделать хорошо), они не боятся и не избегают ответственности. Ответственность возбуждает их.

Они все как один считают свою работу очень важной, стоящей, зачастую

даже самой

нужной.

Им нравится совершенствоваться, они стремятся к большей эффективности, к большей точности, компактности, простоте, быстроте, к снижению затрат, к выпуску лучшего продукта, к сокращению числа операций, к изяществу, к меньшей затрате усилий, к большей надежности, безопасности.

324

Метамотивация

У меня складывается впечатление, что чем ближе человек к самоактуализации, к полной вочеловеченности, тем с большей вероятностью мы обнаружим метамотивацию его призвания, тем менее его выбор работы определяется базовыми нуждами. Так для самоактуализированных людей служение <закону> является способом достижения справедливости, правды, добродетели, в то время как для несамоакгуализированных адвокатская или судебная практика может выступать как гарант финансового благополучия, условие общественного признания, статуса, престижа, власти над людьми, как символ силы и маскулинности. Стоит только спросить у человека: что именно нравится вам в вашей работе? От чего вы получаете наибольшее удовольствие? Что восхищает вас в вашей работе? - и вы поймете отличие самоактуализированного человека от прочих. Самоактуализированный человек обязательно ответит вам на языке сущностных ценностей, в терминах трансперсонального, неэгоистичного, альтруистичного удовлетворения, он будет рассуждать о предназначении, о совершенном воплощении, о стремлении к истине, о вознаграждении добродетели и наказании зла и т. д.

VIII

Эти сущностные ценности во многом перекликаются с высшими ценностями и. возможно, идентичны им.

Мои <экспериментальные данные>, если их можно так назвать, недостаточно надежны, чтобы я мог позволить себе сколько-нибудь категоричные утверждения. Поэтому я продолжаю говорить о <допущениях>. Я допускаю, что опубликованная мною (85) классификация высших ценностей, ценностей Бытия, очень близка к перечню сущностных или совершенных ценностей самоактуализированной личности. Бесспорно, эти два перечня во многом перекликаются, в обоих списках встречаются одни и те же компоненты, складывается впечатление, что эти два ряда стремятся к слиянию. Мне кажется уместным говорить здесь именно о предложенном мною перечне высших ценностей не только потому, что это тешит мое научное самолюбие, но и оттого, что этот ряд явлений доступен различным подходам (85, Приложение G). В данном случае я имею в виду, что к предложенному мною списку высших ценностей ведет множество дорог. Меня привели к нему размышления об искусстве и образовании, о религии и психотерапии, о высших переживаниях, о науке, о математике. Если мой подход верен, то мы проторим еще одну тропу к высшим ценностям со стороны предназначения и призвания, изучая отношение к работе людей, достигших самоактуализации. (В данном случае уместно и целесообразно (в смысле построения теории) говорить о высших ценностях еще и потому, что самоактуализированные, или более вочеловеченные, люди испытывают особую любовь к этим ценностям, получают удовлетворение от них как посредством работы по призванию и от самой работы, так и независимо от нее.)

Иначе говоря, люди, удовлетворившие свои базовые потребности, становятся <метамотивированы>, обращаются к высшим ценностям или к ценностям более-менее высоким, более-менее приближающимся к высшим.

Или скажу так - самоактуализированные люди уже не первично мотивированы (то есть, мотивированы не базовыми потребностями), они главным образом метамотивированы (мотивированы метапотребностями, высшими ценностями).

IX

Интроекция высшего означает расширение <Я>, поглощение им внешнего и потому трансценденцию различий между <Я> и <не-Я>

(внешним, другим).

Таким образом высшие ценности или метамотивы перестают быть только интрапсихическими или присущими только организму. Они становятся в равной степени внутренними и внешними. Действующие на человека изнутри метапотребности и идущая извне необходимость подхлестывают друг друга и откликаются друг на друга, выступают друг для друга стимулом и реакцией. Человек почти перестает различать их, они сливаются для него, равно как и для окружающих при взгляде на него.

Грань между <Я> и <не-Я> стирается (или трансцендируется). По мере того как человек включает в пределы своего <Я> частицы внешнего, начинает определять самого себя в категориях имперсонального, между ним и окружающим его миром остается все меньше различий и противоречий. Можно сказать, что сам мир становится его <Я>, возвеличившимся и расширившим границы. Если справедливость, или закон, или правосудие настолько важны для человека, настолько присущи ему, что он становится воплощением этих благороднейших устремлений человеческого духа, тогда скажите, где они? В нем или где-то в некоем космосе высшей человечности? Это различение становится Почти бессмысленным, потому что сущность такого человека не ограничена пределами его тела. И его микрокосм, его внутренний свет неотличимы от сияния, идущего к нему из макрокосма высшей человечности.

Когда мы смотрим на такого человека, мы видим, что он трансцендировал и обыденный человеческий эгоизм, его эгоизм требует переопределения на более высоком уровне. Например, известно, что любящий родитель получает гораздо большее наслаждение (эгоистичное или неэгоистичное?) от еды не тогда, когда ест ее сам, а когда видит, с каким аппетитом и удовольствием ест его ребенок. <Я> такого человека расширилось настолько, что объемлет собой любимое дитя с его радостями и бедами. Причиняя боль его ребенку, вы причините боль этому человеку. Понятно, что его <Я> уже нельзя идентифицировать только с его телом, с его плотью и кровью. Его психологическое <Я> стало больше его телесного <Я>.

Как человек включает в свое <Я> любимое дитя, точно так же он объемлет своим <Я> дорогие для него цели и ценности. Нам известны страстные

борцы за мир, борцы с расовым беззаконием, с тяжелыми условиями жизни и нищетой, настолько одержимые своим делом, что для них представляется естественным отказаться от радостей жизни, от удобств и самой жизни ради идеи. При этом даже не возникает вопроса, насколько опасность войны, расовая несправедливость или нищета угрожают их личному, их телесному благоденствию. Личностное стало для них гораздо большим, чем их физическое тело. Они борются за справедливость как таковую, за

справедливость для всех, за справедливость как принцип существования. Любое ущемление справедливости воспринимается таким человеком как личная угроза, поскольку справедливость инкорпорирована в его <Я>. Несправедливость становится для него личным оскорблением.

Идентификация <Я> с высшими ценностями всегда в какой-то мере обозначает слияние с <не-Я>. Но слияние не только с неким абстрактным, вселенским <не-Я>. Она ведет и к слиянию этого, возвысившегося <Я> с наиболее высокими частицами <Я> других самоактуализированных людей, к их взаимному единению.

Можно себе представить и иные последствия подобной инкорпорации высших ценностей. Например, можно любить справедливость как таковую и можно любить справедливость в ближнем. Можно получать высшее удовлетворение, видя, как окружающие вас люди преисполняются пониманием справедливости, и можно горевать, ощущая, что близкий человек несправедлив. Наверняка, каждому знакомы эти чувства. Но представьте себе, что вы постигли высшую правду, справедливость, красоту и добродетель. Я уверен, что тогда, в каком-то совершенно особом состоянии отстраненности и объективности, вы возлюбите себя и восхититесь собой, испытаете нечто вроде здоровой любви к себе, о которой писал Фромм (36). В рамках нашей культуры, пожалуй, не оставлено достойного места самоуважению, восхищению собой, нежной заботе о самом себе, этому чувству, что вы награда самому себе, что вы хороший, заслуживаете любви и уважения. Так талантливый пианист будет оберегать свой талант и свои руки как воплощение таланта, как нечто, что одновременно принадлежит и ему, и всему человечеству. То есть, он становится хранителем своего <Я>.

?

Все остальные, не столь развитые люди, похоже, удовлетворяют посредством работы более низкие, базовые или даже невротические потребности, они работают, чтобы добиться неких прагматических целей, или по привычке, или следуя конвенциональным требованиям и т. д. Но может быть, в данном случае отличие состоит только в мере представленности тех или иных мотивов. Можно допустить, что все человеческие индивидуумы в какой-то мере (потенциально) метамотивированы.

Глядя на самоактуализированного человека, который исполняет вполне конкретную работу, служит закону, семье, науке, психиатрии, препода-

ванию или искусству, то есть подчиняется конвенциональным требованиям профессии или призвания, мы не сможем не заметить, что на самом деле его мотивы к работе более сущностны, более высоки, чем собственно необходимо, что служба для него лишь средство достижения некой иной, высшей цели (85,89). Я и сам наблюдал их за работой и задавал им вопросы. Например, я спрашивал у них, почему им нравится работать врачом, или что они находят в ведении домашнего хозяйства, или в общественной работе, или в воспитании ребенка, или в писательском труде. И, основываясь на их ответах, я готов торжественно заявить, что они работают ради истины и красоты, во имя добродетели и законности, во благо порядка и справедливости, в стремлении к совершенству. Действительно, все сводится к десятку или около того высших ценностей (или ценностей Бытия) - все сотни и сотни конкретных и очень различных ответов на мой вопрос о том, чего они хотят, к чему стремятся, что приносит им удовлетворение, что они ценят, ради чего работают день за днем и, собственно, почему работают. (Я не беру здесь в расчет низшие

ценности.)

Я не проводил целенаправленных исследований людей, не достигших самоактуализации, у меня не было контрольной группы, контрольной ad hoc. По этому вопросу я берусь утверждать, что подавляющая часть человечества в данном случае представляет собой именно контрольную группу. В качестве контрольных я пользовался огромным запасом экспериментальных данных, полученных при обычном статистическом исследовании отношения к работе людей, не отобранных специально, а также невротиков, психопатов и людей в пограничных состояниях и т. д. Оглядев результаты подобных исследований даже самым беглым взглядом, можно заметить, что отношение этих людей к работе неотрывно от денег, которые помогают им удовлетворять базовые (а не высшие) потребности, объясняется привычкой и привыканием, невротическими нуждами, вроде предубеждения и инерции (нежелание экспериментировать над собственной жизнью и подвергать ее сомнению), определяется стремлением соответствовать ожиданиям окружения. Я признаю, что пошел на поводу у интуиции и здравого смысла, но сомневающиеся в правомерности подобного подхода могут с легкостью проверить его, подтвердить или опровергнуть.

У меня сложилось впечатление, что между самоактуализированными людьми и прочим человечеством нет качественного отличия, что невозможно провести четкую границу между ними. Я исследовал множество самоактуализированных людей, и каждый из них в большей или меньшей степени соответствовал моему определению самоактуализации; но мне представляется верным допущение, что какая-то часть несамоактуализированных людей, какой-то процент менее здоровых в психологическом смысле людей до некоторой степени метамотивированы, в каком-то смысле привержены высшим ценностям. Эта мысль будет выглядеть менее спорной, если мы представим себе людей, одаренных какими-либо способностями, или людей, по-

ставленных в особо благоприятные условия. Я склонен считать, что все люди до определенной степени метамотивированы*.

<Карьера>, <профессия> или <работа> в обычном понимании этих слов могут служить для реализации многих потребностей, не говоря уже о привычке, конвенциональных ожиданиях или стремлении к функциональной автономности. С их помощью человек может удовлетворять или тщетно пытаться удовлетворить любую базовую или невротическую потребность, или все разом. Они могут служить удовлетворению истинных потребностей, но могут носить защитный характер.

На основании своего <эмпирического> опыта и следуя основным законам психодинамики, я предполагаю, что в конце концов вернее всего и полезнее всего счесть, что все это разнообразие привычек, детерминант, мотивов и метамотивов присуще человеку одновременно и в том или ином сложном соотношении, которое в совокупности может напоминать тот или иной тип мотивации или обусловленности. Самые высокоразвитые люди, которых мы знаем, в большей степени метамотивированы и в меньшей степени мотивированы базовыми потребностями, чем среднестатистические или недочеловечные люди.

Я хочу высказать и иное предположение. Речь пойдет о путанице при определении ценностей и о способности различать высшие и низшие ценности. Я уже писал (95, гл. 12), что на мой взгляд самоакгуализированные люди обладают способностью легко и безошибочно отличать <верное> от <неверного>. Эта способность поднимает их над основной массой людей, которые не в состоянии отличить <хорошее> от <плохого>. В данном случае речь идет не только о путанице понятий, но

и о склонности видеть вместо белого черное, о презрении к достойным (или пытающимся быть таковыми) людям, о ненависти к возвышенному, к лучшему, к красоте, таланту и т. д.

<Политики и интеллектуалы наскучили мне. Они кажутся мне ненастоящими; я склонен счесть более настоящими, более интересными людей, которых я видел во множестве в эти дни: проституток, воров, наркоманов и прочих>. (Из интервью с Нельсоном Алгреном.)

Именно такую ненависть я называю <встречной оценкой>. Хотя с тем же успехом ее можно было бы назвать ницшеанским противо-чувствием.

XI

В таком случае любое описание отдельно взятого человека, как и всей человеческой природы в целом, не может обойтись без упоминания о высших ценностях, как неотъемлемой части человеческой природы.

* Я настолько уверен в этом, что готов предложить использовать способности и условия жизни в качестве критериев отбора групп для исследований метамотивации. Они будут столь же явно показывать различия, как и критерии, выявленные так называемыми исследованиями мотивации.

Теория метамотивации: биологические, корни высших ценностей 329

Если мы попытаемся определить самые глубокие, или самые эстетичные, или наиболее конституционально обоснованные аспекты человеческого <Я>, если мы возьмемся обсуждать вопросы идентичности и аутентичности, то очень скоро обнаружим, что общая логика побуждает нас говорить не только о конституции и темпераменте60, об анатомии, физиологии, неврологии и эндокринологии человека, о его возможностях или биологическом стиле, о его базовых инстинктоподобных потребностях, но и должны будем обратиться к высшим ценностям, тем самым, которые являются его неотъемлемой частью, его способом существования. (Прошу понять это мое заявление как прямое отрицание предвзятого экзистенциализма сартровского типа, в котором человеческое <Я> выступает как продукт воли.) Высшие ценности, наряду с <низшими> потребностями, выступают в роли равноправных участников человеческой природы, необходимой частью определения человека и его сущности. Это становится очевидным, когда речь заходит о самоактуализированных личностях. Без высших ценностей невозможно сколько-нибудь полное определение <человеческого существа>, или <вочеловеченности>, или <человека>. Конечно, если рассматривать среднестатистического человека, то мы не сможем отметить очевидного и активного (реального и действенного) присутствия высших ценностей. И все же мне представляется, что в потенции они присущи каждому. (Я не исключаю возможности того, что в будущем будут получены новые данные, которые вступят в противоречие с моей убежденностью. Да и сейчас я должен признать правомерность семантических резонов и доводов научной логики, например вопрос, который вполне можно было бы задать мне уже сейчас: что, собственно, можно сказать о <самоактуализации> слабоумного человека?) И все-таки я оставляю за собой право настаивать на этом заявлении, по крайней мере в отношении некоторой

части человечества.

Исчерпывающее определение самоактуализированной личности невозможно без упоминания о системе ее ценностей, о ее метамотивах.

XII

Высшие ценности имеют инстинктоподобную природу, то есть человек нуждается в них, чтобы а) избежать болезни и б) достичь

вочеловеченности или приблизиться к ней. <Болезни>, вызванные депривацией этих потребностей (метапотребностей), я называю метапатологиями. Таким образом, высшие ifewtocmu, духовная жизнь и высшие переживания выступают как полноправные объекты научного исследования и познания, как

элементы реального.

Я сделал еще один вывод из моих несистематизированных и неспланированных наблюдений за различиями между самоактуализированными людьми и населением в целом и хочу предложить его вашему вниманию. Я уже упоминал об ипстинктоподобии, биологической необходимости базовых

потребностей. Я отношу их к инстинктоподобным по многим причинам (95, гл. 7), но прежде всего потому, что человек нуждается в их удовлетворении, чтобы избежать болезни и недочеловечности, или, говоря позитивно, чтобы двигаться вперед и выше к самоактуализации и вочеловеченности. Я заметил нечто подобное в отношении метамотивации самоактуализированных людей. Высшие потребности у них проявляют себя так же, как биологические нужды, то есть требуют своего удовлетворения, чтобы а) избежать <болезни>, говоря негативно, и б) для достижения вочеловеченности, говоря позитивно. Поскольку в данном случае метамотивами являются именно сущностные, высшие ценности Бытия - либо в чистом виде, либо в сочетании с низшими потребностями - то можно смело утверждать, что высшие ценности инстинктоподобны по природе.

<Болезни>, о которых здесь идет речь (вызванные депривацией высших ценностей, или метапотребностей), новы и практически не описаны с точки зрения патологии. Можно встретить несколько случайных, неконкретных описаний таких болезней, например, у Франкла (34), но в очень общем и приблизительном виде, без классификации, необходимой для сколько-нибудь научного исследования. Можно встретить упоминания о чем-то подобном в трудах религиозных деятелей, историков и философов разных эпох и культур, но они рассматривали это скорее как духовную или религиозную ущербность, нежели <болезнь> с точки зрения психиатрии, психологии или биологии, они не говорили о задержках развития или о недочеловечности. Такие <болезни> в определенном смысле сродни социологическим и политическим уродствам, <социальным патологиям> и тому подобным явлениям (Таблица 2) (стр. 331).

Я называю эти <болезни> (может быть, вернее было бы определить их как вариации <расчеловечивания>) <метапатологиями> и считаю их последствиями депривации высших ценностей, как общей, так и частной (см. Таблицы 2 и 3). Воспользовавшись своей классификацией высших ценностей, экстраполировав и переосмыслив их взаимосвязи, я получил нечто вроде периодической таблицы болезней (Таблица 3) (стр. 332-333), в которой перечислены как известные, так и не известные пока патологии, с которыми человечеству, возможно, предстоит столкнуться в будущем. Если эти болезни будут открыты и описаны, можно будет считать, что мои впечатления и гипотезы подтвердились. (Очень многие из описанных мною метапатологий я обнаружил, смотря телевизор, и особенно телевизионную рекламу. Именно оттуда я почерпнул такие патологии, как вульгаризация и тотальное разрушение сущностных ценностей. Источником подобных данных могут быть самые разнообразные явления современности.)

К третьей колонке в Таблице 3 советую отнестись с известной осторожностью. Не стоит воспринимать буквально все помещенное в нее, скорее там собраны самые предварительные предположения о том, в каком

направлении может пойти ход исследования поднятой проблемы. Представленные

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей ;

ТАБЛИЦА 2 Общие метапатологий

Отчужденность. Несправедливость. Агедонизм. Утрата вкуса к жизни. Бессмысленность.

Неспособность радоваться. Безразличие. Скука; тоска.

Утрата ценности и значимости жизни. Экзистенциальный вакуум. Ноогенные неврозы. философский кризис. Апатия, покорность, фатализм. Тотальное отсутствие ценностей. Десакрализация жизни. Духовные болезни и кризисы. <Сухость>, <бесплодность>, банальность.

Аксиологическая депрессия.

Стремление к смерти; отказ от жизни. Смерть незначима. Чувство бесполезности, ненужности, незначительности. Невозможность добиться результата.

Безнадежность, апатия, пораженчество, прекращение сопротивления, капитуляция. Чувство предначертанноеТ и обусловленности. Бессилие. Утрата свободы

воли. Генерализованное сомнение. Стоит ли хоть что-нибудь усилий? Имеет ли

хоть что-нибудь значение? Отчаяние, страдание. Безрадостность.

Тщетность. Цинизм; неверие ни во что, утрата веры или редуктивное объяснение всех

высших ценностей. Мета-жалобы.

<Бесцельная> деструктивность, протесты, вандализм. Отчуждение от старших, от родителей, власти, от любого общества.

Метамотивация

Высшие ценности и частные метапатологии

Высшие ценности Патогенная депривация 1. Правда Нечестность

2. Благость

3. Красота

4. Единство. Цельность

4а. Преодоление дихотомии.

5. Живость.

Приверженность процессу

Уникальность

Совершенство

7а. Необходимость

Зло

Уродство

Хаос. Атомизм, потеря связности

Деление на черное и белое. Утрата градаций, степени. Принуждение к поляризации. Принуждение к выбору

Омертвление, Схематизация и механизация жизни.

Всеобщее подобие;

единообразие;

взаимозаменяемость

Несовершенство;

небрежность; халтура;

дилетантизм.

Случайность;

нерегулярность;

несущественность

Специфические метапатологии

Неверие; цинизм; скептицизм;

подозрительность

Полный эгоизм. Ненависть;

недоброжелательность;

отвращение. Расчет только

на самого себя и расчетливость.

Нигилизм. Цинизм

Вульгарность. Особенные разновидности несчастья, беспокойство, утрата вкуса, напряженность, усталость. Мещанство. Банальность

Дезинтеграция; <мир распадается>. Предвзятость

Мышление по образцу <черное или белое>, <или/или>. Восприятие всего сущего в виде поединка, войны. Низкий синергизм. Упрощенный взгляд на жизнь

Омертвление. Роботизация. Чувство абсолютной детерминированности жизни. Утрата эмоций. Скука (?);

утрата вкуса в жизни. Чувственный вакуум.

Утрата самоощущения, чувства индивидуальности. Ощущение своей заменяемости, безликости, ненужности

Скука (?); безнадежность;

утрата стимула к работе

Хаос; непредсказуемость. Утрата чувства безопасности. Вигильность

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

333

ТАБЛИЦА 3

8. Завершенность. Незавершенность Окончательность

9. Справедливость Несправедливость

9а. Порядок

10. Простота

11. Богатство. Понятность. Тотальность

12. Вольность

13. Игривость

14. Самодостаточность

Беззаконие. Хаос. Низвержение власти

Путаница. Сложность.

Несвязность.

Дезинтегрированность

Обедненность. Опрощение

Напряженность

Отсутствие юмора

Случайность;

непреднамеренность;

нерегулярность

Генерализованное чувство незавершенности с персеверацией. Безнадежность. Отказ от желаний и борьбы. Ощущение бесполезности усилий

Внутренняя незащищенность;

злость; цинизм; неверие;

беззаконие; законы джунглей;

полный эгоизм

Незащищенность. Подозрительность. Утрата чувства безопасности, непредсказуемость. Необходимость осторожности, настороженности, напряжения, охраны

Переусложнение;

замешательство; растерянность, конфликт, утрата ориентации

Депрессия; беспокойство;

утрата интереса к миру

Усталость, перенапряжение, борьба, неуклюжесть, неловкость, неизящество, напряженность

Мрачность; депрессия;

параноидное отсутствие юмора;

утрата вкуса к жизни. Безрадостность. Утрата способности радоваться

Зависит от человека (?). Остается на его совести

15. Осмысленность Бессмысленность

Утрата смысла. Отчаяние. Бессмысленность жизни

там частные метапатологии являются скорее фигурами на фоне общей метапатологии. Единственная конкретная метапатология из тех, что описаны там, с которой мне довелось столкнуться на практике, стоит первой в списке (89, гл. 5). Я надеюсь, что эта публикация подтолкнет исследователей к детальному описанию иных метапатологии. Мне кажется, что в данном случае может оказаться полезным чтение религиозной литературы, особенно в мистических традициях. Мне кажется, кое-что полезное в этом смысле можно было бы почерпнуть, исследовав <элитарное> искусство, социальные патологии, гомосексуальную субкультуру, литературу отрицающего (Nay-saying) экзистенциализма (159). Можно упомянуть также истории болезни, составленные экзистенциальными психотерапевтами, духовные расстройства, экзистенциальный вакуум, <сухость> и <скуку> трактатов мистиков, дихотомизацию. вербализацию и чрезмерное абстрагирование, атомистическое мировоззрение общих лингвистов, вечную войну поэтических натур с засильем обыденности, механизацию, роботизацию и деперсонализацию, тщательно описанные социальными психиатрами, отчуждение и утрату идентичности, экстрапунитивность, нытье, жалобы и чувство беспомощности, суицидальные тенденции, религиозные патологии, о которых говорит Юнг, ноогенные расстройства, на которые указывает Франкл, характерологические нарушения, о которых толкуют психоаналитики, - все это безусловно является ценностными нарушениями, и все они несомненно представляют собой важный источник информации.

В качестве резюме. Если мы согласимся, что все эти нарушения, болезни, патологии и уродства (вызванные депривацией метапотребностей) действительно являются антагонистами вочеловеченности, на самом деле снижают потенциальные возможности человека, если мы сошасимся, что удовлетворение или исполнение высших потребностей помогает человеку приблизиться к полному воплощению заложенных в нем возможностей, тогда станет очевидным, что эти сущностные, главные ценности нужно рассматривать с той же точки зрения, что и прочие инстинктоподобные потребности (83, с. 33-47), в одной дискурсивной реальности с базовыми потребностями и в одной иерархии с ними. Метапотребности, хотя и имеют некоторые особенности, отличающие их от базовых потребностей, все-таки требуют равноправного обсуждения и научного изучения наряду с обсуждением и изучением базовых потребностей организма, например,

потребности в витамине С или в кальции. Познание метапотребностей лежит под юрисдикцией науки, понятой широко, так же как и под юрисдикцией теологического, философского и художественного познания. Такое понимание духовной, или ценностной, жизни придает ей реальность и конкретность, когда высшее не противопоставляется человеческому и не отторгается от человека, а становится объектом исследования психологии и социальных наук, а в будущем, когда удастся выработать соответствующие подходы, - и объектом исследования для неврологии, эндокринологии, генетики и биохимии.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

335

XIII

Метапатологии, свойственные богатым и избалованным молодым людям, развиваются из депривации сущностных ценностей, из <идеализма>, фрустрированного столкновением с обществом, из разочарования тем, что окружающие, на их взгляд, озабочены лишь низшими, животными,

материальными потребностями.

Теория метапатологии позволяет выдвинуть следующее легко проверяемое предположение. Я считаю, что социальные патологии, свойственные богатым людям (людям, удовлетворившим низшие потребности) - не что иное как проявление голода по сущностным ценностям. Или несколько иначе: многие дурные черты богатых, привилегированных, удовлетворивших свои базовые потребности студентов университетов и колледжей обязаны своим появлением фрустрации <идеализма>. Таким образом, выдвигаемая мною гипотеза состоит в том, что поведение обеспеченных молодых людей может быть обусловлено, с одной стороны, неустанным поиском символа веры, и злобным разочарованием от безысходности этого поиска - с другой стороны. (Мне приходилось видеть молодых людей, совершенно отчаявшихся и опустивших руки, они разуверились в самом существовании этого идеала,

этих высших ценностей.)

Разумеется, подобным приступам безнадежности, фрустрации идеалистических порывов во многом способствуют расхожие и ограниченные теории мотивации. Если не брать в расчет бихевиористскую и позитивистскую теории мотивации, - я бы назвал их анти-теориями, потому что они, руководствуясь своего рода отрицанием психоаналитического толка, отказываются видеть существование проблемы, -то каким научным знанием могут быть вооружены идеалистически настроенные юноши и девушки?

Основные теории мотивации, я не говорю уже об официальной науке девятнадцатого столетия и ортодоксальной академической психологии61, или ничего не объясняют, или в таком разрезе подают человеческие мотивы, что я не могу удивляться депрессии и цинизму, свойственным нашей молодежи. Фрейдисты (если судить по официально принятым в их среде воззрениям, которых они не так уж строго придерживаются в терапевтической практике) по-прежнему привержены редукционизму в отношении любого мало-мальски высокого позыва. В глубинных, самых естественных человеческих мотивах им видится опасность и пагуба, а высшим ценностям, высшим добродетелям они отказывают в праве на существование, с азартом разоблачая в их лице замаскированные версии <глубинного, темного и грязного>. Для них высшее - синоним жульничества и притворства. Разочаровывают и представители социальных наук. Подавляющее большинство социологов и антропологов привержены официальной, крайне ортодоксальной доктрине, согласно которой в основе всего человеческого лежит культура. Эта доктрина не просто отрицает

более высокие сущностные мотивы, она порой приближается к отрицанию человеческой природы как таковой. Экономисты, не

только западные, но и восточные, в большинстве своем материалисты. Я должен со всей резкостью заявить, что на сегодняшний день такая <наука> как экономика выступает в роли математического, технологического обоснования ложной теории потребностей и ценностей, признающей право на существование только за низшими, материальными потребностями (133,154. 163).

Как тут не разочароваться молодому человеку, как не отказаться от надежд на лучшее? Какой другой результат может быть, когда все материальные или животные потребности удовлетворены, а счастья не было и нет, если учителя, родители и реклама обещали ему одно, а на самом деле получается обратное?

Где же место для <вечных ценностей> и непреложных истин? Все общество дружно отдает их на откуп церкви или иному догматичному, институализированному, конвенционализированному религиозному институту. Разве это не отрицание человеческой природы! Получается так, что молодой человек, взыскующий высшей истины, по общему уговору не найдет этого в себе или в человеческой природе, а должен искать этого во внечеловеческом, в сверхъестественном, в том, во что сегодня не верит большинство образованных молодых людей.

<Изобилие таким образом приводит ко все более тотальному господству материальных ценностей. Жажда духовных ценностей остается неутоленной. Развитие цивилизации достигло рубежа, за которым явственно проглядывают очертания грядущей катастрофы> (Шумахер).

Я акцентировал внимание именно на молодежном <фрустрированном идеализме> вследствие важности и насущности исследования этой проблемы. На самом деле любую метапатологию любого человека можно охарактеризовать как <фрустрированный идеализм>.

XIV

Не только внешнее давление приводит к депривации высших потребностей, вызывая жажду ценностей, но и человек также страдает ом внутренней амбивалентности и от встречных оценок.

Нельзя рассматривать движение к метапатологии, к депривации ценностей только в страдательном ключе, как результат воздействия на человека внешних условий. Зачастую человек пугается требований высшего, звучащих в нем и извне. Его влечет к высшему, но одновременно он трепещет перед ним. испытывает ужас, страх, испуг. Я говорю об амбивалентном отношении человека к высшему и о внутреннем конфликте. Человек защищается от высших ценностей. Подавление, отрицание, реактивные образования. любой из защитных механизмов, описанных Фрейдом, могут быть разбужены и обращены против высшего с тем же успехом, как и против низменного.

Бегство от высшего может быть вызвано встречными оценками и чувством собственной ничтожности. Или страхом не выдержать требований высшего, страхом возможного несоответствия.

Таким образом, метапатологию нужно рассматривать одновременно как результат внешне навязанной депривации ценностей и как результат самодепривации, внутренней депривации ценностей.

XV

Базовые потребности находятся в одной иерархии с метапотребностями, но предшествуют им.

Базовые потребности и метапотребности принадлежат общему иерархическому единству, находятся в'одном континууме, в одной дискурсивной реальности. И тем, и другим присуща единая основополагающая характеристика <необходимости> (насущности, благого для человека). Это значит, что депривация и тех, и других потребностей ведет к <болезни> и ослаблению, а удовлетворение способствует большей вочеловеченности, большему счастью и радости, большей психологической <успешности>, жизни в сферах более высоких, большей причастности к высшему. То есть и те, и другие биологически желанны, те и другие способствуют биологическому успеху. И все же в некотором смысле они различны. Обычно биологическая ценность и успешность рассматривается в негативном ключе, то есть речь идет о способности перенести лишения, о жизнестойкости, об устойчивости к болезням, о выживании индивидуума и его потомства. Наша точка зрения подразумевает в составе биологического, эволюционного успеха, кроме негативной, также и позитивную составляющую, считает важным не только выживание, но и успешную реализацию заложенных в человеке потенциалов. Я утверждаю, что удовлетворение базовых потребностей и метапотребностей приближает человека к тому, чтобы стать <лучшей особью> среди окружающих, биологически лучшей, достойной более высокого места в доминантной иерархии. Если говорить об удовлетворении потребностей у животных, наверное недостаточно будет сказать, что животное сильное, доминантное, успешное лучше питается, имеет лучшую территорию, более многочисленное потомство и т. д., а слабое занимает подчиненное положение в иерархии, зависимо, имеет больше шансов быть съеденным и меньше шансов иметь хорошее потомство, - наверное, стоит также упомянуть, что жизнь лучших особей более насыщена, они более полно удовлетворены и меньше фрустрированы, реже испытывают боль и страх. Я не буду сейчас подробно останавливаться на проблеме наслаждения у животных, - это отдельный разговор, -ограничусь резонным вопросом: <Представьте себе индийского крестьянина и американского фермера. Представьте себе, что и тот, и другой благополучны в продолжении рода. Значит ли это, что их биологическое существование, и в частности их психологическая жизнь, равно счастливы и насыщены?>

Таким образом совершенно ясно, что вся иерархия базовых потребностей предшествует, или препотентна метапотребностям, аметапотребности соответственно постпотентны (менее насущны, менее требовательны, более слабы) базовым потребностям. Это заявление носит обобщенный, среднестатистический характер. Мне приходилось встречать исключения из этого правила, когда особая приверженность красоте или добродетели в случае выдающегося таланта или уникальной чувствительности побуждали человека ценить удовлетворение высших потребностей более высоко, чем удовлетворение некоторых базовых потребностей.

Кроме того, базовые потребности имеют все характеристики <нужд> или <необходимостей>, тогда как метапотребности обладают особыми свойствами, описанными как <мотивы роста> (89, гл. 3).

XVI

Статистически отношение человека к разным метапотребностям одинаково, мне не удалось выявить какую-либо генерализованную иерархию метапотребностей. Но почти каждый отдельно взятый человек так или иначе иерархизирует их в соответствии с присущими ему талантами и конституциональными особенностями.

Я пришел к выводу, что метапотребности (или высшие ценности, или факты Бытия) не подчинены внутренней иерархии препотентности, с точки зрения статистики все они равно важны и равно насущны для человека. Мне представляется полезным сформулировать то же самое несколько иным образом: каждый человек сам выбирает приоритеты для себя, сам выстраивает свою собственную иерархию метапотребностей, сам определяет меру насущности в соответствии со своими талантами, темпераментом, умениями, возможностями и т. д. И если для одного человека красота дороже правды, то для его брата столь же непреложным может оказаться абсолютно противоположное отношение к этим высшим ценностям.

XVII

Похоже, любую из сущностных, высших ценностей можно исчерпывающе описать в терминах других высших ценностей. Может быть, на самом деле мы имеем дело с неким единством, которое при рассмотрении с разных точек зрения представляется нам разнообразными высшими ценностями.

Иногда у меня складывается впечатление, что любую из высших ценностей можно точно и целиком описать, пользуясь терминами иных высших ценностей. То есть, для описания правды можно сказать, что в ней должна быть красота, что она должна выражать добродетель, должна быть совершенной, точной, простой, упорядоченной, справедливой, адогматичной, понятной, всеобщей, преодолевшей дихотомию, вольной и забав-

ной. (Формула: <Клянусь говорить правду, всю правду, и ничего кроме правды> с моей точки зрения лишена всякого смысла.) Описание красоты не будет полным, если мы не скажем, что она должна быть правдивой, благой, совершенной, исполненной жизнеутверждения, простой и т. д. Порой мне начинает казаться, что мы имеем дело с неким магическим кристаллом, а высшие ценности - лишь грани его.

XVIII

Ценностная жизнь (духовная, религиозная, философская, аксиологическая и т. д.) - один из аспектов человеческой биологии и находится в одном континууме с <низшей> животной жизнью (не отделена от нее, здесь нет дихотомии, взаимного исключения). Возможно, поэтому понятие <человеческий род> настолько широко, что не вмещается в культурологические рамки. Культура в данном случае служит лишь спусковым механизмом, триггером для реализации человеческих потенций.

Все говорит за то, что так называемая духовная или <высшая> жизнь человека протекает в той же реальности (то есть определяется теми же качествами вещей и явлений), что и плотская, телесная жизнь, животная жизнь, материальная и <низменная>. Духовная жизнь - лишь проявление биологической жизни, <высшее> проявление, но не стороннее, не <внечеловечес-

кое>.

Духовная жизнь человека неразрывна с его сущностью. Духовное является основной характеристикой человеческой натуры, определяет меру его

вочеловеченности. Оно является неотъемлемой частью настоящего <Я>, частью идентичности человека, его внутреннего ядра, его видовой принадлежности, его вочеловеченности. Насколько человек окажется способным к самовыражению, насколько он спонтанен, настолько же он проявит и реализует свои метапотребности. Раскрывающая, даоистичная, экзистенциальная терапия, логотерапия (34), техники <онтогогики> (20) призваны вскрывать и усилить не только базовые потребности человека, но и его метапотребности.

Глубинная психодиагно стика и психотерапевтические техники в конечном итоге придут к необходимости искать и находить в человеке метапотребности. Парадокс здесь заключается в том, что <высшая природа> человека одновременно является и его <глубинной природой>. Жизнь ценностная и жизнь животная - не две отдельные реальности, как считают религиозные Мыслители и философы, как считает классическая, имперсональная наука. Духовная жизнь (созерцательная, <религиозная>, философская или ценностная жизнь) находится непосредственно под юрисдикцией человеческого разума, стремление к ней послушно человеческой воле. Классическая безоценочная наука, следуя физико-химическому подходу к реальности, отлучила от нее духовное, но новая гуманистическая наука готова принять высшее и

духовное как предмет изучения и исследования. Такое расширенное понимание науки легитимизирует научные проблемы, взывающие к исследованию, введет в круг научного познания вечные истины, абсолютные истины, высочайшие ценности и т. д., не отрываясь при этом от реальности и <есте-

ственнонаучности>, базируясь на фактах, а не на пристрастиях, на человеческом, а не на сверхъестественном.

С практической точки зрения нельзя не отметить, что эти проблемы труднее поддаются исследованию. Низшая жизнь препотентна высшей, а это значит, что человек живет высшим во многом с позволения низшего. Необходимые предпосылки для высшей жизни чрезвычайно многочисленны. Речь идет не только об удовлетворении всей иерархии базовых потребностей, но и о разнообразнейших <хороших условиях> (85), необходимых для того, чтобы высшая жизнь стала реальностью. Требует улучшения то, что мы называем <окружающей средой>, человек должен освободиться от гнета экономических проблем, ему должна быть предоставлена широкая свобода выбора и обеспечены условия, способствующие реальному и эффективному выбору, необходимы более синергичные социальные институты (83) и т. д. От ученых требуется большая осторожность - мы пока не вправе говорить о равновероятности и достижимости высшей жизни для любого человека, речь может идти только о принципиальной возможности ее.

Считаю нужным пояснить свой тезис о надкультурном характере метамотивации. Я утверждаю, что метамотивация является достоянием человеческого вида, но сит общечеловеческий характер и не определяется принадлежностью человека к той или иной культуре. В этом вопросе мне часто приходилось встречать недопонимание, поэтому я попытаюсь иначе сформулировать свою точку зрения: мне представляется, что метапотребности имеют инстанктоподобную природу, то есть наследуемый, общий для вида, характер. Но это справедливо до тех пор, пока речь идет об их существовании в потенции, о неактуализированных метапотребностях. В деле их актуализации роль культуры несомненна и непреложна, но мы знаем, что культура не всегда добивается этой цели, и это можно сказать о большинстве культур на любом отрезке истории человечества. Именно поэтому у меня появилась необходимость в неком надкультурном факторе, факторе, стоящем вне культуры и выше нее, способном измерить, насколько та или иная конкретная культура способствует или препятствует самоактуализации человека, его вочеловеченности, его метамотивированности (85). Мы знаем, что

культура может быть как синергична биологической сущности человека, так и антагонистична ей, - то есть культура и биология в принципе не противопоставлены друг другу

Можно ли на этом основании утверждать, что каждый человек стремится к высшей жизни, к высшим ценностям? Здесь мы сталкиваемся с неадекватностью нашего языка. Перспективнее счесть устремление к высшему потенциалом, заложенным в каждом младенце, чем заявлять обрат-

)й)е. Или, говоря иначе, лучше предположить, что это - потенциал, и если sit потерян, то уже после рождения. Но можно так же смело утверждать, дТО большинство рождающихся сегодня детей никогда не реализуют заложенного в них потенциала, никогда не поднимутся на высшие уровни мотивации из-за того, что вынуждены жить в условиях бедности, эксплуатации, Яеравенства и т. д. Никто не станет спорить, что на сегодняшний день не существует равенства возможностей для каждого конкретного человека. Де только о детях, но и о взрослых можно сказать, что перспективы реализации потенций для них очень различны и зависят от того, где и как живут эти Люди, от социальных, экономических и политических условий их существования, от степени развития и количества психопатологии и т. д. Однако было бм неблагоразумно (хотя бы с Точки зрения стратегии социального развития) отказывать кому-либо в возможности метамотивированной жизни. В конце концов мы знаем примеры излечения самых <безнадежных> больных, как в психиатрическом смысле, так и смысле самоакгуализации (возьмите хотя бы пример Синанона). Было бы огромной глупостью зарекаться от такой возможности в будущем.

Так называемая духовная (трансцендентная, аксиологическая) жизнь явно уходит своими корнями в биологическую, видовую природу человека. Это своего рода <высшая> животность, предпосылкой которой служит здоровая <низшая> животность, <высшее> и <низшее> в данном случае определенным образом иерархически интегрированы (а не противопоставлены). Но высшая, духовная <животность> настолько слаба и уязвима, настолько пуглива и уступчива перед культурными воздействиями, что ее актуализация возможна только в такой культурной среде, где поощряется человеческое, где общество активно способствует духовному росту.

Такой взгляд на вещи позволяет избежать множества ненужных противопоставлений или дихотомий, вроде <духа> по Гегелю и <материи> по Марксу, выступающие классическими определителями <идеализма> и <материализма>. Мы сможем понять, что на самом деле имеем дело с неким континуумом, в рамках которого природа предоставляет нам возможность самостоятельного построения иерархии. Например, мы можем рассмотреть низшие потребности человека (животные, природные, материальные) я-обнаружить, что они выступают как препотентные метапотребностям (духу, идеалам, ценностям) в совершенно конкретном, эмпирическом, операциональном, жестко определенном смысле. И мы сможем сделать вывод, что в совершенно конкретном, узко специфичном смысле <материальные> условия жизни важнее (то есть требовательнее, сильнее) высших идеалов, что они препотентны идеологии, философии, религии, культуре и прочим вещам. Но мы не станем говорить, что высшие идеалы и ценности являются эпифеноменами низших потребностей. Мы поймем, что они равноправны в биологической и психологической реальностях, несмотря на то, что низшее сильнее, насущнее, главнее. Во всякой иерархии препотент-

ности <высшее> и <низшее> одинаково <реальны>, равно представлены человеческому сознанию. Можно посмотреть на историю человечества как на борьбу за вочеловеченность, или как на постепенное воплощение некой имманентной Идеи в духе великого немца, то есть посмотреть на нее сверху вниз. Но можно также определить в качестве первичных, базовых, главных причин исторического процесса некие материальные условия существования человечества, то есть рассмотреть историю снизу вверх. (Легко принять за истину утверждение о том, что <в основе человеческой природы лежит личный интерес>, принять приоритет личного интереса. Ошибка будет только в огульности такого заявления -я ни за что не соглашусь, что личный интерес определяет все человеческие мотивы.) Оба подхода полезны, но каждый для своей цели. Ни к чему спорить о <первичности> духа или материи и о других подобных этим вещах. Я слышал, что русские в последнее время сильно обеспокоились распространением у них идеалистических и спиритических философий. Могу сказать, что они тревожатся совершенно напрасно. Наше изучение тенденций развития личности и общества позволяет нам утверждать, что спиритуальные устремления в умеренных количествах свидетельствуют об известной удовлетворенности материальных потребностей. (Меня гораздо больше озадачивает, почему решение насущных материальных проблем некоторых людей подталкивает к дальнейшему, духовному росту, а некоторых не побуждает к этому, позволяя оставаться в кругу сугубо <материалистических> забот.) Но боюсь, что мои утешения в данном случае помогут так же, как если бы я взялся доказывать религиозному фанатику, что для духовного роста человечества важны не столько проповеди, сколько выращивание хлеба, строительство жилья и дорог, и тому подобные вещи.

Стоит только поместить наше низменное, животное наследие в одно пространство с <высшим>, духовным, аксиологическим, ценностным, <религиозным> (подчеркивая тем самым животную природу духовного, высоко-животную природу), и мы сможем преодолеть множество дихотомий. Например, дихотомию, в соответствии с которой дьявольское, порочное, плотское, злое, эгоистичное, эгоцентричное, стремящееся к наслаждению противопоставляется божественному, идеальному, добродетельному, вечным ценностям, высшим устремлениям. Следуя этой дихотомии, божественное или лучшее иногда понималось как присущее человеческой натуре. Но гораздо чаще, и тому мы знаем множество примеров в истории, добро отлучалось от

человеческой природы, приписывалось чему-то внешнему, сверхъестественному.

Порой мне начинает казаться, что большая часть религий, философий и идеологий с готовностью и охотой приписывают человеческой природе все дурное, все худшее. Но мы знаем и примеры экстериоризации62 <худших> человеческих устремлений, как например в случае, когда их приписывали <велению Сатаны>.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

i Зачастую позывы <низшей> животной природы человека априорно относят к <плохим> (95), хотя столь же справедливо было бы априорно отнести их в разряд <хороших>, как это и происходит в некоторых культурах. Может быть, истоки подобного очернения нашей <низшей> животной природы лежат в самой дихотомизации (дихотомизация ведет к патологии, а патология питает дихотомизацию; и та, и другая с точки зрения холизма ведут к искажению истины). Если это предположение верно, то концепция метамотивации должна послужить хорошим теоретическим базисом для преодоления подобных, как правило, ложных, дихотомий.

XIX

Разные виды удовольствий, удовлетворений можно организовать в виде иерархии, выстроить от низших к высшим. Таким же образом можно осмыслить и разновидности гедонизма, то есть представить иерархию от низшего гедонизма до метагедонизма.

Высшие ценности, рассмотренные с точки зрения удовлетворения метапотребностей, можно представить как разновидности высшего наслаждения или счастья.

Я уже доказывал (81) необходимость и пользу построения иерархии удовольствий, проранжированных примерно в таком порядке - облегчение, вызванное избавлением от боли; удовольствие от горячей ванны; ощущение дружественности; восторг от музыки; торжество от рождения ребенка; экстаз высшей любви, и, наконец, слияние с высшими ценностями.

Подобная иерархия позволит нам решить проблемы, связанные с гедонизмом, эгоизмом, долгом, и прочие. Если человек может рассуждать об удовлетворении высших потребностей и ставит его в один ряд с удовольствиями как таковыми, то о нем можно сказать без всяких оговорок, что он стремится к удовольствиям, подразумевая при этом и метаудовольствия. Я называю такое отношение к удовольствию <метагедонизмом> и заявляю, что на этом уровне нет никакого противоречия между наслаждением и долгом. Мы все ближе подходим к пониманию того, что высшим долгом человека является стремление к правде, справедливости, красоте и т. д., которые одновременно даруют человеку величайшее наслаждение. Такое понимание наслаждения снимает противопоставление эгоизма и альтруизма. Что хорошо для отдельного человека, то хорошо Для всех; если удовольствие заслуживает похвалы, то и стремление к нему разумно, праведно и заслуживает одобрения; то, что нравится человеку, то и хорошо для него; стремление человека соблюсти свои (высшие) интересы полезно всем.

Говоря о низком гедонизме, о высоком гедонизме и о метагедонизме, мы ведем речь об одном и том же, но на разных этажах (95), подразумеваем некие операциональные и поддающиеся проверке значения. Например, чем выше мы будем подниматься по лестнице гедонизма, тем менее представлен

он будет в популяции, тем более строгие требования он будет предъявлять к социальным условиям, к качеству образования и т. д.

XX

Если духовная жизнь инстинктоподобна, то для достижения ее можно применять техники <субъективной биологии>.

Поскольку духовная жизнь (высшие ценности, факты Бытия, метапотребности и т. п.) является частью реального <Я> и обладает инстинктоподобием, ее можно исследовать при помощи интроспекции. Она говорит своими <внутренними голосами> или издает свои <внутренние сигналы>, которые, хотя и слабее <голосов> и <сигналов> базовых потребностей, все же могут быть <услышаны>, а следовательно, могут быть предметом для <субъективной биологии>.

В принципе все приемы и упражнения, которые помогают нам развить сенсорную чувствительность, познать свое тело, повысить сенситивность к внутренним сигналам (исходящим от потребностей, способностей, конституции, темперамента, тела), - все они применимы и в данном случае, хотя и с некоторой коррекцией. Человек может научиться слышать

голос своих метапотребностей, научиться стремиться к красоте, справедливости, порядку. совершенству и т. д. Может быть, стоит ввести новый термин, вроде <способности к постижению> для описания этой особой чувствительности к внутренним голосам своего <Я>, особой способности провидеть свои метапотребности и радоваться им.

Дальнейшее изучение высших переживаний и высшего постижения во многом связано именно с этой способностью к постижению, которой в принципе можно <обучать>, которую можно восстанавливать при помощи психоделических препаратов или невербальных методов, вроде методик Исаленовского института*, с помощью медитации и техник погружения.

Я не хочу, чтобы вы расценили мои слова как призыв обожествлять внутренние сигналы (внутренние голоса, <угрызения совести> и т. д.). Я убежден, что чувственный опыт является началом любого познания, но я не говорю, что им же все и кончается. Он необходим, но недостаточен. Внутренний голос, даже если это внутренний голос Сократа, может ошибаться. Мудрец потому и мудр, что всегда по возможности соотносит то, что нашептывает ему внутренний голос, с тем, что видят его глаза и подсказывает разум. Эмпирическая проверка для чувственного знания крайне необходима, ибо порой внутренняя убежденность, даже истинно мистическое знание, могут ока-

* Исаленовский институт (Калифорния) специализируется на использовании невербальных методов. В основании этого нового подхода к обучению, до сих пор не сформулированном, лежит равная любовь к <телу> и <духу>, убежденность в их синергической взаимосвязи и иерархической интеграции, отказ от противопоставления <высшего> и <низшего>.

заться голосом дьявола (53). Поэтому, при всем моем уважении к чувственному опыту, я бы не советовал руководствоваться только его подсказками, как в науке, так и в жизни.

XXI

Высшие ценности, на мои взгляд, ничем не отличаются от прочих фактов Бытия. Поэтому реальность можно рассматривать одновременно и как объективную, и как высшую.

Человек, постигший высшие ценности посредством высших способов познания (посредством прозрения, озарения, инсайта, высшего постижения, мистического откровения и т. д.) (89, гл. 6), в конце концов понимает, что высшие ценности ничем не отличаются от прочих фактов Бытия (или совершенной реальности). Стоит только достичь высших уровней личностного и культурного развития, постижения, эмоционального раскрепощения (избавиться от страхов, препон и комплексов), невмешательства, и тут же понимаешь, что внешняя, объективная, независимая от человека ? сальность постижима наиболее полно в ее собственном, объективном (независимом от человека) устройстве, не искаженном личными пристрастиями или рассудочностью наблюдателя (8 2). Тогда человек может описать реальность такими словами, как <истинная>, <хорошая>, <совершенная>, <цельная>, <исполненная жизни>, <справедливая>, <прекрасная> и т. д. Он подберет для рассказа об увиденном именно оценочные слова. Традиционная дихотомия есть и должно остается внизу, на более примитивных уровнях жизни; здесь же, на высшем уровне жизни, где действительное и ценностное сливаются воедино, она преодолена. Напомню, что эти слова, имеющие одновременно и дескриптивное, и нормативное значения, можно назвать <двойственными

понятиями>.

На этом уровне <любовь к высшим ценностям> сливается с <любовью к

совершенной реальности>. Приверженность фактам здесь значит не что иное, каклюбовь к фактам. Тягостные потуги к объективности восприятия, прищур и философичность, сопутствующие попыткам свести к минимуму пагубное воздействие наблюдателя, его страхов, желаний и эгоистических расчетов, теперь не нужны. Реальность приходит к человеку как эмоциональный, эстетический и аксиологический результат, результат, к которому стремились и приближались величайшие ученые и политики, наиболее проницательные философы, художники и духоборцы.

Такой человек провидит высшие ценности в каждом предмете, созерцание для него ничем не отличается от постижения. Поиск истины (или абсолютно конкретного решения проблемы) для него ничем принципиально не отличается от поиска красоты, порядка, цельности, совершенства, справедливости (может быть, вполне житейской), то есть приближение к истине возможно для него посредством любой другой высшей ценности. Скажите, чем тогда наука отличается от искусства, от религии, философии? Не присутству-

ет ли в любом естественнонаучном законе духовное или аксиологическое откровение?

Если мы согласимся с подобным отношением к объективной реальности, или по меньшей мере к высшей реальности в том виде, как она представляется нам в лучшие мгновения жизни, когда сама реальность пребывает в лучшем своем качестве, - то уже не сможем относиться к ней только <холодно>, чисто когнитивно, рационально, логически, отстранение, с отрешенным смирением. Мы испытаем, глядя на нее, созерцая ее и сталкиваясь с ней, теплый эмоциональный отклик, любовное чувство, преданность, причастность, а может даже и предельные, высшие переживания. Реальность, представшая перед нашим взором в лучшем своем свете, не только преисполнена истины, справедлива, организованна, интегрирована и т. д., она просто хороша, прекрасна, восхитительна.

Если посмотреть на мое предложение несколько иначе, то можно понять, что подобное отношение позволяет ответить на самые важные религиозные и философские вопросы, вроде проблемы философского и религиозного познания, вопроса о смысле жизни.

Предложенная вашему рассмотрению теоретическая конструкция представляет собой не более чем набор гипотез, нуждающихся в проверке и подтверждении, или, возможно, опровержении. Я, можно сказать, соткал ткань из <фактов> различной степени научной надежности, из клинических и личных наблюдений, и сметал ее широкими стежками интуиции и догадок. Кажется, у меня получилось прекрасное платье, или, говоря проще, я верю в будущее подтверждение моих гипотез и уверенно предсказываю его. Но вы не должны верить мне на слово. Я призываю вас к скепсису и осторожности. В конце концов, я и сам понимаю, что предлагаю вам лишь набор предположений, которые тем не менее могут оказаться верными и их нужно проверить.

Если высшие ценности идентифицируются с человеческим <Я>, становятся его определяющими характеристиками, не значит ли это, что реальность, мир, космос также сливаются с человеческим <Я>, становятся его определяющими характеристиками? Что конкретно означает такое слияние? В первом приближении это очень похоже на слияние мистического провидца с миром или с богом. Мне сразу приходит на ум что-то из восточных религий, вроде слияния индивидуального <Я> с космосом и растворения в нем.

Может быть, постигая реальность как абсолют, сливаясь с ней, человек

приблизится к пониманию многогранной и единой, абсолютной Высшей Ценности? А если это все-таки произойдет, вправе ли мы назвать это знание человеческим? Или это сверхчеловеческое знание?

Вы чувствуете, что я приблизился к такому уровню проблем, которые человеческий язык почти не в состоянии выразить. Я обратил ваше внимание на них и ухожу в сторону. Я оставляю вопросы без ответов, проблемы нерешенными, а двери открытыми. Вы понимаете, что моя теория требует развития.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

347

XXII

Человек.- часть природы, а природа - часть человека, но это не все отношения, которые связывают их между собой. Человек, чтобы быть усизнеспособным в природе, должен быть в какой-то, пусть минимальной, степени изоморфен ей. Природа обеспечила эволю1\ию человека. И поэтому тесную связь человека с тем, что трансцендировало его, нет нужды определять как мистическую или сверхъестественную. Изоморфизм человека природе можно понять как своего рода <биологический> опыт.

Хешел (47, с. 86) заявляет, что <истинное исполнение человеческого в человеке зависит от связи человека с его трансцендентами>. В некотором смысле это естественно и очевидно. Но, пожалуй, требует некоторого пояснения.

Мы показали, что между человеком и объективной реальностью, реальностью вне человека, нет непроходимых границ и полной отчужденности. Человек в состоянии достичь слияния с ней, объять реальность своим <Я>, относиться к ней как к самому себе. И тогда он становится частью объективной реальности, а она становится частью него. Происходит взаимное слияние.

Такая формулировка перекидывает мостик в другую дискурсивную реальность, а именно к теории биологической эволюции человека. Человек - не только часть объективной реальности, то есть природы, но он должен быть в некоторой степени изоморфен ей. Нельзя противопоставлять человека и природу. Нельзя утверждать, что человек полностью отличен от природы, потому что в таком случае человек как вид не имел бы права на существование.

Уже сам факт жизнеспособности человека как вида доказывает нам, что он по меньшей мере совместим с миром природы, способен слышать ее язык. Он принимает ее требования и подчиняется им хотя бы в той степени, в какой это обеспечивает его видовое существование. Природа пока не казнила его. Можно сказать, что человек достаточно дипломатичен, чтобы принять ее законы. Потому что, если он не примет их, человечество будет обречено на вымирание. Человек ладит с природой.

А для этого он, хотя бы в какой-то степени, должен сохранять подобие ей. Наверное, мы имеем в виду именно это, когда говорим о слиянии человека с природой. Наверное, однажды мы поймем, что благоговение и трепет, которые испытывает человек перед лицом природы (когда он воспринимает ее истинность, красоту, благость и т. д.) - лишь отголоски узнавания им самого себя в зеркале природы, постижения себя, лишь указатели верного пути к себе и к собственному величию, благодарность за то, что природа всегда готова принять своего блудного сына, чувство биологической аутентичности, <биологическое откровение>. Наверное, однажды человек сможет ощутить мистическое или абсолютное не только в слиянии с тем, чего он желает от всей души, но и в постижении слиянности, данной ему изначально, в чувстве принадлежности,

причастности, родства:

348

Метамотивация

<...со временем к нам приходит все большая уверенность в концепции единства человека с космосом> (Гарднер Мерфи).

Биологическая или эволюционная теория происхождения мистического опыта и высших переживаний (возможно, с тем же успехом мы можем говорить о духовном и религиозном опыте) вновь возвращает нас к утверждению, что в конце концов человек должен перерасти устаревшее противопоставление <высшего> <низшему>, или <глубинному>. Теперь мы можем понимать <высшее> переживание и как радостное слияние с запредельным знанием, с одной стороны, и как глубинный опыт человеческой животности, как чувство принадлежности к виду, согласие с собственной глубинной биологической природой, изоморфной всему миру природы, - с другой стороны.

Такая эмпирическая, миролюбивая или, лучше сказать природолюбивая, трактовка высших ценностей уже не будет подталкивать нас к определению <трансцендировавшей человека> природы в терминах внешнего по отношению к человеку и чуждого ему, как это делает Хешел. Тесную связь человека с трансцендировавшей его природой можно назвать <биологическим опытом> человека. Пока мы не можем заявить, что природа любит человека, и все же она не враждебна к нему, она разрешает ему жить, развиваться и время от времени дарует ему мгновения великой радости.

XXIII

Высшие ценности - это не отношение к ним того или иного человека, не его эмоциональная реакция на них. Высшие ценности требовательны к человеку, вызывают у него своего рода <чувство долга> и чувство собственной ничтожности.

Высшие ценности разумно было бы отделить от отношения к ним, отделить хотя бы в той мере, в какой эта трудная задача выполнима. Приведу перечень разных видов отношения к высшим ценностям (или к высшей реальности): любовь, благоговейный трепет, обожание, уничижение, почтение, чувство незаслуженности, удивление, ощущение чуда, экзальтация, благодарность, страх, радость и другие (85, с. 94). Очевидно, что все это - эмоционально-когнитивные реакции человека на нечто внешнее, отдельное от него или описанное как отдельное от него. Понятно, что по мере слияния человека с миром в высшем переживании или посредством мистического опыта частота подобных, отнесенных вовне, реакций будет снижаться, <Я> как отдельная сущность будет стремиться к исчезновению.

Я предполагаю, что главной причиной, из-за которой отдельность <Я> все же сохраняется (я не говорю сейчас об очевидных преимуществах ее для теоретического осмысления и научного исследования), является редкость и кратковременность величайших мгновений высших переживаний, мгновений озарения, безысходного отчаяния, экстаза и мистического слияния. Даже

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

349

самые чувствительные люди тратят на них мизерную долю своей жизни. Гораздо большее время они более-менее спокойно созерцают открывающиеся им пределы постижимого и радуются возможности и близости озарения (не стремясь при этом к экстатическому слиянию с высшим). Вернее было бы говорить о <приверженности> постижению высшего, как это делает Ройс

(131), но кроме этого также о долге, ответственности и преданности этому делу.

Кроме того, приняв подобную теоретическую структуру, мы уже не станем думать, что реакции на высшие ценности могут быть случайными или предумышленными. Все изложенное выше заставляет думать о них как о необходимых, уместных, требуемых, правильных, логичных и верных, то есть, мы начинаем понимать высшие ценности как нечто заслуживающее или даже требующее, взывающее к любви, благоговейному страху, почтению. Наверняка вочеловеченный человек не мыслит себе жизни без этих чувств.

Нельзя забывать, что постижение абсолютных истин зачастую вызывает у человека острое чувство собственной ничтожности, ограниченности и порочности перед лицом высшего; он понимает краткость, быстротечность и конечность своей жизни, свою человеческую беспомощность.

XXIV

Весь словарь терминов, описывающих мотивацию, должен быть иерархичным хотя бы потому, что метамотивы (или мотивы роста) требуют несколько иных характеристик, чем базовые потребности (<нужды>).

На основе описанного выше различия между сущностными ценностями и отношением к ним можно сконструировать еще один иерархический Перечень мотивов (я говорю о <мотивах> в самом общем и широком смысле этого слова). Я уже рассказывал об иерархических отношениях между разными проявлениями удовлетворения, наслаждения и счастья, выстроенных в соответствии с иерархией потребностей - от <нужд> к метапотребностям (82). Мы должны помнить, что само по себе понятие <удовлетворение потребности> на уровне метамотивов, или мотивов роста, трансцендируется, на этом уровне невозможно буквальное удовлетворение потребности. То же самое относится и к пониманию счастья, которое тоже может быть трансЦендировано на высших уровнях. То, что на более низких уровнях было удовлетворением, наслаждением или счастьем, здесь, на более высоких уровнях может трансформироваться в своего рода космическую печаль, грусть или отрешенное созерцание. На низших уровнях, на уровнях базовых нужд мы говорим, что мы движимы чем-то или отчаянно хотим чего-то, страдаем от нехватки чего-то, боремся за что-то или нуждаемся в чем-то, как например, когда нам нечем дышать или сильно болит голова. По мере того, ка"к мы поднимаемся на более высокие уровни потребностей, мы все чаще употребляем такие слова как <желание>, <стремление>, <предпочтение> или <вы-

бор>. Но на высших уровнях, на уровне метамотивации, и эти слова становятся неуместны, и мы начинаем говорить о любви, обожании, восхищении, воодушевлении, вдохновении, завороженности, очарованности.

Здесь же, на уровне метапотребностей, мы наверняка столкнемся с проблемой ограниченности нашего языка, с его неспособностью верно передать чувство правильности, долженствования, уместности, абсолютной справедливости нашей любви к тому, что по определению и сущности заслуживает и требует любви, что должно любить.

Все эти слова предполагают отдельность любящего человека и предмета его любви. Но где найти слова для описания любви и желания, когда отдельность преодолена, когда любящий во многом идентичен любимому, а желанное стало частью взыскующего? Как рассказать о слиянии желания и желанно сти?

Могу предложить вам описание этого в духе Спинозы, как трансценденцию

свободной воли во имя высшего детерминизма. Человек, взошедший на уровень метамотивации, свободно, счастливо и всем сердцем принимает детерминизм бытия. Человек соглашается и желает предначертанного ему не подневольно, не <эго-дистонично>, но с любовью и энтузиазмом. И чем ярче озарение, приведшее его на эти высоты, тем более <эгосинтонично> слияние свободной воли и детерминизма.

XXV

Высшие ценности требуют от человека, кроме субъективных переживаний, также и поведенческих реакций, требуют <торжества>.

Я полностью разделяю мнение Хешела (47, с. 117) о <торжестве>, которое он описывает как <акт выражения уважения или почтения к тому, в чем человек нуждается или что он чтит... Сущность торжества -привлечь внимание окружающих к возвышенным или священным аспектам жизни... Торжествующий человек стремится поделиться великим, приглашает вместе с ним поучаствовать в вечности>.

Нужно заметить, что высшие ценности не только вызывают прилив уважения у человека, не только несут ему радость, но также подталкивают его к экспрессивным поведенческим реакциям, которые легче поддаются

объективному исследованию, чем субъективные состояния и переживания.

Кроме того, в описании торжества можно заметить еще одно феноменологическое значение <чувства долга>. Торжествовать праздник встречи с высшими ценностями, прославлять их кажется настолько правильным, уместным и подходящим, что человек с удовольствием принимает на себя эту обязанность. Наверное, это наш долг перед высшими ценностями, мы обязаны хотя бы так отплатить им, это справедливо, правильно и естественно -

оберегать их, стремиться к ним, возвышаться до них, радоваться встрече с ними и праздновать ее.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

351

XXVI

Если мы научимся различать высшую реальность и реальность низших <нужд>, если мы на уровне языка предопределим различие между ними, нам удастся добиться известных преимуществ как в образовательной, так и в терапевтической практике.

Я нашел для себя очень полезным различать высшую реальность и реальность <нужд>, то есть различать вечное и <житейское>. Это полезно уже для того, чтобы жить полноценной жизнью, самостоятельно выстраивать ее стратегию и тактику, не ожидая, когда кто-то или что-то определит ее за Тебя. Повседневные хлопоты и спешка отвлекают от вечного и главного, и особенно это относится к молодым людям. Зачастую мы едва успеваем отщшкаться на внешние стимулы, на поощрения и наказания, на насущное, на боль и страхи, на требования других людей. И поначалу требуется особое, .предумышленное усилие, усилие ad hoc, чтобы обратиться к вещам сущностным и высоким, - человек начинает искать уединения, учится слушать музыку, ищет общения с хорошими людьми, рвется за город, к природе и т. п. Только накопив некоторый опыт общения с высшим, человек научается с легкостью, автоматически переселяться в высшую реальность, научается жить <унитивной> жизнью, <мета-жизнью>, <высшей жизнью>, уже не предпринимая сознательных усилий к тому.

Мне кажется полезным использовать особые слова для обучения людей лучшему осознанию высших ценностей, унитивному сознанию; нужно говорить с ними на особом языке, языке бытия, которым только и можно описать абсолютные факты бытия и высшую жизнь. Предлагаемый мною словарь пока несколько неуклюж, отдельные слова в нем могут вызывать раздражение, но он служит своей цели (85, Приложение 1). Он хорош хотя бы Тем, что был с успехом использован в качестве основы экспериментального исследования.

Хочу выдвинуть еще одну частную гипотезу. Как я могу судить по отдельным наблюдениям за высокоразвитыми, зрелыми личностями (за <металичностями>?), они на удивление легко и быстро находят общий язык друг с Другом, находят точки соприкосновения интересов именно в высших сферах и именно с помощью этого высшего языка, который я называю языком Бы"ПМ. В первом приближении это наблюдение лишний раз доказывает существование высших ценностей или ценностей Бытия, доказывает их непреложность и реальность, показывает, что они с легкостью постижимы одними людьми и не постижимы другими, позволяет выдвинуть гипотезу, что коммуникация с людьми, не постигшими высшей реальности, коммуникация полноценная и истинная возможна, но должна строиться на иных, менее высоких этажах осознания реальности.

Я пока не нашел способа проверить эту гипотезу. Меня сбило то, что некоторые люди уверенно пользуются лексиконом высшего, на самом деле не понимая, о чем говорят. Мне приходилось слышать множество авторитет-

ных суждений о музыке или любви от людей, которые никогда по-настоящему не умели чувствовать прекрасного.

Кроме того, у меня сложилось впечатление, что люди, нашедшие взаимопонимание на языке Бытия, испытывают друг к другу доверительные, почти интимные чувства. Глядя на таких людей, ощущаешь, что они исповедуют общие ценности и идеалы, заняты одним делом, чувствуешь родство их душ, даже предустановленную парность, некое <simpatico>.

XXVII

<Сущностная совесть> и <сугцностная вина> в конечном итоге также имеют биологические корни.

Сегодня большинство гуманистических ученых, следуя за Фроммом с его <человечной совестью> (37) и Хорни, переосмыслившей фрейдовское <супер-Эго> (50), согласились с мыслью, что кроме <супер-Эго> есть <сущностная совесть>, так же как и <сущностная вина>, которую следует рассматривать как заслуженное самонаказание за предательство своего подлинного <Я>.

Я полагаю, что тезис о биологической природе метамотивации в будущем прояснит и сделает более употребительными эти понятия.

Хорни и Фромм, возражая нарочитой тенденциозности фрейдовской теории инстинктов, поневоле преувеличили роль социального детерминизма и отвергли всякие варианты <биологизма> и <теории инстинктов>. Но,

если признать верной логику моих рассуждений, тем самым они допустили серьезную ошибку.

Биологические особенности человека вне всяких сомнений являются необходимым компонентом его <реального Я>. Быть собой, быть

естественным и спонтанным, быть аутентичным, проявлять идентичность - во всех этих посылах обязательно присутствует биологический момент, все они предполагают принятие человеком своей конституциональной, темпераментной, анатомической, неврологической, гормональной и инстинкте идно-мотивационной природы. Утверждая это, я продолжаю движение в том же направлении, в котором двигался Фрейд, я ни в чем не противоречу воззрениям неофрейдистов (не говоря уже о Роджерсе, Юнге, Шелдоне, Гольдштейне и прочих). На мой взгляд, я лишь ясно и конкретно формулирую то, к чему ощупью шел Фрейд, необходимость чего он смутно предчувствовал. Поэтому я склонен счесть это заявление этш-фрейдистским. Мне кажется, что-то подобное пытался выразить Фрейд своей теорией инстинктов. Я полагаю, что это заявление не противоречит концепции <реального Я> Хорни, а наоборот подтверждает ее и дополняет.

Если факты докажут справедливость этой, более биологической, интерпретации истинного <Я>, тогда у нас появятся новые основания для того, чтобы отличать невротическую вину от сущностной, проистекающей из осознания человеком своего предназначения и невозможности соответствовать ему.

Теория метамотивации: биологические корни высших ценностей

353

Но исходя из всего вышесказанного получается, что истинное <Я> должно включать в себя высшие ценности, или ценности Бытия. Только в таком случае можно предполагать, что обида, нанесенная правде, красоте, справедливости или любой другой высшей ценности, заставит человека испытать чувство вины, сущностной вины (мета-вины?), вины заслуженной, вины в биологическом смысле. В чем-то это похоже на боль. Боль сигнализирует нам, что нечто вредит нашему здоровью. И поэтому боль можно воспринимать как благо. Также и сущностная вина сигнализирует человеку, что нечто вредит его <Я>, когда он предает высшее. Человек страдает от чувства вины, и в определенном смысле он должен страдать, это страдание является благом для него. Такой <долг страдания> означает новое понимание <потребности в наказании>, которую теперь можно рассматривать позитивно, как желание <очиститься> посредством искупления (118).

XXVIII

Наш подход к высшим ценностям решает те же проблемы, решение которых брала на себя религия.

Человечество всегда стремилось к вечности и абсолюту, и мне кажется, что высшие ценности в какой-то степени могут служить этим целям. Онкрег se, они самостийны, они не зависят от прихотей человека. Они познаются, постигаются, но не изобретаются. Они трансчеловечны и трансиндивидуальны. Они внеисторичны. Их можно понять как своего рода совершенство, идеал. И в то же время они конкретны и воплотимы.

Но они и человечны в строго определенном смысле. Они не только свойственны, но и присущи человеку. Они требуют обожания, почтения, прославления, жертв. Они заслуживают того, чтобы ради них жить и умереть. Постижение их или слияние с ними приносит человеку величайшее счастье.

Бессмертие в этом контексте также приобретает совершенно определенный и понятный смысл - ценности, ставшие сутью человека, частью его <Я>, бессмертны, они продолжают жить после его смерти, то есть в определенном, очень понятном смысле человеческое <Я> трансцендирует смерть.

Подобным образом можно рассмотреть и иные функции, которые пытаются

исполнять религиозные институты. По-видимому, все или почти все понятия и переживания, которые принято считать религиозными, когда-либо описанные как религиозные как в теологических, так и в атеистических трудах, как в рамках западной, так и восточной культуры, могут быть включены в эту теоретическую структуру и могут быть выражены эмпирически.

Примечания

' Бихевиоризм - направление в психологии, которое зародилось первоначально в США как результат наблюдения над животными (Э. Торндайк, Дж. Уотсон). Бихевиоризм отказывается от рассмотрения субъективного мира человека в качестве предмета психологии и предлагает считать таковым поведение индивидуума (животного и человека) от рождения до смерти. Формула классического бихевиоризма: S -> R, т. е., зная стимул (S), действующий на органы чувств, можно предсказать реакцию (R), или же, зная реакцию (R), можно определить вызвавший ее стимул (S). Явный механицизм бихевиоризмапонимание поведения и сознания как совокупности сознаваемых нами состояний (бихевиоризм не отрицал наличия сознания - он не считал его предметом научного исследования) - сразу же вызвал серьезную критику со стороны многочисленных его оппонентов (гештальт-психологов, психоаналитиков и др.), которая повлияла на возникновение необихевиоризма. Представители последнего стали вставлять в схему S -> R промежуточные переменные (образ, цель, потребность и др.), т. е. ревизовать основные положения бихевиоризма. Вместе с тем в концепции оперантного бихевиоризма Б. Скиннера начиная с 30-х гг. XX в. возрождаются и усиливаются постулаты классического бихевиоризма. До 60-х гг. XX в. бихевиоризм и необихевиоризм занимали господствующее положение в американской психологии, оказав значительное влияние на формы и приемы терапии (бихевиоральная терапия, социально-психологические концепции (А. Бандура, Д. Тибо, Дж. Келли и др.)), методы обучения (программированное обучение), психология рекламы и т. п. Вместе с тем игнорирование бихевиоризмом социально-исторической обусловленности человеческого сознания и поведения, а также отождествление управления поведением личности с манипулированием ею вызвали критику в иных психологических концепциях, гуманистической, когнитивной психологии и др.

1 Психоанализ - влиятельное направление в психологии XX в. Часто обозначается как фрейдизм (по имени австрийского психотерапевта Зигмунда Фрейда). Психоанализ первоначально возник как метод изучения и лечения истерических неврозов. Результаты психотерапевтической практики, а также анализ различных явлений нормальной психической жизни - сновидений, ошибочных действий, остроумия - были проинтерпретированы Фрейдом как результат действия общих механизмов. Эти представления составили психологическое учение, в центре которого находятся бессознательные психические процессы и мотивация. Психоанализ рассматривает душевную жизнь с трех точек зрения: 1) динамической (как результат взаимодействия и столкновения различных психических сил); 2) <экономической> (энергетическая характеристика душевной жизни): 3) топической (структурная организация психики).

Впервые в едином теоретическом контексте были представлены проблемы движущихся сил душевной жизни человека, мотивов и влечений, смысловой и энергетической характеристик психики, ее структурной организации и психодинамики. С точки зрения Фрейда поведение человека подчинено двум принципам: <принципу удовольствия> (про-

Примечания

явление полового влечения) и <принципу реальности> (вызванному

требованиями общества подавлять сексуальные влечения). В результате столкновения этих принципов происходит вытеснение <неудовлетворенных влечений> в сферу бессознательного, откуда они и управляют поведением человека. Бессознательное проявляется в обмолвках, несчастных случаях, неврозах. Происходит также сублимация бессознательного - замещение запретных влечений социально приемлемыми действиями.

3 Гуманистическая психология - направление в современной западной, преимущественно американской, психологии, предметом изучения которого является целостный человек в его высших, специфических только для человека проявлениях, в числе которых развитие и самоактуализация личности, ее высшие ценности и смыслы, любовь, творчество, свобода, ответственность, автономия, переживание мира, психическое здоровье, глубинное межличностное общение, трансценденция и т. п.

Гуманистическая психология сформировалась как течение в начале 60-х гг. XX в., противопоставляя себя, с одной стороны, бихевиоризму, который критиковался за механистичность подхода к психологии человека по аналогии с психологией животных, за рассмотрение человеческого поведения как полностью зависимого от внешних стимулов, и, с другой стороны, психоанализу, критикуемому за представление о психической жизни человека как полностью определяемой неосознаваемыми глубинными влечениями и комплексами.

Гуманистическая психология, объединившая большую группу психологов, уже в 60-е гг. приобрела большой вес и получила название <третьей силы> в западной психологии.

Основрые принципы гуманистической психологии: 1) человек целостен и должен изучаться в его целостности; 2) каждый человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистические обобщения; 3) человек открыт миру, переживание человеком мира и себя в мире является главной психологической реальностью; 4) человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека; 5) человек обладает потенциями к непрерывному развитию и самореализации, которые являются частью его природы; 6) человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе; 7) человек есть активное, интенциональное, творческое существо.

Проблема движущих сил становления и развития личности, потребностей и ценностей человека получила раскрытие в работах А. Маслоу, В. Франкла, Ш. Бюлер. Ф. Баррон, Р. Мэй и В. Франкл подвергли анализу проблему свободы и ответственности. Трансценденция человеком своего бытия рассматривается при этом как специфически человеческая сущностная особенность (С. Джурард, В. Франкл, А. Маслоу). Проблематика межличностных отношений, любви, брака, сексуальных отношений, самораскрытия в общении рассматривается в работах К. Роджерса, С. Джурарда, Р. Мэя и др. В трудах А. Маслоу, С. Джурарда, Ф. Баррона, К. Роджерса разработаны представления о психологически здоровой, полноценно функционирующей личности. Недирективная психотерапия К. Роджерса и логотерапия В. Франкла относятся к числу наиболее распространенных психотерапевтических систем.

Также областью практического приложения гуманистической психологии является гуманистическая педагогика и социально-психологический тренинг, одним из зачинателей которого стал К. Роджерс. Успехи в этих областях определили социальную платфор-

Примечания

му гуманистической психологии, которая основана на утопической идее улучшения общества путем усовершенствования индивидуумов и межличностных отношений (А. Маслоу). Сегодня наметились тенденции частичной интеграции гуманистической психологии с психоанализом и необихевиоризмом.

4 Паранойя - разновидность бредового синдрома, характеризуется наличием систематического бреда изобретения, преследования, ревности.

5 Ценности и ценностная ориентация - в настоящее время в психологии нет корректного определения данного понятия. В зарубежной психологии существует большое многообразие в подходах к проблеме ценностей и ценностных ориентации личности. Зарубежные авторы рассматривают систему ценностей и ценностных ориентации либо в связи с эмоциональной сферой личности, либо в связи с интеллектом (мыслительным анализом, обобщением), либо выводят систему ценностей и ценностных ориентации из чувственного опыта личности. Это эмоциональная и рациональная трактовка ценностей. Существует также натуралистический, гуманистический, онтологический подходы к изучению системы ценностей. Ценности и ценностные ориентации рассматриваются с точки зрения их происхождения, как порождение культуры или элементы культуры, с точки зрения их функций для организма (функциональная концепция) и т. д.

' Механический детерминизм - принцип детерминизма означает, что психика определяется образом жизни и изменяется с изменением образа жизни. Механический детерминизм означает, что развитие определяется естественным отбором как биологический закон.

7 Степень самоактуализации - степень самореализации, т. е. наскол*ко полно человек реализует свои способности, возможности. А. Маслоу определяет самоактуализацию как <полное использование талантов, способностей, возможностей и т. п.>

8 Когнитивные и перцептивные способности - способности, связанные с процессом познания и восприятия, т. е. познавательные способности и способности восприятия.

9 Интервью - метод психологического исследования, как и все методы используется для более полного сбора интересующей исследователя информации, которая позволит составить целостное представление о конкретном объекте исследования. Интервью может выступать как хорошо сформулированные вопросы, ответы на которые помогут прояснить суть явления. Объектом исследования является отдельный индивидуум.

10 Проективные тесты, тесты достижений - метод Роршаха, ТАТ, тест мотивации достижения Хекхаузена и другие.

" Лонгитюдное исследование - метод продольного изучения. С помощью этого

метода психическое развитие человека изучается на протяжении ряда лет, иногда большей части жизни.

12 IQ - показатель интеллектуального развития. Определяется как отношение умственного возраста (термин А. Бине) к фактическому возрасту испытуемого.

" Экспериментальная группа - объект исследования. В качестве объекта психологического исследования может выступать человек, группа, общность людей или животных, являющаяся носителем психики, сообщество животных. В качестве предмета психологического исследования может быть взято огромное количество психических явлений

Примечания

и их сторон; психические свойства, состояния, процессы, функции, виды поведения, деятельности и общения, пространственные, временные и интенсивные характеристики отдельных явлений, взаимовлияния между ними, взаимосвязи между психическими и физиологическими явлениями и т. д. Экспериментальная группа есть одна часть выборки (например, группа лиц с успешной самореализацией или группа лиц, обладающих экстрасенсорными способностями), другую группу, часть выборки называют контрольной, ее составляют представители той части популяции, у которой данное качество отсутствует, выражено на среднем уровне, выражено, как у большинства людей. Обе эти группы - экспериментальная и контрольная, составляют выборку. Нередко сформировать экспериментальную группу труднее, чем контрольную. Чем меньше контрольная группа, тем больше должен быть суммарный объем выборки.

14 Корреляция - т. е. связь, как сильно взаимосвязаны
экспериментальные данные.

15 Биологический индивидуум - человек как вид, отдельный человек.

" Восприятие - своеобразное действие, направленное на обследование воспринимаемого объекта и на создание его подобия.

17 Психически здоровые индивидуумы - по А. Маслоу, люди с высокой степенью самоактуализации.

" Теория метамотивации - метамотивация касается поведения, вызванного потребностями и ценностями роста. По А. Маслоу, такого рода мотивация наиболее присуща самоактуализирующимся людям, у которых по определению удовлетворены более низкие потребности. Метамотивация часто принимает форму посвящения себя определенным идеалам или целям. Маслоу указывает, что метапотребности сильно связаны с фундаментальными потребностями, так что фрустрация этих потребностей вызывает <метапатологию>.

" Тест Роршаха - один из наиболее тонких инструментов психодиагностического исследования среди проективных методов. Он раскрывает структуру личности, включая аффективные и познавательные способности, выявляет спонтанные тенденции, формирующие основу личности. Широко используется в клинической практике. В психоневрологии используется с целью дифференциальной диагностики для выбора методов и оценки результатов лечения.

20 Мазохистские желания - желание боли, желание испытать боль.

21 Шизофрения - психическое заболевание, в результате которого у человека полностью разрушены вторичные процессы - механизмы контроля, рассудочного мышления, порядка, логики.

222 Теория психически здорового общества - по А. Маслоу, психологически здоровое общество благоприятствует наиболее полному развитию и реализации человеческих возможностей.

21 Теория социального синергизма - термин <синергия> первоначально был использован Рут Бенедикт, в значении: <социально-институциональные условия, способствующие слиянию эгоизма и альтруизма таким образом, что, когда я преследую свои "эгоистические" цели, я автономно помогаю другим, а коща я стараюсь быть альтруистичным, меня неминуемо ждет поощрение, словом, когда преодолевается дихотомия, противоречие между эгоизмом и альтруизмом>. Синергия, по А. Маслоу, обозначает

Примечания

степень межличностного объединенного действия и гармонии в обществе. Основная идея - общество с примитивной культурой, так же как и общество с высокоразвитой индустрией, основано на общей социальной тенденции, на тенденции преодоления противоречия между эгоизмом и бескорыстием у каждого отдельного члена общества.

24 Метамотивационные потребности - <метапотребности>, т. е. высшие ценности - по А. Маслоу, потребность в совершенстве, справедливости, красоте, правде.

25 Невроз - нервно-психическое расстройство, характеризуется проявлением чувства тревоги, собственной неполноценности, переживаниями, связанными с конфликтной психотравмирующей ситуацией и др. Среди неврозов выделяют неврастению, невроз страха, истерический невроз и невроз навязчивых состояний.

и Гештадып-психология - психологическое направление, существовавшее в Германии с начала 10-х до середины 30-х гг. XX века. Основные представители (М. Вертхаймер, В. Кёлер, К. Коффка) работали в Берлинском университете, поэтому гештальтпсихологию иногда называют Берлинской школой. В гештальт-психологии дальнейшее развитие получила проблема целостности, поставленная Австрийской школой, и был создан целостный подход к изучению психики и сознания. Согласно гештальт-психологии, для человека существуют два отличных друг от друга мира: мир наших ощущений, переживаний и мир физический, лежащий <за> переживаниями. Мир переживаний рассматривался как физиологическая реальность (процессы в мозге как результат отражения воздействий внешнего мира) и как психическая реальность, которые связаны между собой отношениями изоморфизма. Как результат, психологические законы сводились в гештальт-психологии к законам физиологии мозга. Само же сознание понималось как некое подвижное целое <поле>, каждая точка которого взаимодействует со всеми остальными. Единицей анализа <поля> выступает гештальт - как целостная, образная структура, несводимая к сумме составляющих его ощущений. Идеи гештальт-психологии впоследствии оказали большое влияние на развитие необихевиоризма, когнитивной психологии, отдельных направлений психологической практики, некоторых концепций межличностного восприятия.

27 Эвристичность мышления - по А. Маслоу, это творческое, креативное мышление, направленное на открытие нового.

21 Тест - инструмент психологического исследования, кратковременное задание, выполнение которого может служить показателем совершенства некоторых психических функций.

29 Абстрагирование - способность отвлекаться от данной конкретной ситуации и предугадать последствия, которые могут возникнуть в связи с данной ситуацией.

30 Валидность - показатель надежности, доброкачественности теста, характеризующий точность измерения исследуемого свойства.

31 Самосознание - осознание собственного Эго, осознанное отношение к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям. Образ <Я> - система представлений индивидуума о самом себе, в соответствии с которой он строит свое поведение, взаимоотношения с другими людьми.

32 Коммуникативные навыки - речевые, разговорные навыки; навыки общения с помощью языка.

Примечания

421

33 Самотрансценденция - т. е. трансценденция <эго>, сознательного <я>, иначе говоря, утрата самосознания, самоотчета и самоконтроля по типу диперсонализации. Она сродни самозабвенности, сопутствующей крайней степени концентрации внимания, поглощенности, завороженности.

34 Обсессия - у человека полностью исчезают внутренние сигналы, когда организм перестает предупреждать его об опасности.

35 Когнитивная потребность - потребность в познании.

3(Истерик - в основе патология, характеризуется повышенной внушаемостью, слабостью сознательной регуляции поведения, несоответствием между малой глубиной переживаний и яркостью их внешних выражений: громкие крики, мнимые обмороки, выразительные жесты по поводу незначительных, маловолнующих истерика событий.

37 Защитные механизмы - (по Фрейду):

1) механизм сублимации (в некоторой деятельности человек испытывает неудачу)- самоутверждение или саморегуляция личности через компенсаторную деятельность;

2) механизм вытеснения или забывания, когда <Я-образ> не соответствует реальности, он другой. Забывается намерение, результат травмирует, в основе тревога (закрыта ли дверь: перед этим ушла жена, дверь открыта);

3) механизм рационализма (это самообман) - обоснование собственного поведения и придание ему какого-то иного смысла (мать жестоко обращается с ребенком; она своего ребенка не любит, постоянно наказывает, а в <Я-образе> - хорошая мать);

4) перпептивная защита - осуществляется выборное восприятие информации. Травмирующая информация не воспринимается. Перцептивная защита может включиться и не выключиться, в этом случае нужна психотерапия;

5) уход - обеспечивает уменьшение количества контактов с травмирующей ситуацией (родители <слабых> учеников на собрания ходят реже);

6) замещения - травмирующая информация вошла в сознание, и, как следствие, человек недоволен собой, окружением, он зол. Он должен освободиться от внутреннего напряжения - включается механизм замещения (на работе поругался - снял напряжение);

7) механизм катарсиса - человек должен эмоционально отреагировать на некотором воображаемом объекте (например, в искусстве: подбирает музыку, картину и т. д.);

8) механизм сновидения;

9) механизм опоры, оговорок, ошибочных действий.

38 фобии - навязчивые идеи, страх.

39 Экстаз - состояние бредового счастья, верх блаженства.

w Невротик - эмоционально нестабильный, нервозный, неустойчивый, плохо адаптированный, раздражительный, подвержен гневу, испытывает недостаточное постоянство настроения.

41 ЛСД - психотропное, галлюциногенное вещество.

42 Саморефлексия - размышления и переживания по поводу собственных психических состояний и качеств.

43 Интеллектуальные способности - система всех познавательных способностей:

ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения.

44 Креативность - по Маслоу, этап вдохновенного творчества, процесс детализации творческого продукта и придания ему конкретной предметной формы.

45 Депрессия - психическое состояние. Внешние проявления: заторможена психическая деятельность, нарушена аффективная сфера. Крайнее проявление характеризуется полным отсутствием движения и речи.

'" Амбивалентность - состояние, вмещающее в себя в своеобразном сочетании два противоположных чувства.

47 Ригидная личность - характеризуется ограниченностью, боязнью своего подсознания. Различают когнитивную, аффективную и мотивационную ригидность. Аффективная и мотивационная ригидность проявляется в эгоцентризме и повышенной самооценке, в узости интересов, упрямстве и т. п.

48 Экзистенциональная психология - одна из ветвей гуманистической психологии. Представители: Л. Бинсванггер, М. Босс, Е. Минконвски, Р. Мэй, В. Франкл и др. Исходит из первичности бытия человека в мире, столкновение с которым порождает у каждого человека базовые экзистенциональные проблемы. Экзистенциональная психология изучает проблемы времени, жизни и смерти; проблемы свободы, ответственности и выбора;

проблемы общения, любви и одиночества; проблемы смысла и бессмысленности существования.

49 Потенции - нереализованные способности, возможности.

50 Онтопсихология - новая синтетическая дисциплина. Эта отрасль психологии включает в себя рассмотрение возрастных и дифференциальных аспектов развития на протяжении всего жизненного цикла человека. Предметом изучения является многогранность бытия человека, который проявляет себя как индивидуум и личность, как субъект деятельности и индивидуальность.

51 Условный рефлекс - приобретенный. Условные рефлексы индивидуальны и очень разнообразны. Различают классические и инструментальные условные рефлексы. Был введен и описан И. П. Павловым. Это временная связь, которая вырабатывается путем сочетания условного и безусловного раздражителя. Осуществляется высшими отделами головного мозга путем образования временных связей между определенными нервными структурами в индивидуальном опыте человека или животного.

52 Фрустрация - по Маслоу, это состояние расстройства, подавленности, противоположное переживаниям, свойственным человеку, осознающему перспективу. 5' Амнезия - отсутствие памяти.

54 Высшие потребности - по Маслоу, потребности в достижении лучшего, в уважении, в свободном самовопяощении, автономности, потребности поощрения, похвалы, доверия от окружающих, в уважении, любви и безопасности.

55 Сенситивный человек - особенно чувствительный к определенного рода влияниям окружающей среды.

56 Мотивация - в основе любой деятельности лежит мотив. Источником мотива являются потребности. <Немотивированная> деятельность - когда мотив скрыт от индивидуума. Деятельность может быть чаще всего полимотивированной, коща имеет в своей основе сразу несколько мотивов и направлена на удовлетворение одновременно нескольких потребностей.

Примечания

423

57 Мотивационная иерархия - по Маслоу: физиологические потребности (пища, сон и т. д.), потребность в безопасности, в любви, уважении; потребности самоактуализации, мета-потребности - потребность в красоте, правде, справедливости.

38 Плато-познание - по Маслоу, спокойное и умиротворенное состояние, вызываемое встречей с высшими ценностями; в отличие от взрыва эмоций и бурной работы вегетативной нервной системы при высшем переживании, плато-познание всегда содержит в себе поэтический и познавательный компонент, чего нельзя сказать с уверенностью о высших переживаниях, ограниченных рамками сугубо эмоционального познания. Платопознание в большей степени подвластно человеку, чем высшее переживание, оно сродни тихой радости и счастью, вроде тихой радости матери, часами с удовлетворением и удивлением наблюдающей за играющим малышом, погруженной в мечты и не решающейся до конца поверить своему счастью.

59 Репрезентативность выборки - т. е. представительность выборки, степень соответствия выборочных показателей генеральным параметрам. В выборке должны быть представлены различные слои и категории генеральной совокупности (ограниченное множество элементов), это может быть достигнуто при случайном отборе.

По части никогда не удается полностью охарактеризовать целое, всегда остается вероятность того, что оценка генеральной совокупности на основе выборочных данных недостаточно точна, имеет большую или меньшую ошибку. Такие ошибки, связанные с перенесением результатов, полученных при изучении выборки, на всю генеральную совокупность, называют ошибками репрезентативности выборки.

60 Темперамент - индивидуально-своеобразная, природно обусловленная совокупность динамических проявлений психики.

? Ортодоксальная психология - не просто отрицает более высокие сущностные мотивы, она даже приближается к отрицанию человеческой природы как таковой.

й Экстериоризация (буквально превращение во внешнее) - т. е. внешнюю, предметную деятельность нужно рассматривать как превращение во внешнюю внутренней, психической деятельности.

й Трансперсональная психология - основатель Энтони Сутич определил как исследование <предельных способностей и возможностей человека>. Трансперсональная психология выходит за пределы человеческого самоопределения, самоакгуализации.

" ТАТ - впервые был описан в 1936г. Кристиной Морган и Генри Мюрреем в психологической клинике Гарвардского университета. ТАТ - тематический апперцептивный тест, направлен на исследование личности и прежде всего раскрывает доминирующие мотивы, чувства, конфликты. Тест в состоянии выявить скрытые мотивы, которые испытуемый не хотел бы открывать или

не осознает их. ТАТ наиболее эффективен в комбинации с тестом Роршаха.